



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Case

Shelf

HARVARD UNIVERSITY



LIBRARY

OF THE

PEABODY MUSEUM OF AMERICAN
ARCHAEOLOGY AND ETHNOLOGY

TRANSFERRED FROM
Museum of Comparative Zoology
Rec. March 15, 1933

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIII, выпускъ 2-й.

Т Р У Д Ы
ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

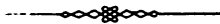
КНИГА 3. Выпускъ 2.

ЗЫРЯНЕ И ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Сочиненіе Клавдія Лопова.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА.

подъ редакціею Н. А. ПОПОВА.



МОСКВА.

Типографія С. П. Архикова, на Кисловѣ, близъ Никитскаго монастыря, въ собственномъ домѣ.
1874.

Императорскаго Общества Любителей Естественнаго, состоящаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.

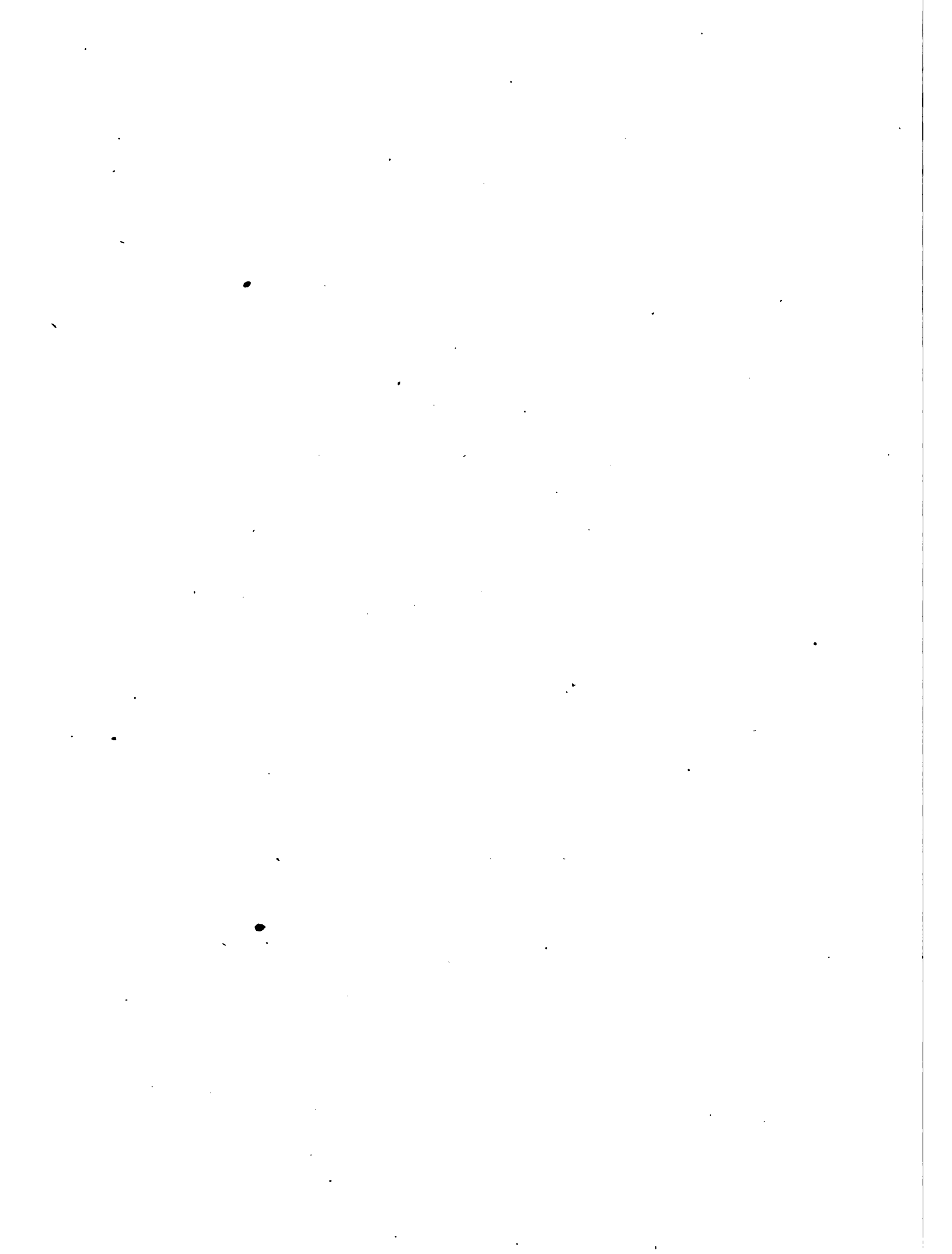
З Ы Р Я Н Ё

И

З Ы Р Я Н С К І Й К Р А Й .

Сочиненіе

Члена Общества Н. А. Попова.



О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.		Стр.
Предисловіе	У.	ГЛАВА IV. ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ.	
ГЛАВА I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ. Мѣстность, нынѣ занимаемая Зырянами.—Слово «Зыряне»—русское.—Собственное названіе Зырянъ.— Мѣсто, занимаемое ими въ семьѣ Финскихъ народовъ.—Число ихъ.—Обширность территоріи, которую они занимали въ древности.—Слово «Москва» — зырянское.— «Кучко» (бояринъ) — тоже.— Названія разныхъ урочищъ во внутреннихъ губерніяхъ.— Близость зырянскаго языка къ языку Финновъ прибалтійскихъ.—Сходство названій урочищъ въ нынѣшнемъ Зырянскомъ краѣ и недавно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ Вологодской губерніи.—Сходство послѣднихъ съ нѣкоторыми собственными именами во внутреннихъ губерніяхъ:—слова «Ростовъ», «Кострома», «Муромъ» или «Мурома».—Постепенное служеніе чуждой территоріи:—Москва и Кучко; Весь на Кубенскомъ озерѣ; чуждскіе землевладѣльцы по р. Вагѣ; Пермь въ Котласѣ; село Межогъ	1.	«Устьвымъ» г. Михайлова.— Мнѣніе о происхожденіи Зырянъ.—Толкованіе слова Біармія.— Знакомство съ Зырянами Новгородцевъ и Норманновъ.—Разсказъ Гюряти Роговича.— Власть Москвы.—Св. Стефанъ Пермскій.— Приготовленіе его къ проповѣди.— Обстоятельства, облегчившія успѣхъ проповѣди: поддержка Вел. Князя; несостоятельность древней пермской религіи; предварительная пропаганда Новгородцевъ.—Начало проповѣди: Пырась; Гамъ; Устьвымъ.— Посрамленіе Папа и торжество христіанства.— Хиротонія Св. Стефана въ санъ епископа.— Результаты его дѣятельности.—Зырянскія письма и переводы Св. Стефана.— Судьба ихъ.— Учрежденіе школъ и судьба ихъ.— Кончина Св. Стефана.—Преемники его: Исаакій; свв. Герасимъ, Питиримъ и Іона; Филофей.— Дальнѣйшая судьба Пермской епархіи	21.
ГЛАВА II. ПРОЦЕССЪ ОБРУСВНІЯ ТЕПЕРЬ РУССКОЙ ЧАСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ. Вступленіе.— Встрѣча племенъ славянскаго и чуждскаго.— Нравственная несостоятельность послѣдняго.— Обрусѣніе Чуди главнымъ образомъ совершалось путемъ мирной колонизаціи.—Населеніе нижнихъ частей Вычегды обрусѣло совершенно мирнымъ образомъ.— О завоеваніи, въ прямомъ смыслѣ, остальной части Вологодской губерніи молчать лѣтописи.—Примѣръ правомѣрнаго пріобрѣтенія чуждскихъ земель Новгородцами.—Частные случаи насильственныхъ захватовъ: преданія о томъ; археологическія находки; земляныя укрѣпленія; бранныя слова и преданіе объ основаніи Халевскихъ приходовъ.— Незначительность непріязненныхъ стычекъ.—Неспособность Чуди къ матеріальному сопротивленію: разсыпанность и разрозненность ея.— Смѣшеніе крови.— Порядокъ обрусѣнія.— Какими путями проникали Русскіе въ Вологодскую губернію?	5.	ГЛАВА V. КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРАЯ. Астрономическое положеніе.— Границы.— Пространство.—Общій видъ страны.—Геологическій взглядъ.— Почва.— Гидрографическій очеркъ: рѣки, озера и болота.— Климатъ и метеорологическія наблюденія.— Вліяніе климата на здоровье.— Мѣстныя метеорологическія примѣты	30.
ГЛАВА III. МАТЕРІАЛЬНЫЙ И ПРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ. Предки Зырянъ не знали прочной осылости.— По крайней мѣрѣ не имѣли прочныхъ жилищъ.— Вопросъ объ отношеніи Чуди къ Зырянамъ.— Древніе Зыряне не занимались хлѣбопашествомъ.— Питались сырыми мясомъ и рыбой.— Ъли мясо лошадей и бѣлокъ.— Не употребляли соли.—Родовой бытъ.—Отсутствіе гражданскихъ отношеній.— Семейный бытъ.— Равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ.— Умыканье и вѣно.— Посланіе Митрополита Симона и умищество.— Преданіе о происхожденіи Вогуличей.— Древняя религія Зырянъ.— Заключеніе	12.	ГЛАВА VI. КАРТИНЫ ПРИРОДЫ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ. Общій видъ страны. Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. Кашперова.— Путешествіе г. Мельникова къ Синдорскому озеру.— Первая поѣздка на Удору неизвѣстнаго автора.— Дороги.— Заключеніе	34.
		ГЛАВА VII. ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ. Ископаемыя: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, соль, точильный камень, антрацитъ, нефть, доманникъ, сердоликъ, гранитъ, гипсъ и пр.— Растенія.— Животныя	41.
		ГЛАВА VIII. ФИЗИЧЕСКІЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ЗЫРЯНЪ. Наружность Зырянъ вообще.— Ростъ.— Цвѣтъ волосъ.— Узкоглазость.— Выраженіи оціономіи.— Крѣпость тѣлосложенія.— Умственныя способности.— Религіозность.— Любовь къ родинѣ.— Отсутствіе нищенства.— Гостепріимство.— Честность.— Другія добрыя качества.— Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. А. Попова.— Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ.— Недостатокъ цѣломудрія.— Лѣность.— Невѣжество.— Сутяжничество и истительность.— Вещливость.— Мнимые пороки	45.

	Стр.		Стр.
ГЛАВА IX. ЗЫРЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.		ГЛАВА XIII. ЗВѢРІННЫЕ И ПТИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.	
Зырянскія грамматики. — Характеристика алтайскихъ языковъ. — Нарѣчія Зырянскаго языка. — Его бѣдность. — Отзывы о его благозвучіи. — Переводы съ русскаго. — Народная поэзія. — Пѣсни. — Непонятное произведеніе зырянскаго слова. — Два образца зырянскаго творчества. — Преданія. — Связки. — Загадки. — Заключеніе . . .	53.	Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей. Переселеніе бѣлки. — Сорта ея. — Цѣны. — Количество добычи. — Зайцы. — Горностаи. — Олени. — Лисицы. — Прочіе звѣри: Рыбчики. — Количество добычи. — Куропатки. — Тетери. — Водяная дичь. — Лѣсованья. — Охотничьи партіи. — Охотничья провизія. — Ружья. — Собаки. — Матка. — Отправленіе на охоту. — Нарты. — Пывзаны и щамы. — Производство охоты. — Пины. — Лыжи. — Ловушки. — Возвращеніе по домамъ. — Второе лѣсованье. — Особенности охоты на другихъ птицъ и звѣрей: охота на рыбчиковъ; на оленей. — Заговоръ на петли. — Гоньба. — Охота на медвѣдей. — Охота на лисицъ. — Выкоряка ихъ. — Заключеніе . . .	71.
ГЛАВА X. ВѢРОВАНІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЗЫРЯНЪ.		ГЛАВА XIV. РЫБОЛОВСТВО И ДРУГІЕ ПРОМЫСЛЫ.	
Характеръ зырянскихъ вѣрованій. — Лѣшіи. — Водяной. — Книжиора. — Домовой. — Сусѣдо. — Овиный. — Банный. — Ортъ. — Колдуны. — Еретники. — Чавидчусь. — Порча. — Вѣдьмы. — Гаданья. — Предразсудки. — Объясненія явленій природы . . .	57.	Стерлядь. — Семга. — Способы рыбной ловли: въ заплетье кужами; крыленами. — Два способа ловли въ курьяхъ. — Ловля сырпомъ. — Разныя другіе промыслы: разработка Брусной горы; разныя работы на заводахъ; доставка дрѣвъ для Сереговскаго завода; судостроеніе и бурлачество; заработки въ Петербургѣ; лѣсопромышленность; ремесла	78.
ГЛАВА XI. ДОМАШНІЙ БЫТЪ И ОБЫЧАИ.		ГЛАВА XV. ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ БРАѢ.	
Распределеніе народонаселенія. — Величина и наружность деревень. — Городъ Устьсысольскъ. — Постройки. — Одежда. — Пища. — Родины. — Воспитаніе. — Браки. — Похороны. — Праздники. — Уселеніи. — Братчина. — Бани	60.	Торговые капиталы. — Лавочная торговля. — Торжки. — Ярмарки. — Чердынскіе купцы. — Развозная торговля. — Коммисіонеры. — Мѣстные кулаки	80.
ГЛАВА XII. ХЛѢБОПАШЕСТВО, ОГОРОДНИЧЕСТВО И СКОТОВОДСТВО.		ГЛАВА XVI. ОБЩІЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЫДУЩАГО . . .	82.
Общій взглядъ на земледѣліе въ Зырянскомъ краѣ. — Печора, Вишера и верховья Вычегды. — Удора. — Вымскій край. — Южная половина Зырянскаго края. — Степень урожая. — Ячень, рожь, овесъ и пшеница. — Ленъ и конопля. — Обработка полей. — Порядокъ пользованія землями. — Работники. — Помочи. — Половинки. — Особый земледѣльческій приѣмъ. — Огородныя овощи: картофель, капуста, рѣпка, рѣпа, лукъ. — Скотоводство: рогатый скотъ, овцы, лошади, свиньи. — Домашнія птицы	67.		

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ числа такъ называемыхъ инородцевъ, обитающихъ въ Россіи, едва-ли не всѣхъ менѣе извѣстны Зыряне. Между тѣмъ этотъ народъ по своимъ особенностямъ, обусловливаемымъ его происхожденіемъ и своеобразнымъ вліяніемъ природы заселенной имъ огромной и, въ свою очередь, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной страны,—заслуживаетъ изученія и извѣстности, быть можетъ, болѣе, нежели многія разноплеменные группы, разбросанныя по сѣверовостоку европейской части нашего отечества.

Кромѣ того, Зыряне все болѣе и болѣе расширяющимися шагами идутъ по пути къ окончательному обрусѣнію. Не говоря уже о томъ, что каждый годъ, если не каждый день, на многіе десятки и даже сотни единицъ сокращается и безъ того не многочленная сумма зырянской народности, и что то-тамъ, то-здѣсь, одна вслѣдъ за другой, стираются племенные черты ея,—даже прирожденный цвѣтъ, лежащій на цѣлой совокупности зырянскаго народа, постоянно и быстро линяетъ подъ вліяніемъ многообразныхъ и со всѣхъ сторонъ дружно дѣйствующихъ причинъ; — и уже не за горами то время, когда слово «Зыряне» лишится живаго содержанія и будетъ достояніемъ исторіи. Но и исторія наслѣдуетъ лишь пустой звукъ, если въ современной литературѣ не останется слѣдовъ этого пока живаго, но безъ шума и огласки угасающаго народа.

Нельзя сказать, что о Зырянахъ было мало писано. Напротивъ, въ 30-ти большихъ томахъ неофициальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей разсѣянно весьма много болѣе или менѣе обширныхъ статей, касающихся этого народа и населенной имъ мѣстности. Но во 1-хъ всѣ онѣ до того отрывочны, что даже вмѣстѣ взятыя не обнимаютъ предмета во всей его полнотѣ и притомъ, имѣя не рѣдко характеръ случайныхъ, торопливыхъ и неоснованныхъ на твердомъ предварительномъ ознакомленіи съ дѣломъ, замѣтокъ, не чужды ошибокъ, противорѣчій, а иногда и вымысловъ; а во 2-хъ, — и это главное — Вологодскія Губернскія Вѣдомости такъ мало распространены и такъ мало цѣнятся своими исключительно обязательными подписчиками, что полный экземпляръ этого изданія уже теперь болѣе, нежели библиографическая рѣдкость: даже въ архивѣ редакціи нѣтъ такого экземпляра; — вслѣдствіе чего почти все написанное о Зырянахъ рано или поздно можетъ быть невозвратно утрачено, если не будетъ воспроизведено въ болѣе прочномъ изданіи.

Мы провели нѣсколько лѣтъ впечатлительнаго дѣтства близъ самой границы заселенной Зырянами мѣстности; послѣ того не одинъ разъ проѣзжали по этой мѣстности въ разныхъ направленіяхъ; находились въ сношеніяхъ съ множествомъ лицъ, по-долгу жившихъ между Зырянами, и даже съ природными Зырянами; и наконецъ черезъ наши руки прошла не одна сотня официальныхъ и неофициальныхъ бумагъ, статистическихъ таблицъ и т. п., касающихся Зырянъ и Зырянскаго края: однимъ словомъ, при помощи собственныхъ наблюденій и разспросовъ другихъ лицъ, мы скопили значительный запасъ разнородныхъ свѣдѣній объ этомъ народѣ.

Въ виду того, что мы сказали сей часъ о необходимости неотложно сдѣлать общедоступными всѣ, касающіяся Зырянъ и Зырянскаго края, свѣдѣнія, было-бы для насъ не прости-тельно, если-бы мы оставили про себя то, что успѣли узнать объ этомъ предметѣ сами, а также и то, что могли почерпнуть изъ источниковъ, которыми развѣ не многіе имѣютъ случай пользоваться.

Сказаннымъ объясняется цѣль нашего труда, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляется и составъ его. Мы не имѣемъ въ виду написать монографію, которая-бы обнимала предметъ равномерно со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ. — Прежде всего выполнение столь обширной задачи пока не возможно: одно систематическое изслѣдованіе природы огромной страны потребо-вало-бы усилій многихъ специалистовъ. Но въ этомъ пока нѣтъ и не отложной надобности: мы достигнемъ своей цѣли, если въ нашей монографіи будетъ отмѣчено: во 1-хъ все то, что въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени можетъ исчезнуть, какъ напримѣръ явленія, относящіяся къ области этнографіи и метеорологіи въ самомъ обширномъ смыслѣ этихъ терминовъ; во 2-хъ все то, что имѣетъ современный, такъ сказать практической интересъ, какъ наприм. свѣдѣнія о мѣстонахожденіяхъ рудъ и другихъ ископаемыхъ, о наружномъ видѣ страны и производительныхъ силахъ природы; и въ 3-хъ все то, что касается древностей и исторіи Зырянъ, какъ напр. преданія и необнародованные памятники древней письменности. Остальное мы изложимъ въ самомъ сжатомъ видѣ: таковы свѣдѣнія о флорѣ и фаунѣ Зырянскаго края, объ орошающихъ его водахъ и т. п. Мы не будемъ также распространяться о движеніи населенія, хотя этотъ предметъ и относится къ области этнографіи; потому что съ одной стороны метрическія книги всегда будутъ доступны изслѣдователю, а съ другой—мы не желаемъ слишкомъ увеличивать объемъ нашего труда.

Само собой разумѣется, что мы оставляемъ за собой право пользоваться, кромѣ выше названныхъ, и другими источниками, когда того потребуеть существо дѣла.

Такъ какъ содержаніе нашего труда, при всей его сжатости, разнообразно, то мы дѣлимъ его на главы, предпосылая каждой подробный перечень ея содержанія.

Г Л А В А I

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Мѣстность, нынѣ занимаемая Зырянами. — Слово «Зыряне» — русское. — Собственное названіе Зырянъ. — Мѣсто, занимаемое ими въ семьѣ описанныхъ народовъ. — Число ихъ. — Обширность территоріи, которую они занимали въ древности. — Слово «Москва» зырянское. — «Кучко» (бояринъ) тоже. — Названіе разныхъ урочищъ во внутреннихъ губерніяхъ. — Близость древнезырянскаго языка къ языку финновъ прибалтійскихъ. — Сходство названій урочищъ въ нынѣшнемъ зырянскомъ краѣ и недавно обрусѣвшихъ мѣстностяхъ, Вологодской губерніи. — Сходство послѣднихъ съ нѣкоторыми собственными именами во внутреннихъ губерніяхъ: — слова «Ростовъ», «Кострома», «Муромъ» или «Мурома». — Постепенное суженіе чудской территоріи: — Москва и Кучко, Весь на Кубенскомъ озерѣ, чудскіе землевладѣльцы по р. Вагъ, Пермь въ Котласѣ, село Мезогъ.

Обширный сѣверовосточный край Вологодской губерніи (весь Устьсысольскій уѣздъ и двѣ трети Яренскаго) и смежная съ нимъ часть Мезенскаго уѣзда, Архангельской губерніи ¹⁾ заняты инородцами, которыхъ лингвисты причисляютъ къ финскому племени и которые у русскихъ извѣстны подъ именемъ *Зырянъ*.

Слово «Зыряне» — русское. Корень его «зыря» съ производными «зырить», «вызырить» и т. д., до сихъ поръ еще употребляется въ чисто русской части Вологодской губерніи, имѣнно въ Кадниковскомъ уѣздѣ. «Зырей» тамъ называютъ человѣка, много чего нибудь выпивающаго: «все вызырилъ — мнѣ не оставилъ: экой зыря!» ²⁾. Въ Сольвычегодскѣ между мальчишками

употребляется бранная прибаутка: «Зыря-баря! Кашу ѣла, дыра пропрѣла», утратившая уже, впрочемъ, ясный смыслъ. — Поэтому надобно полагать, что слово «Зырянинъ» произошло отъ укоризненнаго прозвища, даннаго Русскими части того народа, который въ древности извѣстенъ былъ подъ названіемъ «Перми». (Савельевъ (*Мухамм. Нумиз. стр. № III*) говоритъ, что Пермь слово финское и значить «украина»; но ни одинъ изъ финскихъ народовъ не называетъ ни себя пермью, и при томъ украиною, ни своихъ соплеменныхъ сосѣдей этимъ именемъ). Такъ и теперь жителей Сольвычегодска сосѣди называютъ «ершеѣдами», Устюжанъ — «красноязыками», Вологжанъ — «телятниками» и т. п. Это слово, какъ официальное названіе народа, стало употребляться не ранѣе XVIII столѣтія, потому что въ рукописяхъ, относящихся къ болѣе отдаленному времени, оно не встрѣчается. Правда, упоминаются иногда какіе-то Сурьяне, Сыряне, Сырьяне, Серьяне, (безъ сомнѣнія, варианты названія одного и того же народа) ³⁾; но это не синонимы Перми и Зырянъ, потому что приведенные въ одной старинной рукописи алфавиты пермскаго и сурьянскаго языковъ существенно разнятся между собою: въ послѣднемъ есть буквы, соответствующія нашимъ «Ф» и «Х», тогда какъ въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ звуковъ, обозначаемыхъ ими ⁴⁾. Кромѣ того въ путешествіи

¹⁾ Предупреждаемъ читателей, что предметъ нашего труда главнымъ образомъ составляютъ Зыряне, обитающіе въ Вологодской губерніи, и что о незначительной части этого народа, извѣстной подъ именемъ Ижемцевъ, которые, въ числѣ около 7000 душъ обоего пола, занимаютъ смежную съ Вологодскою губерніею часть Мезенскаго уѣзда Архангельской, мы будемъ говорить только тогда, когда это позволитъ источникъ, и когда, при томъ, заключающіеся въ такихъ источникахъ данныя имѣютъ общій интересъ. — Теперь же вообще замѣтимъ, что Ижемцы отличаются, и довольно рѣзко, отъ остальныхъ Зырянъ и нарѣчій, и образомъ жизни, и характеромъ: они славятся оленеводствомъ, которымъ не занимаются прочіе Зыряне; отличаются предприимчивостью и способностью къ торговлѣ — качествами, которыми не обладаютъ ихъ соплеменники Вологодской губерніи; и наконецъ, нравы ихъ утратили ту простоту, которая рѣзко мечется всякому, кто наблюдаетъ бытъ Зырянъ Вологодскихъ. Объ Ижемцахъ см. Максимова «Годъ на сѣверѣ».

²⁾ Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1866 года № 16, «Историко-статистическія замѣтки о разныхъ частяхъ Кадниковскаго уѣзда.»

³⁾ Тамъ-же, 1850 г. № 4: «Устьвымъ» г. М. Михайлова.

⁴⁾ Тамъ-же, № 14. Подробнѣе въ примѣчаніи 124.

Пугумена Данила говорится, что въ Иерусалимѣ онъ христосовался съ православными *христіанскими* и *сурьянскими*; слѣд. сурьянами, вѣроятно, называли встарину Сирійцевъ. Г. Кичинъ производитъ слово «Зыряне» отъ зырянскаго «суръ» (любимый напитокъ Зырянъ, почти тоже, что наше пиво), не придавая впрочемъ, догадкѣ своей серьезнаго значенія, и говорить, что «Зырянинъ» значитъ много пьющій пиво. Хотя такое производство, по результату, и близко подходитъ къ нашему, но это ни что иное, какъ случайность⁵⁾.

Сами себя Зыряне называютъ «Коми-войтыръ», когда говорятъ о цѣломъ народѣ и «Коми-мортъ», когда рѣчь идетъ объ одномъ человѣкѣ—зырянинѣ. Всѣ попытки объяснить филологически значеніе общей тому и другому выраженію половины «Коми» пока не привели къ удовлетворительнымъ результатамъ. Утверждаютъ, напримѣръ, что родственные Зырянамъ Остяки и Манцы называютъ ихъ «Саранъ-Кумъ», и что остяцкое «кумъ», а слѣд. и «коми», значитъ человѣкъ⁶⁾; но столь незначительное созвучіе словъ «кумъ» и «коми» едва ли даетъ право считать ихъ тождественными. Представляя специалистамъ, близко знакомымъ и съ зырянскимъ и остяцкимъ языками, разрѣшить наше сомнѣніе, замѣтимъ только, что по зырянски человѣкъ называется «мортъ», (въ именительномъ множественномъ «мортъ-ясь»), и слѣдовательно если «коми» значитъ тоже «человѣкъ», то выраженіе «коми-мортъ» будетъ лишенымъ смысла плеоназмъ. Правда, г. Михайловъ переводитъ его «человѣкъ-людинъ», но такой переводъ имѣетъ всѣ признаки натяжки,⁷⁾ игры словъ, и едва ли мы допустимъ болѣе произвола, если остяцкое «саранъ» примемъ за искаженіе русскаго слова Зырянинъ и выраженіе «Саранъ-Кумъ» переведемъ «зырянскій человѣкъ».—Слово «войтыръ» состоитъ изъ двухъ совершенно понятныхъ зырянскихъ корней: «вой»—ночь, сѣверъ или сѣверный, ночной⁸⁾ и «тыръ» — полонъ, полный, и поэтому «Коми-войтыръ» значитъ коми, наполняющіе сѣверную, ночную страну. Другими словами, «Коми-мортъ» соответствуетъ нашему «русскій человѣкъ», а коми-войтыръ—«Сѣверные русскіе». Безспорно то, что словомъ «коми» Зыряне обозначаютъ особую народность, и именно ту, которая въ древности была извѣстна подъ именемъ пермской; такъ какъ въ памятникахъ нашей древней письменности пермскій народъ иногда называется «Коминами»⁹⁾. Въ настоящее время Пермь также, какъ и Зыряне, называютъ себя Коми, а Пермскую губернію, въ которой они обитаютъ,—«Ком-му»,

т. е. земля Коми¹⁰⁾. Кроме того зная, что Зыряне, Пермь и Вотьяки говорятъ почти однимъ языкомъ,¹¹⁾ и имѣютъ весьма сходные обычаи, мы можемъ болѣе, нежели съ вѣроятностію утверждать, что народность Коми составляютъ эти три народа, и что всѣ другія древнія названія разныхъ частей страны, населенной нынѣ Зырянами, какъ-то: Печора,¹²⁾ Вишера, Емцы и др. суть географическіе термины: такъ называлась Пермь или, пожалуй, нынѣшніе Зыряне, жившіе по р. Печорѣ, Вишерѣ и Выми (Вымь по зырянски Емъ-ва.) Такого-же свойства и собственное названіе Зырянъ—«Коми-войтыръ», т. е. Сѣверные Комины: эпитетомъ «войтыръ» Зыряне различаются отъ тождественныхъ съ ними южныхъ Коминовъ, т. е. Пермьковъ и Вотьяковъ. Съ нашимъ взглядомъ на происхожденіе слова «войтыръ» не соглашается только г. А. Поповъ на томъ основаніи, что Зыряне живутъ не къ сѣверу, а къ сѣверозападу отъ Пермьковъ¹³⁾; но ясно, что это авторская придирка къ слову. Г. А. Попову хотѣлось во что-бы то не стало доказать, что Зыряне переселились въ нынѣшнее мѣсто ихъ жительства или съ р. Сухоны или изъ Сольвычегодскаго уѣзда; но онъ не обратилъ вниманія на то, что и по отношенію къ Сухонѣ, а тѣмъ болѣе къ Сольвычегодскому уѣзду, этотъ народъ живетъ не прямо на сѣверѣ, а на сѣверовостокѣ.

Въ семьѣ финскихъ народовъ Зыряне, вмѣстѣ съ Пермьками и Вотьяками, какъ мы сейчасъ видѣли, составляютъ особую группу, которую лингвисты называютъ Біармскою или Пермскою; ближайшая къ ней группа—Угрская, которую составляютъ Остяки, Манцы и Вогуличи; далѣе слѣдуетъ Болгарофинская, состоящая изъ Мордвы и Черемисы; и наконецъ Западнофинская—собственно Финны, Эсты, Ливы и Лапландцы.—Нѣкоторые къ послѣдней группѣ причисляютъ и Мадьяровъ; но этотъ народъ, какъ мы думаемъ, основываясь на историческихъ извѣстіяхъ о переселеніи его въ среднюю Европу, скорѣе долженъ быть причисленъ къ Угрской группѣ (Ungaren, Угры, Югра, т. е. нынѣшніе Остяки¹⁴⁾).

Въ настоящее время всѣхъ Зырянъ считается до 91,000 душъ обоюго пола, именно: въ Устьсысольскомъ уѣздѣ 65,000 д. (въ томъ числѣ 31,000 д. муж. пола и 34,000 жен. п.), въ Яренскомъ 19,000 д. (9,000 д. м. п. и 10,000 д. ж. п.) и въ Мезенскомъ 7,000 д. об. п.¹⁵⁾.

¹⁰⁾ См. примѣч. 6.

¹¹⁾ Тамъ-же, 1865 г. № 23: «Зырянскій языкъ», И. Куратова.

¹²⁾ Мы пишемъ и будемъ писать *Печора*, потому что такъ всѣ пишутъ, хотя сами Зыряне печерскіе говорятъ *Печэра* (Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 33 «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи», г. Ю. Волкова).

¹³⁾ Волг. Губ. Вѣдом. 1848 г. № 23: «Мнѣніе о происхожденіи Зырянъ и очеркъ нѣкоторыхъ свойствъ ихъ», г. Попова.

¹⁴⁾ См. примѣч. 11,

¹⁵⁾ Цифры Зырянскаго населенія Вологодской губерніи взяты изъ

⁵⁾ Тамъ-же, 1866 года № 6: «Пѣзвда въ Устьсысольскѣ».

⁶⁾ Тамъ-же, 1870 года № 14: «Устьвымъ» г. Михайлова.

⁷⁾ Тамъ-же.

⁸⁾ Въ зырянской рѣчи существительное, стоящее передъ другимъ существительнымъ, замѣняетъ наше прилагательное качественное.

⁹⁾ Волг. Губери. Вѣд. 1853 г. № 34: «Село Лена» г. Устюжанина.

Итакъ число Зырянъ невелико; но ими заселено весьма обширное пространство;—въ древности-же, конечно, подъ другими названіями, они занимали чуть не цѣлую сѣверную половину Европейской Россіи.

Замѣчательно, что слово «Москва» свободно объясняется даже нынѣшнимъ зырянскимъ языкомъ. Оно какъ и большая часть зырянскихъ названій урочищъ, образовалось изъ двухъ корней: «мось» и «ва»¹⁶⁾. «Мось» значитъ корова, а «ва»—вода или рѣка, преимущественно большая. (Средней величины рѣка называется по зырянски «ю», что значитъ также и «пей»). Звукъ «к» бѣглый, и употребляется при соединеніи двухъ словъ, когда первое изъ нихъ кончается на «с» или «ш»; такъ напр. соответствующія нашимъ падежамъ видоизмененія слова мось:—мось-ось,—мось-ыдъ выговариваются «мѣскось», «мѣскыд.» и т. п. По этому слово «Москва» значитъ коровья вода или коровья рѣка. По свойству зырянскаго языка, существительное, стоящее передъ другимъ существительнымъ замѣняетъ прилагательное, напр. «мортъ-юръ» значитъ человѣческая голова, хотя обѣ половины этого выраженія имени существительныя.—Такое толкованіе слова не натяжка, и не случайность; потому что и въ настоящее время конструкція названій всѣхъ почти зырянскихъ рѣкъ точно такая-же: Ель-ва—молочная рѣка, Синь-ва—ржавая рѣка, Вѣль-ю—лошадиная рѣка, Льомъ-ю—черемуховая рѣка и т. д.—Самое имя древняго владѣльца Москвы, такъ называемаго боярина «Кучко»,—зырянское. Чистый корень этого слова, какъ намъ кажется, вышелъ уже изъ употребленія у Зырянъ; но что онъ существовалъ въ древности,—не подлежитъ никакому сомнѣнію: нѣсколько рѣчекъ называются «Кучъ», а зырянскія названія урочищъ всегда имѣютъ ясный смыслъ. Окончаніе «ко», быть можетъ, русская частица, прибавленная къ слову для того, чтобы придать ему значеніе уменьшительнаго, примѣровъ чему много: Варяжко, Василько, Володимерко и т. д.—Впрочемъ, даже полное слово Кучко и теперь употребляется, и значитъ «ударъ», «ушибы». Хотя это собственно повелительное наклоненіе глагола, но такая форма рѣчи въ зырянскомъ языкѣ иногда употребляется вмѣсто имени существительнаго; напр. «ю», какъ мы уже видѣли, значитъ и «рѣка», и «пей».—Точно также и въ русскомъ языкѣ есть прозвища: угадай, сорви-голова и т. п.—По Нестору, въ его время, въ окрестностяхъ озеръ Ростов-

лыми числами: для Устьемосольскаго уѣзда изъ памятной книжки Вологодской губерніи на 1865 и 1866 годы, а для Яренскаго — изъ статьи г. В. Аврамова «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», помещенной въ Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 30. Первая показана за 1864 г., а послѣдняя по 10-й ревизіи.—Число Зырянъ въ Мезенскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи взято изъ статьи г. Куратова: «Зырянскій языкъ» (см. примѣч. 11).

¹⁶⁾ Въ словѣ «мось» мы надъ буквою «о» поставили значки ("), потому что Зыряне произносятъ этотъ звукъ съ легкой помощью гортани, какъ французское «оси».

скаго и Переяславскаго, слѣд. по близости Москвы, обиталъ чудской, т. е. финскій народъ Меря; слѣд. весьма можетъ быть, что Кучко былъ туземный владѣтельный князекъ или родоначальникъ, у котораго русскій князь отнялъ земли. Не въ боевой-ли схваткѣ убитъ Кучко, а не за какую-то дерзость передъ княземъ, какъ говорятъ это *позднѣйшіе* лѣтописцы, передавшіе конечно уже искажившееся отъ времени преданіе? Иначе для чего бы было русскому князю строить во владѣніяхъ своего боярина городъ? Города строились тогда только для защиты отъ непріятелей и въ покоренныхъ странахъ; да намъ неизвѣстно и примѣровъ казни бояръ и конфискаціи ихъ частнаго имущества за дерзости въ ту эпоху. — Наконецъ, интриги противъ сына Юрія Владиміровича Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго со стороны Кучковичей, не проще ли объяснятся, если мы допустимъ, что это были обиженные и лишенные наслѣдственныхъ владѣній инородцы?

Подобно слову «Москва» и въ названіяхъ многихъ другихъ урочищъ внутреннихъ губерній, каковы Волга, Ока и др., можно до сихъ поръ распознавать зырянскіе корни, несмотря на то, что они искажены отъ времени и неспособности русскихъ правильно выговаривать зырянскія слова, а также на то, что нынѣшній зырянскій языкъ уже не таковъ, каковъ былъ въ глубокой древности. Многіе слова и обороты рѣчи, встрѣчающіеся въ памятникахъ зырянской письменности, даже сравнительно не слишкомъ древнихъ, напр. въ переводѣ священныхъ книгъ св. Стефана (конца XIV в.) и въ одной рукописи XVII в.,¹⁷⁾ самимъ Зырянамъ теперь непонятны.

По свидѣтельству норвежскаго авантюриста Отера, жители Біарми, т. е. Перми, предки нынѣшнихъ Зырянъ, въ IX в. говорили почти однимъ языкомъ съ Финляндцами¹⁸⁾, а теперь только специалистъ по части финской филологіи можетъ найти сходство въ языкахъ этихъ одноплеменныхъ народовъ. Достоверность свидѣтельства Отера подкрѣпляется опять поразительнымъ сходствомъ названій урочищъ въ окрестностяхъ Финскаго залива и по берегамъ Балтійскаго моря съ одной стороны и въ Зырянскомъ краѣ—съ другой. Вотъ любопытныя сближенія этихъ названій, сдѣланныя авторомъ статьи «Село Лена»¹⁹⁾. «Устьвымъ» (древнее село въ «Яренскомъ уѣздѣ, бывшая резиденція Пермскихъ епископовъ), говоритъ онъ, «по старинному «Старая Пермь», «а по зырянски «Эм-дынъ», или правильнѣе, «Эм-ва-«дынъ»²⁰⁾. Какъ Эм-ва, такъ и погосты Гамъ, Ваш-

¹⁷⁾ Волг. Губ. Вѣд. 1850 г. № 20: «Устьвымъ» г. Михайлова, и 1855 г. № 50: «Старинныя русскія и пермскія названія мѣсяцевъ», г. П. К.—ва.

¹⁸⁾ Истор. Госуд. Росс. т. 1 гл. 2-я, по изд. 1830 г.

¹⁹⁾ Волг. Губ. Вѣд. 1853 г. № 34: «Село Лена» примѣч. 1.

²⁰⁾ Не вдаваясь въ длинныя здѣсь неумѣстныя филологическія объясненія, мы просто замѣтимъ, что авторъ ошибочно полагаетъ, будто Зыряне Устьвымъ неправильно называютъ «Эмдынъ», вмѣсто «Эмвадынъ».

«гордь, Вен-дын-га и др. напоминаютъ Эмъ или Ямъ (Нѣше) прибалтійскую; напр. Гамъ напоминаетъ такой-же Гамъ, упоминаемый Олеаріемъ и находившійся не-далеко отъ г. Нарвы ²¹⁾, Вжгортъ, что былъ на мѣстѣ «нынѣшняго Ревеля, а Венденга ²²⁾ указываетъ на Вен-денъ, что въ Лифляндіи». Къ этому мы прибавимъ, что известная рѣка Эмбахъ, быть можетъ, отмеченная Эм-ва (Вымъ), тѣмъ болѣе, что нѣмецкое «Vach» и Зырянское «ва» служатъ для выраженія однородныхъ понятій-ручей и рѣка, или вода; при томъ же сосѣдніи съ Эмбахомъ рѣки Нарова, Нева и другія имѣютъ чисто зырянскія окончанія.

Еще болѣе можно сдѣлать сближеній между названіями урочищъ въ нынѣшнемъ Зырянскомъ краѣ и въ обрусѣвшей части Вологодской губерніи съ одной стороны и этихъ послѣднихъ съ названіями разныхъ городовъ и рѣкъ во внутреннихъ губерніяхъ—съ другой. Такъ напр. Вотча есть и въ Устьсысольскомъ уѣздѣ и въ Кадниковскомъ (въ послѣднемъ обитала ²³⁾ Вель), Ерга—и въ Яренскомъ и въ Устюжскомъ, Соденьга—и въ Устьсысольскомъ и въ Вельскомъ; есть озеро Воже въ Новгородской губерніи, близъ границы Вологодской, а въ Яренскомъ уѣздѣ одна волость называется Воже-ма.—Точно также Ростовъ,—этотъ старый городъ въ землѣ Мери—напоминаетъ два Ростова въ Вельскомъ уѣздѣ. Замѣчательно, что оба послѣдніе окружены мѣстностями, носящими чисто зырянскія названія и по близости того и другаго находятся Ракуды, да и близъ Ростова Ярославскаго и одного изъ Вельскихъ есть рѣка Устья.—Окончанія словъ Кострома и Муромъ (Мурома) чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются въ Вологодской губерніи: Судрома, Чадрома съ Вельскомъ уѣздѣ, Катрома—въ Вологодскомъ или Кадниковскомъ (точно не помнимъ) и т. д.; между тѣмъ какъ корни того и другаго слова чисто зырянскіе: «кось»—значитъ сухой, а «му»—земля.

Всѣ эти сближенія мы сдѣлали, повторяемъ, не для того, чтобы доказать, что въ древности цѣлая половина Европейской Россіи была занята именно Зырянами, но что всѣ встрѣчаемыя у Нестора названія чудскихъ народовъ суть мѣстныя, географическія названія почти однородной этнографической массы, отдѣльныя части которой еще не успѣли выработать себѣ особыхъ, болѣе или менѣе своеобразныхъ фizioномій. Мы не можемъ не указать здѣсь на любопытное сближеніе собственныхъ названій Зырянъ, Мордвы, Мери и Муромы; сдѣланное г. Мельниковымъ, который говоритъ: «Мери или

точнѣе Мѣри по мордовски и на другихъ чудскихъ языкахъ, значить человекъ. Откуда и племенные ихъ названія: Мери, Морд-ва, Муром-ма, Мари или Мори (такъ зовутъ себя Черемисы), Мортъ-Коми (такъ зовутъ себя Зыряне). Удъ-мортъ, (такъ зовутъ себя Вотяги). (Русс. Вѣстн. 1867 г. кн. 6, Очеркъ Мордвы, стр. 491. Примѣч.) По Ешевскому (Вѣстн. Евр. 1866 томъ I. Русская колонизація, стр. 229), южные Финны, Мордва, называютъ себя Удъ-Муртъ.

Какъ бы то ни было предѣлы территоріи, нѣкогда занятой предками Зырянъ, быстро, уже на глазахъ исторіи, суживались. Мы видѣли, что въ половинѣ XII в. при Юріѣ Владиміровичѣ Долгорукомъ Москва имѣла своего чудскаго владѣльца—Кучко.—Въ половинѣ XIII в. чудской народъ, Вель, еще встрѣчается на сѣверовосточномъ берегу Кубенскаго озера ²⁴⁾.—Черезъ полстолѣтія, именно около 1315 г., чудскіе князьки уступаютъ свои земли по р. Вагѣ въ нѣнѣшнихъ Вельскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ новгородскому боярину Своеземцеву ²⁵⁾ Въ 1335 г. Чудь живетъ въ

²⁴⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1847 г. № 32: «О посѣщеніи Бѣлавинской пустыни, находящейся на Каменномъ островѣ», г. Н. Титова.

²⁵⁾ Обозначая здѣсь 1315 годъ, мы основываемся на перепечатанной въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ изъ Архангельскихъ (см. первыя за 1855 годъ № 41) статьѣ подъ заглавіемъ «Важная область». Въ статьѣ этой между прочимъ сказано, что «Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ купилъ (1315 г.) всю Вагу у чудскихъ князьковъ Азияи, Харатамча Родда и Игнаца за 20,000 бѣлохъ и 10 рублей». Намъ помнится, что грамота, въ которой заключается сдѣлка о землѣ между Своеземцевымъ и Азияи съ товарищами, напечатана въ какомъ-то специальномъ изданіи, но въ какомъ именно, въ сомнѣнію, указать не можемъ. Но можемъ утверждать, что она не купчая, а отступная со стороны Азияи и пр., что Азияи и пр. въ ней титулуются не князьками, а «старостцами»; что сумма (20,000 и 10 рубл.) въ ней тамъ и наконецъ, что она относится не къ 1315, а къ 1312 году. Послѣднее обстоятельство для насъ не важно. Въ бывшей у насъ подъ рукою одной рукописи второй изъ князьковъ называется не Харатамчемъ, а Караганцемъ, а третій не Роддою, а Ровдою. Мы думаемъ, что въ статьѣ «Важная область» вѣрались опечатки; такъ какъ во 1-хъ въ Зырянскомъ языкѣ нѣтъ звука х и Зыряне всегда замѣняютъ его «г»; такъ напр., они говорятъ не грѣхъ, а грѣгъ, не—хочу, а—кочу и т. д.; и во 2-хъ г. П. Вороновъ въ одномъ изъ примѣчаній къ статьѣ своей «Устьянскія волости или Устье въ Вельскомъ уѣздѣ» (Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 36), третьяго контрагента Своеземцева называетъ не Роддою, а Ровдою-же, цитируя «Записки Мясникова», помѣщенные въ 9—12 №№ Сына Отечества за 1827 годъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ, именно въ той части его, которая была приобретена Своеземцевымъ, (Благовѣщенское Волостное Правленіе удѣльнаго вѣдства) есть въ настоящее время Ровдинское общество. Вообще въ обрусѣвшихъ уже частяхъ Вологодской, Архангельской и даже Пермской губерній многія мѣстности носятъ имя Ровды: такъ—въ Вельскомъ уѣздѣ есть деревня Ровдино. (Слово Ровда слѣдуетъ произносить, какъ сказано въ примѣч. 16); въ Устюжскомъ уѣздѣ—Ровдинскій станъ (волость); на одномъ изъ острововъ, находящихся въ низовьѣ Сѣв. Двины—Ровдина гора; въ Пермской губерніи—Ровдинскіе заводы и т. д. Все это заставляетъ думать, что слово «Ровда» было не собственное имя, а обозначало какое-нибудь званіе. Намъ известно нѣкое, что «Ровда»

²¹⁾ Карамзинъ гамскую землю находитъ въ сѣверу отъ финскаго залива, (см. Ист. Госуд. Росс. т. VI, гл. 6-я по изд. 1830 г.

²²⁾ Нѣсколько выше авторъ пишетъ это слово «Вен-дын-га». но Венденга ближе къ чисто зырянскому произношенію.

²³⁾ Самое слово «вель» существуетъ въ нынѣшнемъ зырянскомъ языкѣ: такъ называется четверть (аршина), а производное отъ корня «вель»—же—«вельмыдъ» значитъ вѣрный.

окрестностях Чухломского озера (*Чт. въ Импер. Общ. Ист. и древн. Росс. 1865. кн. 4. Разсужд. Прот. Диева: Какой народъ въ древнія времена населялъ Бостромскую губернію*). Еще через полстолѣтія, именно въ 1376 г. просвѣтитель Зырянъ, св. Стефанъ встрѣтилъ ихъ уже при впаденіи Вычегды въ сѣверную Дви-

ну²⁶). Наконецъ теперь раздѣльная черта между русскимъ и зырянскимъ населеніемъ Вологодской губерніи проходитъ черезъ с. Межогъ, Яренскаго уѣзда—200 верстъ выше устья Вычегды. Замѣчательно, что одна половина этого села говоритъ по русски, а другая еще по зырянски. Такъ было, по крайней мѣрѣ въ 1853 г.²⁷).

Г Л А В А II.

ПРОЦЕССЪ ОБРУСЕНІЯ ЧУДСКАГО НАСЕЛЕНІЯ ТЕПЕРЬ РУССКОЙ ЧАСТИ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Вступленіе.—Встрѣча племенъ славянскаго и чудскаго.—Нравственная несостоятельность послѣдняго.—Обрусѣніе Чуди главнымъ образомъ совершалось путемъ мирной колонизаціи.—Населеніе нижнихъ частей Вычегды обрусѣло совершенно мирнымъ образомъ.—О завоеваніи, въ прямомъ смыслѣ, остальной части Вологодской губерніи молчатъ лѣтописи.—Примѣръ граждански-правомѣрнаго приобрѣтенія чудскихъ земель Новгородцами.—Частные случаи насильственныхъ захватовъ: преданія о томъ; археологическія находки; земляныя укрѣпленія; бранныя слова и преданіе объ основаніи Халевскихъ приходовъ.—Незначительность непріязненныхъ стычекъ.—Неспособность Чуди къ матеріальному сопротивленію: разсыянность и разрозненность ея.—Смѣшеніе крови.—Порядокъ обрусѣнія.—Какими путями проникали Русскіе въ Вологодскую губернію.

Хотя вопросъ о томъ, какимъ образомъ чудскіе обитатели теперь русскихъ уѣздовъ Вологодской, Архангельской и отчасти Олонецкой губерній уступили мѣсто славянскому племени, повидимому не имѣетъ прямой связи съ предметомъ нашего труда; но мы не можемъ обойти его: потому что разрѣшеніе его дастъ возможность заблаговременно установить болѣе или менѣе вѣрный взглядъ на свойство того положенія, въ какомъ нынѣ находятся Зыряне, какъ народъ, быстро идущій по пути къ окончательной уtratѣ своей племенной особенноти.—Кромѣ того, вопросъ этотъ, на нашъ взглядъ, имѣетъ непосредственный и общій интересъ.

Исторія и наблюденія новѣйшихъ путешественниковъ обнаружили много видовъ исчезновенія разныхъ народностей. Такъ Обры, по словамъ Нестора, вымерли отъ какой то эпидемической болѣзни; древніе обитатели острова Мадеры и Вестъ-индскаго архипелага—истреблены Европейцами; Эльзасъ, по завоеваніи его французами, чуть не на нашихъ глазахъ усвоилъ себѣ французскую національность; Галлы, Бритты и др., слившись съ завоевателями, образовали самобытные этнографическіе типы; древніе Греки ассимилировали себѣ множество иноплеменниковъ, распространивъ между ними свою цивилизацію и міросозерцаніе; въ эпоху разрушенія Римской имперіи цѣлыя народы, тѣснимые пришельцами, оставляли мѣста своего жительства и переселялись въ другія страны; и наконецъ существуетъ мнѣніе, что и нынѣ красные индійцы и океанійскіе островитяне вымираютъ отъ одного знакомства съ Европейцами, такъ какъ, заимствуя у по-

слѣднихъ одни гибельные пороки, не усваиваютъ ничего полезнаго.—Спрашивается: подъ который изъ исчисленныхъ сейчасъ видовъ исчезновенія народностей подходитъ исчезновеніе Заволоцкой чуди?—Чистые элементы въ природѣ и въ исторіи человечества рѣдко, и едва ли встрѣчаются. Такъ и здѣсь: чудское племя исчезло, усвоивъ славяно-русскую народность подъ вліяніемъ нѣсколькихъ причинъ, именно вслѣдствіе племеннаго превосходства русскаго народа, въ связи съ одной стороны съ завоеваніемъ, а съ другой—съ смѣшеніемъ крови. Мы, впрочемъ, слову «завоеваніе» не придаемъ того строгаго смысла, въ какомъ оно обыкновенно употребляется; ибо подчиненіе чудской земли русскому владычеству совершилось почти безъ матеріальнаго насилія и кровопролитія, и выразилось первоначально въ установленіи торговыхъ связей съ туземцами, а потомъ уже наложеніи на нихъ дани.—То, что чудское населеніе Заволочья не выселилось и не вымерло, мы увидимъ ниже, а пока замѣтимъ, что и теперь число жителей Вологодской губерніи въ зырянскихъ уѣздахъ отъ народненія увеличивается гораздо значительнѣе, нежели въ русскихъ²⁸).

Гдѣ первоначально встрѣтились племена славянское и чудское—вопросъ едва ли разрѣшимый, и для насъ посторонній.—Положительно извѣстно, что финское племя вышло изъ глубины сѣверной Азіи, такъ какъ, по языку, оно принадлежитъ къ алтайской расѣ, а славянское двигалось въ Европейскую Россію съ береговъ Дуная. Исторія застаеъ передовые посты того и другаго племени

есть уменьшительное отъ Родіонъ; мы знаемъ также, что Зыряне гораздо болѣе, нежели Русскіе, коверкаютъ христіанскія имена: но трудно допустить, что отъ этого, рѣдко даваемого имени произошло такъ много названій урочищъ въ отдаленныхъ одна отъ другой мѣстностяхъ.

²⁶) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 39: «Село Лена» (въ примѣчаніи) г. Устюжанина. Впрочемъ, при Герберштейнѣ по Шекскѣ жители говорили на *своемъ языкѣ*, хотя знали и по русски.

²⁷) Тамъ-же, и см. примѣч. 19.

²⁸) Волог. Губ. Вѣдом. 1858 г. № 15: «Сельско-хозяйственный очеркъ Волог. губерніи,» г. Н. Бунакова.

въ бассейнѣ верховьевъ Оки и по направленію отъ верховьевъ Днѣпра къ озеру Ильмену²⁹⁾. Явно, что уже въ это время, т. е. тогда, когда въ Новгородѣ и Киевѣ зачиналось русское государство, Славяне тѣснили Финновъ: новгородскіе Славяне глубоко и узкой полосой проникли во-внутрь чудской территоріи. И не мудрено! Финны вышли изъ Азіи дикими или полудикими трибами, а Славяне несли съ собою съ береговъ Дуная зачатки цивилизаціи. Въ слѣдующей главѣ мы представимъ фактическія доказательства того, что жизнь предковъ нынѣшнихъ Зырянъ не имѣла сколько нибудь упругаго нравственнаго содержанія. Чудская народность, если можно здѣсь употребить такое выраженіе, была мягкою, не выработавшею строгихъ очертаній формою, способною, безъ всякаго сопротивленія, принять какое угодно живое содержаніе, и—приноровиться къ нему.

Изъ этого уже о ригіи можно заключить, что обрусѣніе чуди могло совершиться безъ механическаго и даже нравственнаго насилія; но такое предположеніе не трудно оправдать и фактами, а именно:

1) Та часть Пермскаго народа, которая занимала нижнее теченіе Вычегды, именно пространство между селеніями Котласомъ и Межегомъ, обрусѣла уже послѣ XIV вѣка (1376 г.). За этотъ періодъ времени мы имѣемъ множество лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, касающихся упомянутой мѣстности, и рѣшительно ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ даже косвеннаго намека на какія нибудь насильственные или искусственныя мѣры Русскихъ и русскаго правительства къ искорененію въ ней пермской народности; она не подвергалась даже набѣгамъ новгородскихъ ушкуйниковъ, которые, впрочемъ, и нигдѣ не имѣли завоевательнаго характера и были направлены не только на Пермь и другихъ инородцевъ, но и на русскихъ.

2) Точно также молчатъ лѣтописи и о занятіи русскими той части чудскаго заволочья, которая обрусѣла до 1376-го года; между тѣмъ какъ въ нихъ очень часто встрѣчаются извѣстія о походахъ русскихъ князей на разноименныхъ обитателей Балтійскаго поморья, на Мордву и Камскихъ Болгаръ.

и 3) Напротивъ того есть несомнѣнные, формальныя доказательства того, что огромныя пространства чудскихъ земель приобрѣтались Русскими посредствомъ гражданскихъ—правомѣрныхъ сдѣлокъ: Таково отчужденіе едва ли не цѣлой Важской области, т. е. нынѣшнихъ Шенкурскаго (Архангельской губерніи) и Вельскаго (Вологодской) уѣздовъ Азикою, Караганцемъ, Ровдою и Игнатцемъ въ пользу новгородскаго боярина Своеземцева, о чемъ мы уже упоминали³⁰⁾.

Но утверждая, что русская народность водворялась въ предѣлахъ чудской территоріи главнымъ образомъ

²⁹⁾ Самое слово «Ока» имѣетъ корень зырянскій, отъ котораго происходятъ нынѣ уменьшительное «отикъ» — одинъ (маленькій), а также «ок—мысь» — девять (десять безъ одного).

³⁰⁾ См. примѣч. 25.

путемъ мирной колонизаціи, мы обязаны указать и отдѣльные случаи насильственныхъ захватовъ новгородскими авантюристами болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земли, хотя, повторяемъ, такіе захваты никогда не имѣли международнаго характера и дѣлались частными лицами безъ санкціи и инициативы со стороны господина Великаго Новгорода.

Преданія прямо говорятъ, что Русскіе имѣли непріязненные стычки съ туземцами. Нѣкоторыя изъ этихъ преданій обнародованы въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ³¹⁾, а нѣкоторыя мы лично слышали въ городахъ Никольскѣ и Вельскѣ. Въ Никольскѣ рассказываютъ, что въ окрестностяхъ этого города въ незапамятныя времена жилъ не русскій, поганый народъ, который *прятался* отъ нашихъ въ ямахъ, прикрытыхъ сверху землею; наши-же обрушивали эти крыши на поганыхъ и тѣмъ душили ихъ. Остатки такихъ ямъ указывали около нынѣшняго кладбища, близъ самаго города. Въ Никольскѣ поганый народъ этотъ прямо называется Чудью съ эпитетомъ «бѣлоглазая». Въ Вельскѣ-же рассказываютъ только, что нѣкогда тамъ жилъ какой-то поганый народъ *подъ землей*. Основательность такихъ преданій, въ существѣ сходныхъ между собою, подтверждается множествомъ ямъ, которыя находятся не только около Никольска и Вельска, но и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Въ Яренскомъ уѣздѣ эти ямы называются *чудскими могилами*³²⁾. Въ Вельскѣ нѣкоторые считаютъ ихъ заброшенными смолокурными печами; но это явная натяжка скептиковъ, потому что такіе памятники древности встрѣчаются часто, и, по большей части, тамъ, гдѣ никогда смолокурение не существовало. Но главное, въ ямахъ и около нихъ иногда попадаются, какъ напр. въ Вельскѣ и въ зырянскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, разныя древнія вещицы, именно: такъ называемыя «мѣдныя коньки», мѣдныя-же бусы и др. мелочи, явно не русскаго происхожденія³³⁾.

Кромѣ преданій, «могилъ» и находокъ мелкихъ вещей, есть и крушые, хотя и нѣмые, памятники чудской старины, прямо свидѣтельствующіе о непріязненныхъ столкновеніяхъ аборигеновъ Вологодской губерніи съ Русскими: это земляныя укрѣпленія, значеніе которыхъ опять объясняется преданіями и археологическими находками. Въ Вологодской губерніи очень много древнихъ земляныхъ укрѣпленій, иногда, какъ и во внутреннихъ гу-

³¹⁾ Волог. Губерн. Вѣдом.: за 1845 г. № 11: «Объ основаніи 4-хъ Халевскихъ приходовъ.» г. Кичина; 1847 г. № 37: «Тарномскій городокъ,» г. К. Свистунова, и 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ о г. Устьсысольскѣ и его уѣздѣ» г. П. Богданова и ивъ. др.

³²⁾ Тамъ-же, 1853 г. № 46: «Прогулка по Вязниногосту,» г. П. Богданова.

³³⁾ Можетъ быть «коньки,» бусы и т. п., равно какъ и «чудскія могилы» находятся и кромѣ названныхъ въ текстѣ мѣстностей; но мы говоримъ то, что намъ лично извѣстно.—Темъ должно сказать и о самыхъ преданіяхъ о Чуди.

бернiяхъ, называемыхъ «*осыпями*»; но народная молва сильно склонна относить происхожденiе ихъ къ смутному времени начала XVI вѣка, или ко времени набѣговъ Казанскихъ Татаръ и Вятчанъ; такъ что только тщательныя раскопки такихъ памятниковъ старины могутъ дать возможность положительно объяснить, когда они насыпаны. Впрочемъ есть и такiя насыпи, которыя не требуютъ раскопки для того, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что онѣ древне-чудскаго происхожденiя. Въ 260 верстахъ отъ города Вельска, въ Дмитрiевскомъ приходѣ, на мысу, образуемомъ рѣками Мехреньгой и Устьей (Мехреньга лѣвый притокъ Усти, а Устья-Ваги), между лѣвыми берегами той и другой, посреди отовсюду открытой, голой низменности, возвышается очевидно искусственная насыпь. Насыпь эту со всѣхъ сторонъ окружаетъ болотина, зимой не замерзающая, а лѣтомъ — не высыхающая; такъ что мы только въ самую сильную засуху, и то съ большимъ трудомъ, могли добраться до нея. Это кругловатый валъ, имѣющiй сажень 30 и ни какъ не болѣе 40 въ поперечникѣ; отвѣсную высоту его съ наружной стороны, по глазомеру, мы опредѣляемъ въ двѣ сажени; внутренность имѣетъ видъ плоскодонной, весьма неглубокой впадины, поросшей лѣсомъ; на четырехъ сторонахъ вала, въ краяхъ его, замѣтны углубленiя, имѣющiя видъ сѣздовъ или спусковъ наружу. — Проѣзжая мимо этой мѣстности въ сообществѣ крестьянъ не изъ ближнихъ селенiй, мы получили отъ нихъ только свѣдѣнiе, что это огромный домъ о четырехъ воротахъ, въ которомъ давно когда-то жили поганые люди, — Чудь; что этихъ людей и съ самымъ домомъ засыпали землею русскiе; что мальчишки достаютъ здѣсь «мѣдныя коньки», которыми играютъ; и что въ недавнее время (въ 1850-хъ или даже 1860-хъ годахъ), мѣстные крестьяне думали — было отыскать въ поганомъ мѣстѣ кладъ, и уже начали рыть канаву, но старики сказали, что тутъ засыпанъ поганый народъ, такъ если раскопать — «не хороший духъ пойдетъ». Хотя мы и не могли получить ни одного «конька», потому что не имѣли возможности отрывать ихъ, да и не знали, гдѣ они достаются, и при томъ въ сосѣднихъ селенiяхъ не нашли ни одного чело-вѣка (это было во время сѣнокоса); однако же послѣ всего того, что мы сейчасъ сообщили, едва-ли можно усомниться въ томъ, что описанный нами памятникъ древности свидѣтельствуетъ о враждебныхъ, непрiятельскихъ столкновенiяхъ чудскихъ туземцевъ съ Русскими пришельцами: самая насыпь, и «мѣдныя коньки», и преданiя говорить за-одно.

Какъ на слѣды непрiязненныхъ отношенiй между двумя племенами, мы должны указать также и на нѣкоторыя, теперь потерявшiя смыслъ, иногда русскiя, а иногда явно иноязычныя выраженiя, употребляющiяся въ разныхъ мѣстностяхъ Вологодской губернiи. Такъ, мы уже упоминали о томъ, что въ Сольвычегодскѣ слово «зыря» имѣетъ укоризненное значенiе, что въ Николь-

скомъ уѣздѣ, а также Устюжскомъ, слово «бѣлоглазый» — эпитетъ Чуди — употребляется, какъ брань; теперь-же сообщимъ весьма любопытный и имѣющiй особенное значенiе фактъ.

Въ Никольскомъ уѣздѣ, въ Халевскихъ приходохъ, жители которыхъ считаютъ себя прямыми потомками новгородскихъ выходцевъ, употребляютъ въ видѣ брани, выраженiя «курать-сига, коэра лига». Записавшiй преданiе ³¹⁾ о поселенiи здѣсь Новгородцевъ отставной солдатъ

31) Въ № 11 Вологод. Губерн. Вѣд. 1845 г. помѣщена статья г. Е. Кичина «Объ основанiи четырехъ Халевскихъ приходовъ Никольскаго уѣзда», составленная по рукописи отставнаго солдата Страхова. Мы приводимъ эту статью цѣликомъ съ пропускомъ лишь нѣкоторыхъ въ дѣлу фразъ: «Въ далекiя отъ насъ времена на правомъ берегу р. Юга, 27 верстъ ниже г. Никольска, жилъ шведскiй народъ, который въ то время звали Чудью, а по нынѣшнему зовется Чухнами *) Когда Чудь на время или вовсе оставила это поселенiе, новгородскiе выходцы поселились на другой сторонѣ Юга, построивъ деревянный молитвенный храмъ во имя Великомученика Георгiя. Эта гора, поднимаясь вверхъ сажень на 15, влается въ рѣку и оканчивается крутымъ въ ней скатомъ; подобныя-же крутизны находятся и съ другихъ сторонъ горы, и только на сѣверной имѣются большiя отлогости. Чудь не замедлила явиться въ обиталищу Новгородцевъ и злобно подступала къ нему; Новгородцы катили съ горы бревна, ваменя, лили горячую воду на поганую Чудь, — и ничто не помогало. Наконецъ осажденные обратились съ молитвою къ Великому мученику Георгiю, и вдругъ, около молитвеннаго храма, раздалось нѣсколько восторженныхъ восклицанiй: *Слава Богу! Слава Богу! Чуди идутъ прочь!*

«Вскорѣ Чудь опять приблизилась къ новгородскому поселенiю, жители коего, уже зная своего спасителя, снова просили его о своемъ спасенiи, и Чудь, даже не дѣлая нападенiя, удалилась навсегда отъ этого мѣста, и не творила больше Новгородцамъ пакости. Нѣкоторые изъ Чуди полюбили тогда Христанство, будучи подвигнуты къ тому двумя чудесами, впоследствии ими рассказываемыми. Говорили крещеные Чуди, что когда въ первый разъ, при нападенiи ихъ, молились Новгородцы въ своей часовнѣ, тогда всѣмъ имъ видѣлся на крышѣ воинъ, сидящiй на бѣломъ конѣ и грозящiй копьемъ всей разъяренной Чуди, почему она и отступила. Во второй разъ Чудь видѣла того-же воина съ копьемъ, только не на лошади, а стоящаго просто въ полугорѣ.

«Въ оградѣ нынѣшней церкви видна и до нынѣ переконь (ровъ), идущая сажень на 30 отъ востока къ западу по отлогой сторонѣ горы. На правомъ берегу р. Юга мѣсто, гдѣ жили Чуди, называется «дворицами», а тутъ-же впадающая въ Югъ рѣчка Молоковица, которая такъ называется потому, что Чудь ее именовала *Лимъ*, что значитъ молоко **). Слово Халега, отъ котораго произошло названiе приходовъ чудинское слово ***), означающее *звукъ, сраженiе*.

«Въ настоящее время между жителями Халевскаго края можно слышать бранныя слова, употреблявшiяся Чудью во время сраженiя: *курать—сига, коэра—лига*, что значитъ: *чертъ—свинья, собака—мясо*.

«Въ другомъ мѣстѣ Никольскаго уѣзда, тоже на р. Югѣ, во 100 верстахъ отъ Устюга, жила Чудь. Она имѣла здѣсь деревянную башню, сажень до 12 высоты и въ 5 ширины, съ малыми отверстiями по бокамъ и съ одной дверью для входа. Эта башня называлась у туземцевъ *городкомъ*, отчего и нынѣшнiй приходъ Аргангела-Ми-

*) Какъ эти, такъ и другiя курсивныя слова, также напечатаны и въ подлинникѣ: вѣроятно, это слова самаго Страхова.

**) По Зырянск. молоко «Ель» или «Евъ».

***) У Зырянъ, какъ имъ видѣли, нѣтъ звука „х“.

Страховъ говоритъ, что эти бранныя слова произносилъ жившій тутъ *шведскій народъ Чухмы*, что они объясняются современнымъ чухонскимъ языкомъ, и, будто-бы, значать: «черть-свинья, собака-мясо». Мы знаемъ, что древніе обитатели Никольскаго уѣзда, особенно мѣстности, занимаемой халевскими приходами (по средней части теченія р. Юга) были народъ, тождественный съ предками Зырянъ; такъ какъ приходы эти находятся только въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, по прямой линіи, отъ нынѣшней границы чисто Зырянскаго края: но теперь свинью Зыряне называютъ «порсь», (надобно полагать отъ русскаго слова «поросенокъ», такъ какъ поросенкомъ и до сихъ поръ въ Вельскомъ уѣздѣ уже чисто русское населеніе называетъ свиней вообще, какого бы пола и возраста онѣ небыли) собаку—«понъ», черта—«кулъ».—Впрочемъ между корнемъ слова «курать» «кур» и «кулъ» разница не велика. Съ другой стороны, названія урочищъ въ Никольскомъ уѣздѣ явно зырянскаго происхожденія: Югъ—отъ Ю—рѣка, Рыстюгъ—сыръ—рѣка и т. д.; грамматическій смыслъ выражений «курать-сига, коэра-лига», гдѣ существительныя «курать» и «коэра» замѣняютъ опредѣлительныя прилагательныя, чисто зырянскій; въ словахъ «курать», «сига» и даже «коэра» какъ будто слышатся зырянскіе корни, напр. «си»—волось и щетина, «коишъ»—волкъ.— Нельзя не вспомнить въ настоящемъ случаѣ, что, по свидѣтельству Отера, языкъ древнихъ прибалтійскихъ финновъ былъ почти тождественъ съ языкомъ обитателей Двинскаго края; и что нынѣшнія названія урочищъ въ балтійскомъ поморьѣ: Вендень, Эмдентъ, Эмбахъ и т. д. напоминаютъ Венденту, Эм-дентъ, Эмву и т. д. въ Зырянскомъ краѣ³⁵⁾. Повторяемъ,— это фактъ замѣчательный.— Мы не имѣемъ никакого права не вѣрить простодушному разсказу и филологическимъ соображеніемъ солдата Страхова, тѣмъ болѣе, что утрата множества древнихъ словъ и формъ зырянскаго языка не подлежитъ никакому сомнѣнію: у Зырянъ и теперь есть какія-то старинныя прибаутки, никому не-понятныя³⁶⁾; въ переводахъ Св. Стефана священныхъ книгъ нѣкоторыя мѣста до сихъ поръ не объяснены даже природными и образованными Зырянами; тоже должно сказать и о сохранившихся не въ весьма древней (XVII вѣка) рукописи туземныхъ названійхъ мѣсяцевъ³⁷⁾; и наконецъ названія нѣкоторыхъ урочищъ, обыкновенно имѣющія ясный смыслъ, утратили его теперь, хотя конструкція

хапка называется также городкомъ. Городка не стало назадъ тому лѣтъ 25 *). Онъ сгорѣлъ. Говорятъ поселяне, что кто изъ нихъ покушался разрушить это строеніе Чуди, тотъ видѣлъ вылетавшія искры отъ ударовъ топора,—и послѣ скоро умиралъ».

³⁵⁾ См. въ текстѣ по примѣч. 19.

³⁶⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6: «Зырянскія загадки и пѣсни», г. В. Ардашева.

³⁷⁾ Тамъ-же, 1855 г. № 50: «Старинныя русскія и перскія названія мѣсяцевъ», г. К—ва.

^{*)} Отъ 1845 г.

и звуки ихъ безспорно зырянскія.— Мы просили многихъ лицъ, которыя могли слышать говоръ чухонцевъ, объяснить намъ значеніе словъ «курать-сига» и «коэра-лига»; но, къ сожалѣнію, получили не вполне удовлетворительныя, хотя и одинаковыя отвѣты, именно: что эти слова, судя по звукамъ, дѣйствительно чухонскія, но что онѣ значать—неизвѣстно.— Подождемъ, пока знатоки языковъ финскаго и эстскаго разрѣшатъ намъ недоумѣніе; а между тѣмъ замѣтимъ, что чухонская брань не могла быть занесена на берега рѣки Юга случайно, наприм. лицомъ, подобнымъ самому Страхову, т. е. солдатомъ, бывавшимъ гдѣ-нибудь около С.-Петербурга или даже въ С.-Петербургѣ, потому что Страховъ чухонскимъ-же языкомъ объясняетъ и происхожденіе названій нѣкоторыхъ урочищъ въ Халевскихъ приходяхъ.

Преданія, записанныя и напечатанныя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ, хотя и касаются различныхъ мѣстностей, гдѣ находятся древнія, земляныя укрѣпленія, но также, какъ и преданія, нами слышанныя, имѣютъ общій смыслъ: по нимъ, насыпи сдѣланы новгородскими поселенцами для защиты отъ нападений туземцевъ,— отъ нападений, всегда неудачныхъ, вслѣдствіе чудеснаго заступничества за Русскихъ какого-нибудь святаго, напр. Великомученика и Побѣдоносца Георгія.— Надобно замѣтить, что этого рода укрѣпленія всегда устраивались по одному плану: всѣ они находятся при слияніи двухъ рѣкъ, такъ что съ нѣсколькихъ сторонъ защищены самою природою.

Но, допуская непріязненные столкновенія между Русскими и туземцами, даже какъ исключенія изъ общаго правила, мы должны также замѣтить, что они не могли быть кровопролитны и значительны; потому что съ одной стороны Новгородцы распространялись по нынѣшней Вологодской губерніи весьма малолюдными партіями, а съ другой—туземцы не въ состояніи были серьезно сопротивляться пришельцамъ, хотя и слабымъ числомъ, но привыкшимъ къ опаснымъ приключеніямъ и, разумѣется, сравнительно лучше вооруженнымъ.

Въ такому заключенію приводитъ во 1-хъ содержаніе всѣхъ преданій, и во 2-хъ незначительность размѣра устроенныхъ русскими укрѣпленій³⁸⁾. Кромѣ того, и сами туземцы не могли сопротивляться и нападать значительными массами, вслѣдствіе ихъ разсѣянности и разрозненности.

Если въ настоящее время въ цѣлой Вологодской губерніи приходится только по 2,81 душѣ на квадратную версту, а въ Зырянскихъ уѣздахъ: Яренскомъ по 0, 7 и въ Устьсысольскомъ—по 0, 5 душъ; то каково было это отношеніе за 1,000 лѣтъ назадъ³⁹⁾? Положительно извѣстно, что съ 1788 по 1864 г. населеніе губерніи почти

³⁸⁾ Для примѣра мы сослались на «городокъ», упоминаемый въ преданіи объ основаніи четырехъ халевскихъ приходовъ (см. примѣч. 36). Хотя въ статьѣ этой основаніе деревяннаго городка и приписывается Чуда, но явно, по самому названію, что это русская древность.

³⁹⁾ Памятн. книжки. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг.

удвоилось (въ 1788 году оно состояло изъ 544,000 душъ, а въ 1864—изъ 982,000), въ зырянскихъ-же уѣздахъ оно болѣе, нежели удвоилось (въ 1788 году тамъ было, считая и русскихъ, 47,000 д., а въ 1864 г. 100,000 д.); слѣд. во время появленія въ Заволочьѣ Русскихъ цифра туземнаго населенія его могла равняться развѣ нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ ⁴⁰⁾.

Такая разсѣянность въ свою очередь была и причиною разрозненности чуждаго народа, препятствуя ему, для отпора непріятелямъ, сгруппировываться въ сколько-нибудь значительныя, связанныя единствомъ интересовъ,—общества. Это само собою разумѣется, и, по нашему мнѣнію, не требуетъ доказательствъ; а потому, для подкрѣпленія своего убѣжденія, мы приведемъ лишь одинъ, наиболѣе рѣзкій, фактъ: Устьвымъ уже въ то время, когда въ ней проживали Пермскіе епископы, трепетала набѣговъ вогульскаго князька Асыка; при нападении на нее этого разбойника въ половинѣ XV вѣка былъ убитъ самъ епископъ (Пятиримъ) ⁴¹⁾. Между тѣмъ тотъ-же Асыка, послѣ того, былъ живымъ взятъ въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ шайкою Вятчанъ, состоявшею всего изъ 120 человекъ ⁴²⁾.

Во всякомъ случаѣ, и мирная колонизація, и насильственные захваты вводили въ Чудскую землю славяно-русскій элементъ, такъ сказать, механически; претвореніе-же чуждой народности совершалось:—съ одной стороны путемъ смѣшенія крови, а съ другой—путемъ усвоенія туземцами славянскаго міросозерцанія, обычаевъ, языка и т. д.

Смѣшеніе крови было необходимымъ послѣдствіемъ поселенія въ краѣ Русскихъ, надобно полагать, преимущественно холостяковъ. — Если князь Юрій Владиміровичъ женилъ своего сына на дочери мерянина Кучко, то тѣмъ легче могли вступать въ браки съ чуждинками какіе-нибудь проходимцы. Притомъ-же, какъ это мы еще не одинъ разъ увидимъ, чуждое племя, покрайней мѣрѣ часть его, нынѣ извѣстная подъ именемъ Зырянъ, отличалась, и до сихъ поръ еще отличается, крайнимъ равнодушіемъ къ цѣломудрію женщинъ. Конечно, смѣшенію крови слѣдуетъ приписать то обстоятельство, что теперь не только въ обрусѣвшей уже части Вологодской губерніи вовсе не встрѣчается чуждаго типа, но и въ самомъ Зырянскомъ краѣ онъ сохранился,— и то только *можетъ быть*,— гдѣ-нибудь въ глухихъ захолустьяхъ.— Точно также обрусѣвшее населеніе губерніи на столько усвоило себѣ чисто славянское міросозерцаніе, словесное творчество, нравы и обычаи, что въ вѣрованіяхъ его, въ языкѣ, въ образѣ жизни и т. д. только развѣ микроскопическія наблюденія могутъ обнаружить случайные

слѣды чуждой прирѣси. Мало того, бывшихъ предковъ своихъ народъ считаетъ не только иноплеменниками, но и *поганями* ⁴³⁾.

⁴³⁾ Въ Вологодскій Губернскій Статистическій Комитетъ нами была отослана статья подъ заглавіемъ: «Вѣднй этнографическій очеркъ Вологодской губерніи». Выписываемъ изъ нея нѣсколько §§: *Населеніе Вологодской губерніи не только обрусело, но и ославиилось*. Настоящее положеніе я развиваю патрос: я утверждаю: А) что населеніе 8½ уѣздовъ Вологодской губерніи, (говорящихъ по русски) и до сихъ поръ сохранило древне-славянскіе обычаи и повѣрья, въ то время, когда въ другихъ мѣстностяхъ Россіи такіе обычаи уже вымерли; Б) что оно (населеніе поманутыхъ 8½ уѣздовъ) сохранило древній, напоминающій языкъ лѣтонисей, складъ рѣчи и много славянскихъ корней, исчезнувшихъ уже въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и поднарѣчіяхъ; и В) что въ самостоятельномъ развитіи славянской рѣчи пошло даже далѣе другихъ современниковъ, безспорно чисто славянскаго происхожденія, и самостоятельно создало много словъ, подобныхъ существующимъ напр. у Дунайскихъ Славянъ:

1. Я приведу начало одной свадебной пѣсни, которая поется въ Никольскомъ уѣздѣ:

Штѣ не ричьи, не ричюши
Въ одно мѣсто сбѣгалися:
Не рѣви — глубоки
Въ одно мѣсто ставалися:...
Собрався родъ—племяццо
У родимова батюшка,
У родимы матушки! и т. д. *)

Нужно-ли комментаріи, чтобы почувствовать поэзію въ этомъ отрывкѣ и усмотрѣть живописное изображеніе древнеславянскаго родового быта? я не берусь перечислять здѣсь всѣ древнеславянскіе обычаи и повѣрья; потому что это было-бы дланно; притомъ-же и не могу этого сдѣлать, такъ какъ далеко не всѣ обычаи приведены въ извѣстность... Не могу не назвать только тѣхъ изъ нихъ, которые съ одной стороны служатъ доказательствомъ заявленнаго мною положенія, а съ другой — вообще интересны для русской этнографіи: а) Повсемѣстно въ Вологодской губерніи существуетъ обычай разуванья жениха невѣстою въ первую ночь послѣ вѣчанья. Препод. Несторъ косвенно упоминаетъ о такомъ обычаѣ; рассказывая объ отказѣ Рогнѣды выйти за мужа за Владиміра (Святославича), онъ влагаетъ ей въ уста еразу: «не хочу розути робичча!» М. П. Погонинъ пользуется этимъ мѣстомъ лѣтониси съ тѣмъ, чтобы обрисовать норманскую черту въ характерѣ гордой Рогнѣды. Но трудно согласиться съ мнѣніемъ почтеннаго историка: трудно допустить, чтобы норманскій обычай зашелъ такъ далеко въ то время, когда сами Варяги очень рано приняли славянскіе обычаи. б) Способы заключенія брачныхъ союзовъ въ разныхъ мѣстахъ Вологодской губерніи, даже у Зырянъ (въ Яренскомъ уѣздѣ), поразительно напоминаютъ рассказы Нестора о бракахъ у Полянъ, Древлянъ и др.: существуетъ умыканье дѣвицъ; Волог. Губ. Вѣд. 1866 года №№ 13 и 14: „Янгостаръ“ — г. Четверухина. в) Остатки древне-славянскихъ вѣрованій во множествѣ встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ губерніи. Я не говорю уже наприм. о вѣдмахъ, домовыхъ и т. п. Гораздо интереснѣе остатки почитанія огня, огненныхъ метеоровъ и свѣта: вездѣ пѣтухъ-этотъ предвозвѣстникъ приближенія дня, переносится, вмѣстѣ съ огнемъ, при переходѣ въ новый домъ. Въ Устюжскомъ уѣздѣ пѣтуховъ даже не вѣдятъ, считая ихъ поганями. Конечно первоначальная причина этому заключается не въ томъ, что они искони слыли нечистыми: нечистымъ пѣтухъ сдѣлался уже тогда, когда Христіанство

⁴⁰⁾ Тамъ же, статья г. Н. Сухарова: «О движенія народонаселенія Волог. губерніи съ 1788 по 1862 годъ».

⁴¹⁾ Вологод. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: «Устьвымъ», Михайлова.

⁴²⁾ Тамъ же.

^{*)} Пѣсня эта была записана мною на мѣстѣ въ началѣ 1840 годахъ, и тогда-же, но въ которомъ именно году — не помню, напечатана бывшимъ учителемъ Вологодской Гимназіи Н. И. Иваничемъ въ Москвитинѣхъ.

Последовательность обрусения мы определим не многими словами. Прежде всего Чудь усваивала себя славянское мирозерцание, обычаи, нравы и за тем уже языкъ. До св. Стефана обрусение предшествовало при-

не официально, не по писаному, как говорятъ въ Вельскомъ уездѣ, существуютъ другія, которыя оканчиваются на «ичъ» «енико». Первые господствуютъ въ Вельскомъ, Кадниковскомъ; есть и въ другихъ уездахъ. Филологически они совершенно соответствуютъ предидущимъ, напр. Комаровичъ—сынъ Комара, Чиренико—сынъ Чирка... Вторая форма «енико» встрѣчается въ Никольскомъ уездѣ, третья форма на «снихъ» встрѣчается въ Устюжскомъ, а можетъ быть, и въ другихъ уездахъ. Она есть дальнѣйшее развитіе формы на «сній», того и другого происхожденія: «Дементьевскихъ» значитъ сынъ Дементьевскаго, изъ роду Дементьевскихъ. в) Весьма замѣчательное слово встрѣчается въ самомъ глухомъ захолустьѣ въ волостяхъ, расположенныхъ по теченію р. Устья въ Вельскомъ уездѣ—это *скушштыма*: оно значитъ здѣсь праздникъ при приходской церкви, для котораго пива и пр. приготавливаются на общій счетъ цѣлой волости. Если трудно предположить, что раньше разобранное мною слово «гоить» занесено въ Никольскій уездъ изъ Литвы, то еще труднѣе допустить, что слово «скушштыма», служащее для обозначенія народнаго собранія въ Сербіи на берегахъ Дуная, могло быть занесено оттуда на берега Устья. Ясно, что и здѣсь, и тамъ оно образовалось самобытно для выраженія сходныхъ въ филологическомъ отношеніи понятій. г) Еще фактъ. Мнѣ много разъ случалось быть очевидцемъ того, что въ Москвѣ Вологжанъ, по ихъ выговору, принимали за малоруссовъ, — и не безъ основанія. Въ выговорѣ Вологжанъ слышится во 1-хъ рѣзкое «о»; во 2-хъ въ тѣхъ словахъ, гдѣ по правиламъ великорусской грамматики звукъ «е» изображается буквою «ѣ», произносятся (Вологжане) «я»; и въ 3-хъ букву «л» передъ согласными и полугласною «ъ» выговариваютъ, какъ «в» и т. д. Теперь я предлагаю слѣдующіе выводы: аа) Вологодское нарѣчіе имѣетъ много общаго съ языкомъ лѣтописей, писанныхъ предками Малоруссовъ, и бб) Великоруссы XIV, XV и XVI столѣтій говорили тѣмъ-же нарѣчіемъ; и за тѣмъ поставлю два вопроса: аа) Какимъ образомъ въ нарѣчіяхъ Вологодскомъ и Малорусскомъ сохранились нѣкоторыя общія черты, которыхъ чуждо Московское, стоящее промѣжъ ними? и бб) Какимъ образомъ теперь Вологодское нарѣчіе ближе въ языку Нестора, нежели малорусское? Первый вопросъ могъ-бы разрѣшиться предположеніемъ, что московское (такъ я называю чистое великорусское), быстрее того и другаго подвинувшись впередъ, оставило ихъ за собою; а второй тѣмъ, что Малорусское нарѣчіе, начавъ ранѣе, нежели Вологодское, и притомъ отдѣльно, развиваться подъ вліяніемъ разнородныхъ элементовъ успѣло разойтись и съ нимъ, и съ Московскимъ. Но это гадательныя рѣшенія вопросовъ, прямо до меня не касающихся. Для меня важно только то, что Вологодское нарѣчіе, самобытно и независимо отъ Малорусскаго, успѣло выработать одинаковыя формы и характеристическія черты, чѣмъ доказывается, что населеніе Вологодской губерніи положительно ославянорусилось... Итакъ населеніе Вологодской губерніи не только обрусѣло, — оно ославянилось. Оно всецѣло, филологически усвоило себѣ общеславянское словесное творчество и слѣд. въ словахъ нашего изъ языка, составляющихъ его, течетъ протвѣкъ химически сродная съ протвѣкомъ другихъ Славянъ; ибо и та, и другая производятъ одинаковыя явленія... Само собой разумѣется, что многимъ такой мой выводъ покажется слишкомъ рѣзкимъ и одностороннимъ, — и это справедливо; представивъ крупныя факты въ оправданіе своего положенія, я не задалъ еще себѣ вопроса: если славянорусскій элементъ, такъ рѣшительно дѣйствовалъ на финскій, то въ свою очередь и финскій не имѣлъ ли обратнаго влѣдѣнія?—Дѣйствительно, есть ли кака-нибудь вѣроятность, чтобы извѣстная народность, поглотивъ другую, нисколько не измѣнила ни своей субстанціи, ни даже ни одной вышней черты? А РІГОГІ и не выразилъ утвердительно отвѣчать на послѣдній вопросъ и даже думалъ-бы противное, потому что самъ замѣчалъ разницу и въ наружности, и въ характерѣ напр. Малорусса и Великорусса.

сѣбямъ вмѣстѣ *)). Котъ мѣстности, гдѣ часть избы противъ печи считается какъ-бы неприкосновеннымъ мѣстомъ. Вѣрованія въ огненныхъ змѣевъ распространены повсюду. Мнѣ въ Верховьяхъ указывали на одного престоанна, въ которому летаетъ огненный змѣй и носить ему деньги, почему мужикъ и богатъ; только мудро было ему завести такое знакомство: для этого нужно дожидаться, пока пѣтухъ, — все тотъ-же пѣтухъ, — снесетъ яйцо; яйцо это что-то долго нужно носить подъ мышкой, чтобы выпарить огненнаго змѣя. — Сшевіе соломы о масляницѣ, Семизъ, Ивановъ день, Купальница, Владѣевъ день, въ томъ или другомъ видѣ существуютъ повсемѣстно.

2. Если бы внимательно прочитать наши лѣтописи и древнѣйшіе акты, то можно бы было составить порядочный списокъ древнихъ словъ и выраженій, хотя исчезнувшихъ въ другихъ мѣстахъ, но сохранившихся въ Вологодской губерніи. Теперь я назову только интереснѣйшія: *Гоить*, съ производными выгоить, изгоить, гоимый (въ Никольскомъ уездѣ) въ смыслѣ вымыть, вычистить, вымести, выбросить изъ избы нечистоту. Если-бы г. Костомаровъ зналъ, что у насъ существуетъ корень древняго слова «язгой», то не отстаивалъ-бы такъ настойчиво опрочетчивую мысль, будто Варяги—Русь—Литовцы, между прочимъ потому, что въ литовскомъ языкѣ существуетъ слово «гоить». Наше «гоить» филологически совершенно соответствуетъ объясненію слова «язгой» въ извѣстной всеволодовой грамотѣ, по словамъ которой такъ назывались лица, исключенныя изъ общества: купецъ задолжаетъ, поповъ сынъ грамотѣ не ученъ и князь безъ стола.—*Лони*, *ломисъ*—прошлаго года (въ Никольскомъ уездѣ). Помнится, у Карамзина, а можетъ быть и у другаго изъ историковъ нашихъ, я встрѣчалъ разсужденіе о происхожденіи древняго слова «лончакъ». Оно употреблялось для обозначенія возраста домашнихъ животныхъ. Наше слово совершенно свободно объясняетъ смыслъ этого древняго выраженія... Теперь поговорю также о древнемъ выговорѣ нѣкоторыхъ словъ, сохранившемся въ вологодскомъ нарѣчіи: а) Рѣзкое произношеніе буквы «о». Такъ напр. говорить «боранъ»—(слово столь часто встрѣчающееся въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ древне-русской письменности) вмѣсто баранъ; б) Зажѣна буквы «ъ» въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія буквою «я»: по лѣсамъ—лѣсинцети: по рѣкамъ—рыболовницети. И в) вставка буквы «о» между согласными, напр. «Володимеръ», «молодь», «молодшій», «мороя» и т. п. Въ Вологодской губерніи легко встрѣтить слово «Володимерко».

3. Не менѣе замѣчательно, что въ нарѣчіи населенія Вологодской губерніи видна самобытность славянскаго словеснаго творчества. Прошу обратить вниманіе на слѣдующіе, на мой взглядъ, многозначительныя факты: а)... **). б) Поразительна въ этомъ отношеніи конструкція крестьянскихъ фамилій... На бумагѣ эти фамиліи имѣютъ окончанія: «овъ», «евъ», «инъ», и «сній», за весьма рѣдкими исключеніями. Извѣстно происхожденіе такихъ фамильныхъ окончаній: всѣ они образовались отъ выпуска изъ официальныхъ, такъ сказать, прованій слова «сынъ»: вмѣсто Иванъ, сынъ Сорога, Петръ, сынъ Голубя—Иванъ Сороганъ, Петръ Голубевъ и т. п. Только послѣднее изъ этихъ окончаній «сній» имѣетъ двойное происхожденіе: во 1-хъ имъ обозначается мѣсто, откуда происходитъ извѣстное лицо, напр. Верюжскій (съ Верюги), Плесовскій (съ Плеса) и т. д.; и во 2-хъ оно есть дальнѣйшее развитіе фамилій, кончающихся на «овъ» «евъ» и «инъ», напр. Угрюмовскій — сынъ Угрюмова, Сухановскій — сынъ Суханова и т. п. Но рядомъ съ этими фамиліями,

*) Въ древности, вѣроятно, также не былъ пѣтуховъ, но по противоположной причинѣ, т. е. считая ихъ священными.

***) Здѣсь пропущены разсужденія, подъ рубрикою «а)» о словахъ, имѣющихъ исключительно филологическій интересъ.

натию Христіанства. Допуская противное, нельзя-бы было объяснить того, почему населеніе Вологодской губерніи сохранило древнеславянскія вѣрованія и почти ни одного чуждого ⁴⁴⁾. — Замѣчательно, что многіе изъ русскіихъ по-

Но я имѣю въ виду третій вопросъ: эта разниця не лучше-ли объясняется географическими и климатическими причинами, нежели этнографическими и историческими? На такой вопросъ нельзя сформулировать другого отвѣта, кромѣ нислѣдующаго: географическія и климатическія условія несомнѣнно имѣли вліяніе на то, что типъ Великорусса отступилъ отъ типа Малорусса: другое распредѣленіе и другой родъ занятій, другая пища, другая одежда и т. д. очевидно не могутъ не имѣть вліянія на наружность и характеръ индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ. Но допустить, что финскій элементъ имѣлъ обратное вліяніе имѣть цѣлаго основанія, пока тщательными наблюденіями не откроютъ примѣсы въ типѣ Вологжанъ. Факты этого рода, которые я имѣю въ виду, ничего не доказываютъ. Напр. крестьяне Вельскаго уѣзда, тѣхъ самыхъ волостей, гдѣ встрѣчается слово „скупштина“ носить одежду весьма сходную съ одеждою Зырянъ; но такое явленіе опять таки объясняется не этнографическими условіями, а условіями мѣстности и сходствомъ занятій. Обрусѣвшее населеніе сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, также какъ и Зыряне, преимущественно употребляютъ въ пищу ячмень; но это потому, что ячмень тамъ родится лучше, нежели всякій другой хлѣбъ. Гораздо болѣе можно придать важности слѣдующему доводу въ пользу предположенія, что финское племя, будучи поглощено славянскимъ, имѣло воздѣйствіе и на послѣднее: не помню гдѣ и когда я вычиталъ, что употребленіе буквы «ч», какъ «ц» есть признакъ финскаго вліянія. Дѣйствительно Вологодское нарѣчіе имѣетъ такой филологическій признакъ. Но несостоятельность подобнаго довода я надѣюсь обнаружить безъ особаго затрудненія: а) Подобное убѣжденіе могло-бы имѣть мѣсто, если бы зырянскій языкъ не имѣлъ звука «ч». Напротивъ, этотъ звукъ очень часто употребляется въ зырянской рѣчи, тогда какъ «ц» въ ней почти не встрѣчается *). Мало того русскія слова, переходя въ зырянскую рѣчь, перемѣняютъ его на «ч». Такъ напр. для названія курицы Зыряне заняли у Русскіихъ кличку «ципа» и выговариваютъ это слово «чипа»... и б) Новгородцы, безспорно признаваемые чистыми славянами, исповнѣ въѣхъ «ч» замѣняютъ «ц», что доказывается и ихъ настоящимъ нарѣчіемъ, и самыми древними письменными документами.

⁴⁴⁾ Выписываемъ изъ той-же статьи нашей (см. примѣч. 43) главу: «Христіанство и русскій языкъ проникли въ Вологодскую губернію послѣ того, какъ прежде населеніе ея усвоило себѣ преданія, обычаи и языческія вѣрованія Славянъ». Раньше я сказалъ во 1-хъ, что новгородская колонизація въ Вологодской губерніи началась очень рано; такъ, изъ переданнаго Несторомъ разсказа Гюряти Роговича видно, что Новгородцы около 1000 г., вскорѣ послѣ принятія Христіанства въ Кіевѣ, проникли даже на Печеру, и во 2-хъ, что убѣжденія Финновъ и особенно вѣрованія, по своей прѣдстотѣ, не могли представить твердой почвы для отпора высшимъ идеямъ другой, болѣе развитой націи. Эти двѣ послылки ведутъ за собой заключеніе, что славянское язычество принято Финнами прежде, нежели христіанство. Такое предположеніе для юго-западной части Вологодской губерніи тѣмъ болѣе справедливо, что здѣсь славяно-новгородская колонизація началась за нѣсколько вѣвовъ до принятія Христіанства самими славянами: ибо если около 1000 года Новгородцы

*) Послѣ составленія цитируемой статьи нашей ми указали, что въ Ижемскомъ нарѣчій Зырянскаго языка буква «д» замѣняетъ «ч», употребляемое въ другихъ зырянскихъ нарѣчійхъ; но Ижемское нарѣчіе не могло имѣть вліянія на русскій языкъ, потому что оно самое сѣверное, и Ижемцы не сосѣди Русскіихъ. — Да и у нихъ «д» выговаривается не чисто, а съ примѣсью звука «ч».

семенцевъ въ чуждой землѣ, по видимому, первоначально утрачивали свою народность, покрайней мѣрѣ усвоивали зырянскую рѣчь. И въ настоящее время въ Зырянскомъ краѣ есть много фамилій, несомнѣнно происходящихъ отъ новгородскихъ выходцевъ, но говорящихъ по зырянски и считающихъ себя Зырянами: — таковы фамиліи Титовыхъ, Савиныхъ, Муравьевыхъ. ⁴⁵⁾ Латинныхъ и мн. др.

Наконецъ, о томъ, какими путями-дорогами проникали славяноруссы въ глубину Вологодской губерніи, мы не видимъ надобности распространяться: если, какъ извѣстно, всѣ славяне расселялись по нынѣшней Европейской Россіи, слѣдуя направленію большихъ водныхъ путей; то тѣмъ

посѣщали Печору, то само собою разумѣется, что въ окрестностяхъ Вологды (Синеусъ на Бѣлѣозерѣ) они завели дѣла гораздо ранѣе... Здѣсь я ожидаю возраженія въ такомъ видѣ: положимъ, что Новгородцы проникли въ Вологодскую губернію до принятія Христіанства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они тотчасъ внесли съ собою и свои языческія вѣрованія и обычаи. Наши язычники были чужды религіозной пропаганды. Это такъ. Но я позволю себѣ сдѣлать вопросъ: отчего греческая миеологія такъ мирно распространилась въ древнемъ мѣрѣ? Греки также не были религіозными пропагандистами (ex officio), но ихъ миеологія привилась къ чуждымъ народностямъ сама собою, вмѣстѣ съ греческою цивилизаціею. Извѣстно, что большая часть языческихъ религій создана самими народами, и слѣд. онѣ не только имѣютъ органическую связь съ другими проявленіями духа народнаго, но такъ сказать тождественны съ ними. Точно также и славянскія вѣрованія проявились у Финновъ сами собою, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ эти послѣдніе усвоили себѣ славянское міросозерцаніе. Это доказательство въ рѣчи; но вотъ болѣе фактическія: отчего въ настоящее время у жителей Вологодской губерніи, и даже необрусѣвшихъ еще Зырянъ, не осталось ни какихъ стародавнихъ вѣрованій? Въ этомъ отношеніи за ними стоитъ глушь не проходима. Отчего они за тѣмъ сохранили, подобно всѣмъ славянамъ, и по принятіи Христіанства славянскія языческія повѣрья? Отъ того, что Христіанство не отъ міра сего, а славянизмъ есть созданіе людей; Христіанство взяло у финнизма только то, что нужно для будущей жизни, а славянизмъ поглотилъ его цѣликомъ. Если бы было не такъ, и еслибы принятіе Финнами славянскихъ языческихъ вѣрованій не предшествовало принятію Христіанства, то, повторяю, и теперь-бы у Зырянъ были свои собственныя, оригинальныя повѣрья. Но этого нѣтъ; слѣд. они утратили ихъ до принятія Христіанства. Если св. Стефанъ засталъ еще у Зырянъ старыя вѣрованія или, точнѣе, суевѣрія, поддерживаемыя шарлатанствомъ *тумовъ*, то изъ этого еще нельзя заключить, чтобы рядомъ съ ними не имѣли мѣста славянскія языческія вѣрованія и что этими вѣрованіями не было подрыто въ основаніи древнее шаманство. Напротивъ, легкость, съ которою Зыряне уступили проповѣди, говорить въ пользу моего убѣжденія. При томъ-же, при св. Стефанѣ Зыряне, хотя и крестились, но не были въ состояніи усвоить истинъ Евангельскаго ученія: у нихъ еще до сихъ поръ не достаетъ словъ для выраженія нѣкоторыхъ христіанскихъ вѣрованій...

«О томъ, что Русскій языкъ Финны усвоили послѣ того, какъ приняли славянскіе обычаи, вѣрованія и т. п., распространяться не стоитъ; потому что у насъ передъ глазами живое доказательство-это остатки Зырянъ».

⁴⁵⁾ Волог. губ. Вѣд.: 1853 года № 6: «О поселеніяхъ Новгородцевъ въ Зырянскомъ Краѣ», г. Е. Кичина; и 1862 г. № 4: «В. Н. Латинскій и Печорскія кошианія», г. С. Лашинерва.

болѣе такой порядокъ расселенія имѣлъ мѣсто въ Вологодской губерніи, которая изрѣзана многоводными рѣками и покрыта непроходимыми ни для коннаго, ни для пѣшаго боготами и лѣсными дѣбрями. По какинѣ именно рѣканъ и куда направлялась славяно-русская колонизація—вопросъ, для насъ посторонній.

Г Л А В А III.

МАТЕРІАЛЬНЫЙ И НРАВСТВЕННЫЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ ПЕРМИ.

Предки Зырянъ не знали прочной осѣдлости; по крайней мѣрѣ, не имѣли прочныхъ жилищъ.—Вопросъ объ отношеніи Чуди къ Зыряннѣ.—Древніе Зыряне не занимались хлѣбопашествомъ; питались сырымъ мясомъ и рыбой; ѣли мясо лошадей и бѣлогъ; не употребляли соли.—Родовой бытъ.—Отсутствіе гражданскихъ отношеній.—Семейный бытъ: равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ.—Умываніе и вѣно.—Посланіе Митрополита Симона и ужичество; преданіе о происхожденіи Вогуличей.—Древняя религія Зырянъ.—Заключеніе.

Мы не обязываемся предложить читателямъ подробный и обстоятельный очеркъ быта древней Чуди; потому что не имѣемъ въ виду достаточныхъ для того источниковъ: въ памятникахъ древней письменности, если иногда и встрѣчаются извѣстія объ этомъ предметѣ, то всегда въ видѣ риторическихъ, безсодержательныхъ фразъ; преданій почти нѣтъ, а если и есть, то сильно искаженные; вещественныхъ древностей очень мало, да и тѣ, какъ должно, не обследованы и, Богъ знаетъ, гдѣ находятся; и, наконецъ, зырянскій языкъ даетъ матеріалъ только для бѣдныхъ и скудныхъ выводовъ. Однимъ словомъ, даже совокупность всѣхъ названныхъ сейчасъ источниковъ вынуждаетъ насъ ограничиться лишь попыткой составить, по возможности, полный сводъ кое-какихъ свѣдѣній объ образѣ жизни предковъ нынѣшнихъ Зырянъ.

Мы видѣли, что финское племя вышло изъ глубины Азии и принадлежитъ къ алтайской расѣ. Между тѣмъ извѣстно, что почти всѣхъ народовъ этой расы исторія застала въ кочевомъ или полукочевомъ состояніи. Зауральскіе сосѣди и близкіе родственники Зырянъ, — Вогуличи, Остяки и Манцы, до сихъ поръ не знаютъ осѣдой жизни; да, наконецъ, и самихъ Зырянъ нельзя назвать народомъ прочно-осѣдымъ: и теперь еще большая часть ихъ взрослого мужскаго населенія, занимаясь звѣроловствомъ и птицеловствомъ, всю зиму странствуетъ по лѣсамъ и только лѣто проводятъ въ мѣстахъ такъ называемаго постоянного жительства; Печорскіе-же Зыряне и лѣтомъ, вмѣстѣ съ семействами, проживаютъ или на Брусной горѣ или на рыбныхъ промыслахъ, — за цѣлыя сотни верстъ отъ селеній.

Справедливость этого предположенія подтверждается другимъ, уже основаннымъ на болѣе твердыхъ данныхъ. Передавая сущность преданій объ аборигенахъ Вологодской губерніи, мы имѣли случай замѣтить, что жилищами Заволожской Чуди были землянки. Теперь-же намъ

остается только прибавить, что нынѣшнее устройство избы Зырянина, со всѣми ея принадлежностями, кромѣ не существенной — окна на печкѣ, — чисто русское, и что, слѣдовательно, постоянныя, прочныя жилища Зыряне стали строить послѣ того, какъ познакомились съ Русскими ⁴⁶⁾. Едва-ли мы допустимъ много произволу, если позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ именно образомъ устроивало свои жилища древнее чудское населеніе Россіи. Указаніе на этотъ предметъ мы находимъ у Ибнъ-Даста (изд. Хвольсона 1869 г.). По словамъ его: «Въ землѣ Славянъ холодъ бываетъ до того силенъ, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ «въ землѣ родъ погреба, который покрываютъ деревянною остроконечною крышею и на крышу накладываютъ»

⁴⁶⁾ Здѣсь, пользуясь случаемъ, мы приведемъ не упомянутое нами ранѣе толкованіе слово «Коми» слѣланное авторомъ статьи «Село Лена» (Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 39), г. Устюжаниномъ (псевдонимъ). Онъ утверждаетъ, что слово Коми (собственное названіе Зырянъ) происходитъ отъ «комынь» хижина (не на оборотъ-ли спорѣ?), и значить живущій въ хижинѣ, что «Зыряне думали отличить себя отъ здѣшнихъ аборигеновъ—отъ дикой Чуды, которую они застали здѣсь живущую въ ямахъ и шалашахъ», что, вытѣснивъ ее отсюда далѣе въ сѣверныя тундры, или истребивъ на мѣстѣ, построили себѣ селенія сперва изъ хижинокъ. «Не отсюда-ли, можно думать, и Куманы, томе потомки жителей сѣверной Россіи? Явно, что такое толкованіе слова «Коми», есть незаслуживающая вниманія натяжка. Но для насъ важно то, что г. Устюжанинъ, вторя общему убѣжденію, отправляется наизъ отъ факта, что древніе обитатели Зырянскаго края не имѣли домовъ. Замѣчательно также и не лишнее основаніе намекъ, что Половцы (Куманы) одного происхожденія съ Зырянами. Созвучіе словъ Куманы и Комины ничего-бы не значило, если бы такіа слова, какъ-вы Саргелъ, Вежа, не были чисто зырянскими и если-бы намъ не было извѣстно, что въ курганахъ Новороссіи вынапываются иногда такіа же вещи, какія найдены г. Сидоровымъ на Печорѣ (лѣтнимъ изображеніи лошадей, — «коньковъ», какъ называютъ ихъ въ Вологодской губерніи). Этому предмету мы предполагаемъ тогда нибудъ посвятить особое сочиненіе; теперь же ограничиваемся только настоящею замѣткою, чтобы не удалиться отъ прямой цѣли.

«ютъ земли. Въ такіе погребя переселяются со всѣмъ «семействомъ, и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, раскаляютъ послѣдніе до красна. Когда же камни раскалятся, ихъ поливаютъ водой, отчего распространяется паръ, нагрѣвающий жилы до того, что снимаютъ одежду. Въ такомъ жилѣ остаются до весны». Хотя Ибнъ-Дастъ и говоритъ это о жителяхъ «земли Славянъ»; но во-первыхъ мы знаемъ, какъ часто арабскіе писатели смѣшивали одну съ другою обитавшія въ нынѣшней Россіи народности; во-вторыхъ извѣстно, что древніе Славяне съ незапамятныхъ временъ жили въ деревянныхъ избахъ, и что Новгородцы, по Нестору, даже парились въ баняхъ, построенныхъ изъ дерева; и въ третьихъ, наконецъ, сказаніе Ибнъ-Даста, ни мало не противорѣча до нашего времени сохранившимся въ Вологодской губерніи преданіямъ о жилищахъ Чуди, даже разъясняетъ ихъ въ подробностяхъ. Поэтому мы можемъ думать, что Ибнъ-Дастъ говоритъ здѣсь о жилищахъ Чуди. Такія именно жилища и пригодны были для звѣролововъ, перемѣнявшихъ мѣсто стоянокъ, смотря по обстоятельствамъ, и имѣвшимъ нужду только на зиму укрывать свои семейства отъ страшныхъ морозовъ. Сообщаемое Ибнъ-Дастомъ извѣстіе подтверждается и раскопками кургановъ въ Московской губерніи (см. г. Гатцука «Изслѣдов. кургановъ Московской губерніи 1863 и 1864 гг.» въ Труд. Московск. Археол. Общ. Т. 1.).

Замѣчательно, что сами Зыряне развалины или, точнѣе говоря, слѣды жилищъ своихъ предковъ, находящіеся въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ, также, какъ и Русскіе, называютъ «чудскими могилами», считая Чудь, т. е. древнихъ обитателей края, народомъ чуждымъ себѣ, иноплеменнымъ и даже враждебнымъ. Это ввело въ заблужденіе многихъ писателей, усилившихся объяснить происхожденіе Зырянъ на основаніи туземныхъ преданій безъ всякой критики ихъ. Принимая такія преданія за безспорную историческую истину, они впали въ натяжки и стали-было отыскивать прежнее мѣсто жительства этого народа: то—въ окрестностяхъ Финскаго Залива ⁴⁷⁾, то въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, или на берегахъ Сухоны ⁴⁸⁾, — и т. п. На самомъ-же дѣлѣ Зыряне такой взглядъ на Чудь, вмѣстѣ съ множествомъ повѣрій и т. п., заняли отъ Русскихъ черезъ посредство обрусѣвшихъ уже сосѣдей своихъ. Это убѣжденіе мы основываемъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: 1) Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что обрусѣвшіе теперь жители Сольвычегодскаго уѣзда были нѣкогда тѣже Зыряне, остатки которыхъ въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ до сихъ поръ сохранили свой языкъ; потому что самые достовѣрные памятники древней письменности, каково напр. житіе св. Стефана, называютъ ихъ однимъ именемъ — Пермь, и не

дѣлаютъ между тѣми и другими никакого этнографическаго различенія. Между тѣмъ Сольвычегжане не отличаютъ Зырянъ отъ Чуди. 2) Чудью-же называютъ наши древнѣйшія лѣтописи всѣхъ обитателей Европейской Россіи, начиная съ Мери и Муромы, или къ сѣверу отъ верховьевъ Оки.—Между тѣмъ мы уже видѣли, что многія названія урочищъ даже въ южной части бывшей чудской территоріи объясняются зырянскимъ языкомъ. Слѣдовательно, если и предположимъ, что во времена доисторическія произошло въ предѣлахъ Вологодской губерніи какое нибудь передвиженіе народовъ, то народы эти были одноплеменные и одноязычные. При томъ-же ни лѣтописи, ни другіе письменные документы, называя жителей Заволочья Чудью, ни о какихъ болѣе инородцахъ неупоминаютъ.—Положимъ, что Финское племя, переходя изъ Азіи въ Европу, могло потѣснить какихъ-нибудь иноплеменниковъ; но это могло случиться въ столь отдаленное время, до котораго не способны достигать даже и преданія, особенно зырянскія, вообще начинающіяся не ранѣе эпохи просвѣщенія Перми христіанствомъ. 3) Нетуземное происхожденіе зырянскихъ преданій о Чуди, какъ о народѣ-иноплеменномъ, доказывается также безсодержательностію ихъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, къ чудскимъ могиламъ, напримѣръ, всегда привязанъ какой-нибудь, болѣе или менѣе живой и своеобразный рассказъ о столкновеніяхъ Русскихъ съ туземцами; Зыряне же думаютъ только, что въ «могилахъ» скрываются зарытые Чудью клады и о международной враждѣ не знаютъ ⁴⁹⁾. И 4) Чудскія могилы, какъ въ Устьсысольскомъ и Яренскомъ, такъ и въ другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи и по наружности, и по находкамъ въ нихъ,—сходны; слѣдовательно опять Чудь Русскихъ и Чудь—Зырянъ одинъ и тотъ-же народъ.

Уже изъ того, что предки Зырянъ не имѣли прочной осѣдлости, вытекаетъ прямое заключеніе, что они не были народомъ земледѣльческимъ. Несмотря на то существуетъ противное мнѣніе, которое, впрочемъ печатно высказано и обставлено доказательствами однимъ г. М. Михайловымъ. Этотъ писатель утверждаетъ, что Зыряне искони были народомъ земледѣльческимъ; такъ какъ въ языкѣ ихъ есть собственные слова для выраженія понятій о продуктахъ земледѣлія, земледѣльческихъ орудіяхъ и т. д., каковы наприм. «идь» — ячмень, «зорь» — овесъ, «сю» — рожь, «тусь» — хлѣбное зерно, «шабды» — ленъ, «контусь» — конопля, «шепъ» — колосъ, «идзясь» — солома, «кольта» — снопы, «рынымъ» — овинъ, «горъ» — соха, «пина» — борона, «чарла» — серпъ, «кодзыны» — сѣять, «вертны» — молотить и т. д. ⁵⁰⁾. Мы считаемъ

⁴⁷⁾ См. примѣч. 9.

⁴⁸⁾ См. примѣч. 13.

⁴⁹⁾ Вологодскія Губернскія Вѣдомости 1859 года № 35, «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

⁵⁰⁾ Тамъ же 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. Михайлова.

нужнымъ, сколь можно подробно и осязательно, обнаружить несостоятельность этого мнѣнія: потому что такимъ образомъ получимъ новое подтвержденіе того, что уже сказано нами объ образѣ жизни древнихъ Зырянъ. Во 1-хъ, существованіе въ Зырянскомъ лексиконѣ исчисленныхъ г. Михайловымъ словъ ничего не доказываетъ; потому что если не во всѣхъ, то въ очень многихъ языкахъ есть собственныя слова для выраженія понятій, безусловно позаимствованныхъ у другихъ народовъ. Такъ и въ зырянскомъ есть на примѣръ: «вичько» — церковь, «пыртсьомъ» — крещеніе, «висьтасьомъ» — исповѣдь, «сьодъ-турынь» — чай, «гижны» — писать и т. д. Во 2-хъ, г. Михайловъ приводитъ зырянское названіе овса — «зоръ». Мы къ этому прибавимъ, что и пшеница также имѣетъ зырянское названіе — «шабды». Но овесъ и пшеница только въ самое недавнее время появились въ Зырянскомъ краѣ; такъ напр. овесъ въ Княжпогостѣ, — мѣстности, относительно не слишкомъ удаленной къ Сѣверу, — стали сѣять только въ 1845 году ⁵¹⁾. И, при томъ, сами Зыряне до сихъ поръ его не употребляютъ ни въ видѣ муки, ни въ видѣ крупы, ни даже въ видѣ корму для скота (лошадей они кормятъ ячменемъ), — и весь урожай его продаютъ для сплава къ Архангельскому порту. — Въ 3-хъ, Зыряне вышли, какъ мы видѣли, вовсе не изъ земледѣльческаго отечества. Въ 4-хъ, многіе изъ нихъ и до сихъ поръ, какъ увидимъ, не занимаются земледѣліемъ и самая мѣстность, ими обитаемая, принадлежитъ къ полосѣ начальнаго хлѣбопашества. Въ 5-хъ, всѣ механическіе приемы земледѣлія и хозяйственный распорядокъ (трехпольная система, новины, земледѣльческія орудія, половники, помочи и т. п.) заняты у Русскихъ. Въ 6-хъ, земледѣліе находится въ лучшемъ положеніи и составляетъ главное занятіе жителей только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя несомнѣнно заселены Новгородцами, и, кромѣ того, преданія положительно говорятъ, что Новгородцы, поселяясь въ землѣ Заволоцкой Чуди, *вводили тамъ хлѣбопашество*. Такъ Своеземцевъ, приобрѣвъ обширныя земли по Вагѣ, распродалъ ихъ «по частямъ, для обработыванія, другимъ Новгородцамъ, отчего эти частныя землевладѣнія и извѣстны были подъ именемъ *боярщинъ*» ⁵²⁾. Въ 7-хъ, есть преданіе, которое прямо говоритъ, что Чудь не занималась земледѣліемъ ⁵³⁾. И въ 8-хъ Зыряне не имѣли домашнихъ птицъ, — этихъ спутниковъ земледѣлія. Названія пѣтуха и курицы, которые одни и водятся въ Зырянскомъ краѣ, — и то не вездѣ, — заняты у Русскихъ: «пѣтугъ» и «чипа» (отъ ципа) ⁵⁴⁾. Точно также у Русскихъ за-

⁵¹⁾ Тамъ же 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту», г. П. Богданова.

⁵²⁾ Тамъ же 1855 г. № 41: «Важская область».

⁵³⁾ См. послѣ, въ примѣч. 83.

⁵⁴⁾ Передѣлка слова «ципа» въ «чипа» еще можетъ быть объяснена какою нибудь случайностью; но о «пѣтугъ» этого уже никакъ

имствовано и названіе свиный — «порсь» (отъ «поросенокъ»), — этого по преимуществу хлѣбнаго домашняго животнаго.

Есть основаніе думать, что предки Зырянъ, даже не въ очень давнее время, рыбу и мясо ѣли въ сыромъ видѣ; потому что такое обыкновеніе, говорятъ и даже пишутъ, и теперь еще кое-гдѣ въ Зырянскомъ краѣ существуетъ ⁵⁵⁾.

Изъ преданій видно, что они ѣли лошадиное мясо. Мы много разъ слышали въ Яренскѣ разсказъ, что послѣ того, какъ св. Стефанъ, просвѣтивъ св. крещеніемъ жителей селенія Гамъ, отправился далѣе вверхъ по Вычегдѣ, они обратились къ старымъ, поганымъ обычаямъ и когда онъ возвратился, съ насмѣшкою говорили ему: «Степанъ, Степанъ! Мы опять ѣдимъ кобылятину!»

По всей вѣроятности, до знакомства съ Русскими, Зыряне ѣли бѣличье мясо; потому что первые и теперь еще называютъ ихъ иногда, въ насмѣшку, «векшедами». — Вообще въ древней письменности, какъ наприм. въ посланіи Московскаго Митрополита Симона къ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу отъ 22 августа 1501 года, встрѣчаются сѣтованія на пермскій народъ за употребленіе въ пищу нечистаго и идоложертвеннаго. Правда, названная нами грамота касается собственно новообращенныхъ тогда Пермьковъ, но Пермьки и Зыряне были въ то время одинъ народъ, даже и по названію.

Предки Зырянъ едва ли имѣли понятіе о соли. Не смотря на то, что Зырянскій край весьма изобилуетъ соляными источниками, мы достовѣрно знаемъ, что первые солевары тамъ были русскіе. Тому обстоятельству, что соль и по зырянски называется «соль» мы не придаемъ особеннаго значенія; но не можемъ оставить его безъ упоминанія.

Г. И. Куратовъ положительно утверждаетъ, что древній бытъ Зырянъ былъ родовой, патріархальный; но, къ сожалѣнію, мнѣнія своего онъ не подкрѣпляетъ никакими фактами и даже соображеніями ⁵⁶⁾. Правда, онъ говоритъ, что въ зырянскомъ языкѣ до сихъ поръ нѣтъ словъ для выраженія понятій, всегда существующихъ въ граждан-

нельзя сказать, потому что здѣсь явно русское «х» замѣнено зырянскимъ «к», за невѣдѣніемъ въ языкѣ Зырянъ звука, выражаемаго первою буквою.

⁵⁵⁾ Г. Ф. Арсеньевъ въ статьѣ своей «о промышленныхъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», помѣщенной въ Памятн. книжкѣ Вол. Губ. на 1865 и 1866 гг. говоритъ: «когда Зыряне на рыбной ловлѣ проголодаются они дѣлаютъ перехваточку (закусываютъ) сырою рыбою, выдавивши изъ ней кишки и соскобливши ногтемъ чешую. Непріятно видѣть, какъ живая рыбешка трепещетъ и корчится въ зубахъ Зырянина, уписывающаго ее съ великимъ наслажденіемъ». — Объ употребленіи сыраго мяса см. Вол. Губ. Вѣд. 1866 г. № 6: «Поездка въ Устьсольскъ», г. В. Кичина.

⁵⁶⁾ Волог. Губ. Вѣдом. 1865 г. №№ 23 и слѣд. «Зырянскій языкъ», г. И. Куратова.

скихъ обществахъ: а) о различныхъ отношеніяхъ власти къ подчиненнымъ, каковы: царь⁵⁷⁾, князь, подчиненный, господинъ, рабъ, милость и т. п.; б) о законности, дисциплинѣ, приличіяхъ и другихъ условіяхъ жизни въ обществѣ, какъ-то: законъ, судъ, казнь, честь, порядокъ, свобода, неволя, уваженіе, благодарность; в) о движеніяхъ и потребностяхъ ума и души, какъ напримѣръ: думать, любить и проч. и г) о наукахъ, искусствахъ, торговлѣ и ремеслахъ, кромѣ самыхъ простыхъ. Но изъ всего этого можно только заключить о низкой степени гражданскаго развитія народа—и ничего болѣе. — Напротивъ того, въ лѣтописяхъ и грамотахъ конца XV вѣка упоминаются великопермскіе князья (Михайлъ и сынъ его Матвѣй), какъ самостоятельные (сперва) владѣтели довольно обширной страны по р. Камѣ⁵⁸⁾; упоминаются также князья Вымскіе⁵⁹⁾; въ поступной грамотѣ на земли по р. Вагѣ въ пользу Своеземцева контрагенты его Азика, Караганецъ, Ровдѣ и Игнатецъ называются князьями и старостцами⁶⁰⁾; въ преданіи о Ягѣ—мортѣ говорится о старшинахъ; и наконецъ противникъ св. Стефана—Памѣ, по инымъ источникамъ «Панѣ» иногда титулуется сотникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ называется волховомъ и чародѣемъ⁶¹⁾. Но что это были за князья, старосты, старшины, сотники и т. д.—источники положительно не говорятъ.—Только изъ великокняжескаго титула, даваемого русскими властями въ официальныхъ грамотахъ Пермскимъ владѣтелямъ, мы вправѣ заключить, что въ этомъ княжествѣ существовала даже цѣлая правительственная іерархія: титулъ великаго князя уже предполагаетъ существованіе простыхъ подчиненныхъ, младшихъ

правителей. Что касается до прочихъ князей, старостъ и т. д., то мы уже имѣли случай замѣтить, что кругъ ихъ дѣятельности былъ чрезвычайно ограниченъ. Кромѣ того существованіе Вымскихъ князей пока подлежитъ сильному сомнѣнію. Хотя въ лѣтописяхъ одинъ разъ и говорится, что Вымскій князь Василій въ 1465 году, вмѣстѣ съ устюжскимъ атаманомъ Скрыбою, принималъ участіе въ походахъ на Вогуличей и Югру⁶²⁾; но туземный-ли это былъ князекъ? Странно: ни раньше, ни послѣ того нигдѣ не упоминается о Вымскихъ князьяхъ, хотя случаевъ къ тому представлялось весьма много. Такъ, въ повѣствованіяхъ о проповѣди св. Стефана рассказывается о волхвѣ Памѣ, какъ о лицѣ, имѣвшемъ сильное вліяніе на «всю землю Пермскую»; послѣ, въ извѣстіяхъ о набѣгахъ на Вычегодній край Вогуличей, Вятчанъ и Новгородскихъ ушкуйниковъ говорится о мѣрахъ, которыя принимали къ умиротворенію страны Устьвымскіе епископы, а о дѣятельности князей—ни слова. Г. Михайловъ думалъ даже отыскать резиденцію Вымскихъ князей, пользуясь русскимъ названіемъ одного зырянскаго селенія «Княжпогость»⁶³⁾; но онъ во первыхъ забылъ, что древній «погость» далеко не резиденція, т. е., что погостами назывались мѣста временныхъ остановокъ князей и даже ихъ чиновниковъ при разъѣздахъ по подвѣдомственнымъ имъ областямъ для сбора даней, суда и пр.; и во-вторыхъ не принялъ въ соображеніе, что погостовъ въ такомъ смыслѣ для Вымскихъ князей, если бы эти князья и существовали, вовсе не было нужно, по незначительности ихъ владѣній. Иные думаютъ, что Вымскіе князья жилали въ сел. Турьѣ, но не видно на чемъ основывается такое мнѣніе⁶⁴⁾. Надобно замѣтить, что ни въ Княжпогостѣ, ни въ Турьѣ нѣтъ никакихъ древностей⁶⁵⁾, кромѣ кое-какихъ мелочей⁶⁶⁾, которыя часто и не тамъ только попадаются. Называютъ, наконецъ, Удорскихъ князей, основываясь на томъ, что въ царскомъ титулѣ есть выраженіе «Князь Удорскій»⁶⁷⁾. Основаніе шаткое; но если и такъ, то каково было это княжество, когда на Удорѣ въ настоящее время только 2000 душъ муж. пола? Намъ кажется, что своеобразностью, въ глазахъ нашихъ лѣтописцевъ и составителей правительственныхъ актовъ, власти всѣхъ этихъ князей, старостъ и т. д. и невозможностью точно мѣрять ее на нашъ аршинъ и объясняется то обстоятельство, что въ памятникахъ или вовсе не упоминается объ нихъ, какъ объ администраторахъ и политическихъ дѣятеляхъ, или если и упоминается, то, за недостаткомъ соотвѣствующихъ

57) Г. Куратовъ, какъ природный и притомъ образованный Зырянинъ, въ дѣлѣ зырянской филологіи, конечно, долженъ пользоваться сильнымъ авторитетомъ; но мы не можемъ не замѣтить, что г. Михайловъ (Волг. Губ. Вѣд. 1850 г. № 20: «Устьвымъ»), объясняя употребленное въ древнемъ переводѣ на зырянскій языкъ Молитвы Господней выраженіе *каналамыдъ* (царствіе Твое), говорить, будто въ удорскомъ нарѣчій и теперь существуетъ слово *канъ* (Ханъ) для выраженія понятія о царѣ. Впрочемъ, такъ какъ ни изъ одного историческаго документа или преданія не видно, чтобы у Чуди или Зырянъ были лица, коимъ бы придавался такой титулъ; то мы думаемъ, что слово «канъ», если оно действительно на Удорѣ употребляется, проникло туда случайно, именно посредствомъ переводовъ священнаго писанія. Переводчикъ могъ употребить его потому, что въ то время (во второй половинѣ XIV вѣка) слова Ханъ и Царь были синонимами. — Замѣчательно, что въ новѣйшемъ переводѣ той же молитвы Господней слово «каналамыдъ» замѣнено «сараламыдъ», въ которомъ корень «саръ» уже не имѣетъ столь точнаго смысла, какъ царь или ханъ и, по словамъ г. Михайлова, «выражаетъ понятіе о почтеніи и уваженіи, приличныхъ царямъ, святости и всему высокому, блаженному».

58) См. Тамъ же.

59) Волг. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34. Примѣч. изъ ст. г. Михайлова—«Устьвымъ».

60) См. примѣч. 25.

61) Волг. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова, и 1847 г. № 2: «О св. Стефанѣ Пермскомъ».

62) См. Тамъ же.

63) Тамъ же 1853 г. № 46: «Прогулки по Княжпогосту», г. П. Богданова.

64) См. Тамъ же.

65) Волг. Губ. Вѣд. 1842 г. № 41: «Первая поѣздка на Удору», неизвѣстнаго автора.

66) См. Тамъ же.

67) См. примѣч. 19.

шихъ туземнымъ понятіямъ русскихъ словъ, употребляются самыя разнообразныя и иногда даже странныя выраженія, напр. сотникъ. Въ виду этого, а также того, что напр. Паму приписывается и свѣтская власть и духовное значеніе — «его-же волхвованіемъ управляемой быти всей земли пермстей» — намъ приходитъ на мысль: не были-ли это старшины родовъ? Мы видѣли, что Азика, Рѣвда, Караганецъ и Азика, называемые *старостцами* имѣли право отчуждать огромныя пространства земли, какова Важская область, какъ собственность, на частномъ правѣ, что было-бы несомнѣнно съ предѣлами власти князей въ томъ смыслѣ, какой вообще усвоенъ у насъ этому слову. Встати замѣтимъ, что слово «Рѣвда» едва ли не имя нарицательное, потому что «Рѣвдъ» было очень много. Не обозначало-ли оно старшину рода? Если такъ, то для насъ не странно будетъ, что чудскіе князья, какъ бы Русскіе ихъ ни титуловали, и продавали земли, какъ частную собственность, и имѣли религиозное, духовное значеніе. Самое слово Панъ, если оно такъ должно читаться, едва-ли не есть имя нарицательное, какой-нибудь титулъ; потому что, кромѣ Пана или Пана зырянскаго мы знаемъ пановъ въ разныхъ частяхъ бывшей чудской территоріи. Такъ близъ г. Вельска (Вологодской губерніи) указываютъ по р. Вели мѣста осѣдлости какихъ-то пановъ и устроенныя будто-бы ими, для рыболовства, подводныя сооруженія. Въ статьѣ г. Мельникова «Очерки Мордвы» (Русск. Вѣстн. 1867 г. кн. 6) мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ разныхъ частяхъ Мордовской земли сохраняются преданія о древнечудскихъ князьяхъ, называемыхъ «панками».

Столь-же, если не болѣе, скудны и извѣстія о домашнемъ, семейномъ бытѣ древнихъ Зырянъ.

Говоря о томъ, что равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ было одною изъ причинъ обрусѣнія Пермскаго народа, мы общали, въ другомъ мѣстѣ, распространиться о такомъ племенномъ порокѣ. Вотъ факты, на которыхъ мы основываемъ наше убѣжденіе. Въ настоящее время изъ всѣхъ уѣздовъ Вологодской губерніи самое большое число незаконнорожденныхъ бываетъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, который сплошь заселенъ Зырянами. Такъ, въ 1864 г. тамъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 17 законнорожденныхъ. За Устьсысольскимъ уѣздомъ слѣдуетъ Яренскій, часть котораго уже обрусѣла: здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на 18½ законнорожденныхъ. За Яренскимъ — Сольвычегодскій, обрусѣвшій послѣ всѣхъ остальныхъ уѣздовъ: здѣсь одинъ незаконнорожденный пришелся на 20¾ законнорожденныхъ. За Сольвычегодскимъ — нѣсколько ранѣе его обрусѣвшіе Вельскій и Никольскій: въ первомъ одинъ незаконнорожденный пришелся на 27 законнорожденныхъ, а въ послѣднемъ — на 29 и т. д. ⁶⁸⁾

⁶⁸⁾ Памятн. книжка Волог. губ. на 1865 и 1866 гг., таблица: «Число рожденных».

Нельзя не замѣтить здѣсь, что процентъ незаконныхъ рожденій выше всего тамъ, гдѣ объ народности ближе одна къ другой, какъ напримѣръ въ Устьсысольскѣ, Сергіевскомъ заводѣ и т. п. Но вообще, сравнивая болѣе обширныя округа, видимъ, что чѣмъ чище чудская кровь, тѣмъ выше процентъ незаконныхъ рожденій, — и это теперь, когда христіанская нравственность и новые обычаи имѣютъ сильное вліяніе на Зырянъ. Что-же было въ древности?

Трудно сказать, имѣеть ли какое нибудь отношеніе къ сейчасъ названному пороку существовавшее у Зырянъ «умыканье дѣвиць». Такой способъ заключенія брачныхъ союзовъ, можетъ быть, уже не существуетъ въ Зырянскомъ краѣ; но существовалъ недавно: о подробностяхъ его мы слышали отъ лица, непосредственно наблюдавшаго его въ 1830-хъ годахъ. Замѣчательно, что зырянское «умыканье» напоминаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поясняетъ и дополняетъ сказаніе Нестора о бракахъ у древнихъ славянъ. Лѣтописецъ говоритъ: «А Древляне живяху звѣринскимъ образомъ, живуще скотски, убиваху «другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше; но умыкиваху у воды дѣвица. И Радимичи, «и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имѣяху; живяху «въ лѣсѣ, яко же всякій звѣрь, ядуше вся нечисто, «срамословье въ нихъ предѣ отцы и предѣ снохами; «браци не бываху въ нихъ; но игрища межю селы. Схо- «жахусь на игрища и на вся бѣсовская игрища, и ту «умыкаху жены себѣ, съ нею-же кто свѣщашесе; имяху- «же по двѣ и по три жены» ⁶⁹⁾. У Зырянъ умыканье подготовлялось также на игрищахъ. Если молодому чело- вѣку нравилась дѣвица, но онъ почему нибудь не могъ разсчитывать на согласіе родителей ея отдать ее за него; то на игрищѣ срывалъ съ нея платокъ и уносилъ съ собою. Если послѣ того дѣвица, имѣя случай просить о возвращеніи платка, не просила, — это считалось согласіемъ съ ея стороны, во что бы то ни стало, отдать свою руку. Въ такомъ случаѣ влюбленные вѣнчались тайно отъ родителей невесты. Послѣ вѣнчанья новобрачные выбирали посредника, какого-нибудь кума, свата или просто пріятеля родителей невесты, который и отправлялся къ послѣднимъ, запасшись виномъ. Отецъ молодой, конечно зная уже въ чемъ дѣло, сначала горячился, но потомъ, послѣ угошенія, уступалъ убѣжденіямъ посредника, перелагалъ гнѣвъ на милость и давалъ обѣщаніе простить виноватыхъ. А тѣ этого уже ждали: они тотчасъ же являлись, падали, какъ водится, въ ноги, — и получали благословеніе.

Мы слышали также, что въ недавнее время въ Устьсысольскомъ уѣздѣ бывали случаи покупки невесты, что, какъ будто, соответствуетъ нашему древнему «вѣно» ⁷⁰⁾.

⁶⁹⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣт. томъ 1, стр. 6.

⁷⁰⁾ Покупка невесты, какъ извѣстно, до выхода помѣщичьихъ крестьянъ изъ ярлостной зависимости, имѣла мѣсто вездѣ въ Россіи.

Таким образом оба способа заключения брачных союзов, существовавшие у Славянъ, по Нестору, каждый отдѣльно въ разныхъ мѣстностяхъ, — у Зырянъ встрѣчаются совмѣстно, рядомъ одинъ съ другимъ. Профессоръ Соловьевъ происхождение того и другаго обычая объясняетъ родовымъ бытомъ Славянъ. Мы-же не отвергая такого мнѣнія, замѣтимъ, что на нашъ взглядъ, бракъ посредствомъ умыканья есть бракъ по страсти, а бракъ за «вѣно» — бракъ по расчету, что и тотъ и другой порядокъ, можетъ быть, и у Славянъ не исключали другъ друга, и что напротивъ того существованіе одного, именно брака за вѣно, предполагаетъ существованіе другаго и еще скорѣе на оборотъ: иначе «умыканье» не имѣло-бы смысла.

Особенности семейнаго быта пермскаго народа поразали современниковъ. Такъ, Митрополитъ Симонъ въ грамотѣ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу обращается къ Пермьямъ съ такимъ увѣщаніемъ: «Ни женитвъ незаконныхъ не чините, яко же слышу о васъ, что понимаютъ въ племени по ветхому, по татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, а второй его братъ жену его поймаетъ; третій его братъ также творить; а жены ваши ходятъ простовласы, непокровенными главами... ино тѣ чините не по закону христіанскому»⁷¹⁾.

Упоминаемое Митрополитомъ Симономъ обыкновение жениться на вдовахъ братьевъ, какъ будто, напоминаетъ еврейское ужичество; но намъ кажется, что тамъ и здѣсь разныя причины вызвали существованіе его: у евреевъ ужичество установлено для продолженія родовой крови, чѣмъ и объясняется удивительная живость еврейскихъ родовыхъ преданій и генеалогіи, тогда какъ у Зырянъ не только родовыхъ, но и никакихъ преданій почти нѣтъ, или очень мало; по типу нынѣшнихъ евреевъ мы узнаемъ предковъ ихъ въ изображеніяхъ древней египетской живописи, между тѣмъ какъ наружность Зырянъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ напоминаетъ выходцевъ изъ Приалтайскаго края. Итакъ, описываемый Митрополитомъ Симономъ обычай установился у древнихъ Пермьяковъ скорѣе вслѣдствіе хозяйственныхъ расчетовъ и кланокровнаго, исключительно матеріальнаго возрѣнія на отношенія мужчины къ женщинѣ.

Г. Михайловъ, основываясь, по его словамъ, на народномъ преданіи, о происхожденіи Вогуличей говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Зыряне — идолопоклонники, любя проводить жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, не считали этой страсти порокомъ; побочныя дѣти ихъ росли и множились, и такимъ образомъ составили особенное племя, бывшее однакожъ въ общемъ народномъ презрѣніи: подобно паріямъ, оно лишено было граждан-

скихъ правъ, довольствовалося самымъ грубымъ содержаніемъ и служило рабами Зырянамъ. Угнетаемое Зырянами, оно, въ глубокой древности, бѣжало отъ нихъ и составило особый народъ съ прозвищемъ Вогуличей, т. е. незаконнорожденных»⁷²⁾. Г. Михайловъ, какъ увидимъ, любилъ украшать произведеніями своей фантазіи не только преданія, но и письменныя извѣстія; такъ и здѣсь онъ придумалъ паріевъ, рабовъ, грубое содержаніе и т. д., забывъ, что въ зырянскомъ языкѣ нѣтъ даже словъ для выраженія понятій о рабѣ, господинѣ и т. п.: но не смотря на то, а также на извѣстный фактъ, что Зыряне и Вогуличи принадлежатъ къ разнымъ, хотя и близкимъ группамъ, одни къ Пермской или Біармской, а другіе — къ Угорской, — самое голое содержаніе преданія, если только оно не чистая авторская выдумка, для насъ не лишено значенія; потому что выражаетъ взглядъ Зырянъ на чувственныя наклонности ихъ предковъ.

Тотъ же авторъ о древнепермской религіи написалъ цѣлыя полторы главы, и не сказалъ ничего положительнаго⁷³⁾. Онъ началъ съ голословнаго завѣренія, что религіею Зырянъ было самое грубое идолопоклонство, потомъ, запутавшись въ потокѣ фразъ, высказалъ убѣжденіе, что этотъ народъ имѣлъ самыя чистѣйшія понятія о божествѣ и кончилъ тѣмъ же, съ чего началъ. Разсуждая о кумирницахъ и идолахъ, онъ предварительно сказалъ, что объ этомъ предметѣ не сохранилось никакихъ извѣстій, а потомъ, забывшись, сдѣлалъ подробное описаніе наружнаго вида и внутренности посвященныхъ идолослуженію зданій, обозначилъ въ нихъ мѣста гдѣ хранились орудія жертвоприношеній и т. д. и т. д. Короче сказать, изъ всего многословія г. Михайлова можно понять только то, что все имъ написанное относится къ области фантазіи. Поэтому, умалчивая о подробностяхъ пышныхъ разсужденій его, мы сгруппируемъ болѣе основательныя, хотя и скромныя извѣстія, которыя способны дать возможность по крайней мѣрѣ приблизиться къ истинному взгляду на дѣло.

Г. И. Куратовъ утверждаетъ, что предки Зырянъ были народъ шаманствующій⁷⁴⁾ хотя онъ опять ничѣмъ не подрѣпляетъ своего мнѣнія, но тѣмъ не менѣе оно намъ кажется вѣрнымъ. Многое говоритъ въ пользу его: 1) Шаманство до сихъ поръ существуетъ у соплеменниковъ Зырянъ на ихъ азіатской родинѣ; 2) Чудское племя, судя по лѣтописнымъ извѣстіямъ, и по переселеніи въ Европу, даже во времена историческія, придерживалось шаманства. Чудскіе волхвы и знахари пользовались такою знаменитостью, что даже Русскіе обращались къ нимъ за предсказаніями. Извѣстно, что одинъ изъ нихъ едва не отвлекъ отъ христіанства только что принявшихъ его

вслѣдствіе злоупотребленій отдѣльными лицами помѣщичьей власти; но всѣ Зыряне искони государственные крестьяне; и слѣд. такое обыкновение у нихъ объясняется другими, болѣе общими причинами.

71). См. примѣч. 56).

72) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 5: „Устьвыми“.

73) Тамъ же №№ 2 и 3-й.

74) См. по примѣч. 56, Вол. Губ. Вѣд. № 34.

Новгородцевъ; 3) Св. Стефану, какъ говорятъ его жизнеописатели и преданія, при просвѣщеніи Зырянъ христіанствомъ, пришлось бороться главнымъ образомъ съ волхвами и чародѣями, особенно съ вліятельнѣйшимъ изъ нихъ—Памомъ; 4) Тѣ захоластья Пермской земли, куда христіанство проникло позднѣе, еще до сихъ поръ славятся искусствомъ своихъ колдуновъ: таковы въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ—Пинега и въ Яренскомъ—Удора. Но не только Пинега и Удора, а и весь Зырянскій край переполненъ колдунами, пользующимися большимъ вліаніемъ на народъ, — о чемъ подробно скажемъ въ послѣдствіи, и 5) На Удорѣ и Пинегѣ, какъ мы слышали отъ людей, лично наблюдавшихъ бытъ населенія этихъ мѣстностей, дѣйствительно сохранилось замѣчательное искусство напускать нѣкоторыя болѣзни (портить) и вылѣчивать ихъ.

Изъ божествъ, бывшихъ предметами почитанія Пермскаго народа, мы можемъ назвать только двухъ: *Войпеля* и *Золотую бабу*. Первое слово совершенно свободно переводится на русскій языкъ: оно состоитъ изъ двухъ зырянскихъ словъ: «Вой»—сѣверъ, ночь и «пель»—ухо, и слѣд. буквально значить сѣверное или ночное ухо; но мы ничего незнаемъ о свойствахъ этого божества. Въ грамотѣ Митрополита Симона къ Великопермскому князю Матвѣю Михайловичу, къ слову Войпель прибавленъ только эпитетъ—«болванъ». Г. Михайловъ, основываясь на грамматическомъ смыслѣ имени идола, говоритъ: «мы думаемъ, что этотъ истуканъ почитался неусыпнымъ стражемъ, вѣрнымъ хранителемъ, защитникомъ народа»⁷⁵⁾; но такое толкованіе болѣе, нежели произвольно.

Что касается до Золотой бабы, то тотъ-же Г. Михайловъ считаетъ ее тождественною съ Юмалой Финновъ: «у Финновъ, пишетъ онъ, это грозное, карающее божество изображалось, какъ извѣстно, въ видѣ злой, безобразной старухи и было въ особенности ими почитаемо. «Зыряне, какъ ближайшая отрасль Финновъ, усвоивъ формы ихъ языка, отъ нихъ-же заимствовали и мифологию. Да и самый идолъ «Золотая Баба», упоминаемый въ грамотѣ Архіепископа Симона, по нѣкоторымъ признакамъ, имѣетъ близкое сходство съ финскимъ «Юмала»; по смыслу грамоты справедливо можно догадываться, что онъ есть никто иной, какъ Юмала—въ чемъ убѣждаютъ насъ и преданія, и самыя слова лѣтописей, рѣзко характеризующія это дикогрозное божество, которое «Зыряне, стараясь умиловать богатыми приношеніями, всевозможно украшали драгоценными камнями, серебромъ и золотомъ, и мы думаемъ, что въ грамотѣ истуканъ этотъ названъ «Золотою Бабою» собственно «по богатству украшеній»⁷⁶⁾. Хотя вся эта тирада состоитъ изъ фразъ и произвольныхъ выдумокъ, основная

мысль ея, т. е., что Золотая Баба и Юмала тождественны, вѣрна: къ такому убѣжденію приводятъ слѣдующія соображенія: 1) Въ томъ, что Зыряне нѣкогда почитали Юмалу, трудно сомнѣваться. До сихъ поръ между ними существуетъ поговорка: «юма-баба кодъ локъ», что значитъ: страшна, зла, какъ «юма». Мы спрашивали одну Зырянку, свободно говорящую по-русски, о значеніи слова «Юма», и она не нашла выраженій, чтобы передать страшный смыслъ его. 2) Карамзинъ говоритъ, что⁷⁷⁾ Золотая Баба почиталась въ видѣ каменнаго идола старухи съ двумя младенцами, и что туземцы, убивая оленей, кровью ихъ мазали ротъ этого идола, который пророчествовалъ и *иногда въ окрестныхъ горахъ раздавался звукъ, подобный трубному* и пр. Послѣднее обстоятельство опять указываетъ на тожество Золотой Бабы и Юмалы; потому что, по сказаніямъ исландскихъ сагъ, Норвежцы Тореръ и Карлъ въ XI вѣкѣ, грабя истуканъ Юмалы гдѣ-то на Сѣверной Двинѣ, берега которой, какъ мы знаемъ, были заселены Пермскимъ народомъ⁷⁸⁾, пришли въ ужасъ, услышавъ страшный шумъ и трескъ, разбудившіе стражу, *которая затрубила въ рога*⁷⁹⁾. 3) Герберштейнъ, черезъ 500 лѣтъ послѣ того составлявшій свои записки о Московіи, сообщаетъ весьма интересныя для насъ свѣдѣнія о Золотой Бабѣ. Онъ между прочимъ говоритъ, что «Золотая Баба, т. е. золотая старуха есть идолъ у устьевъ Оби, въ области Обдорѣ; онъ стоитъ на правомъ берегу». Далѣе: «Разсказываютъ или, справедливѣе, баснословятъ, что этотъ идолъ Золотой Бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ въ утробѣ сына и что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говоря, ея внукъ. Кромѣ того говорятъ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ въ родѣ трубнаго. Если это такъ, то, по моему мнѣнію, это дѣлается оттого, что вѣтры сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты». Извѣстіе, сообщаемое Герберштейномъ, не только не противорѣчитъ сагѣ, но дополняетъ ее нѣкоторыми подробностями. Разница между ними только та, что идолъ Юмалы Торера и Карла находился въ низовьяхъ Сѣверной Двины, а идолъ Золотой Бабы Герберштейна—при устьѣ Оби, т. е. одинъ на западной, а другой на восточной оконечностяхъ территоріи, которая была занята перм-

77) Ист. Госуд. Рос. томъ V, гл. 1, по изд. 1830 г.

78) Что берега Сѣв. Двины нѣкогда были заселены Пермью, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы не будемъ утомлять вниманія читателя мелочными доказательствами такой истины, противъ которой никто не спорилъ; мы ограничимся указаніемъ на то, что св. Стефанъ, какъ увидимъ, въ концѣ XIV в. нашелъ еще Зырянъ на Двинѣ (Пырасъ); что ниже Пыраса и даже заштатнаго города Красноборска есть волость Пермгорье (Сольвычегодскаго уѣзда), и въ самомъ почти устьѣ Двины—Ровдина Гора (см. прилѣч. 25).

79) Ист. Госуд. Рос. томъ II, прилѣч. 62, по изд. 1830 г.

75) Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 2: «Устьвыми».

76) Тамъ-же.

скою народностью; но такое разнорѣчіе намъ даетъ новый поводъ думать, что тоже божество почиталось и на всемъ пространствѣ, заключающемся между двумя названными рѣками. Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что Зыряне въ лицѣ Золотой-Бабы или Юмалы почитали какое-то страшное, кровожадное божество.

Вообще думаютъ, что въ жертву идоламъ Зыряне приносили звѣринныя шкуры, что, безъ всякаго сомнѣнія, справедливо: съ одной стороны, такого рода жертвоприношенія у народа, который исключительно занимался звѣроловствомъ, весьма естественны; а съ другой—добыча Торера и Карла, ограбившихъ храмъ Юмалы, состояла изъ драгоценныхъ мѣховъ.—Нельзя сомнѣваться также и въ томъ, что въ жертву богамъ приносились не только шкуры животныхъ, но и самыя животныя. Не говоря уже о томъ, что ротъ идола Золотой-Бабы намазывался кровью убитыхъ оленей, даже нѣкоторые обычаи нынѣшнихъ Зырянъ напоминаютъ древнія приношенія въ жертву животныхъ: и теперь, въ праздничные дни и въ особыхъ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, они колютъ при церквахъ домашнихъ животныхъ; тутъ-же ихъ варятъ и ѣдятъ,—чему противодѣйствуетъ даже духовенство, именно потому, что считаетъ такіе обряды остатками язычества⁸⁰⁾. Вспомнимъ наконецъ

⁸⁰⁾ Объ этихъ обычаяхъ въ своемъ мѣстѣ мы будемъ говорить подробно, а пока сдѣлаемъ слѣдующую выписку изъ статьи г. А. Попова „Путевыя замѣтки на пути отъ Устьемсольска къ Вышерскому селенію“ (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 10—12): «Съ того времени, какъ на Вышерѣ явилась икона Божіей Матери, обычной жертвоприношенія началъ совершаться съ особенною торжественностью. Въ (?) каждый разъ, когда нужно было совершить обрядъ жертвоприношенія въ честь явившейся Божіей Матери, утромъ рано прибѣгалъ къ церкви олень, самый красивый и тучный. Жители замѣчали, что онъ всегда казался усталымъ, и потому съ вѣроятностью заключали, что пространство его бѣга было далекое и что онъ не могъ кѣмъ нибудь быть приученъ къ явленію въ извѣстный день. Случалось, что иногда животное опаздывало; но жители всегда были увѣрены въ непремѣнномъ исполненіи непостижимой Воли, и вѣра въ такомъ случаѣ всегда оправдывалась. Поэтому, если животное, сверхъ ожиданія, долѣе обыкновеннаго не являлось, то и богослуженіе не начиналось до его прихода. Но впоследствии въ каждый годъ стали замѣчать несвоевременное явленіе оленя и его чрезвычайную усталость и худощавость. Незная причины неблагоприятныхъ признаковъ въ животномъ, все это стали относить къ ослабленію вѣры и къ умноженію грѣховъ въ народѣ; немедленно обращались къ раскаянію и молитвамъ и таинственное животное въ назначенный день немедленно прибѣгало. Наконецъ, въ одинъ годъ необыкновенно долго ждали прихода его, и когда, потерявъ уже всякую надежду, рѣшились, въ исполненіе обычая, принести жертву изъ домашнихъ животныхъ, вдругъ, послѣ богослуженія, прибѣгаетъ жертвенное животное, и, свидѣвая, что оно замѣнено другимъ, падаетъ тутъ же мертвымъ. Съ тѣхъ споръ таинственный олень болѣе не являлся... При входѣ въ церковь показывалъ обломки оленьяго рога, весьма похожаго на кисть человѣческой руки съ пальцами; его считаютъ свидѣтельствомъ преданія о давномъ иудеѣ. Ижемцы, въ проѣздъ по здѣшнему селенію, всегда стараются приобрести хотя маленькій кусочекъ, который у нихъ печатается талисманомъ для умноженія своихъ стадъ и т. д. «Ижемцы занимаются оленеводствомъ». (См. примѣч. 1).

ранѣе сказанное нами о сѣтованіяхъ современнаго духовенства на новообращенныхъ Пермьковъ за то, что они употребляли въ пищу нечистое и идоложертвенное.— Кроме того, что уже выше сообщено о наружности идоловъ, мы не можемъ умолчать, что, какъ видно изъ одного извѣстнаго намъ преданія, они были и деревянные⁸¹⁾.

⁸¹⁾ Здѣсь мы приведемъ это преданіе, на которое уже ссылались и будемъ еще сослаться, въ томъ видѣ, какъ оно записано авторомъ статьи «Ягъ - Мортъ» (Волог. Губери. Вѣдом. 1855 года № 19 и 20), за исключеніемъ не имѣющихъ никакого значенія оразъ. Для краткости мы расскажем тамъ своими словами и вступленіе въ эту статью. Въ полуверстѣ отъ Ижемскаго селенія впадаетъ въ р. Ижму рѣчка Куча. На берегу послѣдней возвышается небольшой холмикъ. «Всякій (подлинныя слова автора статьи: «Ягъ - Мортъ»), проходящій мимо этого холмика, непремѣнно долженъ бросить на него камень, сушь, палку или что-бы то ни было», и, вдобавокъ, плюнуть. Это ведется съ незапамятныхъ временъ и туземнымъ жителямъ обратилось въ привычку. Кто почему-либо не исполнитъ такого обряда, того старики какъ разъ объявятъ «вольнотумцемъ, человѣкомъ легкомысленнымъ, неуважающимъ отеческихъ обычаевъ... Объ этомъ холмикѣ много странныхъ басень ходитъ въ народѣ, и всѣ они основаны на чертовщинѣ. Старикъ увѣряетъ, что въ прежнее время очень часто, особенно въ темныя осеннія ночи, запоздалые путники встрѣчали тамъ какихъ-то ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, и курганъ обнимался синеватымъ огненнымъ пламенемъ; нерѣдко слышались тамъ нечеловѣческіе вопли и завыванія. Вотъ образчикъ сѣверной легенды— преданіе, которое удалось мнѣ однажды слышать въ Ижемскомъ селеніи... Въ эпоху отдаленной древности, когда еще на берегахъ Печоры и Ижмы разсѣяно жили полудикія чудскія племена и, незная хлѣбопашества, питались отъ промысла звѣрей и рыбъ, когда они еще не знали истиннаго Бога и поклонялись богамъ каменнымъ и деревяннымъ,—въ дремучемъ лѣсу, окружающемъ одно изъ чудскихъ селеній, появился человѣкъ необыкновенный. Ростомъ онъ былъ едва ли не съ добрую сосну, по голосу, по виду—дикій звѣрь. Лицо, обросшее черною, какъ смоль, бородою; глаза, налитые кровью и дико свергающіе изъ подъ густыхъ бровей; косматая одежда изъ невыдѣланной медвѣжьей шкуры: вотъ примѣты этого человѣка, котораго туземцы называли *Ягъ-Мортъ*, т. е. лѣснымъ человѣкомъ;— и названіе это вполне соответствовало образу его жизни: никто не зналъ ни роду, ни племени Ягъ-Морта, никто не вѣдалъ, откуда онъ появился между чудскими жилищами. Ягъ-Мортъ ни съ кѣмъ изъ туземцевъ не имѣлъ сообщенія. Онъ жилъ въ глубинѣ дремучаго лѣса въ недоступныхъ тущобахъ, разсѣянныхъ по берегамъ р. Кучи, и появлялся между людскими жилищами только для грабежа и убійствъ. Робкіе Чудинцы избѣгали всякой съ нимъ встрѣчи. Одно имя Ягъ-Морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей; женщины страшались шаловливыхъ дѣтокъ своихъ:

Ягъ-Мортъ ыдымъ, кудъ буръ козь,
Ягъ-Мортъ сіодъ, кудъ паць шомъ;
Инь бордъ, ціо Ягъ-Мортъ воасъ;
Кудцянъ бордынъ—тѣнъ селъ.

т. е. Ягъ-Мортъ великъ, какъ добрая оль; Ягъ-Мортъ черенъ, какъ печной уголь! Не плачь—замолчи. Ягъ-Мортъ придетъ; станешь плакать—тебя съѣстъ:

«Такъ обыкновенно пѣла молодая чудинка, стараясь унять плачущее дитя свое.

«Для наведенія своихъ на селенія, Ягъ-Мортъ обыкновенно избиралъ ночное время, и тогда, во краѣ, освѣщенномъ нерѣдко заре-

О почитаніи стихійныхъ божествъ источники вовсе не говорятъ, но оно, конечно, существовало. Въ настоящее время у Зырянъ есть водяные, лѣшіе, домовые, овинные, банные. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ вѣрованій заносныя, каково напримѣръ вѣрованіе въ овиннаго, такъ какъ овинновъ у народа, незанимавшася хлѣбопашествомъ, быть не могло; но другія, несомнѣнно, древняго происхожденія. Въ числѣ послѣднихъ первое

воиъ пожара, каждый шагъ его обозначался кровью и опустошеніемъ. Онъ уводилъ, рвалъ спотъ, похищалъ женъ и дѣтей. Ненависть Ягъ-Морта по всему живущему простиралась до того, что онъ часто безъ всякой причины убивалъ встрѣчнаго и поперечнаго. Выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника, Чудинцы всѣми мѣрами старались погубить его: они ловили его, какъ дикаго звѣря, строили засады, но ничто не помогало. Хитрости противопоставлялъ онъ хитрость; Открытая сила была не по плечу робкимъ Чудинцамъ. И во всемъ Запечорѣ не выискалось молодца, чтобы осмѣлился помѣряться силами съ Ягъ-Мортомъ: размахъ вражескаго топора былъ ему ни почемъ, удары копій отражалъ онъ налицу, а стрѣлы отсканивали отъ костяной груди его. Въ добавокъ Ягъ-Мортъ слылъ въ народѣ великимъ чародѣемъ: въ водѣ не тонувъ, и въ огнѣ не горѣлъ... Скотскій падежъ, бездождіе, безвѣтріе и вообще всѣ эмическія бѣдствія и даже нѣкоторыя необыкновенныя явленія природы суетвѣрная Чудь приписывала врачнымъ волхованіямъ Ягъ-Морта. Онъ повелѣвалъ стихіями, поначалъ звѣзды, солнце и луну и, по понятіямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародѣя-разбойника, и потому онъ царствовалъ безнаказаннымъ опустошителемъ въ врачныхъ лѣсахъ Запечорья.

«Разъ у старшины одного изъ чудскихъ селеній пропала дочь—красавица, какой не выдввали еще между Чудью. Проходить дѣсь, два, проходить недѣля. — прекрасной Райды *) нѣтъ, какъ нѣтъ! Мать ея выплавала глаза отъ слезъ; отецъ, женихъ выходили всѣ ближніе селенія, всѣ лѣса окрестные; но не нашли нигдѣ Райды. Вотъ, кликнули кличъ, созвала народъ на совѣщаніе, объявили горестную утрату и всѣ безъ изыятія старые и малые утвердили, что „весеенему цвѣту Райдѣ нельзя такъ рано увянуть, что если она утерилась, то это непремѣнно должно быть дѣломъ рукъ злаго Ягъ-Морта: онъ позавидовалъ цвѣтущей красотѣ Райды, онъ похитилъ ее и увлекъ въ свою звѣриную берлогу... Но, горе намъ! промолвили старшии: нѣтъ суда на Ягъ-Морта; мы ничего не можемъ противъ могучаго чародѣя. Райда погибла“... Но не удовольствовались такимъ рѣшеніемъ удалой женихъ Райды; не удовольствовались имъ и прочіе молодые парни, советатели руки красавицы. Они снова кликнули кличъ; взволновали все Запечорье; собрали нѣсколько десятковъ удалцовъ завзятыхъ и въ общемъ совѣтѣ положили: во чтобы то ни стало отыскать жилище Ягъ-Морта, схватить его живаго или мертваго, погубить, смечь окаяннаго чародѣя, хотя-бы самимъ погибнуть. И, вотъ, составилось ополченіе; ратники вооружились стрѣлами, копьями, копоригами (такъ называлось орудіе, родъ копача), вилами—кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ—сто противъ одного! Но этотъ одинъ былъ не простой человѣкъ, а силачъ необыкновенный, страшный разбойникъ, и, въ добавокъ, чернокожнникъ (sic), а толпа отважныхъ охотниковъ не безъ тайнаго страха ожидала встрѣчи съ Ягъ-Мортомъ: онъ не являлся; нѣсколько сутокъ прошло въ тщетныхъ поискахъ. Но Чудинцы не отступались отъ принятаго намѣренія и не возвращались домой. Наконецъ, они вздумали подняться на хитрость: встѣли въ густомъ лѣсу на угорѣ р.

*) По примѣчанію автора Райда есть имя, общее почти всѣмъ чудскимъ преданіямъ.

мѣсто занимаетъ водяной. Замѣчательно, что названія всѣхъ другихъ нечистыхъ духовъ или чисто русскія, напр. домовая—«сусѣдко», или буквальные переводы съ русскаго; а водяной, кромѣ переводнаго, имѣетъ и чисто Зырянское—«кулъ». Отъ этого корня—«кулъ» произошло слово—смерть «кулъ». Отъ него-же произошли названія множества рѣкъ въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ ⁸²⁾.

Есть основаніе думать, что древніе Зыряне почитали души умершихъ предковъ въ видѣ «Орта», изъ чего и

Ишмы, близъ тропинки, по которой обыкновенно проходилъ разбойникъ. Незавѣстно долголи хитрецы наши таились въ засадѣ; но вотъ однажды Ягъ-Мортъ переходитъ въ бродъ р. Ишму, прямо противъ того мѣста, гдѣ они притаились и, казалось, прямо идетъ на нихъ: тутъ, вѣроятно, не одно чудское сердце замерло отъ страха; но трусить было уже поздно. Чудинцы поневолѣ должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только неприятель ступилъ на сухой берегъ,—копья, стрѣлы, каменья градомъ посыпались на него изъ чащи лѣса. Изумленный стоиъ внезапнымъ нападеніемъ, ошеломленный первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился; но не отступилъ ни шагу.... Онъ сталъ и, казалось, грознымъ взглядомъ измѣрялъ пространство, отдѣлявшее его отъ враговъ.... а безчисленные удары сыпались ему на грудь.... Потомъ взревѣлъ, какъ дикій звѣрь, взмахнулъ тяжелою сѣкирою, и понесся въ средину нападающихъ. Чудинцы на минуту окружили его со всѣхъ сторонъ и началась страшная битва.... Ягъ-Мортъ долго съ яростнымъ ожесточеніемъ отбивался отъ многочисленной толпы озлобленныхъ противниковъ; палица его размахалась смертью надъ головами Чудинцевъ; огромный топоръ его упиался ихъ кровью. Онъ многихъ положилъ на мѣстѣ, и, наконецъ, самъ изнемогъ: усталость, раны обезсилили его; онъ палъ на землю, обогренную кровью своихъ побѣдителей; и торжествующіе Чудинцы схватили Ягъ-Морта, отсѣли ему руки; но оставили живаго; грозилъ отрубить голову, если онъ не откроетъ своего жилища, и обезкураженный силачъ-волшебникъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей; онъ повелъ ихъ далѣе въ чашу лѣса, гдѣ, на высокомъ берегу р. Кучи, выкопана была огромная пещера, служившая убѣжищемъ Ягъ-Морта. Близъ устья этой пещеры, на большой грудѣ разнаго хлама, лежалъ полуотслабшій трупъ человѣческій. Это были обезображенные остатки прекрасной нѣгогда Райды, такъ рано погибшей жертвою лютаго разбойника. Въ глубинѣ пещеры Чудинцы нашли множество разнаго добычи, сложили все въ кучу и сожгли, а страшный притонъ Ягъ-Морта засыпали землемъ, забросали камнями, заклали бревнами; потомъ привели обратно своего пленника на то мѣсто, гдѣ онъ попался имъ въ первый разъ, отрубили ему голову, въ спину забили осиновый колъ, а трупъ разбойника закопали въ землю (по другимъ преданіямъ Ягъ-Морта сожгли живаго и пепелъ его зарыли въ землю) въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится холмикъ, слывшій въ народѣ именемъ Ягъ-Морта.

Мы не вступаемъ въ критическій разборъ преданія, которое явно разукрашено праздными цвѣтами просторѣчія, не смотря на то, что мы пропустили многія оразы, когда черезъ это не терялся общій смыслъ разсказа.

Наша Баба-яга не сродни ли Ягъ-Морту?

⁸²⁾ Замѣчательно, что названіе рѣки Кулои въ Вельскомъ уѣздѣ не склоняется: куда ты поѣхалъ?—На Кулою. Откуда ты пріѣхалъ?—Съ Кулою. Черезъ какую рѣку переѣхалъ?—Черезъ Кулою и т. д. Ясно, что это чисто зырянское «Куло».—«Ракулъ» есть въ Вологодскомъ и Кадниговскомъ уѣздахъ, въ Вельскомъ—2, а въ Сольвычегодскомъ еще болѣе.

слѣдуетъ заключить, что они вѣрили въ загробную жизнь. Къ этому вѣрованію мы возвратимся послѣ ⁸³⁾.

Несомнѣнно также, что Зыряне поклонялись священнымъ деревьямъ, какъ видно изъ дошедшаго до насъ преданія о срубленной св. Стефаномъ *прокудливой березѣ* ⁸⁴⁾.

О волхвахъ, какъ посредникахъ между людьми и богами, мы уже упоминали. Теперь замѣтимъ только, что они пользовались большимъ вліяніемъ на общественныя дѣла: въ житіи св. Стефана о волхвѣ Памѣ сказано: «Его-же пермстїи людіе прежде крещенїя своего почитаху

паче всѣхъ волхвовъ и имѣяху того, яко отца, и учителя, и наставника, вѣрующе управляемой быти того волхвованіемъ всей земли Пермстїей».

Изъ всего сказаннаго о древнепермской религіи видно, что принадлежность ея составляли идолы. Гдѣ они теперь? Положимъ, что деревянные могли сгорѣть, сгнить; но каменные? Кромѣ того, по находимымъ въ чудскихъ могилахъ жѣднымъ коньякамъ, можно заключить, что были и металлическіе идолы. Неужели все это пропало и никогда не будетъ отыскано?—Этого вопроса мы еще коснемся въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить о судьбѣ древнепермской письменности.

Г Л А В А І V.

О Ч Е Р К ъ И С Т О Р І И З Ы Р Я Н С К А Г О К Р А Я.

Устьвымъ г. Михайлова.—Мнѣнія о происхожденіи Зырянъ.—Толкованіе слова Біармія.—Знакомство съ Зырянами Новгородцевъ и Норманова.—Разсказъ Гюрати Роговича.—Власть Москвы.—Св. Стефанъ Пермскій.—Приготовленіе св. Стефана къ проповѣди.—Обстоятельства, облегчившія успѣхъ проповѣди: поддержка великаго князя; несостоятельность древней пермской религіи; предварительная пропаганда Новгородцевъ.—Начало проповѣди: Пырась, Гамъ, Устьвымъ.—Посрамленіе Памы и торжество христіанства.—Хиротонїя св. Стефана въ санъ епископа.—Результатъ его дѣятельности.—Зырянскія писмена и переводы св. Стефана.—Судьба ихъ.—Учрежденіе школъ и судьба ихъ.—Кончина св. Стефана.—Преемники его: Исаакій, свв. Герасимъ, Питиримъ и Іона, Филофей.—Дальнѣйшая судьба Пермской епархіи.

Зыряне, какъ народъ, не имѣютъ исторіи въ собственномъ смыслѣ этого слова. Если-же считать исторіею процессъ обрусѣнія ихъ, то мы не имѣемъ возможности хронологически прослѣдить моменты его; такъ какъ, по самому свойству дѣла, нѣтъ необходимыхъ для того источниковъ, да и быть не можетъ: утрата Зырянами племенной особенности совершалась и совершается безъ скачковъ, безъ наружнаго насилія, такъ сказать органически, сама собою, и незамѣтно ни для посторонняго наблюдателя, ни для самихъ Зырянъ. Только одно событіе въ жизни Зырянскаго народа имѣетъ свойство факта историческаго—это принятіе христіанства. Потому-то г. Михайловъ, который видимо старался написать исторію Зырянъ, озаглавилъ свой трудъ «Устьвымъ», ибо только къ исторіи Устьвмской епархіи и можно механически привязать разныя событія, совершавшіяся въ предѣлахъ Зырянскаго края или близъ него. Собственно же всѣ эти событія принадлежатъ русской исторіи.

«Устьвымъ» г. Михайлова, относительно весьма обшестившій трудъ: онъ, вмѣстѣ съ отдѣльно напечатаннымъ продолженіемъ его «Достопримѣчательности Устьвыма» за-

нимаетъ 40 номеровъ неофициальной части Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей ⁸⁵⁾. Но содержаніе далеко не соотвѣствуетъ объему монографіи. Растянутость ея только вредитъ дѣлу, и вредитъ сильно. Авторъ, видимо, желалъ, чтобы сочиненіе его составило цѣлую большую книгу. Для достиженія такой цѣли, онъ безпрестанно употребляетъ голыя фразы и прибѣгаетъ къ повтореніямъ; входитъ въ разсужденія о предметахъ къ дѣлу не относящихся, какъ наприм. объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ Московскимъ, о покореніи Вятки и Сибири и т. п. Мало того, разсыпая фразы и ни начемъ не основанныя умозаключенія, онъ чуть не на каждомъ шагу забывается, самъ себѣ противорѣчить и иногда съ ироніею и упреками пространно опровергаетъ собственные свои положенія, какъ чужія. — Всѣ эти недостатки сочиненія г. Михайлова особенно потому прискорбны, что самъ онъ отнимаетъ возможность провѣрить его слова по источникамъ: онъ любитъ цитировать Карамзина и нѣкоторыя другія общеизвѣстныя и всякому доступныя изданія, а между тѣмъ нигдѣ не указываетъ точно на тѣ источники, которыми онъ какъ будто пользовался

⁸³⁾ См. въ главѣ X.

⁸⁴⁾ См. примѣч. 106.

⁸⁵⁾ 1850 г. «Устьвымъ» — ЖМ 1—14, 16, 17, 19—22, 25, 27, 28, 30, 32, 34, 35, 38—42, 44—46, 49, 50 и 52 и 1851 г. — «Достопримѣчательности Устьвыма» — ЖМ 17 и 44.

и которыя только ему одному или немногимъ извѣстны, что даетъ даже поводъ сомнѣваться въ существованіи такихъ источниковъ. Наконецъ, желая придать неподобающую важность предмету своего труда, онъ явно искажаетъ историческую истину: такъ напр. о разбойничьихъ набѣгахъ на Устьямы не одинъ уже разъ нами упомянутого Вогульскаго князья Асыки рассказываетъ, какъ о глубоко обдуманыхъ и строго рассчитанныхъ походахъ какого нибудь великаго завоевателя.

Поэтому мы, излагая исторію Зырянскаго края, хотя и будемъ имѣть въ виду труды г. Михайлова, такъ какъ въ нихъ все-таки заключаются нѣкоторыя интересныя данныя; но не иначе, какъ каждый разъ подвергая ихъ тщательной критикѣ.

Мы уже не одинъ разъ имѣли случай упоминать, что, по мнѣнію лингвистовъ, Зыряне, какъ и всѣ народы Финскаго племени, вышли изъ Азіи. Такое мнѣніе не подлежитъ спору. Но, желая быть вѣрными своей задачѣ—передать все то, что было писано объ этихъ инородцахъ, не можемъ не сообщить и несогласныхъ съ нашимъ мнѣніемъ о томъ же предметѣ.

Большая часть лицъ, задававшихъ вопросамъ о происхожденіи Зырянъ, впали въ одну общую ошибку, почему всѣ попытки ихъ правильно разрѣшить его не имѣли успѣха. Всѣ они, за недостаткомъ положительныхъ историческихъ извѣстій, обратились къ толкованію значенія слова «Зыряне», производя его отъ зырянскихъ корней и забывая, или не зная, что оно чисто русское.

Г. Михайловъ, не смотря на то, что въ перечнѣ содержанія XII-й главы своего «Устьямы» намекнулъ, что слово «Зыряне» не туземное, все таки усиливается объяснить его зырянскимъ языкомъ и даже явно русское окончаніе множественнаго числа его „яне“ производить отъ Зырянскаго „ань“—женщина. Самый корень онъ производитъ отъ „саръ“, которое, по словамъ его, «выражаетъ понятіе о чемъ то святомъ, высокомъ, неземномъ, блаженномъ, а иногда то блаженство и святость, то почтеніе и уваженіе, приличныя царямъ», и такимъ образомъ выходитъ, что «Саране, Сырьяне, Срьяне, Сыряне, «изъ которыхъ окончателно образовалось нарицательное «Зыряне», значить люди, почитающіе святую женщину, т. е. золотую бабу или юмалу. Но такъ какъ изъ этого еще не видно, откуда произошли Зыряне, то г. Михайловъ обратился къ толкованію собственнаго названія ихъ «Коми-войтыръ», и пришелъ только къ одному справедливому заключенію, что Зыряне и Пермьяки одинъ народъ ⁸⁶⁾.

Г. Устюжанинъ (псевдонимъ) производитъ слово Зырянинъ отъ «зыродоможъ» *вяттсьенный*, и полагаетъ, что этотъ народъ переселился на мѣсто настоящаго жительства съ береговъ Балтійскаго моря. Такое мнѣ-

ніе онъ подтверждаетъ сближеніемъ названій урочищъ въ той и другой мѣстности ⁸⁷⁾.

Г. А. Поповъ утверждаетъ, что слово Зыряне происходитъ отъ «зырны»—вытѣснять, и значить *вяттсьенные, сдвинутые*, и именію изъ Сольвычегодскаго уѣзда или съ береговъ Сухоны, о чемъ мы уже упоминали ⁸⁸⁾; или отъ «зыръ» лопата. Въ послѣднемъ случаѣ онъ не дѣлаетъ никакого заключенія о происхожденіи Зырянъ, —да и не легко, кажется, сдѣлать это.

Вообще толкованія, основанныя на произвольномъ искаженіи словъ, ведутъ только къ курьозамъ. Для образца мы приведемъ попытку г. Михайлова отъ зырянскихъ корней произвести слово Біармія, а изъ Біармінъ сдѣлать Пермь. По его словамъ, «Біармія», иначе «Біурмія» можетъ состоять: Во 1-хъ изъ словъ «би» огонь, «урь»—бѣлка и «му»—земля: тогда выйдетъ: Біурму, Біурмія или Біармія, т. е. «земля огненной бѣлки», во 2-хъ изъ «би» огонь, «арягъ» сокращенно «аръ»—годъ, осень и «му»—земля; тогда выйдетъ Біарму, Біармія, т. е. «Земля годоваго огня», и въ 3-хъ изъ «би» —огонь, «югеръ» —лучъ и «му» —земля, и тогда выйдетъ Біюгерму, Біюгрму, Біюгрмія, Біармія, т. е. «земля огненныхъ лучей». Изъ Біармінъ опять выходитъ Пермь—такимъ образомъ: Біармія, Піермія, Пермья, Пермь ⁸⁹⁾. Вся эта игра словами пушена въ ходъ для того, чтобы доказать, что Пермь входила въ составъ Біармінъ, съ чѣмъ никто никогда не спорилъ, да и надобности спорить нѣтъ и не было.

Норманны давно знали Біармію, по крайней мѣрѣ ту ея часть, которая прилегала къ Бѣлому морю ⁹⁰⁾. Но собственно съ Зырянами, кажется, первые познакомились Новгородцы ⁹¹⁾. Не вдаваясь въ бесполезныя подробности, мы прямо приведемъ переданный препод. Несторомъ рассказъ Гюряти Роговича о сношеніяхъ новгородскихъ промышленниковъ съ приуральскимъ народомъ Югрою, что нынѣ Остяки: «Сказа ми Гюряти Роговичъ Новгородецъ, глагола сице: яко посла отрокъ свой на Печору, «людіе, яже суть дань дающе Новгороду, и пришедшу «отроку моему къ нимъ и оттуду иде въ Югру. Югра же «языкъ есть нѣмъ и съсѣдятся съ Самоѣды на полночныхъ «странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: Дивно находимъ «чюдо, егоже несемы слышали прежде сихъ лѣтъ, сеже «третье лѣто поча быти. Суть горы, зайдуче лужморя, «нимъ же высота до небеси и въ горѣ той просѣчено окон- «це мало и ту де молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, да «скажутъ на желѣзо, и помагають рукою просяче желѣза.

⁸⁷⁾ См. примѣч. 9.

⁸⁸⁾ См. примѣч. 13.

⁸⁹⁾ См. примѣч. 86.

⁹⁰⁾ См. примѣч. 78.

⁹¹⁾ Г. Мельниковъ въ статьѣ своей «Селеніе Сидоръ и озеръ того же имени въ Яренскомъ уѣздѣ» (Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24) говоритъ, что въ сѣверной части Яренскаго уѣзда есть урочище, называемое «Лапла-луны» и думаетъ, что это названіе скандинавское. Мы отказываемся высказать къ этому предмету какое-нибудь мнѣніе.

⁸⁶⁾ См. по предъидущему прим. № 14 Волог. Губ. Вѣд. 1850 г.

«кто даетъ имъ ножъ, ли съкиру, даютъ скорою противу. «Есть же путь до горъ тѣхъ и не проходимо пропастьми, «снѣгомъ и лѣсомъ». Изъ этого разсказа вытекають слѣдующіе выводы: 1) Новгородцы въ XI столѣтіи уже брали дань съ Печоры, слѣд. и со всѣхъ Зырянъ, находившихся по пути туда; 2) уже въ это время Зыряне (Печора) по сравненію съ Югрою (Остягами) считались старыми знакомыми, потому что послѣднюю Гюряти называетъ языкомъ нѣмымъ; значить, языкъ Печорцевъ Новгородцамъ тогда былъ хорошо извѣстенъ; 3) Новгородцы имѣли понятіе даже о Самоѣдахъ; и 4) они имѣли тамъ торговыя дѣла, мѣняя металлическія издѣлія на мѣха. — Разсказъ Гюряти подтверждается и другими лѣтописными извѣстіями, каково наприм. о походѣ Новгородца Улѣба къ Желѣзнымъ Воротамъ ⁹²⁾ въ 1032 году. За тѣмъ, мы не видимъ надобности перечислять безсодержательные факты, свидѣтельствующіе о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Зырянскимъ краемъ; но должны замѣтить, что сношенія эти были весьма оживленны: есть извѣстія, что даже русскіе князья черезъ Пермскую землю ѣздили въ Орду, какъ напр. великій князь Дмитрій Михайловичъ Тверской въ 1324 году ⁹³⁾.

Вскорѣ стали домогаться обладанія этою страню Московскіе Великіе Князья и въ XIV вѣкѣ вся она, кромѣ Печоры, уже принадлежала имъ; да и на Печору Иванъ Даниловичъ Балига и др. посылали своихъ *третниковъ и наймитовъ* ⁹⁴⁾. Мы не знаемъ только, въ чемъ выражалась великокняжеская власть. Впрочемъ есть извѣстіе, что въ то время (послѣ 1376 г.), когда св. Стефанъ приступилъ къ проповѣди Евангелія Зырянамъ, волахвы ихъ говорили: «Отъ Москвы можетъ-ли что добро быти «намъ? Не оттуда-ли тяжести намъ быша, и дани тяжкія, и насиѣства, и тивуны, и доводчики, и приставники?» ⁹⁵⁾. Судя по званіямъ администраторовъ, можно думать, что Зырянскій край управлялся на общемъ тогда основаніи, а, по общему смыслу извѣстія, что власть Великаго Новгорода казалась туземцамъ болѣе сносною, нежели власть Москвы.

При такихъ обстоятельствахъ началъ св. Стефанъ дѣло просвѣщенія Пермскаго народа Христіанствомъ.

Онъ былъ уроженецъ Устюга-Великаго, сынъ соборнаго причетника, прозвищемъ Храпа. Рожденію его предшествовало пророчество Св. Прокопія устюжскаго. Когда мать св. Стефана Марія была еще 3-хъ лѣтнею отроковицею, св. Прокопій, замѣтивъ ее въ храмѣ, поклонился ей до земли, и сказалъ: «се, грядетъ мати великаго учителя пермскаго!» ⁹⁶⁾ Такимъ образомъ еще въ юности

св. Стефанъ могъ познакомиться съ Зырянами, жившими тогда въ окрестностяхъ Устюга, а, можетъ быть, и въ самомъ Устюгѣ. По словамъ Герберштейна, въ его время, Устюжане еще говорили особымъ языкомъ; слѣд. этотъ городъ былъ тогда тоже, что теперь Устьсысольскъ, т. е. чиновничій классъ его жителей и, можетъ быть, кунечество были русскіе, а всѣ остальные—Зыряне. Правда, достовѣрно извѣстно, что св. Стефанъ началъ проповѣдь Слова Божія съ Пыраса, находящагося въ 60 верстахъ отъ Устюга; но Пырасъ могъ составлять границу между крещеными и некрещеными Зырянами, а первые могли жить не только въ ближайшихъ окрестностяхъ Устюга, но и въ немъ самомъ. Тотъ-же писатель передаетъ, что еще до св. Стефана Зыряне съ какого-то проповѣдника—епископа содрали съ живаго кожу. Значить, попытки просвѣтить Пермь христіанствомъ были и ранѣе. Положимъ, что такое извѣстіе въ подробностяхъ дошло до Герберштейна въ искаженномъ видѣ; но въ существѣ оно не можетъ быть вымышленнымъ. Подозрѣвать же самого этого добросовѣстнаго писателя въ вымыслъ нѣтъ никакого основанія.

Итакъ св. Стефанъ могъ и даже долженъ былъ знать Зырянскій языкъ, какъ природный, а можетъ быть еще, что и самъ онъ былъ зырянскаго происхожденія. — Родители съ юныхъ лѣтъ стали готовить его къ духовному званію и онъ, будучи еще отрокомъ, помогалъ отцу въ должности чтеца и канонарха. Въ 1366 году, достигнувъ совершеннолѣтія, онъ отправился въ Ростовскій Григорьевъ монастырь, гдѣ нашелъ будто-бы богатую, по тому времени, библіотеку. Вскорѣ онъ былъ возведенъ въ санъ іеромонаха; изучилъ, будто-бы, греческій языкъ ⁹⁷⁾, и занялся переводами Священныхъ книгъ на Зырянскій языкъ, для чего изобрѣлъ особыя Зырянскія буквы. — Приготовивъ такимъ образомъ все, что было нужно для успѣшнаго достиженія давно поставленной цѣли, т. е. обращенія въ христіанство Пермскаго народа, онъ отправился въ Москву просить благословенія на подвигъ у завѣдывающаго тогда Московскою Митрополіею Коломенскаго епископа Герасима. — Преосвященный Герасимъ снабдилъ его св. Мѣромъ и антиминсами на случай успѣха предпріятія, а великій князь Василій Димитріевичъ далъ ему охранныя грамоты, для личной безопасности.

Въ 1376 году св. Стефанъ изъ Москвы отправился въ Устюгъ.

Г. Михайловъ, приступая къ разсказу объ апостольскихъ подвигахъ св. Стефана, старался преувеличить предстоявшія ему препятствія. Но слава Пермскаго Апостола не нуждается ни въ преувеличеніи заслугъ его, ни, особенно, въ искаженіи истины. Однимъ изъ главныхъ

⁹²⁾ Мы думаемъ, что Желѣзныя ворота находятся на р. Шугорѣ (Чугуръ), впадающей въ Печору съ правой стороны (Волог. Губ. Вѣд. 1866 г. № 47: («Рѣка Шугоръ» г. Ф. Арсеньева).

⁹³⁾ Ист. Госуд. Росс. Т. IV, гл. 8-я, по изд. 1851 г.

⁹⁴⁾ Акт. Юрид. №№ 1, 2, 3 и др.

⁹⁵⁾ См. по примѣч. 85 № 2, Волог. Губ. Вѣд. 1850 г.

⁹⁶⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1847 г. № 2: „О св. Стефанѣ Пермскомъ.“

⁹⁷⁾ Тамъ же. Мы вполне увѣрены, что св. Стефанъ не зналъ греческаго языка, ибо въ переводѣ его херувимской пѣсни, какъ скоро увидимъ, слово «доривосима» перевелъ — «дары несутся».

препятствій успѣху проповѣди авторъ «Устьвыма» считаетъ то, что при св. Стефанѣ были великокняжескія охранныя грамоты, такъ какъ, будто-бы, туземцы особенно нападали на эти грамоты, а не на личность проповѣдника. Странное соображеніе! Если бы грамоты могли вредить дѣлу, то св. Стефанъ, лучше насъ знавшій Зырянь и современныя обстоятельства, имѣлъ полную возможность не брать ихъ, не обнаруживать и даже уничтожить. Дѣйствительно, Зыряне, можетъ быть, не были въ то время расположены къ Москвѣ: «отъ Москвы можетъ ли что добро быти намъ? Не оттуда ли тяжести намъ быша? И дани тяжкія? и насильства, и тивуны и доводчики, и приставницы?» Но смиренный монахъ явился въ Зырянскій край не для сбора дани, не въ качествѣ тиуна, доводчика и пристава. При томъ-же Зыряне должны были знать, что онъ Устюжанинъ; они слышали, что онъ говоритъ на ихъ языкѣ.

Напротивъ, тогдашнія обстоятельства не только не препятствовали, но скорѣе способствовали успѣху проповѣди:

1. Вопреки соображеніямъ г. Михайлова, великокняжескія охранныя грамоты принесли огромную пользу: онѣ не только ограждали личность проповѣдника, но и придавали ему серьезный официальный авторитетъ. Самъ г. Михайловъ, въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ на основаніи факта, говоритъ, что Зыряне боялись бывшихъ тутъ при св. Стефанѣ грамотъ: «Пермяне не смѣяху убить Стефана, яко съ Москвы къ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго»⁹⁸⁾.

2. Успѣхъ проповѣди много облегчался тѣмъ, что нравственная пустота древнепермской религіи, поддерживаемой единственно шарлатанствомъ волхвовъ, не могла представить никакого отпора христіанству, полному жизненной силы: могли-ли дикія, безотрадные вѣрованія не уступить свѣтлымъ обѣтованіямъ христіанства; кровавый образъ Юмалы, требующей кровавыхъ жертвъ, — кроткому лику Христа, самого себя принесшаго въ жертву за родъ человѣческій! Между тѣмъ нравственныя свойства Пермскаго народа, и до сихъ поръ еще имъ не утраченныя: честность, милосердіе, гостепримство, были готовымъ и чистымъ сосудомъ для принятія христіанскаго содержанія. — Зыряне называютъ русскихъ Ротчъ, т. е. умный, хитрый, образованный. Одинъ такой взглядъ на русскихъ много значилъ. По словамъ Нестора, Кіевляне крестились, разсуждая, что если князь и бояре крестятся, то, значить, новая вѣра лучше. Точно также должны были разсуждать и Зыряне: если смысленный господствующій народъ принялъ христіанство, то, значить, Христіанскій Богъ сильнѣе и доступнѣе молитвамъ вѣрующихъ въ него, нежели наши страшные боги. — Бога Зыряне называютъ «Йень» — сильный.

⁹⁸⁾ См. примѣч. 95.

Говоря ранѣе о томъ, что принятію христіанства Пермскимъ народомъ предшествовало усвоеніе послѣднимъ славянскаго міросозерцанія, мы умолчали, что это не наше только убѣжденіе: ту-же мысль высказалъ хотя не прямо, но основываясь на фактахъ, и Карамзинъ⁹⁹⁾. Но если Зыряне разъ поддались вліянію русской народности, то она и для будущаго должна была сдѣлаться проводникомъ новыхъ убѣжденій. Однако же это еще не фактъ. Есть болѣе осязательныя основанія думать, что христіанство стало приниматься между Зырянами до св. Стефана. Карамзинъ говоритъ¹⁰⁰⁾, что, по достовернымъ свидѣніямъ, на Двинѣ уже въ XII вѣкѣ были монастыри и что новгородскіе поселенцы среди Чуди водворяли Христіанскую вѣру. Тоже самое утверждаютъ, основываясь на преданіяхъ, и нѣкоторые другіе изслѣдователи Пермской старины¹⁰¹⁾. — Намъ извѣстно наприм., что богатый и вліятельный новгородецъ Своеземцевъ, тотъ самый, къ которому перешли отъ чудскихъ князьковъ Азика, Ровды и др. обширныя земли по р. Вагѣ, во владѣніяхъ своихъ построилъ монастырь, въ которомъ и постригся подъ именемъ Варлаама. — Иначе, какимъ образомъ распространилось-бы Христіанство въ той части Вологодской губерніи, гдѣ оно встрѣчаемъ задолго до св. Стефана? Проповѣдниковъ, подобныхъ Пермскому Апостолу не было: въ противномъ случаѣ лѣтописцы, не пропускавшіе самыхъ мелкихъ церковныхъ событій, не умолчали-бы о такомъ крупномъ событіи. Такъ, мы не встрѣчаемъ у нихъ извѣстія о томъ епископѣ, который, по словамъ Герберштейна, погибъ въ Перми: вѣроятно его проповѣдь была безуспѣшна. Хотя и существуетъ мнѣніе, что монахи Бѣлавитской пустыни, находившейся на одномъ изъ острововъ Кубенскаго озера, занимались проповѣдываніемъ Евангелія чудскимъ обитателямъ сѣверовосточнаго берега этого озера¹⁰²⁾; но такому предположенію противорѣчитъ характеръ мѣстности, на которой основана обитель: она явно избрана для личнаго спасенія ея иноковъ, въ сторонѣ отъ міра, нежели для спасенія другихъ. Конечно, подвиги отшельниковъ способствовали прославленію имени Христа, но это не было прямою цѣлью ихъ, и во всякомъ случаѣ подобное извѣстіе не противорѣчитъ нашему убѣжденію, а скорѣе подтверждаетъ его.

Всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что св. Стефанъ началъ проповѣдь въ селеніи Пырасъ или Котласъ, находящемся при впаденіи Вычегды въ Двину. —

⁹⁹⁾ Ист. Госуд. Росс. Т. II-й примѣч. 64, по изд. 1830 г.

¹⁰⁰⁾ Тамъ же.

¹⁰¹⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1845 г. № 11: «Объ основаніи 4-хъ халевскихъ приходовъ», г. В. Кичина, и 1853 г. № 6: «О поселеніяхъ Новгородцевъ въ Зырянскомъ краѣ» — его же и др.

¹⁰²⁾ Тамъ же 1847 г. № 23: «О посѣщеніи Бѣлавитской пустыни, находящейся на Камонномъ островѣ», г. Н. Титова.

Обративъ ко Христу жителей этого селенія, онъ отправился вверхъ по теченію первой. О подробностяхъ этого апостольскаго путешествія по нижней части рѣки мы не имѣемъ свѣдѣній. Вѣроятно, здѣсь проповѣдникъ не встрѣтилъ особенныхъ препятствій, именно вслѣдствіе того, что населеніе мѣстности уже было подготовлено къ отрѣченію отъ ветхихъ заблужденій. Можно съ увѣренностію сказать, что на столь бойкомъ тогда пути уже были новгородскія поселенія, напр. дер. Лена, — Старый Яренскъ ¹⁰³⁾ и т. д.

Только поднявшись до села Гамъ, 30 верстъ выше Яренска, Святой встрѣтилъ упорство со стороны язычниковъ, такъ какъ здѣсь была кумирница и жили вліятельные волхвы и *туны* (гадатели): здѣсь онъ подвергся даже оскорбленіямъ и угрозамъ: «И пакости ему творяху многія: овн-бо ругахуся ему; овн-же словеса укоризненными досаждаху, а иннн съ дреколями нападали на него, воеже убити; другіе-же сожещи того хотяху; хврастіе-же и солому собираху на огонь» ¹⁰⁴⁾. Если лѣтописецъ не преувеличилъ истины, то значитъ св. Стефану много помогли великокняжескія грамоты: «Пермяне же не смѣяху убити Стефана, яко съ Москвы къ нимъ пришедшаго и грамоты имущаго». Но мы думаемъ, что, во всякомъ случаѣ, серьезной опасности для личности проповѣдника небыло; такъ какъ Гамичи все таки крестились. Преданія говорятъ, что, по удаленіи св. Стефана, они возвратились къ старымъ обычаямъ, за что онъ назвалъ ихъ слѣпыми, и будто-бы отъ этого, и до сихъ поръ они отличаются подслѣповатостію ¹⁰⁵⁾.

Гораздо болѣе сопротивленія встрѣтилъ св. Стефанъ въ центрѣ Пермской земли, въ нынѣшнемъ Устьвыми (Емдынѣ). Здѣсь ему пришлось бороться, такъ сказать, съ официальными представителями шаманства — съ главными волхвами и чародѣями, лично въ дѣлѣ заинтересованными: «Какъ можно вѣрить человѣку, пришедшему изъ Москвы, которая угнетаетъ насъ данями! Мы же родъ вашъ и давніе учителя!» говорили Зырянамъ волхвы и туны. Несмотря на то, число крещеныхъ увеличилось. Въ Устьвымѣ для состязанія со св. Стефаномъ, явился, много разъ уже упомянутый, главный волхвъ Памъ. — Диспутъ между представителями двухъ религій и вообще обстановка его, въ существѣ, напоминаютъ происки какого-то чудскаго волхва, едва не отвратившаго отъ христіанства только что принявшихъ его Новгородцевъ. Какъ тотъ, такъ и пермскій Памъ пророчествовали и хвалились даромъ чудотворенія (Памъ

предлагалъ св. Стефану виѣсть перейти черезъ огонь и воду); но того убилъ смѣлый князь, а этотъ былъ посрамленъ героическою рѣшимостію смиреннаго монаха: «хотя я не повелѣваю стихіями, сказалъ св. Стефанъ, но иду съ тобою во имя Бога истиннаго!» Результатъ былъ одинъ и тотъ-же: въ обоихъ случаяхъ Христіанство одержало надъ шаманствомъ рѣшительную побѣду. Посрамленный Памъ принужденъ былъ удалиться; послѣдователи отшатнулись отъ него. — Для новообращенныхъ была поставлена церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, «яко же Благовѣщеніе спасенія нашего бѣ начало.» Шаманство, не имѣя нравственной основы, держалось только фокусничествомъ волхвовъ, и поэтому, какъ только шарлатанство послѣднихъ было разоблачено, не оставалось важныхъ препятствій къ распространенію истинной вѣры. Чтобы въ томъ-же смыслѣ сдѣлать послѣдній шагъ къ цѣли, св. Стефанъ сожегъ кумирницы, своеручно срубилъ и тоже сожегъ священное дерево — «прокудливую березу» ¹⁰⁶⁾. Пораженные всѣмъ этимъ, т. е. видя съ одной стороны посрамленіе своихъ волхвовъ, а съ другой — безсиліе своихъ идоловъ, Зыряне со всѣхъ сторонъ начали стекаться въ Устьвымѣ «Йенэсъ видзедны» — посмотрѣть Бога и креститься. Вслѣдствіе этого были построены, кромѣ Благовѣщенской, еще двѣ церкви, одна во имя Архангела Михаила, а другая во имя Николая Чудотворца. — Само собой разумѣется, что побѣда Христіанства, хотя и рѣшительная, не однимъ разомъ, и не въ конецъ, истребила шаманство. Преданіе о сожженіи «прокудливой березы»

¹⁰⁶⁾ Мы передадимъ со словъ г. Михайлова (см. по прил. 85 № 9) сказаніе «о прокудливой березѣ».... «Стефанъ дважды удостоился получить откровеніе отъ Бога: мужайся, Стефане! Испепели и искорени березу прокудливую! Я твой помощникъ. Новообращенные рассказали Стефану свойства березы, которая служила испони оракуломъ, пользовалась общимъ народнымъ уваженіемъ, какъ обиталище духовъ.... Съ надеждою на Бога Стефанъ началъ рубить березу; за каждымъ ударомъ разносились въ воздухъ жалобные стоны и крики мужскіе и женскіе, старческіе и младенческіе: Стефане, Стефане! Зачѣмъ насъ гониши? Сіе есть наше древнее пребываніе! За каждымъ ударомъ струились изъ дерева разноцвѣтныя струи смрадной крови. Въ потѣ лица трудясь весь день, Стефанъ, за величествомъ, не могъ подрубить березы, оставилъ въ ней сѣкиру и удалился въ келью. Когда, на другой день, приступилъ къ работѣ, къ удивленію своему и къ ужасу бывшихъ идолопоклонниковъ, увидѣлъ березу цѣлою; сѣкира лежала на землѣ. Съ молитвою и твердымъ упованіемъ на Бога, онъ опять началъ рубить дерево, и когда оно на третій день готово было упасть, созвалъ весь народъ, чтобы видѣли сокрушеніе языческаго божества и познали могущество истиннаго Бога. Береза рухнула съ ужаснымъ грохотомъ и воплемъ; земля подъ ней потряслась и воды рѣки всколыхнулись; народъ, въ изумленіи, простирая руки къ небу, зывалъ: «Господи, помилуй!» Страхъ миновался. Стефанъ велѣлъ рубить березу на части, разломать кумирницу, — наносить сухаго хворосту и поджечь: береза запылала не естественными огнями; черное облако дыму глубоко поднялось на воздухъ; трескъ и шумъ раздавались далеко въ окрестностяхъ. Зыряне видали безжалостно въ пламя своихъ домашнихъ *пенатовъ* (?), которыхъ боготворили въ язычествѣ».

¹⁰³⁾ Яренскъ въ старину стоялъ не тамъ, гдѣ теперь, а на самомъ берегу р. Вычегды.

¹⁰⁴⁾ См. по примѣч. 85 № 4.

¹⁰⁵⁾ Замѣчательно, что нынѣ поговорка «слѣпой Гамъ» распространена далеко внѣ предѣловъ Зырянскаго края: мы слышали ее въ г. Вельскѣ. Г. Михайловъ пишетъ, что «у прочихъ Зырянъ Гамичи слывать слѣпородамъ» (см. по примѣч. 85 № 4).

въ подробностяхъ своихъ служить доказательствомъ того, что въ дѣйствительность туземныхъ боговъ вѣрили не одни Зыряне, но и Русскіе—и только уже считали ихъ нечистыми. Этимъ объясняется и то, что даже крещенные Зыряне продолжали приносить жертвы старымъ идоламъ ¹⁰⁷⁾. Хотя г. Михайловъ и старается преувеличить число ново-крещенныхъ; однако-же оно не было, да и не могло быть велико. Онъ утверждаетъ ¹⁰⁸⁾, что Епифаній, біографъ св. Стефана, будто бы не обозначилъ числа новообращенныхъ. Но авторъ статьи «О св. Стефанѣ Пермскомъ» ¹⁰⁹⁾, ссылаясь на того-же Епифанія число это опредѣляетъ въ 700—что ни мало не невѣроятно, такъ какъ Зырянскій край тогда былъ малонаселенъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ его христіанство введено уже при преемникахъ св. Стефана, какъ напр. на Печорѣ ¹¹⁰⁾, вѣроятно на Удорѣ и въ др. мѣстахъ; и наконецъ не сплошь-же крестились всѣ Зыряне и тамъ, гдѣ св. Стефанъ лично дѣйствовалъ; не одинъ, конечно, Памъ не принялъ Св. крещенія.

Семь лѣтъ трудился св. Стефанъ, проповѣдуя вѣру истинную, и когда все населеніе береговъ Вычегды и большей части притоновъ ея было просвѣщено Св. крещеніемъ, онъ отправился въ Москву просить для новаго стада Христова епископа и, конечно, самъ получилъ этотъ санъ. Есть преданіе, занесенное въ житіе Преподобнаго Сергія Радонежскаго, что, когда св. Стефанъ, проходя мимо обители Сергія и не имѣя времени посѣтить Преподобнаго, остановился вдалекѣ на дорогѣ и заочно привѣтствовалъ его, этотъ послѣдній, бывший вмѣстѣ съ иноками на трапезѣ, всталъ, поклонился въ ту сторону, гдѣ находился пермскій апостолъ и сказалъ: «Радуйся и ты, Пастырю Христова стада, и благослови насъ грѣшныхъ». На томъ мѣстѣ, гдѣ останавливался св. Стефанъ, въ семи верстахъ отъ Лавры,—стоитъ теперь часовня.

Утвердивъ свое мѣстопребываніе въ Устьвымѣ, св. Стефанъ обратилъ одну изъ мѣстныхъ церквей, именно Михайлоархангельскую въ монастырь, а Благовѣщенскую—въ каедральный соборъ. На содержаніе архіерейскаго дома и монастыря великій князь Димитрій Ивановичъ пожаловалъ разныя земли. Самый Устьвымъ сталъ называться «*гладычнимъ городомъ*».

Кромѣ устьвымскихъ церквей и монастыря, св. Стефанъ основалъ въ своей епархіи еще нѣсколько; но подробныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ. Г. Михайловъ хотя и помѣстилъ въ двухъ главахъ своего сочиненія перечни таковыхъ церквей, но въ другомъ мѣстѣ проговорился, что время основанія ихъ неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ число ихъ незначительно; потому что самъ авторъ «Устьвыма», не смотря на всѣ натяжки, не могъ насчитать болѣе 4-хъ монастырей и пустыней и 15-ти церквей ¹¹¹⁾.

Оставляя въ сторонѣ преданія, имѣющія характеръ чудеснаго, мы не можемъ пройти молчаніемъ дѣятельности св. Стефана, какъ попечителя своей паствы въ гражданскихъ дѣлахъ.

Заслуживъ уваженіе великаго князя и вообще въ народномъ мнѣніи пользуясь извѣстностью святаго чловека, онъ имѣлъ возможность много благотворить своей паствѣ. Такъ, во время голода онъ лично отправлялся за хлѣбомъ въ Устюгъ и Вологду; чтобы обезопасить предѣлы своей епархіи отъ набѣговъ Вятчанъ, Новгородскихъ ушкуйниковъ и дикихъ Вогуличей и избавить Зырянъ отъ притѣсненій московскихъ данщиковъ, — онъ ѣздилъ въ Москву и Новгородъ,—и вездѣ встрѣчалъ высокій почетъ и щедрыя пожертвованія, которыя и употреблялъ на помощь бѣднымъ новокрещенцамъ. Разъ, онъ даже принималъ личное участіе въ отраженіи Вогуличей.

Такая дѣятельность св. Стефана, его праведная жизнь, безкорыстіе, щедрость и самоотверженіе, кромѣ непосредственной, матеріальной и временной пользы для настоящаго, принесли и пользу нравственную для будущаго. Высокія, истинно христіанскія качества и подвиги перваго архипастыря, безъ сомнѣнія, вселили въ просвѣщенныхъ и даже еще непросвѣщенныхъ Св. крещеніемъ туземцевъ благоговѣйное уваженіе къ святительскому сану, и тѣмъ облегчили упореніе и дальнѣйшее распространеніе Христіанства.—Не даромъ подвиги пермскаго Апостола составляютъ предметъ, едва-ли не единственный, всѣхъ историческихъ Зырянскихъ преданій, и святая личность его заслоняетъ собою все прошедшее этого племени.

Прежде, нежели приступимъ къ разсказу о дальнѣйшей судьбѣ Пермской епархіи, распространимся объ изобрѣтенной св. Стефаномъ особой зырянской письменности, какъ о предметѣ, которому иные придаютъ большую важность.

Св. Стефанъ дѣйствительно пытался ввести между Зырянами письменность, по весьма понятной причинѣ,—именно для того, чтобы передать имъ на ихъ родномъ языкѣ христіанскія церковныя книги и священное писаніе и тѣмъ способствовать успѣху своего апостольскаго подвига. Съ этою цѣлію онъ взялъ, кажется, славянскую азбуку, примѣнивъ ее къ зырянскому произношенію, и перевелъ на зырянскій языкъ литургію, кромѣ тайныхъ молитвъ, нѣкоторыя богослужебныя пѣсни и пр. ¹¹²⁾ Объ

¹⁰⁷⁾ См. прим. 96 и по примѣч. 85 № 4.

¹⁰⁸⁾ См. по примѣч. 85 № 13.

¹⁰⁹⁾ См. прим. 96.

¹¹⁰⁾ См. по примѣч. 85 № 25.

¹¹¹⁾ См. по примѣч. 85 №№ 9, 10 и 11.

¹¹²⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 2: «Статистическое описаніе Иренинскаго уѣзда», г. П. Протопопова.

этомъ предметѣ г. Михайловъ написалъ нѣсколько главъ ¹¹³⁾: но изъ такого многословія ничего не вышло; потому что онъ безпрестанно самъ себя опровергаетъ. Такъ, въ одной главѣ (XIII) онъ усиливается доказать, что для составленія пермской азбуки, св. Стефанъ воспользовался зырянскимъ *пасомъ*. — «Пасъ» порусски значить знакъ. Въ существѣ это тоже, что наша бирка. Такимъ образомъ мысль г. Михайлова уже съ перваго взгляда кажется странною: буква и знакъ, нарѣзываемый на биркѣ, не одно и тоже; первая обозначаетъ отдѣльный звукъ, а послѣдній — цѣлое понятіе; буква для всѣхъ одна, а знакъ — у каждого свой. — Послѣ того г. Михайловъ утверждаетъ, что Зыряне, будучи народомъ торговымъ и промышленнымъ (?), задолго до св. Стефана имѣли свои письма, что прямо противорѣчитъ словамъ современника и сподвижника Стефанова Епифанія, на котораго самъ же г. Михайловъ часто ссылается. Кромѣ того, если бы были у Зырянъ свои письма, то для чего же было св. Стефану хлопотать о письменности?—Самымъ сильнымъ, въ глазахъ г. Михайлова, доводомъ въ пользу втораго его мнѣнія служитъ тотъ фактъ, что Зыряне боялись бывшихъ при св. Стефанѣ великокняжескихъ грамотъ; но на нашъ взглядъ этимъ доказывается противное ¹¹⁴⁾. Дѣйствительно, Зыряне имѣли извращенное понятіе о грамотахъ; потому что самая бумага на ихъ языкѣ называется *кабала*, но изъ этого все-таки вытекаетъ только заключеніе, что они вовсе не имѣли понятія о письменности. — Наконецъ, г. Михайловъ опровергаетъ всѣхъ, писавшихъ о Зырянской грамотѣ и въ особенности самого себя, на этотъ разъ справедливо утверждая, что въ дошедшихъ до насъ Зырянскихъ рукописяхъ начертаніе буквъ славянское и что славянскими буквами писанъ и уцѣлѣвшій экземпляръ заупокойной обѣдни Стефановой.

¹¹³⁾ См. по примѣч. 85 №№ 17, 19 и 21.

¹¹⁴⁾ Для того, чтобы судить о свойствѣ страха, внушаемаго Зырянамъ казенными грамотами, мы выписываемъ изъ помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вологодской губерніи на 1865 и 1866 гг. статьи г. Ф. Арсеньева: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ» слѣдующія интересныя строки: «Давно ли было во всеобщемъ обычаѣ Зырянъ поразительное уваженіе къ исполненію обязанностей въ дѣлахъ общественныхъ. Какой-нибудь волости нужно внести значительную сумму податей въ казначейство. За сотни верстъ, глухими волоками отправляется, бывало, ходокъ съ деньгами, пѣшкомъ, въ городъ: «Казна нуа! (Казну несу)», говорятъ онъ встрѣчнымъ, и ему почтительно снимаютъ шапки и низко кланяются. Приходитъ на станцію, владеть суму въ передней уголъ, посохъ на лавку: хозяинъ уже догадался, высылаетъ лишній людъ изъ дома и не знаетъ какъ угостить почтеннаго гостя. Ходокъ преспокойно засыпаетъ на сѣновалѣ, ни сколько небезпокоясь о сумѣ... Между тѣмъ вѣсть, что «казна идетъ» (казна муна) нигомъ проносится по деревнѣ и производитъ магическое на всѣхъ вліаніе: языки любопытныхъ замолкаютъ, всякій бѣжитъ въ себѣ въ перу (изба) и съ какою-то благоговѣйнымъ страхомъ объявляетъ это домашнимъ; никого не видно на улицѣ; никто не заглядываетъ на станцію до тѣхъ поръ, пока казна не выйдетъ изъ деревни».

Но какія-бы буквы ни приняты были св. Стефаномъ, достовѣрно то, что зырянская письменность не принялась, доказательствомъ чего служить прежде всего то, что теперь ея не существуетъ. Переводы русскими на зырянскій языкъ нѣкоторыхъ священныхъ книгъ и правительственныхъ уставовъ нельзя еще назвать зырянскою письменностію, тѣмъ болѣе, что всѣ эти книги и брошюры пишутся и печатаются русскими литератами. По этому случаю уроженецъ Устьвыми г. Аврамовъ написалъ: «Протекторамъ зырянскаго языка не лишнимъ считаю замѣтить, что этотъ языкъ постепенно выходитъ «изъ употребленія жителей. Надобно ожидать, что онъ «съ теченіемъ времени совершенно замѣнится языкомъ «русскимъ. Сожалѣть объ этомъ неумѣстно и поддержи- «вать зырянизмъ, какъ доселѣ дѣлало Министерство Го- «сударственныхъ Имуществъ, бесполезно; потому что Зы- «ряне не имѣютъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, «не знаютъ своей исторіи, и нынѣ издаваемыхъ на ихъ «нарѣчій книгъ и переводовъ никогда не читаютъ, час- «стію по неудовлетворительности самыхъ переводовъ, а «частію потому, что для нихъ удобопонятнѣе книги рус- «скія. Самый языкъ бѣденъ словами, такъ что уже те- «перь весьма много, почти на половину, употребляется «въ немъ словъ русскихъ» ¹¹⁵⁾. О неудовлетворительности новѣйшихъ переводовъ съ русскаго на зырянскій, кромѣ г. Аврамова тоже говорятъ и многіе другіе ¹¹⁶⁾; такого-же убѣжденія держимся и мы. Вслѣдствіе того, что съ одной стороны русскими буквами нѣтъ возможности изображать зырянскіе звуки, а съ другой — для русскихъ понятій нѣтъ соответствующихъ зырянскихъ выраженій,—переводы эти не понятны ни для Зырянъ, ни для Русскихъ; и только лица, знающія оба языка, могутъ добраться до смысла ихъ. Памятниковъ древне-зырянской письменности сохранилось чрезвычайно мало и остались только отрывки заупокойной и златоустовской обѣдней и тропарей перевода св. Стефана. Они найдены академикомъ Лепехинымъ въ селѣ Киберскомъ. Существуетъ мнѣніе ¹¹⁷⁾, что св. Стефанъ перевелъ Евангеліе отъ Матѳея; но на чемъ это мнѣніе основано—неизвѣстно; самаго-же перевода не сохранилось. Найденныхъ Лепехинымъ рукописей даже Зыряне его времени ясно не понимали. Остались также надписи на нѣкоторыхъ иконахъ, именно: Яренскаго уѣзда въ Вожемской церкви (Св. Троицы въ видѣ трехъ Ангеловъ, угощаемыхъ Авраамомъ у Маврикійскаго дуба), Чердынскаго уѣзда Пермской губерніи въ Богородской церкви села Бондючи. Но надписей этихъ никто не могъ разобрать: ни одинъ изъ сохранившихся списковъ зырянской аз-

¹¹⁵⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 28: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

¹¹⁶⁾ Тамъ же 1848 г. № 11: «Путевыя замѣтки на пути отъ Устьмысльска въ Вишерскому селенію». г. А. Попова.

¹¹⁷⁾ См. примѣч. 112.

буки къ нимъ не подходятъ, да и сами они, по начертанію буквъ, не сходны между собою; слѣдов. сомнительно еще, надписи это или просто украшенія ¹¹⁸⁾. Въ Вологодскомъ соборѣ есть также икона Св. Троицы будтобы съ зырянской надписью, которая тоже не разобрана ¹¹⁹⁾.

Не смотря на все это, г. Михайлову очень хочется, чтобы у Зырянъ время св. Стефана и его первыхъ преемниковъ была своя обширная литература. Но онъ чувствуетъ, что въ такомъ случаѣ остались-бы какія-нибудь рукописи и кромѣ вышеупомянутыхъ. По этому онъ ухватывается за пожары когда-то бывшіе въ Усть-выми. Но если всѣ памятники зырянской письменности сосредоточивались въ однихъ устьвымскихъ церквахъ, то народъ не пользовался плодами и въ ней не участвовалъ. Затѣмъ г. Михайловъ говоритъ, что устюжскій штабъ-лекаръ Фризь не основательно пишетъ, будто, по уничтоженіи Пермской епархіи, большая часть пермскихъ книгъ увезена въ Москву, а другая въ 1779 году, *вмѣстѣ съ нѣкоторыми зырянскими идолами и другими рѣдкостями*, взята бывшимъ Ярославскимъ генералъ-губернаторомъ Мельгуновымъ и куда отъ него поступила—неизвѣстно, и что другіе дополняютъ такой вымыселъ Фриза тѣмъ, что Мельгуновъ зырянскія книги и рѣдкости представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II-й, и, по ея повелѣнію, сдалъ ихъ въ Эрмитажную бібліотеку. Неосновательность такихъ извѣстій, по словамъ г. Михайлова, обнаружена Митрополитомъ Евгеніемъ, который пишетъ, что «по справкамъ его съ Московскою «Патріаршею и иностранной коллегіи Архивою, а также «Эрмитажною бібліотекою, не оказалось въ нихъ ни одной зырянской книги и въ Эрмитажъ отъ Мельгунова «никогда онъ не поступали, да и сами Зыряне не по-«мнятъ, что у нихъ во времена Мельгунова были Перм-«скія книги». Намъ кажется, что безуспѣшность попытокъ Митрополита Евгенія отыскать *пермскія древности* еще не есть доказательство, что послѣднихъ нѣтъ и не было: мы знаемъ, что словесныя и даже письменныя справки въ какихъ-бы то ни было архивахъ и бібліотекахъ не принадлежатъ къ числу строго научныхъ аргументовъ. Самъ-же г. Михайловъ думаетъ, что зырянскія книги увезены въ Вятку, къ епархіи которой была причислена Пермская, или въ Вологду. Но мы прежде всего замѣтимъ, что къ Вятской епархіи была причислена, какъ скоро увидимъ, только часть Пермской, безъ Устьвыми. Притомъ-же если-бы было и не такъ, то все же не предстояло никакой надобности вывозить изъ церквей, богослужебныя и другія книги, особенно въ Вятку или Вологду, гдѣ въ нихъ не было никакой надобности. Наконецъ, утрату зырянскихъ книгъ г. Ми-

хайловъ приписываетъ невѣжеству; но это-то и значитъ, что письмена, изобрѣтенныя св. Стефаномъ, не принялись; потому что пожары и увозъ могутъ истребить книги, но не письменность, не грамотныхъ людей.

Изъ всего вышесказаннаго мы дѣлаемъ слѣдующіе выводы: 1) что св. Стефанъ придумалъ зырянскую азбуку — это фактъ; 2) что онъ кое-что перевелъ на зырянскій языкъ — это тоже фактъ; и 3) что переводы его были переписаны для основанныхъ имъ церквей, въ которыхъ богослуженіе, по словамъ г. Михайлова, производилось на зырянскомъ языкѣ, — это болѣе, нежели вѣроятно, потому что, въ противномъ случаѣ не для чего было и переводить обѣдню, особенно заупокойную и тропари. Но дѣло тѣмъ и должно было кончиться, такъ какъ переводы оказались неудовлетворительными и слѣдовательно не достигающими своей цѣли: они столько же были непонятны Зырянамъ, какъ и славянскіе подлинники, если еще не болѣе. Справедливость послѣдней мысли докажемъ примѣрами: такъ въ трисвятой пѣснѣ слово «крѣпкій» по-зырянски передано «чорыдъ», что собственно значитъ твердый, жесткій; въ херувимской пѣснѣ—слово «дориносима» переведено въ смыслѣ «дары носятъ», и слѣдов. пѣснь эта, и въ славянскомъ подлинникѣ для незнакомыхъ съ конструкціею греческой рѣчи неудобопонятная,—въ зырянскомъ переводѣ потеряла всякій смыслъ. Бѣдность зырянскаго языка отнимаетъ возможность хотя приблизительно выражать на немъ сколько-нибудь отвлеченныя понятія: молиться напр. передается по-зырянски «юрбитны», т. е. стукаться головою, челомъ бить; слово «Йень» значитъ и Богъ, и икона и т. д. Такимъ образомъ переводы св. Стефана, не достигая цѣли, были скоро оставлены, замѣнены славянскими книгами и самая служба церковная стала совершаться на славянскомъ языкѣ,—съ чѣмъ, въ существѣ, согласенъ и г. Михайловъ.

Заключая разсужденія о судьбѣ зырянской письменности, мы считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, по словамъ г. Михайлова, въ разныхъ древнихъ зырянскихъ рукописяхъ отыскано нѣсколько алфавитовъ, но онъ не приводитъ начертанія буквъ, а между тѣмъ замѣчаетъ, что существуютъ два мнѣнія объ этомъ предметѣ, что, по словамъ однихъ — св. Стефанъ взял за образецъ греческія буквы, а по словамъ другихъ—еврейскія. Мы можемъ указать любопытнымъ на Исторію Государства Россійскаго, гдѣ помѣщается зырянскій алфавитъ, отысканный Миллеромъ ¹²⁰⁾, и пусть они сами разсудятъ о характерѣ его. Намъ кажется, что алфавиты, послѣ св. Стефана придуманные какими-нибудь досужими грамотѣями, подобными нынѣшнимъ изобрѣтателямъ зырянскихъ словъ, титулующимъ себя лексикографами,—никогда не

¹¹⁸⁾ См. примѣч. 113.

¹¹⁹⁾ Поѣздка въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь С. Шевырева—въ 1847 г., изд. 1850 г.

¹²⁰⁾ Ист. Гос. Росс. къ т. V примѣч. 109 (изд. 1830 г.). Мы не перепечатаемъ изображеній буквъ, потому что и въ изданіи Ист. Госуд. Росс. они вышли слѣпо.

имѣли никакого приложенія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ не достаесть буквъ для выраженія нѣкоторыхъ коренныхъ звуковъ зырянскаго языка, какъ напр. ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ буквы, соотвѣтствующей нашей «у», въ иныхъ нѣтъ «ы», въ одномъ—«о» и т. д. Всѣ алфавиты разнятся названіями буквъ ¹²¹⁾.

Послѣ того, что сказано о введеніи и судьбѣ зырянской письменности, не предстоить уже надобности распространяться о судьбѣ школъ св. Стефана. Г. Михайловъ думаетъ, что св. Стефанъ учредилъ ихъ при всѣхъ церквахъ ¹²²⁾; но это невѣроятно. Впрочемъ спорить не стоить; потому что, много-ли, мало-ли ихъ было, онѣ не пережили своего основателя, и распространенію зырянской письменности не содѣйствовали.

Св. Стефанъ скончался въ 1396 г. 26 Апрѣля въ Москвѣ, куда онъ отправлялся по вызову Митрополита

¹²¹⁾ Г. Михайловъ зырянскимъ письменамъ и переводамъ св. Стефана посвятилъ въ своемъ «Устьявмѣ» нѣсколько главъ (Вол. Губ. Вѣд. 1850 г. №№ 16, 17, 19—22). Вотъ выписка изъ его сочиненія (Губ. Вѣд. № 17): «Миллеръ отырылъ нѣсколько списковъ зырянской азбуки въ древней рукописи «о житіи и дѣлахъ Стефана», а Лепехинъ отыскалъ названія нѣкоторыхъ буквъ ея. Къ сожалѣнію эта находка не озарила свѣтомъ спорнаго вопроса о письменахъ зырянскихъ; потому что *примѣненная при чтеніи надписей не принесла ожидаемыхъ успѣховъ*: смыслъ ихъ по прежнему остался таинственнымъ и едва-ли не навсегда сокрытымъ отъ потомства. Открытія Миллера и Лепехина послушныя ни богѣ, ни менѣ, какъ убѣжденіемъ въ отличіи азбуки Зырянъ отъ азбукъ другихъ народовъ и познакомили насъ съ очерченіемъ и названіемъ буквъ ея. Въ одномъ спискѣ Миллера буквы названы: Анъ, Баръ, Гай, Дой, Е, Жей, Зата, И, Коке, Лей, Мено, Нено, О, Пей, Рѣй, Си, Тай, Цю, Чоры, Шой, Ю, Я. Другой немного полнѣе перваго гласными — Ы, Е, А, и отличается отъ него почеркомъ нѣкоторыхъ буквъ (примѣч. въ бумагахъ покойнаго Миллера въ Московск. Арх. Иностр. Дѣл.). У Лепехина найденныя имъ буквы расположены въ такомъ порядкѣ: А, Бузь, Вой, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Нено, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Сій, Черы, Шуй (примѣч. Зап. Лепехина, ч. III стр. 241.) Впослѣдствіи, въ концѣ одного древняго экземпляра зырянской обѣдин, писаннаго славянскими буквами съ удареніями на словахъ, нашли еще два списка зырянской азбуки, нѣсколько отличные отъ приведенныхъ нами и въ почеркѣ буквъ и въ названіяхъ ихъ. Приводимъ для сличенія съ первыми и эти списки. Въ одномъ они названы: Анъ, Баръ, Гой, Дой, Ежой, Жой, Зата, Зита, Коке, Лей, Мено, Не, Онъ, Пей, Рѣй, Са, Той, Цю, Чоры, Шой, Ири, Ей, Ю, Ѡ. Другой, послѣдній изъ всѣхъ, въ видѣ послѣсловія, приложенъ въ той же рукописи къ первому списку съ слѣдующимъ сравненіемъ съ другими азбуками: у иудовскія же азбуки первому слову имя Агваръ, а у греческія Агва, Вита; а у сурьянскія Але, Фобе, а у югорскія—Аааа, Васаса; а у русскія—Азь, и у пермскія—Азь, Буръ, Гай, Дой, Ежой, Джой, Зата, Зита, И, Кое, Лей, Мено, Не, Во, Пей, Рѣй, Сій, Тай, Цю, Черъе, Шюй, Ы, Е, Ю, Ѡ (примѣч. рукопись хранится въ Библ. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.) Оба эти списка, разнящіеся въ начертаніи буквъ отъ Миллеровскихъ, употребленные при разобраніи зырянскихъ надписей филологами, не объяснили нисколько значенія ихъ. Это обстоятельство заставляеетъ сомнѣваться въ подлинности зырянскихъ азбукъ и наводитъ на мысль о подложности ихъ».

¹²²⁾ См. по примѣч. 85 № 13.

Кипріана. Такимъ образомъ апостольская и архипастырская дѣятельность его продолжалась 20 лѣтъ. Мощи его почиваютъ въ Москвѣ, въ кремлевской церкви у Спаса на Бору, что за Золотой Рѣшеткой.

Два года, по кончинѣ св. Стефана, Пермская епархія оставалась праздною.

Первымъ преемникомъ его былъ Исаакій. Сколько времени управлялъ онъ Пермскою паствою — неизвѣстно: но имя его встрѣчается въ 1416 году. При немъ крестились Печорцы ¹²³⁾.

За Исаакіемъ слѣдовали три святителя, памятные Зырянамъ добродѣтельной жизнію, почему и почитаются святыми, хотя и не прославленными. Управление ими епархіею не представляетъ ничего особеннаго; но всѣ они были благодѣтелями Зырянъ: въ случаяхъ голода, нападений Вогуличей, Вятчанъ и т. д. они являлись ходатаями за свою паству. Вотъ въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одинъ за другимъ:

Герасимъ. Онъ задушенъ своимъ слугою на возвратномъ пути изъ объѣзда епархія.

Питиримъ. Убитъ во время набѣга на Устьявмѣ Вогуличей и Вятчанъ. Онъ крестилъ Печорцевъ.

Иона. Вступилъ въ управленіе епархіею въ 1456 году. Во время его епископства обратились въ христіанство нынѣшніе Пермьки.

Филовей. Замѣчательнъ тѣмъ, что игралъ роль посредника въ сношеніяхъ Московскаго правительства съ разными сибирскими князьками. Онъ уволенъ на покой въ 1501 году.

Послѣ Филовея Пермь не имѣла уже особыхъ епископовъ, такъ какъ управленіе Устьявмскою и Вологодскою епархіями сосредоточилось въ лицѣ одного епископа, и епископы эти проживали въ Вологдѣ, которую, какъ городъ богатый, предпочитали малолюдной, бѣдной и находящейся въ глуши и суровомъ климатѣ Устьявми.

Въ 1585 году Пермская епархія окончательно перестала существовать.

Въ 1676 году часть ея, именно: Соликамскъ, Чердынъ, Верховье Вычегды, Сысола и Луза присоединены къ Вятской епархія.

Въ 1682 году вся она, кромѣ Соликамска и Чердыни, перечислена къ Устюжской епархія.

Въ 1788 году, по закрытіи послѣдней, она вошла въ составъ Вологодской.

Предѣлы Пермской епархія съ теченіемъ времени измѣнялись ¹²⁴⁾; но это насъ не интересуеетъ.

¹²³⁾ См. примѣч. 85.

¹²⁴⁾ Излагаю судьбу Пермской епархія послѣ св. Стефана, мы пользовались матеріалами, заключающимися въ сочиненіяхъ г. Михайлова (см. прим. 85), но съ осторожностію; а также статью г. Н. Суворова «Споръ Вологодскихъ архіепископовъ Маріелла и Симона съ первыми двумя епископами Вятскими, — Александромъ и Іоной, объ Устьявмской десятинѣ (Волог. Губ. Вѣд. 1864 г. №№ 8, 9, 11 и 12).

Г Л А В А У.

КРАТКІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КРАЯ.

Астрономическое положеніе.—Границы.—Пространство; общій видъ страны; геологическій взглядъ; почва; гидрографическій очеркъ: рѣки, озера и болота.—Климатъ и метеорологическія наблюденія.—Вліяніе климата на здоровье.—Мѣстныя метеорологическія примѣты.

Мы оговорились уже ¹²⁵⁾ ранѣе, что предметъ нашего труда главнымъ образомъ составляетъ та часть Зырянскаго края, впрочемъ главная, которая находится въ Вологодской губерніи. Такая оговорка особенно относится къ настоящей главѣ, и также къ тѣмъ, въ которыхъ будемъ говорить о естественныхъ богатствахъ страны.

Граничныя точки Зырянскаго края астрономически не опредѣлены. Вообще полагаютъ, что, въ предѣлахъ Вологодской Губерніи, онъ доходитъ до 65°,6' сѣверной широты и 77°,20' восточной долготы по Феррскому меридіану ¹²⁶⁾. Впрочемъ, въ точномъ опредѣленіи границъ нѣтъ практической надобности; потому что большая часть ихъ проходитъ пустынными мѣстами.

Приблизительное понятіе о фигурѣ края читатель можетъ составить, если на любой географической картѣ возьметъ: а) теченіе впадающей въ Вычегду съ правой стороны р. Яреньги, кромѣ самой нижней ея части (верстъ около 10-ти); б) дер. Межогъ въ 22 верстахъ отъ г. Яренска на почтовой дорогѣ въ г. Устьсысольскъ; в) точку пересѣченія р. Лузою границы между Устьсысольскимъ и Устюжскимъ уѣздами, пониже Ношульской пристани; г) Кажимскій заводъ близъ р. Сысолы, въ 230 верст. отъ Устьсысольска; д) точку пересѣченія р. Печорою границы между Вологодскою и Пермскою губерніями; за тѣмъ соединитъ всѣ эти точки прямыми линіями, не выходя изъ предѣловъ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ и по границамъ Вологодской губерніи съ Пермскою, Тобольскою и Архангельскою губерніями дойдетъ до вершины р. Яреньги: внутри обведенной такимъ образомъ площади населеніе сплошь зырянское, за исключеніемъ половины села Межогъ, заводовъ Кажимскаго, Нючпасскаго и Нювчимскаго—въ Устьсысольскомъ и Сереговскаго въ Яренскомъ уѣздахъ, села Устьвыми съ окрестнымъ Заручейскимъ обществомъ и села Важгорть—въ Яренскомъ и общества чиновниковъ въ Устьсысольскѣ.

¹²⁵⁾ См. примѣч. 1.

¹²⁶⁾ Волог. Губ. Вѣдом. 1851 г. № 1: «Отрывокъ изъ статистическаго описанія Вологодской губерніи», г. Н. Данилевскаго.

Хотя, при генеральномъ межеваніи, Устьсысольскій и Яренскій уѣзды были измѣрены; но это измѣреніе ни въ какомъ случаѣ не могло быть точнымъ, такъ какъ нѣтъ физической возможности обойти въ натурѣ болотисто-топкія, пустынные и вмѣстѣ съ тѣмъ на многія сотни верстъ простирающіяся граничныя линіи. Говорятъ, что межевые чины составляли планы, сидя на мѣстѣ, по рассказамъ охотниковъ. Мы принимаемъ пространство Зырянскаго края въ Вологодской губерніи приблизительно въ 180,000 кв. верстъ, или 3,670 кв. миль.

Это обширное пространство нѣкогда было морскимъ дномъ, которое еще и до сихъ поръ не совсѣмъ обсохло. Восточную границу его съ Сибирью составляетъ часть Уральскаго хребта, извѣстная подъ названіемъ Павдинскаго камня, отроги котораго въ видѣ лѣсистой плоской возвышенности, называемой «Большая парма» идутъ внутрь края до р. Печоры ¹²⁷⁾. Далѣе къ Западу представляется болотистая низменность, въ видѣ впадины, центръ которой составляетъ долина р. Ирвы (притокъ Мезени) ¹²⁸⁾. Берега этой рѣки до того низки, что она сливается съ окрестными озерами; теченіе ея незамѣтно и чрезвычайно извилисто. Отъ Ирвы и къ сѣверу, и къ югу тянутся возвышенія. Вообще возвышенности слѣдуютъ направленію рѣкъ Нема, Сысолы, Вычегды, Вишеры ¹²⁹⁾ и особенно Вымы ¹³⁰⁾. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они достигаютъ рѣкъ, пространства между подошвами ихъ и окраинами береговъ называются *наволоками*,

¹²⁷⁾ *Пармою* въ Зырянскомъ краѣ называется, по опредѣленію г. Попова-Лочимскаго (Волог. Губ. Вѣдом. 1854 г. № 28: «Печорскій приходъ»), плоская возвышенность, покрытая густымъ лѣсомъ разныхъ породъ, живущая влажнымъ грунтомъ и ограниченная крутыми спусками; а по опредѣленію г. Данилевскаго, (Тамъ-же 1853 г. № 10: «Гидрографія Вологодской губерніи») поросшее лѣсомъ болото. Мы признаемъ болѣе точнымъ первое опредѣленіе.

¹²⁸⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1847 г. № 42: «Первая поѣздка на Удору».
¹²⁹⁾ Тамъ-же 1865 г. № 12: «Путевыя записки по Вологодской губерніи», г. Ив. Кашперова; 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова; 1858 г. № 2: «Взглядъ на геологическое состояніе села Вотчи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи», г. І. Попова, и 1857. г. № 47: «Брусная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ» и ин. др.

¹³⁰⁾ См. прим. 128.

которые считаются лучшими пашенными землями и часто покрыты роскошными лугами.

По Мурчисону, поверхность Зырянскаго края состоитъ изъ наносныхъ формаций. Только восточная часть Устьсысольскаго уѣзда, прилегающая къ Уральскимъ горамъ, представляетъ присутствіе горнокаменной породы. Между первыми и послѣднею находится формация метаморфическая.

Почва главнымъ образомъ состоитъ изъ леску и глины. Въ Яренскомъ уѣздѣ песокъ всякаго вида—бѣлый, красный и бурый встрѣчается вездѣ, а глина: бѣлая—преимущественно по Вашкѣ, синяя—по Мезени и Вашкѣ, а красная — повсемѣстно. Но эти главные составныя части почвы въ разныхъ мѣстахъ перемѣшаны не въ одинаковой пропорціи, а именно: по берегамъ р. Вычегды, на мѣстахъ возвышенныхъ, глина чаще господствуетъ надъ пескомъ, въ долинахъ же (*на наволокахъ*) они смѣшаны по ровну, а иногда послѣдній господствуетъ надъ первою. По берегамъ Яренги и Вашии господство песку представляется еще въ большей степени: здѣсь мало встрѣчается и такихъ мѣсть, гдѣ-бы онъ соединенъ былъ съ глиною въ равной степени. По берегамъ р. Выми пространства, покрытыя пескомъ, являются также часто; однакоже встрѣчаются и глинистыя. При томъ здѣсь въ составѣ почвы не рѣдко присутствуютъ известковыя частицы. Напротивъ того по берегамъ р. Мезени почва земли болѣе глинистая и притомъ болотнаго свойства ¹³¹⁾.— Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ таже смѣсь песку и глины. Послѣдній преобладаетъ въ Чукаибскомъ приходѣ по р. Вепри ¹³²⁾ и по р. Печорѣ ¹³³⁾. Каменныя мѣста находятся преимущественно по р. Печорѣ, по верховьямъ Вычегды и по р. Сысолѣ, въ Вотчинскомъ приходѣ ¹³⁴⁾.— Чернозему собственно нѣтъ. Мѣстные жители называютъ черноземными мѣста, образовавшіяся отъ осушки болотъ или отъ сильнаго долговременнаго удобрения. Такія мѣста есть въ Яренскомъ уѣздѣ по рѣкамъ Ирвѣ и Мезени ¹³⁵⁾. Настоящій-же черноземъ встрѣчается только въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Визеньгѣ ¹³⁶⁾.

¹³¹⁾ Волг. Губерн. Вѣдом. 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

¹³²⁾ Тамъ-же 1865 г. № 6: «Краткія статист. и этнограф. свѣдѣнія объ Устьсысольскомъ уѣздѣ», г. В. Кичина.

¹³³⁾ Тамъ-же 1854 г. № 29: «Печорскій—приходъ», г. Попова-Лончинскаго.

¹³⁴⁾ Тамъ-же 1858 г. № 2: «Взглядъ на геологическое состояніе села Вотчи и пр.», г. І. Попова.

¹³⁵⁾ См. прил. 131.

¹³⁶⁾ Составляя гидрографическій очеркъ, мы пользуемся слѣдующими статьями, помѣщенными въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ: а) 1853 г. № 10: «Гидрографія Волг. губерніи», г. Данилевскаго; б) 1858 г. №№ 42 и 43: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда» г. В. Аврамова; в) 1858 г. № 7: «Сельско-хозяйств. очеркъ Вологодской губерніи» г. Н. Бунакова; г) 1854 г. №№ 32—34: «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи», г. Ю.

Трудно найти край, который бы въ такой степени, какъ Зырянскій, изобилдовалъ водою, какъ текучею, такъ и стоячею. Объ обиліи текучей воды можно судить по тому, что бассейнъ Печоры составляютъ только известныхъ 319 рѣкъ и рѣчекъ, бассейнъ Мезени—430. Намъ неизвѣстно сколько рѣкъ принадлежатъ къ самому обширному бассейну Сѣв. Двины, такъ какъ мы имѣемъ только общія цифры для цѣлой Вологодской Губерніи.—Но мы не будемъ перечислять всѣ эти рѣки и рѣчки и скажемъ лишь нѣсколько словъ о главныхъ и такихъ, которыя замѣчательны какими нибудь рѣзкими особенностями.

Вычегда,—огромный притокъ Сѣв. Двины, имѣющей до 1000 верстъ длины, болѣе 300 саж. ширины въ средней части своего теченія и отъ 3 до 1 саж. глубины,—кромѣ нижней части (не много менѣе 200 верстъ), вся принадлежитъ Зырянскому краю. Самый большой притокъ Вычегды—*Вымь*, которая въ Вологодской губерніи (Яренскій уѣздъ) течетъ на пространствѣ 250 верстъ, имѣя въ верхней части до 160 саж. ширины, а при устьѣ—до 100 саж. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Вымь, замѣчательны *Ворыква* и *Елва*; первая въ одномъ мѣстѣ течетъ подъ землею, ¹³⁷⁾ а послѣдняя, при 150-верстовой длинѣ, имѣетъ отъ 80 до 100 саж. ширины.— Изъ числа многихъ другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Вычегду и замѣчательныхъ по величинѣ, мы назовемъ только *Сысолу*, которая имѣетъ отъ 400 до 500 верстъ длины, отъ 70 до 100 саж. ширины и отъ 2½ до 4 арш. глубины.

Луза, притокъ Юга, который, по соединеніи съ Сухоною, образуетъ Сѣв. Двину, принадлежитъ Зырянскому краю только верхней частью, замѣчательною не по величинѣ, а тѣмъ, что на ней находятся большія пристани, гдѣ грузятся хлѣбные продукты Вятской губерніи, для сплава къ Архангельскому порту.

Печора—этотъ колоссальный водный потокъ беретъ начало въ Периской губерніи; въ Вологодскую вливается

Волгова; д) 1854 г. № 29: «Печорскій приходъ», г. Попова-Лончинскаго; е) 1847 г. № 15: «Описаніе Вычегды» и ж) 1854 г. № 16: «Замѣчательныя изъ притоковъ Вычегды».

¹³⁷⁾ Г. Ю. Волковъ эту рѣчку называетъ Верк—ва (Волг. Губ. Вѣд. 1854 г. № 30: «Рѣчка Верк—ва») и говоритъ слѣдующее: «Все протяженіе этой рѣчки не превосходитъ 150 верстъ. Въ весеннее время она не представляетъ ничего особеннаго; но лѣтомъ, въ 90 верстахъ отъ истока, при 10-саженной ширинѣ, падаетъ она съ рѣкою и шумомъ въ круглую яму около 8 кв. саж. поверхности. Брошенное туда легкое тѣло вскорѣ невозвратно тонетъ. Ниже ямы рѣчка течетъ едва замѣтною струею, которая черезъ 2 версты томе исчезаетъ, совершенно скрываясь въ береговое отверстіе. Потомъ круто рѣка на разстояніи 20 верстъ совершенно сухо, а дальше начинаютъ пробиваться ключи и составляютъ опять рѣчку болѣе 30 саж. ширины. До исчезанія рѣчки вода въ ней мутно-краснаго цвѣта, рыба не вкусная, и ея мало; а по образованіи вновь теченія, вода прозрачна, какъ хрусталь, рыбы больше и она особенно вкусна. «Вода рѣчки, по выходѣ изъ земли, до того прозрачна, что на 4-аршинной глубинѣ на днѣ ея можно видѣть булавку».

уже значительною рѣкою; течетъ по восточной части Устьсысольскаго уѣзда около 550 верстъ и уходитъ въ Архангельскую, гдѣ и впадаетъ въ Сѣверный Океанъ. Еще въ предѣлахъ Вологодской губерніи, принявъ нѣсколько спускающихся съ Уральскихъ горъ, многоводныхъ притоковъ, каковы: *Ыльдыъ*, *Пѣчеремъ* ¹³⁸⁾ и *Чугуръ* (Щугоръ), эта рѣка расширяется до полуторы версты.

Мезень принадлежитъ Вологодской губерніи (Яренскому уѣзду) только средней частью своего течения, на протяженіи около 150 верстъ. Изъ притоковъ ея—*Ирва* вся принадлежитъ Вологодской губерніи и имѣетъ до 150 верстъ длины при ширинѣ отъ 80 до 100 сажень. *Вашка* течетъ по Вологодской губерніи только 250 верстъ, имѣя отъ 50 до 150 саж. ширины.

Озеръ много: но они незначительны, за исключеніемъ *Синдорскаго*, находящагося на границѣ Яренскаго и Устьсысольскаго уѣздовъ и имѣющаго болѣе 15 верстъ длины и 8 ширины.

Болотъ нѣтъ возможности перечислить: гораздо легче поименовать суходолы, которые представляются островами среди огромнаго болотистаго моря. Можно сказать вообще, что сухія мѣста находятся только по берегамъ большихъ рѣкъ, которыя здѣсь имѣютъ значеніе естественныхъ осушительныхъ каналовъ ¹³⁹⁾.

Астрономическія условія края, его болотистая, покрытая лѣсомъ почва и открытое положеніе со стороны полярнаго моря уже говорятъ о суровости его климата. Но мы не считаемъ себя въ правѣ ограничиться такой общей фразой тѣмъ болѣе, что имѣемъ подъ рукою болѣе точныя данныя.

Въ Сереговскомъ заводѣ съ 1845 по 1852 годъ включительно производились метеорологическія наблюденія, за добросовѣстность которыхъ мы ручаемся, по двумъ термометрамъ Реомюра, изъ коихъ одинъ былъ обращенъ на югъ, а другой—на сѣверъ. Въ пасмурные дни записывались показанія перваго, а въ ясные— послѣдняго, причемъ, иногда, одинъ изъ нихъ повѣрялся другимъ. Наблюденія производились въ 7 часовъ утра, въ полдень и въ 9 часовъ вечера. Вотъ выводы изъ нихъ ¹⁴⁰⁾.

Средняя температура за весь 8-лѣтній періодъ равняется +0,29, а именно:

1845 г. — +0,12	1848 г. — +0,40	1851 г. — +1,11.
1846 » — +0,17	1849 » — +0,16	1852 » — +0,1.
1847 » — +0,52	1850 » — +0,14.	

По временамъ года: 3 весенніе мѣсяца—0,54, 3 лѣтніе +12,10, 3 осенніе +0,28 и 3 зимніе —11,28.

¹³⁸⁾ Эту рѣчку чаще называютъ на русскій ладъ «Подчеремъ».

¹³⁹⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 45: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

¹⁴⁰⁾ Тамъ-же № 49.

Морозныхъ дней пришлось на каждый годъ по 160, а теплыхъ—по 205. Морозы, хотя не каждый годъ, достигали до—35° и даже до—40°. Вѣтры дули: сѣверо-западные по 19 разъ въ годъ, сѣверные—по 150, сѣверо-восточные—по 23, восточные—по 9, юго-восточные—по 12, южные—по 184, юго-западные—по 29 и западные—по 12. Самые сильные—полярные. Число вѣтровъ не соотвѣтствуетъ числу дней, потому что они записывались по 3 раза въ день, одновременно съ показаніями термометра. Мятелей было по 25 въ годъ; снѣжныхъ дней по 108, а дождливыхъ — по 80. Въ томъ числѣ при вѣтрахъ

	Снѣжныхъ.	Дождливыхъ.
Сѣверо-западномъ.	3	4
Сѣверномъ.	32	28
Сѣверо-восточномъ.	6	6
Восточномъ.	3	2
Юго-восточномъ.	2	4
Южномъ.	59	45
Юго-западномъ.	4	7
Западномъ.	2	3

Грозъ было по 10 въ годъ.

Съ 1832 г. по 1852 г. рѣки *Вымь* и *Вычегда* вскрывались между 16 Апрѣля (1848 г.) и 10 Мая (1845 г.), а льдомъ покрывались между 7 Октября (1840 г.) и 13 Ноября (1849 г.); среднимъ числомъ покрыты были льдомъ 185 дней; должайшій періодъ 203 дня, а кратчайшій—154.

Въ Устьсысольскѣ наблюденія термометра производились съ 1818 по 1850 годъ (32 года) ¹⁴¹⁾. По выводамъ изъ нихъ, средняя годовая температура равняется +0,7; температура весны +0,7, лѣта +12,2, осени —1,0 и зимы —10,9; по мѣсяцамъ: Январь — 12,2, Февраль — 9,7, Мартъ — 4,3, Апрѣль +0,6, Май +5,7, Іюнь + 11,2, Іюль + 13,8, Августъ + 11,5, Сентябрь + 6,5, Октябрь + 1,1, Ноябрь — 4,7 и Декабрь —10,9.

Рѣка *Сысола* въ Устьсысольскѣ съ 1816 по 1855 г., включительно, вскрылась: въ Апрѣль—34 раза и въ первой трети Мая—6, а замерзала: въ Октябрѣ—29 разъ, въ первой трети Ноября—7 разъ и во второй—4 раза. Самое раннее вскрытіе было въ 1836 г., 4 Апрѣля, а позднѣе въ 1855 г.—8 Мая. Самое раннее замерзаніе случилось 4 Октября—въ 1817 г., а позднее 17 Ноября—въ 1833 г. Всего болѣе рѣка была свободна отъ льда въ 1855 г.—217 дней, а менѣе въ 1819 г.—

¹⁴¹⁾ Тамъ-же № 9: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губерніи», г. Н. Бунакова. Мы имѣемъ основаніе думать, что г. Бунаковъ пользовался подлинными отиѣтками самаго наблюдателя, которыми хранились въ Устьсысольской Публичной библиотекѣ и потомъ были вытребованы въ губернской Статистическій Комитетъ.

152 дня. Среднее вскрытіе приходится на 9 Апрелья, а замерзаніе—на 4 Октябрья. Среднимъ числомъ рѣка бываетъ покрыта льдомъ 185 дней ¹⁴²⁾.

Какъ данныя для опредѣленія климата Устьмысольска, приведемъ также свидѣнія о времени посѣва и жатвы ячменя въ этомъ городѣ съ 1817 г. по 1874 г. Среднее число для посѣва ячменя есть 10 Мая, а для жатвы—9 Августя; средняя продолжительность растительности 91 день; наибольшая—115 дней (1836 г.) и наименьшая—76 дней (1823 г.). Самый ранній посѣвъ былъ 26 Апрелья (1826 г.), а самый поздній—22 Мая (1819 г.); самая поздняя жатва—25 Августя (1835 г.), а самая ранняя—23 Іюля (1844 г.) ¹⁴³⁾.

Чтобы дать, такъ сказать, осязательное понятіе о степени суровости климата и континентальныхъ крайностяхъ зырянскихъ зимы и лѣта, мы сообщимъ нѣсколько за-

¹⁴²⁾ Тамъ-же 1858 г. № 1: «Вскрытіе и замерзаніе р. Сысолы у Устьмысольска съ 1816 по 1855 г.» Павл. Кошарова. Изъ этой статьи мы помѣстили въ текстѣ цифры, какъ онѣ есть; но такъ какъ г. Кошаровъ, дѣлая выводы, явно допустилъ ошибки, или, можетъ быть, въ статью его вкрались опечатки, то здѣсь мы приводимъ тѣ данныя, которыми онъ пользовался:

Годы.	Дни вскрытія.	Дни замерзанія.	Число дней, въ которые рѣка была свободна.	Годы.	Дни вскрытія.	Дни замерзанія.	Число дней, въ которые рѣка была свободна.
1816	Апрѣля 27	Октябрья 12	168	1836	Апрѣля 4	Ноября 5	193
1817	— 17	— 4	170	1837	— 27	— 7	194
1818	Мая 2	— 19	170	1838	— 17	— 9	206
1819	— 8	— 7	152	1839	— 24	Октябрья 19	178
1820	Апрѣля 13	— 12	182	1840	— 23	— 7	167
1821	— 27	— 19	175	1841	— 21	— 31	193
1822	— 7	— 22	198	1842	— 29	— 24	178
1823	— 27	— 7	163	1843	Мая 3	Ноября 3	184
1824	Мая 1	— 20	172	1844	Апрѣля 20	Октябрья 23	195
1825	Апрѣля 19	Ноября 15	210	1845	Мая 7	— 20	166
1826	— 15	Октябрья 15	183	1846	Апрѣля 21	Ноября 2	195
1827	— 8	— 8	183	1847	— 30	— 9	193
1828	— 21	— 24	186	1848	— 11	Октябрья 20	192
1829	— 26	— 26	183	1849	— 18	Ноября 11	207
1830	— 27	— 5	161	1850	— 22	Октябрья 10	171
1831	— 20	— 7	170	1851	— 20	— 16	179
1832	— 25	— 29	187	1852	Мая 2	— 15	166
1833	— 18	Ноября 17	213	1853	Апрѣля 17	— 23	189
1834	— 22	Октябрья 29	190	1854	— 28	Ноября 5	191
1835	— 13	— 20	215	1855	Мая 8	— 11	217

Изъ этой таблицы видно во 1-хъ, что лѣто 1855 г. не было самое продолжительное, такъ какъ продолжалось не 217 дней, а 187; въ 2-хъ, что самое продолжительное лѣто было въ 1833 году, когда рѣка вскрылась 18 Апрелья, а льдомъ покрылась 17 Ноябрья, т. е. 213 дней; въ 3-хъ, что среднимъ днемъ вскрытія и замерзанія, въ такомъ случаѣ, будутъ не 9 Апрелья и 4 Октябрья (последнее число есть крайній предѣлъ ранняго замерзанія), а 21 Апрелья и 26 Октябрья, и что, слѣдовательно, въ 4-хъ среднимъ продолженіемъ зимы будетъ не 185, а 177 дней. Мы не упоминаемъ объ ошибкахъ въ частныхъ выводахъ продолжительности зимы для каждаго изъ 40 лѣтъ; а что ошибки есть,— укажемъ на 1835 и 1836 гг.

¹⁴³⁾ Тамъ-же 1851 г. № 14: «О времени и количествѣ теплоты, нужныхъ для созрѣванія ячменя въ г. Устьмысольскѣ», г. Н. Данилевскаго.

мѣтокъ, касающихся болѣе удаленныхъ къ сѣверу мѣстностей. По наблюденіямъ съ 1849 по 1854 г. ¹⁴⁴⁾, Печора вскрывается всегда въ половинѣ Мая; ледъ на ней бываетъ отъ 3 до 5 четвертей; иней въ Печорскомъ краѣ начинается въ первыхъ числахъ Августя; рожь посѣвается между 10 и 20 Августя (въ сѣверной части этого края хлѣбонашествомъ вовсе не занимаются); ячмень сѣется между 25 Мая и 5 Іюня, а посѣвается 10—18 августя; ленъ и конопля сѣются 1 Іюня, а посѣваются: первый 6, а послѣдняя,—15 Августя; ягоды посѣваются: земляника и морошка 15 Іюня; поляника, черника и брусника—1 Іюля, но холодъ повреждаетъ ихъ иногда въ цвѣту. Птицы прилетаютъ: лебеди 10 Апрелья, утки 15, журавли и гуси—1 Мая. Вороны и галки не остаются на зиму.—Въ другой части Зырянскаго края, на Удорѣ (по рр. Мезени и Вашкѣ), лѣто бываетъ такъ коротко, что мѣстные жители, чтобы выиграть какой-нибудь лишній день, удобный для росту хлѣба, свозятъ весною снѣгъ съ полей ¹⁴⁵⁾. Иней тамъ начинается иногда въ первой половинѣ Іюля ¹⁴⁶⁾. Но даже сравнительно въ южной мѣстности, каковъ Устьмысольскъ, морозы бываютъ такъ сильны, что лопаются стекла ¹⁴⁷⁾. За то сколь сильны зимніе морозы, столь-же велики лѣтніе жары. На Удорѣ иногда для росту ячменя, отъ посѣва до уборки, достаточно 40 дней ¹⁴⁸⁾. Вода въ рѣкахъ нагрѣвается, какъ парное молоко ¹⁴⁹⁾.

Несмотря однакожь ни на эту суровость климата и крайности его, ни на болотистое свойство мѣстности, ни на часто повторяющіеся неурожаи, когда Зыряне питаются, вмѣсто хлѣба, пихтовою корою, мохомъ, рябиновымъ листомъ и т. п., народное здоровье находится въ удовлетворительномъ состояніи: отъ перевѣса числа рожденныхъ надъ числомъ смертныхъ случаевъ, население зырянскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи, особенно сѣверныхъ частей ихъ, какова наприм. Удора, увеличивается гораздо сильнѣе, нежели населеніе русскихъ ¹⁵⁰⁾. Такое явленіе обыкновенно объясняютъ вліяніемъ климата и воды ¹⁵¹⁾. Вода р. Вишеры считается цѣлебною ¹⁵²⁾;

¹⁴⁴⁾ Тамъ-же 1854 г. № 31: «Печорскій приходъ» г. Попова-Лопчинскаго.

¹⁴⁵⁾ Тамъ-же: а) 1849 г. №№ 20 и 21: «Статист. Опис. Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова, и б) 1858 г. № 9: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. Губерніи», г. Н. Буланова.

¹⁴⁶⁾ Тамъ-же. 1858 г. № 47: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда» г. В. Аврамова.

¹⁴⁷⁾ Тамъ-же по примѣч. 136.

¹⁴⁸⁾ Тамъ-же 1865 г. № 12: «Путевыя записки по Вологодской губерніи», г. Кашперова.

¹⁴⁹⁾ Тамъ-же 1847 г. № 12: «Первая поѣздка на Удору».

¹⁵⁰⁾ Тамъ-же 1859 г. №№ 28—38: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

¹⁵¹⁾ Тамъ-же 1848 г. № 36: «Нѣсколько словъ о г. Устьмысольскѣ и его уѣздѣ», г. П. Богданова.

¹⁵²⁾ Тамъ-же 1848 г. № 12: «Путевыя замѣтки отъ г. Устьмысольска къ Вишерскому селенію», г. А. Попова.

Сандорскаго озера-тожь ¹⁵³). Г. Аврамовъ утверждаетъ ¹⁵⁴), что до холеры 1848 года въ Яренскомъ уѣздѣ не слышно было ни о какихъ эпидемическихъ болѣзняхъ; но съ этого времени, хотя холера тамъ и не появлялась, стали свирѣпствовать лихорадки, которыя и до сихъ поръ не прекращаются. Однако и лихорадки губительнѣе въ южной, русской части уѣзда, нежели въ сѣверной.—Сами Зыряне удовлетворительность состоянія своего здоровья приписываютъ банямъ, къ которымъ имѣютъ, какъ послѣ увидимъ, сильное пристрастіе. Кромѣ того, они знаютъ и многія спеціальныя средства противъ болѣзней, и, съ замѣчательнымъ искусствомъ, умѣютъ въ этомъ случаѣ пользоваться тѣмъ, чтодаетъ имъ окружающая природа ¹⁵⁵).

Заключая настоящую главу, упомянемъ о мѣстныхъ примѣтахъ, имѣющихъ метеорологическій характеръ. Вотъ эти примѣты: хлѣбъ родится хорошо, когда полотно зимней дороги ниже уровня снѣгу, и наоборотъ. Появленіе въ большомъ количествѣ влестовъ или полевыхъ тетеръ предвѣщаетъ неурожай. Если снѣгъ выпадетъ прежде, нежели опадутъ съ деревьевъ листья, будетъ много больныхъ. Если ледъ весною идетъ тихо, или истлѣваетъ на

мѣстѣ, весна будетъ тяжелая. Если на сырой лѣсъ выпадетъ *кухта* (снѣгъ) и останется на немъ всю зиму, годъ будетъ тяжелый и для людей, и для скота. Если съ осени рѣки покроются не гладкимъ льдомъ,—будетъ урожай, и на оборотъ. Если вороны выкидываютъ изъ гнѣздъ яйца, а иногда и дѣтей, будетъ годъ зяблый. Если въ началѣ весны у черныхъ жуковъ переднія ноги толще, то будетъ лучше ранній посѣвъ яроваго хлѣба; если среднія, то—средній; если заднія, то—поздній. Если тяжелѣе первое, снесенное курицею яйцо, то лучше будетъ ранній посѣвъ и т. д.—Тоже значить толщина передней, средней и задней частей пѣсни у весенней шуки. Весенняя вода разливается до той высоты, до которой поднимаются на берегъ гирки (утки мелкой породы). Если у этой утки спина чиста и бѣла, то лѣто будетъ ясное; если бѣла, но съ красными пятнами—не постоянное; если вся красная—дождливое; если передняя часть красна, то начало лѣта будетъ дождливое и т. д. Если съ осени снѣгъ выпадаетъ не одинъ разъ, то и весна начнется нѣсколькими оттепелями ¹⁵⁶).

Г Л А В А VI.

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ ЗЫРЯНСКАГО КРАЯ И ПУТИ СООБЩЕНІЯ.

Общій видъ страны.—Выдержки изъ путевыхъ записокъ г. Кашперова.—Путешествіе г. Мельникова въ Сандорское озеро.—Первая поездка на Удору неизвѣстнаго автора.—Отлетъ птиц.—Железные ворота.—Дороги.—Заключеніе.

Обширная, равная пространству Португаліи и Даніи, площадь Зырянскаго края сплошь покрыта лѣсомъ, преимущественно хвойнымъ: по болотамъ—не высокимъ, тощимъ и рѣдкимъ, а по суходоламъ (борь)—густымъ и достигающимъ громаднхъ размѣровъ. По этому темнозеленому фону тянутся голубыя ленты неисчислимаго

множества рѣкъ, рѣчекъ и ручьевъ и только кое-гдѣ мелькаютъ оазисы 500 селеній (по одному на каждыя 7 кв. м.) съ окружающими ихъ полями.—Но это нѣмая, неспособная произвести никакого живаго впечатлѣнія, картина.—Поэтому мы познакоимъ читателя съ впечатлѣніями, которыя производила не картина, а сама природа на людей, находившихся подъ непосредственнымъ влияніемъ послѣдней: мы сдѣлаемъ выдержки изъ записокъ, проѣзжавшихъ и проходившихъ Зырянскій край не по большимъ дорогамъ, а часто вовсе не по дорогамъ. Надѣмся, что изъ такихъ выдержекъ читатель почерпнетъ много интересныхъ свѣдѣній, которыя не войдутъ въ другія главы нашего труда. Начинаемъ съ записокъ г. Ив. Кашперова ¹⁵⁷).

¹⁵³) Тамъ-же № 44: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

¹⁵⁴) Тамъ-же № 51.

¹⁵⁵) Передаемъ, со словъ г. Кочіева (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 49: «Зырянскіе обычаи»), объ одномъ медицинскомъ приѣмѣ: «Зыряне съ болѣзней, соединенныхъ съ порчею крови, лѣчатся слѣдующимъ образомъ: берутъ *пауку* или сухую березовую губку, обрѣзываютъ ее на подобіе плоскаго кружка, кладутъ на больное мѣсто и зажигаютъ сверху. Когда огонь зажженной губки начнетъ достигать до тѣла и больной почувствуетъ боль,—это значить, что въ томъ мѣстѣ снѣгъ скопленія дурной крови и что губку нужно приложить къ другому мѣсту, и т. д. до тѣхъ поръ, пока губка, коснувшись тѣла, не отсочитъ сама собою. Иногда она отсаливаетъ вершка на 4. Это считается признакомъ того, что въ томъ самомъ мѣстѣ есть сильное скопленіе дурной крови. Тогда губку снова прикладываютъ къ этому мѣсту, и, придержавъ ее тѣмъ нѣбуду несгаревшимъ, выжигаютъ тѣло глубиною на 2 или 3 линіи. Послѣ сего начинается гноеніе раны, и нерѣдко бываетъ, что, при наклоненіи ея книзу, извергается черная сгустившаяся кровь; потомъ начнется совер-

шенно гноетеченіе, и въ такомъ видѣ поддерживаютъ рану до тѣхъ поръ, пока больной получитъ облегченіе. Для поддержанія такого состоянія раны употребляется трава, называемая *модкомытникомъ*, также свѣжая заячья шкура и канустный листъ лѣвой стороною. Тотъ-же канустный листъ употребляется и для заживленія раны, только въ послѣднемъ случаѣ кладутъ его правой стороною, поназавъ предварительно поровнымъ масломъ.»

¹⁵⁶) Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 6: «Зырянскія повѣрья», г. Кочіева ¹⁵⁷) Тамъ-же 1865, №№ 11 и 12.

«Отсюда (отъ Сереговскаго завода) мы должны были «отправиться верхомъ: иначе ѣхать невозможно. Дорога «или, лучше сказать, тропа извиается по правому и лѣ- «вому берегамъ р. Выми, черезъ которую переправы дѣ- «лаются вбродъ или вплавь. Замѣчательно, что здѣсь раз- «стоянія считаются чемкосами, кои приблизительно имѣють «отъ 6 до 7 верстъ и въ сущности означаютъ какое-ни- «будь примѣтное мѣсто, какъ напр. рѣчка, зырянскій «станъ и т. п. ¹⁵⁸⁾. Трудно было съ непривычки про- «ѣхать 130 верстъ безъ сѣдла; но на другія сутки мы «пріѣхали на Турьинскій погостъ, замѣчательный мѣсто- «пребываніемъ князей Вымскихъ ¹⁵⁹⁾. Здѣсь путешествіе «наше приняло другой видъ. Запасшись въ Турьѣ съѣст- «ными припасами на цѣлую недѣлю, мы поѣхали въ ма- «лыхъ и крытыхъ узкихъ лодочкахъ, управляемыхъ Зы- «рянами двумя шестиками, и ѣхали быстро, не смотря «на быстрое теченіе рр. Выми и Елвы. Кромѣ пороговъ «и комаровъ, осаждавшихъ насъ тысячами, мы не встрѣ- «чали другихъ неудобствъ. При устьѣ р. Пегышъ уви- «дѣли послѣдній погостъ, и вступили потомъ въ Елву. «Отсюда взорамъ нашимъ представлялся одинъ лишь «дремучій лѣсъ; никакого населенія не встрѣчается на «разстояніи болѣе 300 верстъ. За то много здѣсь было «рыбы и дичи. Зырянскія винтовки, некрасивыя на видъ, «и вмѣщающія зарядъ, стоящій не болѣе $\frac{1}{2}$ коп., чрез- «вычайно мѣтко поражали утокъ, гусей и рябчиковъ. «Берега гористы, но не далѣе, какъ въ полувёрстѣ отъ «берега начинаются обширныя болота, поросшія изрѣдка «лѣсомъ.... Не смотря на быстроту рѣки, мы проѣзжали «до 50 верстъ въ день, раза по три останавливаясь для «отдыха. Черезъ три дня приплыли къ устью ручья Пе- «гышъ, изобилующаго травою, подобною мокрецу и раз- «стилающеюся по дну этого ручья. Трава эта вкусомъ «похожа на редисъ и составляетъ у Зырянъ главное лѣ- «карство отъ простудной болѣзни.—Это мѣсто считается «половиною волока. Здѣсь лодку нашу и поклажу нуж- «но было перевозить шесть верстъ сухимъ путемъ на «двухъ колесахъ;—почему работники должны были схо- «дить за 6 верстъ и привезти эту одноколку, а потомъ, «съ большимъ трудомъ, общими силами, переправились

¹⁵⁸⁾ Г. Ю. Волговъ слово «чемкосъ» пишетъ «чемкость». Правильное г. Кашперова правильнѣе. Точно также, какъ и опредѣленіе значенія этого слова у г. Кашперова вѣрнѣе, нежели у другихъ авторовъ, напр. у г. Мельникова, который какъ скоро увидимъ, считаетъ каждый чемкосъ въ 5 верстъ. По этому-то нѣмъ, какъ напр. г. Ю. Волгову, нѣкоторые чемкосы и кажутся слишкомъ длинными (Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 32—34: «Замѣтки и впечатлѣнія охотника по Вологодской губерніи»). Впрочемъ авторъ статьи «Первая поѣздка на Удору» (будетъ сдѣлана выписка) тоже не считаетъ чемкосъ опредѣленною мѣрою, и говоритъ, что каждый чемкосъ имѣетъ свое собственное названіе. Зырянскими станами г. Кашперовъ явно называетъ охотничьи избушки Зырянъ—*пыозякъ*, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

¹⁵⁹⁾ Мы уже видѣли, что Князь-погостъ не имѣлъ такого значенія. См. въ текстѣ по примѣч. 63.

«мы въ систему водъ р. Мезени, и поплыли по тихому «теченію Ирвы, впадающей въ первую. Ирва имѣетъ до «того низкіе берега, что они постоянно затоплены во- «дою и поростають ивою или елью. Извилиста она такъ, «что мы перетаскивали лодку за нѣсколько сажень, что- «бы сократить путь на нѣсколько верстъ. Выходить на «такой берегъ невозможно, кромѣ тѣхъ суходеловъ, гдѣ «устроены зырянскіе станы. Въ 40 верстахъ отъ Мезени, «на правомъ берегу Ирвы есть небольшая деревня Кри- «вуша, передъ коею рѣка представляетъ огромное озеро, «и, за тѣмъ, дѣлается быстрѣе.

«На другой день мы увидѣли село *Глотова* на высо- «комъ и покато́мъ берегу Мезени, противъ устья Ирвы. «Преданіе говоритъ, что селеніе это получило названіе «въ 1612 г. отъ какого-то чудовища *Глота*, который, «въ весеннее время, забравшись сюда по р. Мезени изъ «моря, глоталъ приближавшихся къ нему животныхъ и «даже людей, такъ что усилія крестьянъ цѣлой волости «и колдуновъ, съ большимъ трудомъ истребили это чу- «довище. Здѣсь двѣ деревянные церкви и до 100 крестьян- «скихъ домовъ; отсюда по р. Мезени, проплывъ 50 верстъ, «прибыли въ село Костланское, гдѣ намъ предстояли «работы. Въ 9,000,000 дес. дача требовала повѣрки «межъ, почему работы были за 100 и болѣе верстъ отъ «селеній, и я по нѣсколькимъ недѣлямъ жилъ подъ откры- «тымъ небомъ. Лѣсъ изобилуетъ непроходимыми боло- «тами и валежникомъ; поэтому доставка провизіи затруд- «нительна и не разъ случалось жить безъ хлѣба по сут- «камъ и болѣе. Межи не доставляютъ Зырянамъ пользы. «Потому-то они и не имѣють о нихъ понятія: не говоря «о лѣсныхъ угодьяхъ, даже сѣнокосами каждый поль- «зуется гдѣ угодно. Пожни простираются на нѣсколько «сотъ верстъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, и даютъ большое «количество превосходнаго корму ¹⁶⁰⁾. Примѣчательно, «что здѣсь на покосахъ растетъ много луку, подобнаго «сѣянцу. Все пространство по р. Мезени и далѣе по «Вашкѣ извѣстно подъ именемъ *Удоры* и имѣетъ насе- «ленія до 2000 д. м. п. Главное достоинство жителей «честность. Здѣсь не знаютъ замковъ; потому что во- «ровства никогда не бывало; только амбары отъ живот- «ныхъ запираются задвижками. Крестьяне вообще жи- «вуть хорошо. Постройка ихъ не отличается отъ обык- «новенныхъ деревенскихъ избъ и весьма удобна. Лѣт- «няя одежда мужчинъ состоитъ изъ бѣлой рубахи ниже «колѣнъ, безъ пояса; на головѣ—мѣшокъ съ волосяной «сѣткой отъ комаровъ и мошки, а на ногахъ—валяные «коты и онучи, коими обвертываются ноги по колѣно. «Зимнюю одежду составляетъ *малица*, длинная одежда, «шитая изъ оленьихъ шкуръ, шерстью внизъ, вмѣстѣ

¹⁶⁰⁾ Это безспорно; но доставка сѣна изъ отдаленныхъ мѣстъ слиш- «комъ затруднительна. Сѣно возить въ селенія по рѣкамъ на малень- «кихъ лодкахъ иногда верстъ за сто.

«съ шапкою и рукавицами, пришитыми къ рукавамъ ¹⁶¹⁾. Женщины носятъ сарафаны и круглые повойники. Пищу составляетъ преимущественно вяленая оленина, либо рыба, сухари и скоромное масло. Хлѣбопашествомъ занимаются очень мало; потому что посѣвы очень часто «вызываютъ, но, въ случаѣ урожая, приростъ бываетъ «обильный. Быстрота растительности необыкновенная: «содня посѣва въ 40-й день хлѣбъ убираютъ въ амбары. «Главный родъ хлѣба ячень. Сѣется также рожь и отчасти пшеница и горохъ. Главное занятіе Зырянъ звѣринные промыслы и скотоводство. Здѣсь весь скотъ «комолый. Зырянинъ съ Сентября по Мартъ, и далѣе, «живетъ въ лѣсу, стрѣлая бѣлокъ, рябчиковъ, лисицъ, «куницъ, выдру, медвѣдей и проч. Замѣчательнъ здѣсь «ловъ утокъ въ сѣти: дѣлаютъ широкую просѣку отъ «одного озера къ другому или къ рѣкѣ; потомъ завѣшиваютъ эту просѣку сѣтями на шестахъ и, въ вечернее время, когда утки готовятся на покой, начинаютъ ихъ гонять. Утки не могутъ вдругъ подняться «вверхъ и перелетѣть черезъ высокій лѣсъ, и летятъ «просѣкою въ сѣти. До 200 и болѣе штукъ заразъ попадаетъ въ эти ловушки.—Лѣтомъ Зыряне каждый день «вечеромъ ходятъ париться въ баню, но никогда не «моются. Рыбы у нихъ много: семга, лохъ и сиги—лучшая. Религіозное чувство въ Зырянахъ очень развито; «расколниковъ здѣсь нѣтъ; во всѣхъ деревняхъ, отдаленныхъ отъ церквей есть часовни съ колокольнями, «на подобіе церквей, куда каждый праздникъ собираются большіе и малые; грамотные изъ нихъ читаютъ «и толкуютъ изъ книгъ Свящ. писанія, большая часть (?) «которыхъ переведены на зырянскій языкъ. — Пробывъ въ селеніи Костланскомъ нѣсколько мѣсяцевъ, «я... тѣмъ же путемъ возвратился на р. Вымь и изъ «сел. Керазъ, между Онежскимъ и Княжь-погостомъ, «отправился пѣшкомъ съ 20 Зырянами въ Синдорскія «селенія, *построенныя послѣ генеральнаго межеванія*. «Одинъ изъ Зырянъ былъ проводникомъ, и шелъ съ «компасомъ (маткою), по прямому направленію безъ «всякаго признака дороги. Много болотъ и почти непроходимыхъ валежниковъ встрѣтили мы на этомъ пути; «только берега р. Весленги представляютъ сухую поверхность. Здѣсь Зырянскій станъ представилъ плохой «ночлегъ, и потому никто не спалъ, несмотря на усталость. «На другой день путешествіе наше продолжалось тоже болотами и лѣсами. Чрезвычайно трудно было идти въ «объясненности тѣмъ, кто имѣлъ ноши, потому что во мно-

161) Одежда съ пришитыми шапкою или рукавицами, и притомъ шерстью вверхъ, называется „совикъ“. Малицы-же бываютъ безъ всякихъ принадлежностей, и шерстью внизъ. Обѣ, также, какъ и лѣтная рубаха, не имѣютъ полъ и надѣваются, какъ дяконскій стихарь, черезъ голову. Надобно дополнять зимній костюмъ „миами“. Это длинные, выше колѣна, изъ оленьей-же шкуры сапоги, шерстью вверхъ. Они чрезвычайно легки и теплы.

«гихъ мѣстахъ должны были слать переходы черезъ «болота и ручьи. Къ вечеру достигли рѣки Юсеръ, «которая, соединяясь съ Синвою (Син-ва) и Чичь, вытекаетъ (?) изъ Синдорскаго озера, находящагося на «сокой мѣстности между Устьсысольскимъ и Яренскимъ «уѣздами. При устьѣ этихъ рѣчекъ, въ 2 верстахъ отъ «озера расположено 3 селенія: Синдоръ, Пудра и Петрополь, «раздѣленные между собою только рѣчками. Чтобы переправиться черезъ р. Синву нужны были лодки, «замѣченные нами на противоположномъ берегу; провожатые кричали о переправѣ жителямъ деревни, но тѣ «разбѣжались, испугавшись неожиданнаго нашего «селенія. Рабочіе сдѣлали плотъ изъ сухаго лѣсу и «стали лодки. Переправившись, рабочіе отыскивали жителей и растолковали имъ цѣль нашего прихода. Тогда «все собрались смотрѣть на насъ, какъ на рѣдкость, «потому что къ нимъ не только чиновники, но даже и «Зыряне не бывали болѣе 50 лѣтъ, т. е. со дня ихъ «здѣсь поселенія ¹⁶²⁾. Главный промыселъ этихъ Зырянъ рыбная ловля; быть ихъ не отличается отъ быта «Удорцовъ».

Записки г. Кашперова слишкомъ сжаты; онъ слишкомъ объективно смотритъ на предметъ, такъ что читатель не видитъ его личнымъ впечатлѣній, производимыхъ природою.—Слѣдующіе выписки изъ замѣтокъ лицъ, посѣщавшихъ тѣ-же мѣста, гдѣ былъ и г. Кашперовъ, но не столь нечувствительныхъ къ лишениямъ и мѣнѣ равнодушныхъ къ красотамъ природы, пополняютъ основательный, но сухой рассказъ его.

Ранѣе г. Кашперова тоже *ходилъ* въ Синдорскія селенія г. Мельниковъ. Вотъ что онъ пишетъ объ этомъ путешествіи ¹⁶³⁾. «Въ 237 верстахъ отъ г. Яренска и «во 100 отъ Княжьпогоста находится Синдорское селеніе. «Это селеніе слыветъ недоступнымъ для пѣшехода въ «лѣтнее время и только можно до него добраться «водою, совершивъ до 600 верстъ.—Но, нетерпящій «отлагательства, случай заставилъ меня, въ товариществѣ трехъ «человѣкъ, для сокращенія времени, идти туда пѣшкомъ. «7-го Юля отправились мы изъ дер. Кырь-Кочъ, въ 14 «верстахъ отъ Княжьпогоста, съ провожатыми ямщиками. «Черезъ 8 верстъ намъ представилась огромная равнина, «въ которой тутъ-индѣ видѣлись тощія сосны. Эта

162) Здѣсь мы должны замѣтить, что г. Кашперовъ, не смотря на дѣльность своей статьи, ошибается, утверждая, что Синдорцы не видали никого, *даже Зырянъ*, болѣе 50 лѣтъ. Сей часъ мы увидимъ, что г. Мельниковъ былъ въ синдорскихъ селеніяхъ въ 1852 г. Самого г. Кашперова проводникъ велъ къ озеру прямо, безъ всякаго признака дороги; слѣд. бывалъ тамъ или слышалъ о пути туда отъ бывалыхъ людей. Дорогою г. Кашперовъ встрѣчалъ зырянскіе станы. Наконецъ Синдорцы платятъ-же подати, отбываютъ повинности, покупаютъ и продаютъ и т. п.; слѣд. должны хоть не часто сообщаться съ другими живыми мѣстами.

163) Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 24: «Селеніе Синдоръ и озеро того-же имени въ Яренскомъ уѣздѣ».

«площадь, которой невозможно было окинуть взглядомъ, казалась моремъ съ желтозеленою поверхностію; она была ничто иное, какъ болото, заросшее мхомъ. Оно имѣетъ въ поперечникѣ 3 чемкоса, т. е. 15 верстъ ¹⁶⁴⁾, а длина его неизвѣстна. Мы начали переходить болото съ терпѣніемъ. Но увы! Болотомъ этимъ шли мы цѣлый день, встрѣчая во многихъ мѣстахъ неприятность быть поглощенными его неизмѣримой глубиной.—Перекупавшись въ тинѣ, въ моху, въ водѣ, мы кой-какъ дотянулись до первой избушки. Оправившись нѣсколь-ко, снова пустились въ путь до второй избушки, отстоящей за 2 чемкоса. Это пространство, не-смотря на большія и топкія болота, казалось намъ сноснымъ. Идя впередъ, мы шли по тропинкѣ, пересѣкавшейся упавшими деревьями. Вскорѣ представился намъ случай переходить новое болото, Кирча-нюръ. Это болото было еще топче, еще опаснѣе прежняго, и насъ совершенно выбило изъ силъ; нѣсколько разъ утоная въ немъ, мы съ трудомъ вытаскивали изъ мокраго и вязкаго мха ноги, свалившись на-бокъ. Вотъ, добрались до первой рѣчки Кылты-ва; но она низкими своими берегами доставила намъ мало утѣшенія. Наконецъ, достигши третьей избушки, пустились продолжать остальной путь, заключающійся въ 4 чемкосахъ, 20 верстъ. Перешли опять Кылты-ва и небольшія рѣчки Каръ-Чекель и Сюдзь; послѣдняя совершенно насъ изнурила. Представьте себѣ небольшую рѣчку, покрытую тиною, шириною болѣе, чѣмъ на 100 сажень, довольно порядочной глубины, протекающую между высокихъ сѣдыхъ кочекъ. Нужно было осторожно пробираться по этимъ кочкамъ, чтобы не упасть въ рѣку; скакать по нимъ; и послѣ того очутилось передъ нами опять новое болото. Такимъ образомъ, съ большими затрудненіями дошли мы до рѣчки Синъ-ва, отъ селенія Синдоръ въ 4 верстахъ, и по сдѣланнымъ перекладинамъ достигли наконецъ деревни. Селеніе Синдоръ, состоящее изъ трехъ деревень, имѣетъ 14 дворовъ съ 62 душами по 9 ревизіи. Земледѣліе въ Синдорѣ, по случаю песчанаго мѣстоположенія и раннихъ инеевъ и заморозковъ весьма ограничено: ржи высѣвается по 2 четверика на душу, ячменя по 1½ четверика, а иногда и болѣе. Огородныхъ овощей нѣтъ никакихъ. Луговъ довольно, и скотоводство достаточно. Главное занятіе жителей—рыбная ловля. Въ 5-ти верстахъ къ югу отъ селенія находится озеро Синдоръ, 15 верстъ длины и 8 ширины. Изъ этого озера вытекаетъ рѣчка Визъ; въ озерѣ ловятся щуки, окуни, ельцы и множество ершей. Въ этой рѣчкѣ сдѣлано до 400 чуповъ (ѣзовъ), но середина не загорожена. Ерши, во время хода своего зимою, спускаясь по срединѣ рѣчки, заходятъ въ разставленные тамъ *гымъ-га* (морды) тысячами.— Съ

«6 декабря жители всякаго возраста отправляются къ истоку (?) озера, гдѣ едва успѣваютъ вынимать свои гымъ-га, наполненные рыбою. Сверхъ того, когда замерзнетъ озеро, дѣлаютъ на льду прорубь и рыбу черпаютъ саками на длинномъ шестѣ. Ершей налавливаютъ больше 500 пудовъ; цѣна имъ, свѣжимъ, бываетъ отъ 30 до 16 коп. за пудъ. Отъ продажи рыбы выручается до 1000 руб. въ годъ».

Вотъ еще болѣе интересное пополненіе записокъ г. Кашперова — это «Поѣздка» неизвѣстнаго автора «на Удору», тѣмъ-же путемъ, которымъ слѣдовалъ туда и г. Кашперовъ ¹⁶⁵⁾: «Въ Турѣ мы запаслись провизіей на 300 верстъ. Она состоитъ изъ бѣлыхъ и черныхъ сухарей, не говоря о чаѣ. Здѣсь-же берутъ что нибудь изъ мяснаго и то не въ большомъ количествѣ, потому что черезъ сутки все испортится. Мы отѣхали отъ города (Яренска) уже 200 верстъ. Рѣка (Вымь) постоянно становилась шире и полнѣе, несмотря на то, что мы плыли вверхъ. Правый берегъ ея постепенно возвышался и наконецъ достигъ высоты значительной, а именно не менѣе, если не болѣе полуверсты въ отвѣсъ; но, противъ обыкновенія, не былъ покрытъ лѣсомъ, а спускался къ рѣкѣ роскошнымъ лугомъ. Мы шли по лѣвому берегу, и на вершинѣ противоположнаго едва могли разсмотрѣть нѣсколько избушекъ, а между тѣмъ это были довольно порядочные дома. — Лѣвый берегъ разстилался богатыми пашнями, вечеръ былъ чудно хорошъ, и мы вышли изъ лодки съ намѣреніемъ прогуляться версту или полторы, но прошли 4, не замѣтивъ того; никогда еще не случалось мнѣ видѣть такого богатаго и огромнаго цвѣтника: цѣлая поляна на пространствѣ 3 или 4 верстъ была густо усыяна шапками, кашками, дикою гвоздикой, колокольчиками, душистою повителью и множествомъ другихъ цвѣтовъ возможныхъ видовъ и колеровъ; косвенные лучи солнца придавали имъ необыкновенную яркость и живость. Эту поляну можно было безъ всякаго преувеличенія назвать цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, по которому мы брели по колѣно и... Простились съ Вымью, перешедши во впадающую въ нее рѣку Елву, на берегу которой почти возлѣ самаго устья и расположились ночевать.... Мѣсто, на которомъ мы остановились, могло бы быть съ честью помѣщено въ описаніи любаго чувствительнаго путешествія за границей, въ особенностяхъ въ Швейцаріи или Америкѣ... Я проснулся на другой день часу въ десятомъ, мучимый жаромъ и жаждой; пологъ былъ закрытъ, и первымъ движеніемъ моимъ было выйдти поскорѣе на чистый воздухъ; но я не долго наслаждался имъ: въ одну минуту сотни комаровъ облѣпили мою голову; я не успѣвалъ ихъ давить—мнѣ приходилось плохо; кое-какъ намочивши го-

¹⁶⁴⁾ См. примѣч. 158.

¹⁶⁵⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1847 г. №№ 41 и 42.

«лову и лицо, я попробовалъ напитокъ, но съ перваго
«же глотка долженъ былъ отказаться и отъ этой дер-
«зости—вода была тепла, какъ парное молоко.... Мы
«пустились въ путь. Жаръ былъ покрайней мѣрѣ гра-
«дусовъ въ 25 по Реомюру. (Это было въ половинѣ
«Юля)... Мы обѣдали и пили чай на берегу. Весь обѣдъ
«состоялъ изъ обжаренныхъ въ маслѣ сухарей, и въ до-
«бавокъ въ одной рукѣ нужно было держать вилку,
«а другою отмахиваться отъ комаровъ. Жаръ и комары
«съ каждымъ часомъ увеличивались; подъ сѣтками ¹⁶⁶⁾
«было душно; поднять ихъ—новая бѣда; запереться въ
«лодкѣ не хотѣлось: тамъ было еще душнѣе; притомъ
«же мы порядочно належали бока; о купаньи нечего
«было и думать, и два часа, данные ящикамъ на отдыхъ,
«показались мнѣ не менѣе двухъ дней... Шея, лицо и
«руки мои были искусаны. Будучи не въ силахъ пере-
«носить зудъ, я безъ милосердія расчесывалъ искусан-
«ныя мѣста, отчего зудъ превращался въ сильную боль...
«По Мезени... мы сдѣлали 70 верстъ и... были въ Разгортѣ.
«Отсюда намъ предстояло перебраться 40 верстъ сухимъ,
«или вѣрнѣе, полусухимъ путемъ. Мы переѣхали ихъ
«на саняхъ, потому что верхомъ, за неимѣніемъ сѣделъ,
«не поѣхали, а на колесахъ нѣтъ возможности: дорога
«шла чрезъ болото, покрытое сплошь мостомъ изъ цѣль-
«ныхъ, не тесанныхъ бревенъ... ¹⁶⁷⁾. День былъ не-
«обыкновенно жарокъ—солнце жгло насъ, сѣтки душили...
«Поднять сѣтку, значило отдать себя на истязаніе, ко-
«торое нисколько не легче жара... Ко всему этому при-
«соединилась жажда... ротъ и горло совершенно засох-
«ли,—я не могъ говорить; еще нѣсколько верстъ—и я
«почувствовалъ въ горлѣ сильную боль. Я чуть не пла-
«калъ, но никакъ не рѣшился на послѣднее средство,
«къ которому иногда прибѣгаютъ проѣзжающіе, а имен-
«но, сходять съ мостовинъ, выбиваютъ въ сырой землѣ
«каблукомъ сапога небольшую ямку, которая въ одну
«минуту наполняется мутной водой, и пьютъ этотъ рас-
«творъ грязи... На обратномъ пути я ѣхалъ верхомъ и
«измучился не менѣе; лошадь безпрестанно спотыкалась,
«и я, чтобы не сломать шеи, принужденъ былъ поддер-
«живать ее всю дорогу на уздѣ—занятіе, для непривыч-
«ныхъ рукъ, очень тяжелое. Этотъ волокъ по всѣмъ пра-
«вамъ можно назвать депо удорскихъ комаровъ. Можно
«смѣло спорить съ любымъ астрономомъ, что какъ бы
«далеко онъ не проникалъ въ неизмѣримую твердь не-
«бесную, никогда ему не открытъ тамъ столько свѣтилъ,
«сколько мы видѣли здѣсь этихъ докучливыхъ музыкан-
«товъ... Деревня Пучкомская, въ которую мы ѣздили
«лежитъ отъ Яренска на сѣверо-западъ, по прямому пути

¹⁶⁶⁾ О назначеніи сѣтки упомянуто въ выдержкахъ изъ записокъ Кашперова.

¹⁶⁷⁾ На Удорѣ на колесахъ никогда не ѣздить и не знаютъ колесныхъ повозокъ (Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. №№ 20 и 21: «Статист. описаніе Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова).

«верстахъ въ 300, а мы сдѣлали 680... Ходятъ, правда,
«прямымъ путемъ; но къ нему прибѣгаютъ только въ
«крайности, именно въ началѣ весны и осени, когда ран-
«нія оттепели въ первомъ случаѣ и ранніе морозы—во
«второмъ прекращаютъ сообщеніе рѣками. Онъ дѣйстви-
«тельно прямъ, но за то во все его протяженіе нужно
«идти пѣшкомъ по поясъ въ водѣ; промежутки, по кото-
«рымъ можно переѣхать на лошади или въ лодкѣ, ни-
«чтожны; кромѣ того, онъ совершенно не обитаемъ и что-
«бы рѣшиться на него, нужно имѣть много увѣренности
«въ своей силѣ и терпѣніи. Непріятности, перенесен-
«ныя нами, какъ онѣ ни тяжелы для новичка, ничтожны
«въ сравненіи съ тѣми, которымъ подвергаются пѣше-
«ходы. Этотъ путь ведетъ берегами Яренги и Вашки,
«верховья которыхъ идутъ здѣсь недалеко одно отъ дру-
«гаго. Впрочемъ и водное сообщеніе не всегда такъ хо-
«рошо и удобно. Судьба благодѣтельствовалъ мнѣ на
«первый разъ, послала намъ все, (безвѣтріе и большая
«вода), что нужно было для самаго быстрого и удобнаго
«переѣзда,—и мы воспользовались ея благосклонностію,
«какъ нельзя лучше: въ Пятницу утромъ мы выѣхали
«изъ Серегова, а въ Четвертокъ вечеромъ были на мѣстѣ,
«слѣд. въ 6 сутокъ съ небольшимъ перешли водою 580
«верстъ, и на половину ихъ противъ воды. Изъ этихъ
«6 сутокъ слѣдуетъ исключить полтора дня, убитые нами
«на переѣздъ 46 верстъ: 40—отъ Разгорта до Венденг-
«скаго погоста и 6—на переволокъ изъ Еивы въ Ирву»...

«Все пройденное нами пространство представляетъ
«какъ бы дно бассейна, возвышающееся съ одной стороны
«къ городу (Яренску).., съ другой, и гораздо замѣтнѣе—
«на сѣверъ, къ границѣ Мезенскаго уѣзда; самая низ-
«менная часть этого бассейна будетъ по теченію Ирвы,
«болотистые берега которой совершенно слились съ
«рѣкою въ широкія озера. Это пониженіе выражается
«постепеннымъ сглаживаніемъ береговъ Ёлвы и Ирвы
«и умелченіемъ покрывающаго ихъ лѣса; а съ другой
«стороны—обратными признаками. Самая Вымь, по мѣрѣ
«приближенія къ этому дну, становится шире и полно-
«воднѣе, несмотря на то, что отходить отъ устья сво-
«его на 100 слишкомъ верстъ и приближается къ истоку.
«Вся эта ложбина пересѣкается въ двухъ мѣстахъ воз-
«вышеніями около устья впадающей въ Вымь Ёлвы,
«идущими прямо на сѣверъ правымъ берегомъ Выми, и
«еще ранѣе—гребнемъ описанныхъ уже мною холмовъ,
«идущихъ съ лѣвой стороны Выми на сѣверозападъ.
«Узкая полоса песчаника, поросшая богатымъ сосновымъ
«боромъ, по которой мы перебрались изъ Ёлвы въ Ирву,
«есть продолженіе того-же гребня. Только здѣсь холмы
«переродились въ плоскую возвышенность, постоянно и
«очень замѣтно поднимающуюся по тому-же направленію.
«Если-же взять постоянное измелченіе лѣса отъ береговъ
«Выми до береговъ Ирвы, изъ которыхъ первые покры-
«ты порядочнымъ ельникомъ и, мѣстами, сосною, а вто-
«рые только бѣдной осиною съ мелкимъ иудравымъ

«кустарникомъ, а потомъ постепенный переходъ его, «по мѣрѣ приближенія на сѣверъ, въ болѣе и болѣе «крупныя породы до богатыхъ листовичныхъ и пих- «товыхъ рошъ, попадающихъ не рѣдко по берегамъ «Вашки; то почти безошибочно можно предположить, «что самое дно этого бассейна было прежде все покрыто «водою. Не мало въ пользу этого предположенія гово- «рять и необыкновенное извилистое теченіе Ирвы. ¹⁶⁸⁾».

«Обратный переѣздъ мы совершили также скоро и «благополучно. Вся разница въ томъ, что мы, для раз- «нообразія, ѣхали, гдѣ можно, верхомъ (всего верстъ «около 150)»...

Всѣ эти выдержки касаются мѣстностей, находящих- «ся въ сѣверной части Яренскаго уѣзда. Хотя и нѣтъ «недостатка въ замѣткахъ лицъ, путешествовавшихъ по «Устьсысольскому уѣзду; но они уже не представляютъ «новаго интереса. Мы замѣтимъ только, что природа «этого послѣдняго уѣзда разнообразнѣе природы Ярен- «скаго; потому что сюда проникаютъ отроги Уральскаго «хребта и спускаются свѣтловодныя и быстрыя горныя «рѣки, впадающія въ Печору, и сдѣлаемъ лишь двѣ не- «большія выписки изъ рассказовъ г. Фл. Арсеньева. Во- «первыхъ, объ осеннемъ отлетѣ птицъ, который онъ на- «блюдалъ въ окрестностяхъ г. Устьсысольска:

«...Я вышелъ на свѣжій воздухъ изъ баньки (охот- «ничья изба)... Ночь все еще была темная, звѣзды «заволокло облаками; только едва замѣтный слѣдъ утрен- «ней зари, предвѣстникъ наступающаго дня, протянулся «на востокъ узенькой ленточкой;... но диво дивное тво- «рилось въ воздухѣ. Волны не исчислимыхъ звуковъ— «неслись на землю, будто шли надъ головою невидимыя «дороги, по которымъ путешествовали съ неимовѣрно «быстрою несмѣтныя полки воздушныхъ странниковъ. «Говоръ гусей, звонъ и свистъ крыльевъ несущихся «стай утокъ, заунывное курлыканье журавлей, разнород- «ный пискъ куликовъ мѣшались съ пронзительными пере- «ливками трубнаго лебединого голоса».

«Въ невольномъ изумленіи стоялъ я передъ этимъ «дивнымъ явленіемъ птичьяго отлета. Я вперилъ глаза «вверхъ, но, за темнотою ночи, ничего не могъ раз- «глядѣть. Между тѣмъ звуки раздавались все громче и «громче; все плыли и плыли стаи, все гуще станови- «лось ихъ въ воздухѣ, такъ что чувствовалось вѣяніе «звонящихъ отъ быстрого полета крыльевъ, будто надъ «головою неслись и парили духи... и т. д. ¹⁶⁹⁾».

¹⁶⁸⁾ Мнѣніе неизвѣстнаго автора «Первая поѣздка на Удору» окончательно подтверждается тѣмъ, что въ мѣстности, орошаемой рр. Ирвой, Мезенью и Вашкой, въ составѣ подпочвы, находится много раковинъ и окаменѣлостей (Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 41: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда»).

¹⁶⁹⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1861 г. №№ 45 и 46: «Осенняя ночь на берегахъ Вычегды. Глава не охотничьяго разсказа «Лейбоджъ», г. Ф. Арсеньева.

Впрочемъ, подобное явленіе можно наблюдать не только «близъ Устьсысольска, а и въ другихъ частяхъ Зырян- «скаго края. Но вотъ картина природы уже чисто при- «уральской: это описаніе ушеля на р. Щугорѣ, назы- «ваемого Желѣзными воротами.

«...Въ этой-то странѣ протекаетъ р. Щугоръ, мало «извѣстная въ географіи, не ославленная ни въ про- «мышленномъ, ни въ торговомъ мѣрѣ; но замѣчательная «по своимъ живописнымъ видамъ. Она беретъ начало изъ «Уральскихъ горъ, и впадаетъ въ Печору, сдѣлавши около «350 верстъ извилистаго пути. — Мѣстами, эта рѣка «довольно широка, глубока, почти вездѣ камениста; берега «ея круты и обрывисты. Прозрачность воды изумительна: «маленькій камешекъ, серебряный пятакъ, нитка ми- «шуры видны на глубинѣ 2-хъ и болѣе сажень. Вода «Печоры довольно чиста, но, когда вливаетъ въ нее «свои струи Щугоръ, онѣ рѣзко отличаются отъ Пе- «чорской воды, не утрачивая своей прозрачности на «нѣсколько верстъ внизъ по теченію Печоры около пра- «ваго ея берега. Одно изъ примѣчательнѣйшихъ мѣстъ «на Щугорѣ—это «Ульдоръ-Кырта»,—«Желѣзные воро- «та». — Широкая рѣка вдругъ стѣсняется съ обѣихъ «сторонъ каменными стѣнами, образующими настоящія «ворота. Эти каменные стѣны длиною въ нѣсколько «сотъ шаговъ, а высотой — отъ 100 до 150 фут., со- «стоятъ изъ известняка, лежащаго отвѣсными пласта- «ми. Когда проѣдешь черезъ ворота и оглянешься на- «задъ, то увидишь, какъ, начиная отъ самаго узкаго «мѣста, каждый новый пластъ отходить въ сторону «далѣе предшествующаго, отчего ворота принимаютъ «такой видъ, какъ будто онѣ устроены изъ натураль- «ныхъ кулисъ. Самые пласты гладки, обнѣжены и «ослѣпительно бѣлы; но въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они «прилегаютъ одинъ къ другому, въ узкихъ промежут- «кахъ между ними, сбѣгаютъ внизъ по разсѣлинамъ «зеленыя полоски дерна и кудреватаго кустарника, какъ «гирлянды балнаго убора; а на вершинахъ лѣсъ, вы- «соко возносящій свои, зубчатые верху, верхушки къ «небу. Сквозь эти каменные рамы видна по ту сторону «воротъ широкая, гладкая равнина рѣки съ ея зеле- «ными берегами, а въ отдаленіи—хвойный дремучій боръ, «замыкающій ландшафтъ. Передъ воротами разстилает- «ся такое-же великолѣпное водное зеркало.»

«Трудно себѣ представить то обаяніе, подъ вліяніемъ «котораго находится наблюдатель, окруженный величе- «ственной панорамой природы въ видѣ безграничной ска- «терти водъ, съ играющими на нихъ лучами яркаго «солнца, или въ видѣ дѣвственнаго, вѣчно зеленаго «лѣса, или въ видѣ смѣло нагроможденныхъ горъ, подъ- «ятыхъ страшною силою за облака; но ни одна изъ «подобныхъ картинъ не поражаетъ наблюдателя такъ, «какъ картина воднаго зеркала, обставленнаго снѣго- «выми обрывами известковыхъ скалъ, заключенныхъ «въ зеленую раму безграничнаго лѣса. Это такая кар-

«тина, которая, даже въ описаніи, заставляетъ сердце «любителя битися сильнѣе»¹⁷⁰⁾. Последнюю выписку мы сдѣлали не только для того, чтобы представить лишнюю картину оригинальной и живописной мѣстности, но и потому, что «Желѣзные Ворота» имѣютъ нѣкоторую историческую извѣстность: сюда, какъ мы думаемъ, ходилъ въ древности Новгородецъ Улѣбъ.

Такова наружность Зырянскаго края; таковы способы сообщенія въ большей части его. Но въ южной части его есть и настоящія дороги: почтовая, соединяющая города Устьсысольскъ и Яренскъ на разстояніи 150 верстъ и 2 торговая, соединяющія Устьсысольскъ съ г. Слободскимъ (Вятской губерніи) и съ Устюгомъ (Вологодской). Впрочемъ и на Печору проложена въ 1850-хъ годахъ¹⁷¹⁾ дорога, которая проходима только въ самую сухую погоду, и на которой есть огромные волока, напр. въ 150 верстъ¹⁷²⁾ съ неизбѣжными *зимовками*¹⁷³⁾. — На Вишеру путешествуемъ то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ лодкахъ¹⁷⁴⁾.

Зимою болота и рѣки замерзаютъ; пути спрямляются; но каковы эти пути можно судить по тому, что никто не обнаружилъ замѣтокъ о поѣздкахъ въ глушь Зы-

¹⁷⁰⁾ Тамъ-же 1866 года № 47: «Рѣка Щугоръ (картины нашего сэра)» г. Ф. Арсеньева.

¹⁷¹⁾ Тамъ-же 1854 г. № 32 и 33: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губерніи» г. Ю. Волкова.

¹⁷²⁾ Въ Вологодской губерніи вообще *волоками* называется лѣсное пространство, отдѣляющее одно селеніе отъ другаго или, точнѣе прилегающія къ послѣднимъ поля. Въ Зырянскомъ-же край слово *волокъ* отчасти еще сохранило свой первоначальный смыслъ переволока между двумя рѣками: таковъ именно волокъ между рѣками Ирвой и Елвой, какъ мы видѣли ранѣе.

¹⁷³⁾ *Зимовками* называются избы, устраиваемыя на большихъ волокахъ отъ волостныхъ обществъ, для того, чтобы проѣзжающіе, особенно въ трескучіе морозы, могли согрѣться, выкормить лошадей, — и ничего болѣе; хотя въ нихъ и живутъ, тоже по найму отъ обществъ, что-то въ родѣ сторожей, или какой нибудь старикъ или бобыль—мальчишъ, обязанности которыхъ состоятъ только въ томъ, что бы зимовки протапливались. Путешественникъ здѣсь иногда не найдетъ ничего, даже хлѣба, не говоря уже о самоварѣ и т. п. роскоши: столъ, скамейка, кадка и деревянный ковшишъ—вотъ вся мебель и посуда. Таковы покрайней мѣрѣ, тѣ зимовки, которыя мы сами имѣли случай видѣть.

¹⁷⁴⁾ Вол. Губ. Вѣд., 1848 г. № 10 и 12.

рянскаго края зимою. Только туземный охотникъ пробѣгаетъ на лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ при помощи матки (компаса), да изрѣдка, изъ подъ сильной неволи, пробирается Богъ знаетъ какими способами, уѣздный чиновникъ въ ту или другую волость.

Въ заключеніе настоящей главы, не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ, что въ Зырянскомъ край весьма легко можно устроить, если когда нибудь представится въ томъ надобность, превосходную сѣть водныхъ сообщеній: Мезень, Печора, Кама и Вычегда, и даже Обь, во множествѣ пунктовъ могутъ быть безъ особыхъ издержекъ, соединены коротенькими каналами. — Въ настоящее время польза такихъ каналовъ, по малолюдству и бѣдности края, далеко не можетъ соответствовать издержкамъ на устройство ихъ, какъ бы послѣдніе не были незначительны. Это видно изъ того, что Сѣверо-Екатерининскій каналъ, соединявшій Каму съ Вычегдой, былъ закрытъ, какъ совершенно бесполезный.

Не лишнимъ считаемъ сдѣлать краткій перечень тѣхъ пунктовъ, гдѣ названныя большія рѣки могутъ быть соединены другъ съ другомъ въ предѣлахъ Зырянскаго края:

а) *Вычегда съ Печорою*—посредствомъ рѣкъ Мылвы Вычегодской и Мылвы Печорской, между которыми волокъ въ 4 версты.

б) *Мезень съ Печорою*—посредствомъ двухъ Ижмъ, между которыми волокъ въ 3 версты.

в) *Печора съ Обью*—посредствомъ Щугора съ одной стороны и Сосвы — съ другой. Величина раздѣльнаго пункта намъ неизвѣстна. Впрочемъ, въ предѣлахъ Архангельской губерніи, по изслѣдованію В. Н. Латкина, находится болѣе удобный пунктъ соединенія этихъ двухъ великихъ рѣкъ.

г) *Печора съ Камой*—посредствомъ Волосяницы съ одной и Вогулки — съ другой стороны, раздѣленныхъ 4-хъ верстнымъ волокомъ.

д) *Вычегда съ Мезенью*—посредствомъ Ирвы и Йолвы, между которыми, какъ мы уже видѣли, волокъ въ 6 вер.

и е) *Вычегда съ Камой*, какъ извѣстно, уже были соединены посредствомъ Сѣверо-Екатерининскаго канала между двумя Кельтмами.

Г Л А В А VII.

ЕСТЕСТВЕННЫЯ БОГАТСТВА КРАЯ.

Ископаемая: золото, серебро, мѣдь, желѣзо, соль, точильный камень, антрацитъ, нефть, доломитъ, сердоликъ, графитъ, гипсъ и пр.—
Растенія.—Животныя.

И письменные, и устные отзывы людей, болѣе или менѣе близко знакомыхъ съ Зырянскимъ краемъ, о естественныхъ богатствахъ его чрезвычайно разнорѣчивы: одни смотрятъ на него, какъ на страну до крайности бѣдную, которая даже впереди не можетъ ожидать лучшаго; а другіе, напротивъ, восторгаются его несмѣтными богатствами и обѣщаютъ ему великолѣпное будущее. — Не высказывая собственнаго взгляда на этотъ предметъ, мы представимъ данныя.

Несмотря на то, что мѣстность, заселенная Зырянами, весьма недостаточно изслѣдована, не подлежитъ сомнѣнію, что она изобилуетъ разнообразными ископаемыми богатствами.

Специалистъ въ дѣлѣ золотопромышленности, г. Ю. Волковъ утверждаетъ¹⁷³⁾, что Печорскій край имѣетъ поразительное сходство съ золотоносными мѣстностями, находящимися по ту сторону Уральскаго хребта; но не смотря на то, пишетъ, что *золото* на Печорѣ, можетъ быть, есть, а можетъ быть, и нѣтъ. Достоверно то, что неоднократныя попытки отыскать тамъ этотъ драгоценный металлъ до сихъ поръ рѣшительно не удавались. Хотя намъ довольно подробно извѣстны и личности золотоискателей и исторія такихъ попытокъ; но считаемъ бесполезнымъ распространяться объ этомъ предметѣ. Замѣтимъ только, что лица, дѣлавшія попытки найти золото на Печорѣ, брались не за свое дѣло: они не располагали ни необходимыми матеріальными средствами, ни достаточною опытностію. Во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, есть ли золото въ Зырянскомъ краѣ, остается открытымъ.

Серебро дѣйствительно есть. Еще при Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, именно въ 1491 году, были посланы на Печору *рудознатицы* и отыскали серебряную руду на р. Цыльмѣ въ урочищѣ Косму, въ 300 верстахъ отъ самой Печоры. Почему разработка руды оставлена, мы не знаемъ; но Зыряне помнятъ еще о томъ¹⁷⁴⁾. По завѣренію г. Ю. Волкова, дѣтъ 30 тому

назадъ, признаки серебряной руды были отысканы г. Трапезниковымъ по рѣкамъ Вишерѣ и Вычегдѣ, хотя мѣстонахожденія серебра точно неизвѣстны. Г. Волковъ говоритъ также, что у Зырянъ есть много вещей изъ этого металла, очевидно, мѣстнаго происхожденія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что оно находится не только въ рудѣ, но и въ самородкахъ¹⁷⁷⁾. Извѣстно, что Зыряне вообще стараются скрывать мѣстонахожденія рудъ, изъ опасенія, чтобы начальство, не обратило ихъ въ крѣпостное, состояніе устройвъ заводы¹⁷⁸⁾, примѣръ чему у нихъ былъ на глазахъ въ Сереговскомъ солеваренномъ и въ Кажимскихъ желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводахъ, учрежденныхъ на посессионномъ правѣ.

Мѣдь въ 1491 г. была отыскана, вмѣстѣ съ серебромъ, но разработка ея также оставлена¹⁷⁹⁾.—Г. Ю. Волковъ говоритъ, что признаки присутствія мѣди въ волчеданахъ по берегамъ многихъ рѣкъ, впадающихъ въ Печору и Вычегду, несомнѣнны и что самъ онъ видѣлъ *ашеритъ* (кристаллическая мѣдная руда зеленого цвѣта), найденный въ Верховьяхъ Вишеры¹⁸⁰⁾. Г. Яблонскій сомнѣвается въ этомъ и полагаетъ, что г. Волковъ за ашеритъ принялъ *кристаллическій малахитъ* или *фосфорохалцитъ*¹⁸¹⁾. Но г. Кашперовъ пишетъ, что онъ, на днѣ Вишеры, самъ отыскалъ нѣсколько кусковъ самородной мѣди и очень много *каманскаго камня*(?)¹⁸²⁾. Свящ. І. Поповъ находилъ мѣдную руду близъ села Вотчи въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Сысолѣ¹⁸³⁾.

¹⁷³⁾ Тамъ-же 1855 г. № 14: «Минеральныя богатства Вологодской губерніи».

¹⁷⁴⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1868 г. № 4: «В. Н. Латининъ и Печорская компанія», г. С. Лашпарева.

¹⁷⁷⁾ См. примѣч. 175.—Мы отъ многихъ слышали, что у Зырянъ есть вещи изъ своего серебра.

¹⁷⁸⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. № 12: «Путев. замѣтки на пути отъ Устьсысольска по Вишерскому селенію», г. А. Попова.

¹⁷⁹⁾ См. тамъ-же.

¹⁸⁰⁾ См. примѣч. 175.

¹⁸¹⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 11, примѣч. въ статьѣ г. Н. Бунакова. «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. Губерніи».

¹⁸²⁾ Тамъ-же 1865 года № 12: «Путевыя записки по Вол. Губерніи» г. Кашперова. Не корня-ли?

¹⁸³⁾ Тамъ-же 1858 г. № 3: «Взглядъ на геологическое состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отношеніи».

Г. Аврамовъ говоритъ, что она есть въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Вашкѣ¹⁸⁴⁾. О мѣдной рудѣ, находящейся недалеко отъ Яренска по рѣчкѣ Вишерѣ упоминаютъ гг. Ардашевъ и Протопоповъ¹⁸⁵⁾. Изъ всего этого видно, что признаки мѣдной руды встрѣчаются рѣшительно во всѣхъ частяхъ Зырянскаго края.—Мы можемъ допустить, что нѣкоторые изъ указанныхъ нами авторовъ, по той или другой причинѣ, впали въ заблужденіе; но не считаемъ себя въ правѣ думать, что всѣ они умышленно или неумышленно ошиблись. Однако должны замѣтить, что никто изъ названныхъ лицъ не говоритъ о томъ, стоятъ ли эти руды, по содержанію и массѣ ихъ, разработки.

Жельзо также есть и даже добывалось во многихъ мѣстахъ: лишь въ послѣднее время перестали дѣйствовать три, находящіяся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Сысолѣ, чугуноплавильные и желѣзодѣлательные заводы, извѣстные подъ названіемъ Кажимскихъ, и не отъ недостатка руды, а по другимъ, экономическимъ причинамъ. Эти заводы производили желѣза и чугуна болѣе, нежели на 100,000 р.¹⁸⁶⁾ Впрочемъ мы не давно слышали, что они снова приведены въ дѣйствіе, но не ручаемся за вѣрность такого слуха. Добывалось нѣкогда желѣзо въ разныхъ мѣстахъ Яренскаго уѣзда, напр. при Жешартскомъ погостѣ, гдѣ былъ и заводъ, и по р. Мезени¹⁸⁷⁾. Впрочемъ попытка г. Ю. Волкова, по доверенности г. Бенардаки, устроить производство желѣза въ обширныхъ размѣрахъ по р. Печорѣ не удалась, хотя, говорятъ, что наружные признаки богатства руды, по мнѣнію извѣстнаго ученаго горнаго инженера Озерскаго, казались несомнѣнными.

На упомянутомъ уже Сереговскомъ солеваренномъ заводѣ вываривается соли болѣе нежели на 100,000 р.¹⁸⁸⁾. Увѣряютъ, что берега р. Выми чрезвычайно обильны соляными источниками. Кромѣ того соль есть по р. Мезени и рѣчкѣ Шежамкѣ, въ Яренскомъ уѣздѣ¹⁸⁹⁾, а также и въ Устьсысольскомъ¹⁹⁰⁾.

На впадающей въ р. Печору р. Соплясѣ производится правильная разработка *точильнаго камня* въ такъ называемой Брусняной горѣ. По увѣренію г. Ю. Волкова здѣсь могло бы добываться до 70,000 п. точиль и до 300.000 шт. брусевъ¹⁹¹⁾. Но на самомъ дѣлѣ шахшіши

добычи, именно въ 1853 году, простирался до 37,000 п. точиль и до 137,000 шт. брусевъ (до 40,000 шлифованныхъ и до 97,000 не шлифованныхъ)¹⁹²⁾, всего на 12,000 р. Разница весьма значительная¹⁹³⁾; тѣмъ болѣе, что послѣ 1853 г. размѣръ добычи уменьшился вдвое¹⁹⁴⁾. Кромѣ того утверждаютъ, что точильный камень находится въ Устьсысольскомъ уѣздѣ по р. Немѣ въ 123 верстахъ отъ впаденія ея въ Вычегду, гдѣ лежитъ толстымъ слоемъ въ 4 версты длины и въ одну—ширины¹⁹⁵⁾. Хотя г. Ю. Волковъ и не вѣритъ этому¹⁹⁶⁾; но сомнѣніе свое основываетъ явно на ошибочныхъ предположеніяхъ.—При впаденіи р. Щугора въ Печору есть цѣлая гора точильнаго камня синяго цвѣта, но слой его тонокъ и камень годится только для выдѣлки небольшихъ брусевъ, хотя онъ и лучше камня, добываемаго въ Брусняной горѣ, тѣмъ, что заключаетъ въ себѣ менѣе сѣры и нефти¹⁹⁷⁾.—Камень, находящійся при устьѣ р. Вои (притокъ Печоры), ни для какого употребленія не годится¹⁹⁸⁾. Въ Яренскомъ уѣздѣ также находится этотъ камень въ 260 верстахъ отъ города, по берегамъ рр. Выми и впадающей въ нее Весляни, но пластъ его тонокъ и годенъ только для мелкихъ подѣлокъ¹⁹⁹⁾. Говорятъ, наконецъ, что онъ есть по р. Мезени и употребляется мѣстными жителями²⁰⁰⁾.

По отзывамъ знатоковъ, камень Брусняной горы уступаетъ достоинствами англійскому и добываемому около Кіева²⁰¹⁾; потому что, вслѣдствіе большого содержанія с ры и нефти, издавая, при точеніи, вредные пары, требуетъ много воды; но за то изъ него можно приготовить точила даже въ 60 пуд.,—преимущество, котораго не имѣетъ кіевскій камень²⁰²⁾.

По системамъ рѣкъ Вычегды, Мезени и Печоры и особенно между верховьями Вычегды и Ухты (притокъ Ижмы печорской) находятся огромныя залежи *антрацита*²⁰³⁾.

184) Тамъ-же № 52: «Описаніе физическихъ свойствъ Яренскаго уѣзда».

185) Рукопись г. Ардашева не напечатана, и, вѣроятно, находится при дѣлахъ Вол. Губерн. Стат. Комитета. См. тамъ же Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. Опис. Яренскаго уѣзда».

186) См. примѣч. 153.

187) См. примѣч. 184.

188) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 11: «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. Губ.» г. П. Бунакова.

189) См. примѣч. 184.

190) См. примѣч. 175. и Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 13: «Замѣтки объ ископаемомъ царствѣ Вол. Губ.» неизвѣстнаго автора.

191) См. примѣч. 175.

192) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 47: «Брусняная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ».

193) 1000 брусевъ шлифованныхъ вѣсятъ до 65 пуд., и простыхъ до 80 п (тмш).

194) Тамъ-же.

195) Вол. Губ. Вѣд. 1855 № 13: «Замѣтки объ ископаемомъ царствѣ»; Вол. Губ.; 1853 г. № 16: «Гидрогр. Вол. Губерн.», г. Далилевскаго. См. тамъ же примѣч. 192.

196) См. примѣч. 175.

197) См. примѣч. 192.

198) Тамъ-же.

199) Тамъ-же.

200) См. примѣч. 175.

201) Тамъ-же.

202) См. примѣч. 192.

203) Памяти. книжки Вол. Губ. на 1865 и 1866 г. Статья г. Грамгоржевскаго: «Статист. очеркъ Вол. Губерніи въ лѣсныхъ отношеніяхъ».

Въ Яренскомъ уѣздѣ по р. Малой Ухтѣ (Вул-ва), отъ города лѣтомъ въ 450 верстахъ, а зимою—въ 300 ²⁰¹⁾, находятся нефтяные источники. Нефть, вытекающая изъ береговъ, плыветъ по поверхности воды небольшою струею. Теперь она употребляется только мѣстными зырянскими для смазки лодочныхъ вещей; но говорятъ, что лѣтъ 80 тому назадъ здѣсь существовалъ для очистки нефти заводъ, принадлежавшій сначала московскому гражданину Пруднову, а потомъ какому-то Набатову и устюжскому мѣщанину Сарасву, и, неизвестно почему, ими заброшенъ. Эти лица отравляли нефть даже въ Москву ²⁰²⁾. Мы слышали, что въ недавнее время, кажется, г. Сидоровъ принимался за правильную добычу этой нефти, но не имѣлъ имѣла-ли какой-нибудь успѣхъ его попытка. По словамъ г. Ю. Волкова, въ 2-хъ фунтахъ зырянской нефти содержится 2½ драхмы чистой нефти и 2 драхмы воды ²⁰³⁾.—Полагаютъ также, что нефть находится по р. Малой Виземгѣ, впадающей въ Сысолу въ Устьсысольскомъ уѣздѣ; но предположеніе это основывается на томъ только, что тамъ есть ключъ, который бьетъ съ сильнымъ кипѣніемъ и зимою не замерзаетъ, и водою котораго мѣстные жители пользуются отъ разныхъ болѣзней ²⁰⁷⁾.

Тамъ-же, гдѣ находится нефть, добывается и такъ называемый *доманикъ*. Зыряне думаютъ, что онъ образуется изъ нефти, которая, катаясь по поверхности воды, осѣдаетъ на дно и тамъ стужается ²⁰⁸⁾. Онъ чернаго лоснящагося цвѣта; въ водѣ мягокъ, но на воздухѣ твердѣетъ; его находятъ между известковыми плитами нетолстымъ слоемъ; онъ горитъ на огнѣ, издавая рѣзкій и тяжелый запахъ.—Химическій составъ его опредѣляютъ различно: одни говорятъ, что онъ «состоитъ изъ извести, пропитанной особливимъ родомъ соли» ²⁰⁹⁾; другіе,—что, по свойству

своему, онъ можетъ быть приислденъ къ горному углю ²¹⁰⁾; г. Н. Бунаковъ, называя его *bitumen suillum*, утверждаетъ, что онъ составляетъ исключительную принадлежность Вологодской губерніи, чему не противорѣчатъ и повѣрившій ссчненіе г. Бунакова, въ качествѣ специалиста, въ той его части, которая касается минералогіи, г. Яблонскій; ²¹¹⁾ и, наконецъ, четвертые полагаютъ, что доманикъ есть известнякъ, проникнутый нефтью ²¹²⁾. Говорятъ, что по притокамъ Вычегды Мадина-ель (при устьѣ) и Воль-ю есть камень, похожій на доманикъ, темносѣраго цвѣта, и хвалятъ его достоинства ²¹³⁾.—Мы не можемъ высказать собственнаго мнѣнія о химическихъ свойствахъ этого камня ²¹⁴⁾. Онъ докстается со дня рѣки на пространствахъ версты, но пространство мѣстопоходженія его не приведено въ извѣстность. Прежде онъ добывался и изъ береговъ, но нишаго качества. Въ послѣднее время изъ него выдѣлывались доски для столовъ, шашечницъ, шашекъ, марии и т. п., чѣмъ занимался только одинъ служитель Сергеевскаго завода. Мѣстные жители употребляютъ доманикъ, какъ куренье, полагая, что запахъ его очищаетъ воздухъ и прогоняетъ лихорадки и горячки ²¹⁵⁾ и т. п.

И въ Яренскомъ, и въ Устьсысольскомъ уѣздахъ находятъ *сердоликъ* ²¹⁶⁾. Г. Ю. Волковъ сомнѣвается въ этомъ и полагаетъ, что за сердоликъ принимаютъ, *должно быть*, роговую обманку ²¹⁷⁾; но мы сами видѣли въ Яренскѣ много экземпляровъ этого минерала.

²¹⁰⁾ Тамъ-же 1854 г. № 24.

²¹¹⁾ См. примѣч. 181.

²¹²⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1854 г. № 24.

²¹³⁾ Тамъ-же 1855 г. № 13.

²¹⁴⁾ Г. Ю. Волковъ о химическомъ составѣ доманика пишетъ (См. примѣч. 201): «1000 грановъ доманика дали: 1) 24 гр. кислой воды, «покошей на янтарную кислоту; 2) 184 гр. темнокраснаго масла, «запахомъ похожаго на дицилиевое животное масло (Ol. animal. Dipp.); «3) въ шейкѣ реторты сублимировалось 28 грановъ горячей сѣры; «4) На днѣ реторты осталось довольно крѣпкаго угля 648 гр., всего «884 гр. Недостающіе до полнаго вѣса 116 гр. состояли изъ смѣ- «шенія газовъ. 648 гр. оставшагося въ ретортѣ угля, будучи прев- «ращены въ пепелъ сѣраго цвѣта, вѣсили 456 гр. Пепель этотъ былъ «выщелоченъ многократнымъ наливаніемъ 1000 гр. горячей воды. «Щелокъ этотъ пережигалъ желтый цвѣтъ бумаги на бурый. Рас- «творы серебра въ салитряной кислотѣ и ташелой земли—въ уксу- «сной примѣтно мутили щелокъ. Выщелоченная земля была распу- «щена соляною кислотю; за тѣмъ осталось нерастворенной кремни- «стой земли 128 гр.; 100 гр. толченаго доманика, настоенные въ нѣ- «которомъ количествѣ йодаго щелога, придали ему темный цвѣтъ. «Этотъ растворъ, процеженный и насыщенный соляною кислотю, «далъ 10 гр. темноцвѣтной смолистой осадки. На это смолистое «вещество алкоголь дѣйствовалъ весьма медленно и не пражде, какъ «черезъ 3 дня получалъ темнокрасноватый цвѣтъ, что, по вываре- «ніи, дало 3 гр. темнокрасной смолы довольно пріятнаго запаха.» Мы опять должны оговориться, что за достоверность опыта г. Ю. Волкова не ручаемся.

²¹⁵⁾ См. примѣч. 184.

²¹⁶⁾ См. примѣч. 213.

²¹⁷⁾ См. примѣч. 201.

²⁰¹⁾ Развѣянніе нефтянаго источника отъ г. Яренска мы показали по г. В. Аврамову (см. примѣч. 184). Г. Ю. Волковъ (Вол. Губ. Вѣд. 1855 г. № 21): «Минер. богатства Вол. Губ.» и вслѣдъ за нимъ г. Н. Бунаковъ (Тамъ-же 1858 № 11: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. Губерніи») опредѣляютъ его въ 170 верстъ. Но мы принимаемъ цѣну г. В. Аврамова, который, какъ лицо, знакомое съ Яренскимъ уѣздомъ болѣе непосредственно, нежели г. Волковъ, не могъ допустить слишкомъ грубой ошибки. Ухтѣ въ Яренскомъ уѣздѣ дѣл: одна впадаетъ въ Ёлву, притокъ Выми, а другая въ Ишму, притокъ Печоры. Нефть добывается въ послѣдней. Г. Волковъ показавъ, вѣроятно, первую.

²⁰²⁾ См. примѣч. 184.

²⁰³⁾ Волг. Губ. Вѣд. 1855 г. № 21: «Минеральныя богатства Вологодской Губерніи», г. Ю. Волкова.—Мы не ручаемся за вѣрность словъ г. Волкова: мы сомнѣваемся, что-бы онъ имѣлъ случай и возможность химически изслѣдовать зырянскую нефть.

²⁰⁷⁾ Тамъ-же 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ объ Устьсысольскѣ и его уѣздѣ», г. Н. Богданова. Мы думаемъ, что г. Богдановъ принялъ за основную другую какой-нибудь источникъ. Во всей статьѣ его встрѣчается много явныхъ несообразностей—и даже вымысловъ.

²⁰⁸⁾ См. примѣч. 184.

²⁰⁹⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 11: «Гидрографія Волог. губерніи».

Священникъ I. Поповъ пишетъ, что въ Вотчинскомъ приходѣ (Устьемьсольскаго уѣзда) онъ «нашелъ значительное пространство земли, наполненное слоями черного камня, который, по отдѣлкѣ, можетъ быть употребляемъ вмѣсто карандаша, что простымъ ножомъ онъ сдѣлалъ изъ него порядочный карандашъ, снаружи вышлифованный и добротою немного уступающій настоящему, и что грамотные крестьяне уже стали употреблять карандаши своего издѣлія» ²¹⁸⁾.

По р. Помиздъ (притокъ Вычегды) находится превосходный *ипсѣ*.

О другихъ ископаемыхъ, каковы: алебастръ, разнаго рода глины и т. п., мы распространяться не будемъ, точно также, какъ и о какихъ-то цвѣтныхъ каменьяхъ, похожихъ на аметисты, аквамарины и т. п., которыми особенно изобилуетъ рѣчка Кишера, при г. Яренскѣ впадающая въ р. Кижмолу ²¹⁹⁾.

Флора и фауна Зырянскаго края ни мало не изслѣдованы. Поэтому мы можемъ дать только приблизительно общее понятіе объ этомъ предметѣ.

О громадности лѣсовъ нѣтъ надобности распространяться: они занимаютъ около 18,500,000 дес., такъ что на каждую душу приходится около 185 дес. ²²⁰⁾ Между тѣмъ этотъ капиталъ приноситъ чрезвычайно несоразмѣрную съ его громадностью выгоду и казнѣ, и мѣстному населенію.—Разрѣшенъ отпускъ за границу чрезъ Архангельскій портъ по 75.000 строевыхъ деревь и по 30.000 чрезъ устье Печоры ²²¹⁾. Впрочемъ, эти свѣдѣнія относятся къ 1866 году. Но и этого количества не вырубалось. Смолокурение только что начинаетъ приниматься ²²²⁾, и во много разъ больше лѣсу гибнетъ отъ гнилости, пожаровъ и бурь, нежели идетъ на пользу человѣка.—Господствующій лѣсъ хвойный; лиственные деревья растутъ или по берегамъ рѣкъ, или одиночно. Изъ хвойныхъ деревьевъ, по количеству, первое мѣсто принадлежатъ ели и пихтѣ; за елью слѣдуетъ сосна, за сосной лиственница, единственное на сѣверѣ хвойное дерево, роняющее на зиму свои ярзеленныя, мягкія, ароматическія иглы; на Печорѣ есть кедръ, уступающій, впрочемъ, качествами сибирскому, и гибнущій отъ

²¹⁸⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 3: «Взглядъ на геологич. состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи».

²¹⁹⁾ Тамъ-же 1849 г. № 20. «Статист. Опис. Яренск. уѣзда» г. П. Протопопова. По словамъ автора, при Яренскомъ Уѣздномъ Училищѣ хранится болѣе 1000 разныхъ породъ камней, отломовъ окаменѣлаго зуба огромнаго звѣря и пр.; но г. В. Аврамовъ (См. примѣч. 184) пишетъ, что упоминаемая г. П. Протопоповымъ коллекція уже утрачена. Мы впрочемъ не придаемъ этой коллекціи никакого либо научнаго значенія; такъ помнимъ, что ее собиралъ въ 1830 годахъ шт. смотр. училища г. Клеопатровъ, не имѣвшій понятія о минералогіи, и помѣщалъ туда все, что ни приносили ученики его по ихъ мнѣнію интереснаго.

²²⁰⁾ Памяти. вѣника Волог. губ. на 1865 и 1866 г. стр. 5.

²²¹⁾ Тамъ-же, см. по примѣч. 203.

²²²⁾ См. примѣч. 176.

неразсчетливой рубки для сбора орѣховъ ²²³⁾. Изъ хвойныхъ кустарниковъ можно назвать лишь одинъ можжевельникъ. Изъ лиственныхъ деревьевъ повсемѣстно распространены: береза, осина, осокорь, черемуха, рябина, ива, а изъ кустарниковъ—черная и красная смородина, малина, калина, шиповникъ, волчья ягода, таволга, жимолость и черная ольха. Изъ ягодъ также повсюду растутъ: земляника, поляника, морошка, костяника, клюква, черника, голубица и брусника.—Есть всякаго рода грибы. Нельзя не упомянуть о дикомъ растеніи *толокнянкѣ*, которая пригодна для выдѣлки сафьяна, и сбывается изъ Яренскаго уѣзда въ Архангельскъ ²²⁴⁾, а изъ Устьемьсольскаго—въ Казань ²²⁵⁾. Изъ выдѣлываемыхъ полевыхъ растеній можно назвать, ячмень, рожь, овесъ, пшеницу, ленъ и коноплю, а изъ огородныхъ—капусту, лукъ, картофель, рѣдку, рѣпу, брюкву, горохъ, бобы, хрѣнь, морковь, свеклу, махъ, мяту, салатъ и огурцы (2 послѣдніе—въ парникахъ) и хмѣль (въ хмѣльникахъ) ²²⁶⁾. Но, какъ увидимъ, всѣ эти растенія далеко не вездѣ распространены.

Садовъ нѣтъ, если не считать таковыми огороды, въ которыхъ сами выросли и посажены по нѣскольку штукъ туземныхъ дикихъ растеній.

Дикія животныя: четвероногія: бѣлка, заяцъ, олень, куница, красная и иногда чернобуря лисица, медвѣдь, волкъ, горностаи, песецъ, выдра, норка, росомаха, рысь, лось, бурундукъ, кротъ и, какъ рѣдкость, соболь ²²⁷⁾. Бобровъ теперь вовсе нѣтъ. Нѣтъ также хорьковъ, ежей и крысъ ²²⁸⁾.

²²³⁾ См. примѣч. 203. Здѣсь мы должны отмѣтить явленіе, бросившееся намъ въ глаза какъ въ Зырянскомъ краѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ Вологодской губерніи: это то, что лиственные лѣса (мы наблюдали, впрочемъ, только одну березу) вытѣсняють хвойныя, хотя весьма нечувствительно. Мы не одинъ разъ замѣчали, что на мѣстѣ выгорѣвшаго хвойнаго лѣса вновь выросталъ березовый. Недоумѣніе мое по случаю такого явленія кто-то разрѣшилъ, объяснивъ, что сѣмена березы легче, чѣмъ сосновые и еловые, и потому свободно переносятся вѣтромъ на далекія разстоянія.

²²⁴⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 47: «Описаніе физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

²²⁵⁾ Тамъ-же № 10: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губерніи», г. Н. Бунакова.

²²⁶⁾ Мы перечислили огородные овощи по г. В. Аврамову (см. примѣч. 224); но онъ явно имѣлъ въ виду г. Яренскъ и, можетъ быть, Сереговскій заводъ: такъ намъ извѣстно, что въ деревняхъ нѣкоторыхъ изъ названныхъ имъ растеній вовсе не разводятъ, каковы напр. огурцы, салатъ, мята, махъ, даже морковь и свекла. Огурцы и салатъ въ самомъ г. Яренскѣ считаются рѣдкостью; махъ сѣется въ видѣ узрашенія грядъ; бобы и горохъ, какъ лакомство.

²²⁷⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1852 г. № 8: «Сравненіе старыхъ цѣвъ съ нынѣшними на мѣхъ пушныхъ звѣрей», г. Мельникова. б) Памяти. вѣника. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг.: «О промышленныхъ дѣлахъ и торгов. сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», г. Фл. Арсеньева, и в) Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 51: «Осенніе промыслы Зырянъ», г. П. Сорогина. Бобровъ мы выдѣли сами.

²²⁸⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 51: «Описаніе физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

Птицы: дичь—рябчики, куропатки, разные тетери, лѣсные голуби, клесты ²²⁹⁾, гуси, утки и кулики разныхъ породъ; пѣвчія—жаворонки, чижи, зяблики, малиновки, дрозды, свири, (фыпы) чечетки, синицы и т. п.; хищныя—ястребы, филины, (будуны) совы и др. На Печорѣ вообще нѣтъ голубей ²³⁰⁾. Само собой разумѣется, что мы перечислили здѣсь далеко не всѣ виды птицъ, водящихся въ Зырянскомъ краѣ. Странно, что тамъ не слышно о соколахъ, которыми край такъ славился въ старину.

Рыбы: щука, окунь, налимы, семга, лохъ ²³¹⁾, чирь,

пелядь, сигъ, нельма, стерлядь, харьюзъ, лещъ, язь, ершъ, сорога, карась, пискаръ, елецъ, головль, минога и камбала (двѣ послѣднія только въ Мезени) ²³²⁾.

Изъ *гадовъ* ящерицы и пѣвки. Змѣй нѣтъ.

Изъ *насъкомыхъ*—диная пчела ²³³⁾ и мн. др.

Изъ *домашнихъ животныхъ*: лошади, коровы, овцы, свиньи, собаки и кошки.

Изъ *домашнихъ птицъ*—однѣ куры, и то не вездѣ ²³⁴⁾.

Г Л А В А VIII.

ФИЗИЧЕСКІЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СВОЙСТВА ЗЫРЯНЪ.

Наружность Зырянъ вообще: ростъ, цвѣтъ волосъ, узкоглазость, выраженіе фнзиоміи, вѣрность тѣлосложенія. — Умственные способности.—Религіозность.—Любовь къ роднѣ.—Отсутствіе нищенства.—Гостепрѣимство.—Честность.—Другія добрыя качества.—Выдержки изъ путевыхъ замѣтокъ г. А. Попова.—Пристрастіе къ горячимъ напиткамъ.—Недостатокъ цѣломудрія.—Лѣность.—Невѣжество.—Сутяжничество и истительность. — Всмыслчивость. — Миниме пороки.

О наружности Зырянъ и печатно, и устно высказано много мнѣній, часто одно другому противорѣчащихъ. Въ каждомъ изъ нихъ есть извѣстная доля правды, но ни одного нельзя признать рѣшительно вѣрнымъ. Такого-же взгляда на дѣло держится и г. И. Куратовъ. Но, желая согласить и примирить разнорѣчія, онъ и самъ ошибся. По его словамъ, Зыряне, живущіе въ захолустьяхъ, до сихъ поръ сохранили монгольскія черты, т. е. малый ростъ, тучность, черный цвѣтъ волосъ, смуглость и узкіе маленькіе глаза; Зыряне-же, живущіе по большимъ дорогамъ, и въ городахъ ²³⁵⁾ имѣютъ русые волосы и средній ростъ, бѣлое тѣло и ровный, живой, открытый нравъ. Отправляясь отъ такой гадательной посылки, г. Куратовъ умозаключаетъ,

что одни наблюдатели Зырянъ имѣли въ виду первую категорію ихъ, а другіе — послѣднюю, т. е. что одни говорятъ о чистыхъ Зырянахъ, а другіе — о потомкахъ новгородскихъ выходцевъ ²³⁶⁾. Несмотря на всю кажущуюся основательность такого умозаключенія, дѣйствительность противорѣчитъ ему: на дѣлѣ оказывается наприм., что именно въ *захолустьяхъ* Зыряне выше ростомъ своихъ соплеменниковъ, живущихъ по большимъ дорогамъ. Г. Аврамовъ, которому мы, какъ уроженцу Устьвыми и человѣку, по своимъ служебнымъ

²³²⁾ См. примѣч. 224.

²³³⁾ Тамъ-же. Извѣстіе о томъ, что въ Зырянскомъ краѣ водятся пѣвки, мы заимствовали у г. Аврамова. Будучи вполне убѣждены въ добросовѣстности и осторожности этого автора, мы однакожь не можемъ не выразить нѣкотораго сомнѣнія: не принялъ-ли онъ за пѣвокъ похожихъ на нихъ *вьюновъ* и *плетокъ*, которыхъ мы во множествѣ видали въ стоячихъ водахъ въ окрестностяхъ г. Яренска. Особенно похожи на пѣвокъ вьюны; плетки-же гораздо длиннѣе и притомъ онѣ плоскія. Можетъ быть г. Аврамовъ видѣлъ и настоящихъ пѣвокъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ Яренскаго уѣзда. Мы слышали тамъ о навяхъ-то вонскихъ пѣвкахъ.

²³⁴⁾ Г. А. Поповъ въ статьѣ своей: «Путевыя замѣтки отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію (Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12)» говорить, что на Вишерѣ священники ѣздятъ съ тѣрами на оленяхъ; но мы думаемъ, что это случайность, исключеніе изъ правила.

²³⁵⁾ Собственно въ Зырянскомъ краѣ *одинъ* городъ Устьсысольскій (по Зырянски сытыгдыинъ). Г. Куратовъ подъ именемъ городовъ разумѣетъ, вѣроятно, преимущественно русскими и обрусѣвшими Зырянами населенные заводы.

²³⁶⁾ Волг. Губ. Вѣд. 1865 г. № 23: «Зырянскій языкъ».

²²⁹⁾ Клестъ — это маленькая птичка и ее скорѣе слѣдовало-бы причислить къ разряду пѣвчихъ; но мы помѣстили ее здѣсь, потому что ее особенно много въ Зырянскомъ краѣ, гдѣ ее солятъ впрокъ и ѣдятъ.

²³⁰⁾ См. примѣч. 228 и Волг. Губ. Вѣд. 1854 г. №№ 28 и 31: «Печорскій приходъ», г. Попова-Локчинскаго.

²³¹⁾ Существуетъ мнѣніе, что лохъ есть самецъ семги. Дѣйствительно, по наружности и вкусу онъ похожъ на нее. Печорскіе Зыряне думаютъ, что лохъ есть таме семга, только не бывавшая въ морѣ. Г. Протопоповъ (Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. опис. Яренс. уѣзда») говорить, что на Вышскую ярмарку привозятъ крупную икру лоха; слѣд. лохи бываютъ и самки. У семги икра тоже очень крупна, какъ горохъ. Точно также думаютъ, что нельма есть самка сига. Но странно, что напр. въ р. Югѣ и притокахъ его около г. Никольска иногда попадаются лохи, сига въ даже много; но семги и нельмы нѣтъ. Впрочемъ мнѣніе, что лохъ есть самецъ семги весьма распространено въ мѣстахъ ловли ихъ. Такъ полагалъ и извѣстный ихтиологъ Н. Я. Данилевскій.

обязанностямъ, бывавшему во всѣхъ волостяхъ Яренскаго уѣзда, даѣтъ большую вѣру; высказываетъ даже удивленіе въ виду того, что населеніе Удоры рослѣе населенія болѣе южныхъ волостей, гдѣ, по его словамъ, «сама природа обуславливаетъ болѣе ростъ и чело-вѣка и животныхъ.» Отмѣчая такое-же явленіе на Печорѣ, г. Поповъ-Локчимскій объясняетъ его вліяніемъ печорской воды ²³⁷). Даже г. К—ъ, принявшій на вѣру взглядъ г. Куратова, въ существѣ противорѣчитъ ему: онъ утверждаетъ, что встрѣтилъ монгольскій типъ, проѣзжая по тракту отъ Лальска къ Устьсысольску ²³⁸); но во 1-хъ этотъ трактъ идетъ не по захоустью, а по самой бойкой части Устьсысольскаго уѣзда, и во 2-хъ мы тоже имъ проѣзжали, но наружность мѣстнаго населенія не поразила насъ своею особенностію. Дѣло въ томъ, что въ Зырянскомъ краѣ типы русскій и природный зырянскій встрѣчаются вездѣ въ болѣе или менѣе механически-смѣшанномъ видѣ.

Въ частности о *ростѣ* Зырянъ мнѣнія всѣхъ другихъ, кромѣ сейчасъ названныхъ писателей, мало разнятся: одни говорятъ, что вообще этотъ народъ средняго роста ²³⁹), другіе ²⁴⁰) не выше средняго, а многіе, и вовсе не говорятъ о такой этнографической примѣтѣ, — изъ чего слѣдуетъ заключить, что она не бросается въ глаза. Впрочемъ, вопросъ этотъ давно уже разрѣшенъ правительствомъ, на основаніи опыта: по закону, минимумъ роста Зырянскаго рекрута опредѣленъ на вершокъ ниже общей нормы; — слѣдовательно мы имѣемъ право думать, что въ сложности Зыряне ниже Русскихъ. — Исключеніе составляютъ, какъ мы видѣли Удорцы и Печорцы. Но отдѣльные случаи замѣчательной великорослости встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Зырянскаго края. Г. А. Поповъ видѣлъ на Вишерѣ старика въ 3 арш. $\frac{1}{2}$ вер., у котораго сынъ былъ еще выше ²⁴¹). Мы слышали отъ очевидцевъ, что въ какой-то другой мѣстности въ 1830 годахъ былъ сданъ въ рекруты такой-же великанъ, и, конечно, это не единственные случаи великорослости. И такъ, г. Куратовъ относительно роста Зырянъ высказалъ неточное мнѣніе; потому что основалъ его на одномъ, такъ сказать, теоритическомъ предположеніи, не провѣривъ его наблюденіемъ дѣйствительности. Къ этому мы присовокупимъ основанное на нашихъ личныхъ наблюденіяхъ замѣчаніе, что случаи особенной телорослости Зырянъ вообще не бросаются въ глаза, но великорослые, т. е. люди росту выше средняго, встрѣчаются

²³⁷) Тамъ-же: а) 1859 г. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», В. Аврамова, и б) 1854 г. № 31: «Печорскій Приходъ», г. Попова-Локчимскаго.

²³⁸) Тамъ-же 1806 г. № 6: «Повѣданъ въ Устьсысольскѣ».

²³⁹) Тамъ-же 1853 г. № 17: а) «Физическія и нравственныя свойства Зырянъ», г. М. Михайлова, и б) 1859 г. «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

²⁴⁰) Тамъ-же 1854 г. № 29: «Замѣтки о Зырянахъ», г. Ф. Берга.

²⁴¹) См. примѣч. 174.

между ними замѣтно рѣже, нежели между Русскими ихъ сосѣдями.

Точно также несогласны и отзывы о *цвѣтѣ волосъ* Зырянъ. Мы не говоримъ уже о стереотипной фразѣ, еще не такъ давно бывшей въ большомъ употребленіи у нашихъ писателей: «рыжевласый Финнъ». За черной цвѣтъ стоитъ опять одинъ г. Куратовъ. Сами мы не бывали на Удорѣ и Печорѣ, а лица, посѣщавшія эти захоустья, ничего не сказали о цвѣтѣ волосъ жителей ихъ, и поэтому мнѣнія г. Куратова не принять, ни отвергнуть не можемъ. Намъ остается ограничиться указаніемъ отзывовъ нѣкоторыхъ авторовъ, къ сожалѣнію, необъяснившихъ до какой именно мѣстности отзывы ихъ относятся. — По словамъ всѣхъ печатно высказавшихъ овой мнѣнія, цвѣтомъ волосъ Зыряне не отличаются отъ Русскихъ; но по личнымъ отзывамъ большей части тѣхъ, кто имѣлъ случай посѣщать Зырянскій край, тамъ господствуетъ черный цвѣтъ. Мы придерживаемся послѣдняго мнѣнія, впрочемъ съ небольшимъ ограниченіемъ: мы утверждаемъ только, что между Зырянами темноволосыхъ болѣе, нежели между Русскими. За то мы встрѣчали по Лузѣ и Сысолѣ много совершенно бѣловолосыхъ, что, впрочемъ могло быть дѣломъ случая.

Объ *узковатости* Зырянъ упоминаетъ одинъ г. Куратовъ. Болѣе никому не бросилась въ глаза эта особенность ихъ; но не бросилась она въ глаза и намъ, можетъ быть, потому, что уже утратила первоначальную рѣзкость и узковатость; или потому, что мы проѣзжали только по большимъ дорогамъ. Здѣсь не лишнимъ считаемъ вспомнить сообщенное нами ранѣе извѣстіе, что жители селенія Гамъ слызуть «слѣпородами». Мы проѣзжали черезъ это селеніе, но не останавливались въ немъ, и потому не можемъ сказать, въ какой мѣрѣ справедливо такое прозвище. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, оно заслуживаетъ вниманія. Лица, бывавшія въ захоустьяхъ Зырянскаго края, ничего не пишутъ о формѣ глазъ жителей ихъ.

Объ общемъ характерѣ фizioноміи Зырянъ говорятъ только гг. Бергъ и Михайловъ и притомъ почти слово въ слово, именно: «фizioномія Зырянина съ перваго взгляда производитъ невыгодное впечатлѣніе; незнакому съ нимъ онъ покажется челоуѣкомъ подозрительнымъ, хитрымъ, неспособнымъ ни къ чему хорошему; «но стоитъ только узнать его, чтобы убѣдиться въ «противномъ». По нашему мнѣнію, такой отзывъ слишкомъ безсодержателенъ: подобный характеръ фizioноміи можетъ быть объясненъ не физическими ея свойствами, а свойствами отношеній наблюдателя къ наблюдаемому. Мы бы и сами готовы высказать такое-же мнѣніе, какъ и гг. Бергъ и Михайловъ: и намъ фizioноміи большей части Зырянъ казались какъ будто мрачными; но это могла быть случайность, тѣмъ болѣе что мы встрѣчали между ними много людей съ добродушными и открытыми лицами.

Всѣ единогласно свидѣтельствуютъ о крѣпости тѣло-сложенія Зырянъ; но объясняютъ это физическое свойство разными причинами: одни ²¹²⁾ приписываютъ его вліянію воды и климата; другіе ²¹³⁾—суровому образу жизни: сами-же Зыряне—бацямъ, до которыхъ они, какъ увидимъ, имѣютъ поразительно сильное пристрастіе. Увѣряютъ ²¹⁴⁾, что многіе старики изъ Зырянъ не испытывали никакихъ болячекъ и не имѣютъ объ нихъ ни малѣйшаго понятія. Мы уже указывали на тотъ фактъ, что населеніе Зырянскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи отъ рождения, т. е. отъ перевѣса числа случаевъ рожденія надъ числомъ смертныхъ случаевъ, увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ русскіяхъ. Впрочемъ г. Арсеньевъ пишетъ, что Зыряне скоро старѣются и объясняетъ это дурною и недостаточною пищею; но статистика смертныхъ случаевъ показываетъ, что Зыряне сравнительно съ русскими ихъ софдями вообще долговѣчнѣе. Кроме того мы не сходимся съ вочтеннымъ авторомъ и во взглядѣ на вліяніе пищи на здоровье. Дѣйствительно Зыряне иногда мѣшаютъ въ хлѣбъ пихтовую кору, мохъ и другіе суррогаты; но такой недостатокъ съ избыткомъ восполняется обиліемъ рыбной и мясной пищи. Говорятъ, что нѣкоторыя племена Шатогонцевъ вовсе не употребляютъ хлѣба; однако-же это не мѣшаетъ имъ слыть вѣдьянами. Впрочемъ, объ этомъ предметѣ мы имѣемъ въ виду распространиться въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія.—

Объ умственныхъ способностяхъ Зырянъ рѣшительно всѣ отзываются съ самой выгодной стороны: вообще утверждаютъ, что они остроумны, хитры и находчивы, всегда обдуманно приступаютъ къ дѣлу и не любятъ необдуманно приводить его въ исполненіе. Изобрѣтательность ихъ выразилась во множествѣ придуманныхъ ими самыхъ разнообразныхъ способовъ ловли птицъ, звѣрей и рыбы. Г. Бичинъ (надобно замѣтить, что онъ былъ учителемъ Устьсысольскаго уѣзднаго училища) пишетъ ²¹⁵⁾, что „Зырянскіе мальчики, едва умѣющие читать при поступленіи въ школу, очень скоро выучиваются чтенію и письму и, особенно, бойкому счисленію и русской разговорной рѣчи, что не мало говоритъ въ пользу ихъ природнаго ума, памяти и соображенія“. Въ Вологодской губерніи установилось убѣжденіе, что воспитанники мѣстной семинаріи изъ Зырянъ особенно отличаются успѣхами и что вообще лучшіе ученики въ это учебное заведеніе поступаютъ изъ Яренскаго духовнаго уѣзднаго училища, въ которомъ обучаются дѣти зырянскаго духовенства.— Любовь къ грамотности, конечно, также принадлежитъ къ числу фактовъ, свидѣтельствующихъ, по-

крайней мѣрѣ, о любознательности. Г. Аврамовъ пишетъ, что Зыряне Яренскаго уѣзда весьма охотно отдаютъ дѣтей въ училища, и что нѣкоторые богатые родители въ Яренской волости (Удора) посылаютъ ихъ даже въ городъ, за 350 верстъ. ²¹⁶⁾ По завѣщенію того-же г. Аврамова, Удорцы развитѣе другихъ Зырянъ и болѣе склонны къ нововведеніямъ. Нельзя не выразить сожалѣнія, что сельскія школы въ Зырянскомъ краѣ не достигаютъ своей цѣли, но общимъ всѣмъ сельскимъ школамъ въ Россіи причинамъ, о которыхъ здѣсь не умѣстно распространяться; почему мы замѣтимъ только, что Зырянскія школы чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, существуютъ лишь номинально, такъ какъ учителя—священники не имѣютъ времени (оставляемъ въ сторонѣ усердіе) заниматься преподаваніемъ.

Обращаясь къ нравственнымъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, свойствамъ Зырянъ, мы прежде всего обращаемъ вниманіе на ихъ религіозность. Хотя этотъ народъ цѣлыми четырьмя вѣками послѣ Русскихъ и отъ Русскихъ принялъ христіанство, и хотя не имѣетъ столько-же средствъ выразить свое усердіе къ вѣрѣ, онъ религіознѣе своихъ просвѣтителей.— Во всякомъ случаѣ нибудь значительномъ селеніи, гдѣ нѣтъ церкви, построены въ видѣ церквей, даже съ колокольнями, часовни. жуда, но праздникамъ, и старые и малые собираются слушать чтеніе и толкованіе священныхъ книгъ. Если мы даже предположимъ, что такіа чтенія и толкованія остаются не понятными для слушателей; то тѣмъ болѣе они свидѣтельствуютъ объ усердіи къ вѣрѣ туземцевъ. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на каждыя три населенныя мѣстности приходится по часовнѣ, а въ Яренскомъ— на пять ²¹⁷⁾. На перекресткахъ дорогъ по всюду видѣются деревянныя кресты. Первая убитая утка жертвуется духовному отцу; послѣ удачнаго исхода звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, часть добычи отдается въ церковь. Вообще желаніе угодить Богу, доходитъ до издѣшества, разумѣется, въ формальномъ отношеніи; такъ напр., при посѣвѣ хлѣба, при выгонѣ скота на подножный кормъ, или-же въ случаѣ какихъ нибудь общественныхъ бѣдствій, приносится въ жертву домашнее животное иногда цѣлымъ обществомъ, а иногда и отдѣльными лицами. Въ первомъ-случаѣ еще наканунѣ жертвоприношенія варится общее пиво. Животное колется и варится у церкви; мясо его дѣлится на три части, изъ которыхъ одна продается и вырученныя отъ продажи деньги отдаются въ церковь, другая—предоставляется въ пользу причта, а третья—по освященіи, раздается всѣмъ присутствующимъ, и эти послѣдніе тутъ-же и съѣдаютъ каждый свою

²¹²⁾ См. примѣч. 207.

²¹³⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 19: «Физическія и нравственныя свойства Зырянъ», г. М. Михайлова.

²¹⁴⁾ См. примѣч. 240.

²¹⁵⁾ См. примѣч. 238.

²¹⁶⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 31: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

²¹⁷⁾ Памятн. книжн. Волог. губ. на 1865 и 1866 г. см. табл. «Число населенныхъ мѣстъ» и «Число церквей и другихъ богослужбныхъ зданій».

долю, *безъ хлѣба*. Отсутствующимъ части ихъ посылаются на домъ. — Остатками и отваромъ угощаются нищіе. Наконецъ, кости и несъѣденный отваръ зарываютъ въ землю, чтобы не сдѣлались добычею животныхъ ²⁴⁸⁾ Говорятъ, что нѣкоторые священники видятъ въ этомъ обычаѣ слѣды язычества. Можетъ быть, это и правда, но мы ни въ нынѣшней формѣ, ни въ существѣ его не видимъ ничего языческаго. — Зырянъ обвиняютъ въ грубости и матеріальности ихъ религиозныхъ вѣрованій и способъ выраженія этихъ вѣрованій. Конечно, это справедливо; но во всякомъ случаѣ здѣсь виноваты не сами Зыряне, а независящія отъ нихъ условія ихъ быта. Прежде всего они не могутъ достаточно ясно понимать Священное Писаніе, о чемъ мы уже говорили ранѣе. Кроме того, они не могутъ посѣщать церквей, гдѣ-бы могли выслушивать по крайней мѣрѣ словесныя поученія священниковъ. Какимъ образомъ будетъ посѣщать свою приходскую церковь, напр.: Синдорецъ, когда въ лѣтнее время онъ почти не имѣетъ физической возможности перебраться черезъ окружающія его селенія болота и рѣки, а зимой для того, что бы сходить на погостъ на лыжахъ по глубокимъ снѣгамъ, долженъ употребить нѣсколько дней. Въ 1853 году, занимаясь извлеченіемъ изъ метрическихъ книгъ свѣдѣній о движеніи народонаселенія Вологодской губерніи, мы встрѣтили, что одинъ Зырянинъ, кажется, Печорскаго прихода, былъ крещенъ 32-хъ лѣтъ отъ роду. И это не единственный примѣръ: мы выбрали только самый рѣзкій. По этому можно судить, какъ рѣдко могутъ посѣщать съ одной стороны прихожане свою церковь, а съ другой — приходскіе священники отдаленныя селенія своего прихода. Печорскій приходъ до учрежденія въ немъ подвижныхъ церквей, имѣлъ протяженія 550 верстъ по теченію р. Печоры ²⁴⁹⁾. И такъ, самихъ Зырянъ въ грубости религиозныхъ убѣжденій никто не имѣетъ право винить. — Напротивъ того, при такихъ условіяхъ, горячее и искреннее усердіе ихъ къ церкви имѣетъ особенную цѣну. Почитаніе множества чудотворныхъ иконъ и высокое благоговѣніе къ памяти своего апостола также служатъ доказательствами: съ одной стороны — самага воспримчиваго чувства вѣры, а съ другой — самага честнаго и искренняго сознанія правоты и спасительности этой вѣры. — По мнѣнію нашему, даже расколъ, существующій на Печорѣ и состоящій только въ особенности перстосложенія, въ почитанія старыхъ иконъ и книгъ, служить доказательствомъ неравнодушія Зырянъ къ вѣрѣ.

Восбще религиозность Зырянъ не пустая формальность; не сосудъ, лишенный нравственнаго содержанія; не мертвое слово безъ дѣла: потому что они отличаются многими

истинно-христіанскими добродѣтелями. Всѣ, — кто имѣлъ случай находиться въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ ними и близко наблюдать ихъ, — съ увлеченіемъ рассказываютъ о ихъ добрыхъ качествахъ. «Если сговорить у кого домъ, «говорить г. Ө. Бергъ» ²⁵⁰⁾, то «хозяинъ этого дома не будетъ отчаиваться выстроить «новый, будучи вполне увѣренъ, что сосѣди его не оставятъ и помогутъ завести новый». Мы не приводимъ множество другихъ отзывовъ о добродушіи и челолюбіи Зырянъ, такъ какъ всѣ они одинаковы ²⁵¹⁾; но не можемъ не упомянуть и о неблагоприятномъ взглядѣ г. Аврамова на взаимныя отношенія членовъ зырянскихъ семействъ. По словамъ этого автора, особенною чертостью отличаются отношенія дѣтей къ родителямъ: онъ говоритъ, что дѣти на дряхлыхъ родителей смотрятъ, какъ на бесполезное бремя, такъ что послѣдніе, въ случаѣ раздѣла первыхъ, живутъ у нихъ понеудѣльно. Но не говоря уже о томъ, что подобный порядокъ вещей встрѣчается не у однихъ Зырянъ, и что онъ, въ существѣ, не исключаетъ добродушія и челолюбія, мы скоро увидимъ живые примѣры совершенно другаго свойства, почему и думаемъ, что г. Аврамовъ или основалъ свой отзывъ на немногихъ частныхъ фактахъ, или слишкомъ требователенъ по отношенію къ народу малоразвитому и бѣдному ²⁵²⁾. Намъ кажется даже, что черствость семейныхъ отношеній несомнѣнна со всѣми другими нравственными качествами Зырянъ.

Такъ, напр., *любовь къ родимъ* не мало говоритъ въ пользу чувствительности и способности къ глубокимъ сердечнымъ привязанностямъ. Между тѣмъ никто не отнимаетъ у Зырянъ этого качества. Напротивъ того, иные увлекаются имъ до того, что считаютъ его причиною нѣкоторыхъ другихъ добродѣтелей: имъ г. Михайловъ ²⁵³⁾ объясняетъ *отсутствие* между Зырянами *нищенства*. Но мы непривычку жить на чужой счетъ считаемъ самостоятельную добродѣтелью.

Ни въ чемъ такъ не выражается цѣлая совокупность добрыхъ качествъ, какъ въ *гостепримствѣ*. Смѣло можемъ увѣрять, что едва-ли гдѣ эта добродѣтель вытекаетъ изъ столь чистыхъ источниковъ, какъ у Зырянъ, и не знаемъ, гдѣ она достигла столь широкаго примѣненія. Отзывъ г. Михайлова, что Зыряне, *живущіе въ глуши*, растворяютъ настежь всѣ двери, чтобы странникъ и безъ хозяевъ нашель въ домъ и пріютъ и пищу, ²⁵⁴⁾ можетъ показаться баснословнымъ; но мы сами видѣли примѣръ такого гостепримства, *и не въ глуши*,

²⁴⁸⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1848 г. № 30: «Старинный обрядъ у Зырянъ», г. П. Сорочина.

²⁴⁹⁾ См. примѣч. 230.

²⁵⁰⁾ См. примѣч. 240.

²⁵¹⁾ См. примѣч. 174, 239.

²⁵²⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 35: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

²⁵³⁾ См. примѣч. 239 п. а.

²⁵⁴⁾ Тамъ-же.

а на торговомъ трактѣ отъ Устьсысольска къ Лальску. Послѣ этого нужно-ли говорить о томъ, что Зырянинъ не отпустить странника, не накормивъ всѣмъ, что у него есть лучшаго, что не возьметъ за это платы и т. п. Но мы будемъ имѣть случай снова возвратиться къ этой добродѣтели.

Теперь-же скажемъ нѣсколько словъ о *честности* Зырянъ,—качествѣ, молва о которомъ распространена широко. Говорятъ, что въ Петербургѣ зырянская прислуга весьма цѣнится,—именно вслѣдствіе увѣренности въ ея безкорыстіи. Воровства разныхъ видовъ между Зырянами не водится. Въ языкѣ ихъ нѣтъ даже собственнаго слова для выраженія понятія о ворѣ. Въ переведенныхъ на этотъ языкъ разныхъ выпискахъ изъ Свода Законовъ слово «воръ» передано русскимъ-же «гусь» (эной гусь!). Въ Яренскѣ, за ненадобностью, закрытъ былъ въ послѣднее время острогъ. Впрочемъ, изъ числа преступленій противъ собственности и доходовъ казны, въ Устьсысольскомъ уѣздѣ до упраздненія откупной системы, — не знаемъ какъ теперь, — было сильно развито корчемство въ видѣ выкурки собственнаго вина.—Въ глухихъ мѣстахъ замки до сихъ поръ неизвѣстны, и если иногда запираются амбары и кладовыя, то не отъ людей, а отъ животныхъ. Если хозяинъ дома почему-бы то ни было не желаетъ, чтобы во время его отсутствія къ нему входили посторонніе, то ставитъ у дверей *насъ*, т. е. коромысло или простую палку на исось — и это служить лучше всякаго замка ²⁵⁵⁾.

Не мало поражаетъ также наблюдателей строгая честность и безкорыстіе при взаимныхъ отношеніяхъ зырянскихъ охотниковъ. Не говоря уже о томъ, что ни одинъ изъ нихъ и не подумаетъ взять звѣря или птицу, попавшихся въ чужую ловушку,—животное, преслѣдуемое одною партіей охотниковъ, но добытое или пойманное другою, всегда, безъ всякаго спора и сожалѣнія, передается первой. На промыслахъ добыча каждаго охотника извѣстной партіи поступаетъ въ общую массу и, при дѣленіи ея, всѣ получаютъ равныя доли, хотя иной и не такъ удачно охотился, какъ другіе. У Зырянъ существуетъ повѣрье, что если кто воспользуется чужими звѣремъ или птицей, тотъ навсегда лишится искусства стрѣлять. Впрочемъ такая охотничья честность свойственна не однимъ Зырянамъ, а и многимъ другимъ звѣроловнымъ народамъ.—Отправляясь на промыслы, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, охотники, чтобы не везти на себѣ лишняго груза, на извѣстныхъ мѣстахъ оставляютъ часть взятыхъ съ собою съѣстныхъ припасовъ съ тѣмъ, чтобы подобрать ихъ на обратномъ пути.

Случается, что охотники другихъ партій, истощивъ свои запасы, берутъ себѣ необходимое изъ такихъ вре-

менныхъ кладовыхъ, но всегда, взаимно взятого, оставляютъ часть собственной добычи. Рассказываютъ также, что Зырянинъ, котораго застигнетъ въ дѣсу голодъ, считаетъ себя въ правѣ взять и птицу изъ чужой ловушки, но не иначе, какъ оципавъ ее извѣстнымъ образомъ на тотъ конецъ, чтобы настоящій хозяинъ ея зналъ, что не хищному звѣрю она досталась.

Точно также строго честны Зыряне и въ исполненіи долговыхъ обязательствъ. Они не знаютъ никакихъ письменныхъ условій и договоровъ: честное слово—«вотъ тѣдъ веськидъ кывъ»—замѣняетъ у нихъ всякія расписки, заемныя письма и т. п. Употребляется также *насъ* (знакъ), тоже, что наша бирка, но не для доказательства правъ кредитора, а для памяти—на случай, если при подробныхъ расчетахъ возникнуть между нимъ и должникомъ недоразумѣнія ²⁵⁶⁾.

Говорятъ однакоже, что въ послѣдніе годы, мѣстами, явилась потребность въ замкахъ и въ болѣе аккуратныхъ способахъ сбереженія запасовъ на промыслахъ, и что въ судебныхъ мѣста стали чаще поступать дѣла о воровствѣ ²⁵⁷⁾.

Въ числѣ похвальныхъ качествъ Зырянъ называютъ также *бережливость* ²⁵⁸⁾ и въ особенности твердость духа, смѣлость и необыкновенное терпѣніе при перенесеніи трудовъ,—качества, обуславливаемые самымъ образомъ жизни искони охотничьяго народа ²⁵⁹⁾.

Чтобы дать читателю наглядное понятіе о гостепримствѣ, честности, услужливости, простодушіи и другихъ добрыхъ качествахъ Зырянъ, живущихъ въ глуши, и видѣть съ тѣмъ о домашнемъ бытѣ этого народа, мы дѣлаемъ нѣсколько выписокъ изъ «Путевыхъ замѣтокъ отъ Устьсысольска къ Вишерскому селенію», г. А. Попова ²⁶⁰⁾. Эти выписки, по нашему мнѣнію, потому особенно интересны, что г. А. Поповъ путешествовалъ пѣшкомъ.

«..... Мы пристали (въ дер. Визябожъ) въ первый «отъ дороги нашей домъ.—Съ приходомъ нашимъ выступили на средину избы двое мушкетеровъ. Одинъ изъ нихъ, «пожилыхъ лѣтъ, былъ въ рубашкѣ изъ толстаго холста «съ косымъ воротникомъ, подпоясанной тнанымъ изъ «шерсти поясомъ, на которомъ спереди висѣлъ маленькій «кожаный кошелекъ. Въ него вкладывается суконный «мѣшочекъ съ нѣсколькими отдѣленіями для храненія «огнива, труту, сѣрныхъ спичекъ и иголки съ нитками.

²⁵⁵⁾ Тамъ-же 1853 г. № 18: «Физич. и нравств. свойства Зырянъ» г. М. Михайлова.

²⁵⁷⁾ Памятн. книжка Велог. губери. на 1865-й и 1866-й гг: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ Краѣ»,— г. Ф. Арсеньева.

²⁵⁸⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 32: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

²⁵⁹⁾ См. примѣч. 13, 139 и 240.

²⁶⁰⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1848 г. №№ 10—12.

²⁵⁶⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 32: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ», г. В. Аврамова.

«Принадлежность эта зырянскаго костюма, называемая «у нихъ «бива—вотлукъ»—отъ словъ «би»—огонь и «вотлукъ»—мѣшочекъ,—у каждаго порядочнаго Зырянина «необходима.—Рядомъ съ нимъ стоялъ мущина среднихъ «лѣтъ, одѣтый въ короткій, суконный изъ бѣлой шерсти «кафтанъ, подпоясанный кожаной, въ три пальца ширины, тесьмою, на коей съ одного боку висѣлъ на желѣзной винтообразной скобкѣ топоръ, а съ другога— «длинный ножъ; въ рукахъ онъ держалъ, вмѣсто шляпы, «суконную четвероугольно сшитую ермолку; обувь у него «состояла изъ суконныхъ чулковъ и невыдѣланной кожи, «обтянутой около ступней снурками; она спереди оканчивалась острымъ носкомъ;... обувь эта легка и покойна, а для того, чтобы она не принимала мокроты, «ее напитываютъ смолистымъ растворомъ. Позырянски «она называется *чут-кѣмъ*. Послѣ разспросовъ о городскихъ новостяхъ и о томъ, куда насъ Богъ несетъ, «намъ предложили закуску изъ рыбнаго пирога, самаго «деликатнаго угощенія у Зырянъ. Отъ усталости-ли, или «отъ того, что у насъ были свои домашніе припасы, «намъ не хотѣлось ѣсть, но отказать усердію Зырянина «была бы крайняя обида, а потому, чтобы доказать, что «мы не сердимся на него, должны были согласиться на «предлагаемое.—Потомъ немедленно отвели намъ мѣсто «отдыха, и мы расположились на оленьей шкурѣ подъ «овчинною шубою. Однако всякаго рода насѣкомыя не «давали намъ порядочно успокоиться.—По утру я спросилъ самоваръ, но получилъ отказъ съ объясненіемъ, «что у сосѣда *Ошъ-Васьки* (Васька-медвѣдь), хотя и есть «мѣдный чайникъ для этой надобности, да онъ никому «не даетъ, и самъ не пользуется, и едва-ли онъ не на «пожнѣ. «Такъ что?» сказала какая-то старуха,—«чайникъ-то, вѣдь, у него въ клѣтѣ, такъ не мудрено сходить *буръ мортъясъ понда* (для добрыхъ людей)». — «Не забранился-бы!» вздумалось сказать хозяину. «Вотъ «еще! Намедни бралъ-же безъ насъ пѣтуха, да ничего не «сдѣлалось»... Не дожидаясь рѣшенія по дѣлу о самоварѣ, мы разстались съ добродушными хозяевами»....

«..... Пройдя отъ мѣста ночлега верстъ 6, мы «ходили къ дер. Додчъ. Въ этой деревнѣ многіе крестьяне «прежде имѣли значительное состояніе и производили мелочную торговлю, но, съ переменною обстоятельствомъ и «счастія, лишились достатка, и стали въ ряду съ другими... Мы просили указать на одинъ изъ тѣхъ домовъ, «которые славились прежде своею зажиточностію. Мы «вошли въ домъ, но, выйдивъ вездѣ, никого не нашли, «и расположились въ комнатѣ, довольно чистенькой, «меблированной вокругъ стѣнъ деревянными скамейками «и тремя кожаными стульями. Вскорѣ пришла хозяйка, «одѣтая въ ситцевый изорванный сарафанъ, въ матерчатомъ кокошникѣ на небранной головѣ и чаркѣхъ на «босую ногу, запачканныхъ свѣжими пятнами, кои ясно «давали знать о ея занятіи около домашняго скота. Она «нѣсколько смутилась отъ небывалыхъ гостей; но я успо-

«скоилъ ее, объявивъ свою родословную, по коей она «чуть не признала меня за родственника, только очень «далняго. Она замѣтно была вѣжлива, высказывала «много такого, что обнаруживало, что она не деревенскаго поля ягода, и безпрестанно мѣшала русскія слова «съ зырянскими.... Мы здѣсь отдохнули, напившись «чаю съ ячными хлѣбами, кои, вмѣсто булокъ, почти «насмѣшливо были навязаны намъ крестьянкой, съ доказательствомъ, что гораздо здоровѣе ячныя булки...

«..... На другой день рано поутру пришли мы въ дер. Сторожевскую (Шойнаты). У крестьянина, къ которому мы пристали, поразилъ меня старикъ—отецъ его, «80 лѣтъ, необыкновеннаго росту и виду. Стоя прямо, «онъ достигалъ мѣрою сажени съ $\frac{1}{2}$ —вершкомъ, а сынъ «его, взятый въ военную службу, будто-бы, еще былъ «выше. Въ молодости, какъ онъ говоритъ, не зналъ «мѣры своей силѣ и, вслѣдствіе умѣреннаго образа жизни «и трудолюбія, прожилъ до глубокой старости, не испытывавъ особенныхъ болѣзней. Онъ хорошо видѣлъ глазами, «но тяжелъ былъ на слухъ. Исполнскіе члены его, «обтянутые въ безобразно-сморщенную желтую кожу, «размѣрны были туловищу, которое представляло видъ «мѣшка, насыпаннаго безъ порядка костями. Нечаянная «встрѣча съ этимъ старикомъ наединѣ, въ позднюю пору, невольный наведетъ страхъ, хотя на самомъ «дѣлѣ онъ былъ добрый человекъ. Супруга этого старика, слѣпая старуха, была, напротивъ, совсѣмъ другаго вида... очень маленькая... Почтительный сынъ «старика и старухи лелѣетъ ихъ, доставляя имъ спокойствіе, какое возможно въ крестьянскомъ быту. Пріятно «было замѣтить въ Зырянинѣ, почитающемся полудикимъ, сыновнее чувство, которое не всегда видно бываетъ въ блестяще образованномъ.— Намъ нужно было «изъ дер. Сторожевской своротить съ главной дороги на «Вишеру... Проселочная, опасная (?) дорога въ Вишеру «пролегаетъ по дремучему дикому лѣсу прямо на сѣверъ. «Намъ предлагали верховыхъ лошадей—иначе весьма «трудно было пробраться,—но мы не могли рѣшиться въ «позднее время дня... Между тѣмъ старикъ, о коемъ я «выше сказалъ, неожиданно принявъ въ насъ самое «живое участіе: тотчасъ велѣлъ сыну снарядить лодку, «отыскать гдѣ-то праздношатающагося крестьянина и «далъ въ помощники работника, который былъ въ услуженіи у сына. Мы отправились подъ вечеръ въ открытой легкой лодкѣ»....

Здѣсь мы пропускаемъ подробности переѣзда до слѣдующей деревни, но, для связи съ послѣдующимъ, замѣтимъ, что путешественниковъ въ дремучемъ лѣсу, на берегу р. Вишеры, застала сильная буря съ проливнымъ дождемъ, промочившимъ ихъ до костей; и продолжаемъ подлинными словами г. А. Попова.

«...Но наконецъ мы пріѣхали, уже въ полночь; вошли въ первую съ конца деревни избу; велѣли достать огня и попросили у хозяина сухаго бѣлья. Переодѣвшись,

«немедленно легли на полаты, куда постлали свѣжей сухой соломы. Сколь пріятно послѣ холоду быть въ теплѣ, мы доказали съ товарищемъ глубокимъ сномъ, продолжавшимся на другой день до полудня.— Пробыдившись, я удивился необыкновенной тишинѣ въ домѣ, и полагалъ, что всѣ ушли на работы; но потомъ иначе все объяснилось. У крестьянина было многолюдное семейство изъ большихъ и малолѣтнихъ: всѣ они скромно сидѣли по лавкамъ, и шепотомъ разговаривали между собою, унимая дѣтей отъ крику и шуму. На столѣ собранъ былъ завтракъ. Мы узнали, что все это дѣлается для насъ, для нашего спокойствія. Пока мы одѣвались, они безпрестанно оговаривались, что у нихъ все нечисто, черно и что намъ, вѣрно, худо было спать.— Казалось, что мы были у какихъ-то близкихъ родственниковъ, которые съ такимъ добродушнымъ участіемъ ласкали насъ и заботились о нашемъ удобствѣ. Хозяинъ дома, когда мы еще спали, велѣлъ наловить съ рѣкъ рыбы, которую, приготовленную въ пирогѣ, усердно предлагалъ намъ закусить, а жена его принесла корзину земляники.— Между тѣмъ набралась полная изба сосѣдей, съ намѣреніемъ любопытствовать объ насъ и объ нашемъ путешествіи.— Разговорчивый хозяинъ чрезвычайно хвалилъ нѣкоторыхъ городскихъ чиновниковъ, пріѣзжавшихъ сюда по дѣламъ службы, за ихъ благосклонное съ нимъ обращеніе. Зыряне вообще любятъ тѣхъ, кто не пренебрегаетъ вступать съ ними въ разговоръ съ участіемъ о ихъ состояніи.— Я пожалѣлъ, что на Вишерѣ часто случаются неурожаи, отнимающіе почти возможность существованія; но они нисколько ни жаловались на судьбу: «зато Богъ далъ намъ лѣса, наполненные всякаго рода звѣрями и птицами,— и это составляетъ источникъ нашего продовольствія и богатства», говорили они.— Дѣйствительно, здѣшніе жители, послѣ Печорцевъ, лучшіе промышленники: рассказывали, что весной того года жители этой деревни убили вдругъ до 18 оленей и, по раздѣлу денегъ, вырученныхъ отъ продажи шкуръ и языковъ, досталась каждому значительная сумма на уплату податей, кромѣ мяса, которое идетъ въ пищу. Крестьянинъ, у котораго мы остановились, въ свое время бывалъ отличный звѣроловъ: увѣряли сосѣди его, что онъ, прошедшей зимой, случайно встрѣтившись въ ближнемъ лѣсу, почти близъ самой деревни, съ огромнымъ медвѣдемъ, не вооруженный ничѣмъ, кромѣ топора, долженъ былъ вступить съ нимъ въ борьбу, успѣлъ убить его, и, заваливъ на плеча, принесъ домой. Казалось, такой суровый образъ жизни неминуемо долженъ былъ имѣть вліяніе на характеръ; но крестьянинъ, убившій медвѣдя, ни на минуту не выпускалъ съ колѣней маленькаго внука, игралъ съ нимъ, какъ дитя, цѣловалъ его и баловалъ до нельзя. Для удовольствія его не было у дѣда ничего завѣтнаго, и если-бы маленькій внукъ соблаговолитъ, по шалости своей, вырвать глазъ у дѣда, то,

«конечно, не могло быть важныхъ послѣдствій для перваго. Мнѣ кажется, и эта черта чего ни будь да стоитъ «въ мужикѣ темномъ»....

До сихъ поръ мы представляли только свѣтлыя стороны предмета; но, въ видахъ безпристрастія, должны и отгнѣнить его.

Вообще принято за правило обвинять Зырянъ *въ пристрастіи къ горячимъ напиткамъ*; но голословно. Только г. В. Аврамовъ какъ будто выставляетъ данныя, по которымъ можно судить о свойствахъ и степени развитія этого порока. Но какія-же это данныя? Онъ говоритъ напр., что въ праздничные дни всѣ кабаки въ зырянскихъ селеніяхъ бываютъ полны народа; что нѣкоторые крестьяне, не имѣя наличныхъ денегъ, пропиваютъ иногда разныя вещи; что на помочи идутъ охотнѣе изъ-за вина, нежели изъ-за денегъ; что въ Зырянскомъ краю пьютъ мужчины и женщины, иногда съ малыхъ лѣтъ; что на общественныхъ сходкахъ изъ за угощенія составляются несправедливые приговоры и т. п., и т. п.²⁶¹⁾; но развѣ подобныя явленія не встрѣчаются вездѣ въ Россіи, да и не въ одной Россіи?— Не отрицая существованія порока, мы смотримъ на него другими, не столь строгими глазами. Прежде всего замѣтимъ, что пьянство у Зырянъ есть порокъ пришлый, позаимствованный: въ языкѣ ихъ нѣтъ даже собственныхъ словъ для выраженія понятій о винѣ и пьяницѣ; одни лексикографы, т. е. изобрѣтатели небывалыхъ зырянскихъ словъ, ставятъ въ своихъ лексиконахъ противъ слова вино—«курыдь», а противъ пьяницы—«курыдь-юисъ», что буквально значитъ—«горькій» и «горькое пьющій»²⁶²⁾. Положимъ, что и заносные пороки въ иныхъ мѣстностяхъ получаютъ еще большее и гибельнѣйшее развитіе, нежели тамъ, откуда они занесены; но о пьянствѣ Зырянъ этого сказать нельзя. Г. Михайловъ положительно увѣряетъ, что между ними нѣтъ отъявленныхъ пьяницъ, которые пропиваютъ послѣднюю копѣйку, и что они пьянствуютъ только во время праздниковъ²⁶³⁾. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Михайлова: не отрицая, какъ и онъ, наклонности Зырянъ къ пьянству, можемъ смѣло завѣрить, что этотъ порокъ у нихъ не доходитъ до гибельныхъ крайностей, какъ у Русскихъ,—можетъ быть не вслѣдствіе природной умѣренности, а вслѣдствіе особыхъ условій жизни. Можетъ-ли пьянство обратиться въ привычку у людей,

²⁶¹⁾ См. примѣч. 258. Здѣсь разъ навсегда замѣтимъ, что г. Аврамовъ, котораго мы лично знали, какъ уроженецъ зырянскаго края и, если можно такъ выразиться, Зырянскій патриотъ, недружелюбно и въ увеличительное стекло смотрѣлъ на темныя пятна въ характерѣ своихъ земляковъ: ему хотѣлось, чтобы вовсе не было такихъ пятенъ. Напротивъ того писавшіе о Зырянахъ Русскіе, восхищаясь добрыми качествами ихъ, равнодушно относятся къ ихъ порокамъ, и даже иногда не замѣчаютъ ихъ.

²⁶²⁾ См. примѣч. 243.

²⁶³⁾ Тамъ-же.

которые по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, за цѣлыя сотни верстѣ не только отъ кабаковъ, но и отъ ближайшихъ селеній, гоняются за звѣрями и птицами?— Говорятъ, что населеніе Удоры трезвѣе населенія другихъ мѣстностей, что тамъ даже помочи обходятся безъ вина ²⁶⁴); но не потому-ли опять, что здѣсь полученіе вина сопряжено съ бѣльшими затрудненіями, чѣмъ гдѣ-нибудь.

Гораздо основательнѣе обвиненіе зырянскихъ дѣвицъ *въ недостатокъ цѣломудрія*. Хотя изъ нравоописателей Зырянъ одинъ г. Аврамовъ упоминаетъ объ этомъ пороцкѣ; но фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Мы ранѣе привели цифры, показывающія отношеніе числа законорожденныхъ къ числу незаконнорожденныхъ въ зырянскихъ и русскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи, и, основываясь на нихъ, а также на нѣкоторыхъ другихъ соображеніяхъ. пришли къ заключенію, что равнодушіе къ цѣломудрію женщинъ принадлежитъ къ числу племенныхъ пороковъ Зырянъ. Теперь-же, не входя въ противорѣчіе съ самими-собою, отмѣтимъ не безынтересный фактъ, что особенная распущенность имѣеть мѣсто тамъ, гдѣ Зыряне пережшаны съ Русскими; этимъ порокомъ особенно славятся: городъ Устьсысольскъ, село Устьвымъ, Сереговскій заводъ, погосты Шежамскій и Кохвицкій, и дер. Айкинская.— Г. Аврамовъ говоритъ, что только на Удорѣ «хорошее поведеніе дѣвицъ достаточно уважается и цѣнится» ²⁶⁵). Мы вѣримъ ему, хотя намъ лично извѣстны, можетъ быть случайныя, исключенія изъ правила.— Тотъ-же авторъ, говоря вообще о легкомъ взглядѣ Зырянъ на непорочность дѣвицъ, увѣряетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одна обрусѣвшая Зырянка, за нѣсколько поднесенныхъ ей рюмокъ, сама предлагала къ услугамъ двухъ взрослыхъ своихъ дочерей ²⁶⁶). Легкое поведеніе дѣвицъ ни мало не препятствуетъ выходу въ замужство, лишь-бы онѣ не были беременны и имѣли качества хорошихъ хозяекъ. Поэтому, забеременѣвшія обыкновенно отправляются въ Петербургъ и, разрѣшившись тамъ отъ бремени и пристроивъ ребенка. возвращаются домой, какъ ни въ чемъ не бывало.— Увѣряютъ, что замужнія Зырянки менѣе, нежели дѣвицы, склонны къ незаконному любострастью.

Есть люди, которые Зыряцъ ²⁶⁷), особенно мушинъ, упрекаютъ *въ лѣнность* ²⁶⁸). Намъ кажется страннымъ такой упрекъ: можно-ли считать лѣнвыми людей, которые переносятъ столько трудовъ, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ, въ трескучіе морозы, странствуя по глубокимъ снѣгамъ и развѣ для нихъ только проходимымъ лѣснымъ трущобамъ,

²⁶⁴) См. примѣч. 258.

²⁶⁵) Тамъ-же.

²⁶⁶) Тамъ-же.

²⁶⁷) См. примѣч. 13.

²⁶⁸) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 21: «О главныхъ торговыхъ путяхъ изъ Вятской губерніи въ г. Архангельску и о торговыхъ пристаняхъ».

и таская на себѣ въ то-же время съѣстные припасы и добычу? Можетъ быть и правда, что Зыряне небрежно обрабатываютъ поля; можетъ-быть, и имѣеть какое нибудь значеніе поговорка «дышь, да агзася» (лѣнь, да бороню): но равнодушіе ихъ къ хлѣбопашеству объясняется не лѣнностью, а съ одной стороны тѣмъ, что это занятіе, въ глазахъ ихъ, принадлежитъ къ числу второстепенныхъ, а съ другой—тѣмъ, что труды земледѣльца во многихъ частяхъ Зырянскаго края рѣдко вознаграждаются. Искони звѣроловы, и только со вчерашняго дня плохіе земледѣльцы, Зыряне, естественно, всѣ свои надежды и стремленія сосредоточиваютъ на охотѣ, и на нее кладутъ всѣ силы, только досуги посвящая обработкѣ полей. Впрочемъ, и упрекъ въ равнодушіи къ земледѣлію едва-ли вполне справедливъ: мы видѣли ²⁶⁹), что Удорцы для того, чтобы ускорить наступленіе времени посѣва, свозятъ даже снѣгъ съ полей— трудъ, неизвѣстный въ другихъ мѣстностяхъ Россіи!

Еще страннѣе упрекъ въ невѣжествѣ ²⁷⁰); любопытно знать: какими путями они могли просвѣтиться? Да еще остается вопросъ: много-ли опередили въ этомъ отношеніи Зырянъ ихъ русскіе сосѣди, не смотря на болѣе выгодное положеніе и т. п.?

Гораздо справедливѣе обвиненіе *въ сутяжничество*. Едва-ли гдѣ въ Россіи этотъ порядокъ достигаетъ такихъ размѣровъ, какъ въ Зырянскомъ краѣ. Составители просьбъ здѣсь пользуются такимъ-же почетомъ, какъ и колдуны. Зырянинъ, имѣющій дѣло, не смотря на то, правое оно или нѣтъ, всегда старается провести его черезъ всѣ возможныя инстанціи, подаетъ просьбы и жалобы всякому проѣзжающему чиновнику и вообще тянетъ его до тѣхъ поръ, пока не раззорится;—отсылая просьбы въ губернскія или столичныя мѣста, онъ старается власть пакеты въ почтовые конторы не своего уѣзда, изъ опасенія, чтобы они не были умышленно скрыты или уничтожены.—Такой порокъ можно конечно объяснять невѣжествомъ; но мы болѣе склонны приписать его *мстительности*,—этому, по общему убѣжденію, природному свойству Зырянъ,—конечно, не безъ примѣси невѣжества и *подозрительности*.

Говорятъ, что Зыряне очень *вспыльчивы*, особенно въ пьяномъ видѣ ²⁷¹).

О нѣкоторыхъ другихъ будто-бы порокахъ, приписываемыхъ иногда Зырянамъ, каково напримѣръ пристрастіе подешевле купить и подороже продать,—мы считаемъ неумѣстнымъ распространяться ²⁷²), какъ объ общечеловѣческой слабости, которую даже едва-ли можно назвать порокомъ.

²⁶⁹) См. примѣч. 149.

²⁷⁰) См. примѣч. 13 и др.

²⁷¹) См. примѣч. 258.

²⁷²) Тамъ-же.

Г Л А В А IX.

ЗЫРЯНСКІЙ ЯЗЫКЪ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Зырянскія грамматики.—Характеристика алтайскихъ языковъ.—Нарѣчія зырянскаго языка.—Его бѣдность.—Отзывы о его благозвучіи.—Переводы съ русскаго.—Народная поэзія.—Пѣсни.—Непонятное произведеніе зырянскаго слова.— Два образца зырянскаго словеснаго творчества.—Преданія.—Сказки.—Загадки.—Заключеніе.

Извѣстно, что произведенія словеснаго творчества принадлежатъ къ числу лучшихъ источниковъ для опредѣленія нравственныхъ свойствъ того или другаго народа; но для насъ такого источника не существуетъ: Зыряне не имѣютъ письменности и едва-ли есть у нихъ самостоятельныя словесныя произведенія ума и фантазіи.

Какъ ни малоизвѣстенъ этотъ народъ, какъ ни бѣденъ языкъ его, но и въ Россіи, и за границей нашлись люди, которые посвящали труды изученію послѣдняго. Сколько намъ извѣстно, издано пять Зырянскихъ грамматикъ: Флерова (С.-П.-бургъ, 1813 года), Шегрена (С.-П.-бургъ, 1832 г.), Габеленца (Альтенбургъ, 1841 г.), Кастрена (Гельзингфорсъ, 1844 г.) и Савваитова (С.-П.-бургъ, 1850 г.). Кроме того, въ Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ помѣщена прекрасная статья г. И. Куратова подъ заглавіемъ «Зырянскій языкъ»; но, къ сожалѣнію, она появилась въ столь мало распространенномъ изданіи и притомъ слишкомъ сжата: авторъ сказалъ далеко не все, чтобы онъ могъ сказать, будучи урожденцемъ Зырянскаго края и человекомъ образованнымъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что всё до сихъ поръ изданныя зырянскія грамматики до крайности неудовлетворительны: общій недостатокъ ихъ заключается въ томъ, что составители ихъ старались втиснуть зырянскій языкъ въ несвойственныя ему формы языковъ европейскихъ.

Слѣдуя Видеманну, г. Куратовъ такъ характеризуетъ алтайскіе языки, къ числу которыхъ принадлежатъ финскіе и слѣд. зырянскій: корень и форма словъ имѣютъ самую слабую связь, такъ что окончанія напр. падежей могутъ быть разсматриваемы, какъ особыя самостоятельныя слова, или такъ называемыя послѣположенія; строеніе рѣчи однообразно при большемъ или меньшемъ разнообразіи корней и формъ; измѣненія-же формы разнообразны, но просты, и потому каждое алтайское нарѣчіе имѣетъ одно склоненіе и одно спряженіе; союзовъ не много; родовъ нѣтъ; при количественныхъ числительныхъ предметы ставятся въ единственномъ числѣ; языкъ богатъ производными глаголами и име-

нами ²⁷³). Мы замѣтимъ, при этомъ, что формы зырянскихъ глаголовъ необычайно богаты (даже частицы отряпанія спрягаются по временамъ, числамъ и лицамъ).

Видовыя особенности Зырянскаго языка мы не беремся обозначить; но должны замѣтить, что самъ онъ распадается на шесть нарѣчій: а) Сысольское, которымъ говоритъ около 19,000 человекъ; б) Печорское (2,000 чел.); в) Ижемское (Архангельской губерніи—7,000 ч.); г) Вашкинское или Удорское (10,000 чел.); д) Вычегодское (27,000 чел.) и е) Лузское (5,000 чел.). — Всѣ они отличаются одно отъ другаго главнымъ образомъ различными произношеніемъ нѣкоторыхъ буквъ, напр.: «л» вмѣсто «в», «а» вмѣсто «о» и т. д. Г. Куратовъ Сысольское нарѣчіе признаетъ центральнымъ, потому что оно имѣетъ болѣе общихъ свойствъ со всеми другими, нежели эти послѣднія. Кроме того въ г. Усть-сысольскѣ существуетъ не нарѣчіе, а какая-то механическая смѣсь русскаго языка съ зырянскимъ: тамъ говорятъ рядомъ русскихъ словъ по зырянской грамматикѣ и произнося слова на зырянскій ладъ ²⁷⁴).

Мы не разъ уже говорили, что зырянскій языкъ весьма бѣденъ словами. Хотя такъ называемыя зырянскіе лексикографы надосугѣ и насчитываютъ до 70.000 словъ; но такую цифру слѣдуетъ считать произведеніемъвольной фантазіи: изобрѣтенныя ими слова, по большей части, Зырянамъ непонятны или понимаются превратно, какъ напр. богиня—«Йенъ—гѣтыръ»—выходитъ божія жена ²⁷⁵).

Но въ то время, какъ одни навязываютъ зырянскому языку чуждое ему богатство, другіе слишкомъ строго судятъ о его благозвучіи. Такое мнѣніе обыкновенно или основывается не на существѣ дѣла, а на предвзятомъ убѣжденіи, что у грубаго, необразованнаго народа и языкъ долженъ быть грубый ²⁷⁶), или вытекаетъ изъ того,

²⁷³) Вол. Губ. Вѣд. 1865 г. №№ 23, 27, 31 и 37 и 1866 г.—18 и 19-й: «Зырянскій языкъ».

²⁷⁴) Тамъ-же.

²⁷⁵) По примѣч. 174.

²⁷⁶) См. по примѣч. 85-му № 19.

что о благозвучіи языка судят не по живому говору, а по книгамъ, гдѣ зырянскіе звуки передаются русскими буквами. Русскія буквы совершенно неудобопримѣнимы къ зырянскимъ звукамъ²⁷⁷⁾; Зыряне часто вовсе не понимаютъ зырянскихъ словъ, прочитанныхъ имъ по русской печати; есть слова, которыхъ, по печатному, почти невозможно выговорить, напр. додчзъ, чжачжъ, дѣинъ и т. п., тогда какъ, въ устахъ Зырянина, они не кажутся дикими для слуха. Другимъ²⁷⁸⁾ не нравится, что многія гласныя Зыряне произносятъ при помощи гортани и ударяютъ на первомъ слогѣ рѣчи; но у всякаго свой вкусъ. Есть впрочемъ и защитники зырянскаго языка въ отношеніи благозвучія²⁷⁹⁾. Одинъ изъ нихъ, г. К—нъ, для подкрѣпленія своего мнѣнія, привелъ нѣсколько примѣровъ: это рядъ стихотвореній, явно написанныхъ лицомъ, хорошо знакомымъ съ правилами русскаго стихосложенія, т. е. съ римами, съ размѣромъ и т. п.—Мы приводимъ одно, которое покороче. Оно называется «Томъ нывъ»—молодая дѣвица:

Шонды баной	Медь тѣ борьсь
Бурь таланой,	Гажмась норьсь
Муса, мича нывъ!	Сьоломъ гажодьсь!
Ошкомъ окты	Югыдъ Шонды
Зонь мозь йоты	Долодъ Шонды
Вильшась, серавъ, сьывъ!	Ставъ Енвелтувсо!
Юрась думсо,	Мича нило,
Вомась юмсо	Мытсьывъ ми лы.
Петюдь томъ мортгысь	Когньдыдъ Олоксо 280)

Благозвучно-ли это—пусть судятъ другіе—всякій по своему. Мы-же замѣтимъ только, что смыслъ приведеннаго стихотворенія едва-ли пойметъ Зырянинъ, незнакомый съ русскою поэзіею, особенно напр. выраженіе «юрась думсо—въ головѣ—думы», гдѣ корень слова «думсо» русскій.

Помѣть того, что ранѣе, въ главѣ IV, уже сказано о переводахъ на зырянскій языкъ русскихъ книгъ, распространяться объ этомъ предметѣ нечего. Повторяемъ, что это брошенные на вѣтеръ труды: это портреты, кото-

277) Много было сдѣлано попытокъ въ послѣднее время примѣнить русскія буквы къ зырянскимъ звукамъ; почти всякій, кому пришлось записывать зырянскія слова, писалъ ихъ по-своему. Мы, не дѣлая такой попытки, будемъ для выраженій, записанныхъ другими, употреблять орфографію авторовъ, а для выраженій, самими нами приводимыхъ, держаться орфографіи г. Куратова.

278) Вол. губ. вѣд. 1854 г. № 32: «Замѣтки и впечатл. охотника по Вол. губерни.», г. Ю. Волкова.

279) Тамъ-же 1848 г. № 11: «Путев. замѣтки отъ г. Устьсымольско къ Вишерскому селенію», г. А. Попова.

280) Тамъ-же 1866 г. № 3: «Зырянскія пѣсни». Вотъ переводъ этой курьезной поддѣлки, сдѣланный самими г. К—нъ: «О, завидная молодость и живость! Дѣвушка! Какъ парень, шали, пляши, смѣйся, спой! Въ головѣ думы, на губы сладострастную улыбку выведи у «юноши! Пусть старый, глядя на тебя, почувствуетъ въ жилахъ прешнюю кровь, въ сердцѣ-прежнюю радость, сердце радующая!» Замѣтимъ, что этотъ переводъ, почему-то, очень вохлый.

рыхъ не узнаютъ ни тѣ, съ кого они списаны, ни тѣ, пожалуй, кто ихъ писалъ и, во всякомъ случаѣ, никто другой, если внизу не сдѣлано подписи, что это изображенія такого-то и такого-то лица.

Обращаемся къ произведеніямъ такъ называемой народной словесности. Подъ этимъ названіемъ обыкновенно разумѣютъ народныя пѣсни, сказки и т. п. Но странное дѣло! Не смотря на то, что обнародовано множество замѣтокъ о Зырянахъ, что многія изъ лицъ, посѣщавшихъ Зырянскій край, и даже изъ природныхъ Зырянъ, печатали все, что имъ казалось замѣчательнымъ и незамѣчательнымъ,—мы не имѣемъ въ виду ни одного произведенія собственно зырянской поэзіи. Было порѣшено, что зырянской поэзіи не имѣется. Г. И. Куратовъ протестовалъ противъ такого рѣшенія, основываясь на латинской пословицѣ: гдѣ народъ—тамъ и поэзія; но къ оправданію своего убѣжденія не привелъ ни одного факта, хотя, если бы они были, никто не могъ-бы привести ихъ столько, какъ онъ. На помощь Г. Куратову пришелъ, всегда солидарный съ нимъ въ убѣжденіяхъ, г. К—нъ, и привелъ образцы зырянской поэзіи, какъ мы сейчасъ видѣли, нарочно придуманные: въ напечатанныхъ имъ стихотвореніяхъ зырянскія только слова, да и то не всѣ.—Мы приводимъ подлинный отзывъ о зырянскихъ пѣсняхъ г. Ю. Волкова, такъ какъ въ существѣ, онъ совпадаетъ съ нашимъ собственнымъ мнѣніемъ объ этомъ предметѣ: «Пѣсни поются почти каждымъ изъ недѣльныхъ обоюбого пола. Но эти... пѣсни сложились не Зырянинъ, а часто, даже очень часто, вы услышите пѣвца, «не понимающаго ровно ни одного слова изъ пѣсни, которую онъ поетъ цѣлый день... Что же это за пѣсни? «И какой это языкъ, ускользающій отъ филологіи? Это «просто русскія, по большей части солдатскія, пѣсни, занесенныя на родину приходящими на побывку войнами изъ Зырянъ, которыя усваиваются ихъ родичами, «не понимающими ни слова по-русски, измѣняются въ «произношеніи, переиначивается ритмъ—и является филологическое чудо, котораго не понимаютъ ни слушающій, ни поющій... и поютъ съ большимъ удовольствіемъ. «Нѣтъ возможности прослѣдить сколько нибудь внимательно эти изломанные, не подходящіе ни подъ какую «форму и не слѣдующіе никакой системѣ звуки, а потому я приведу только одинъ примѣръ... Въ какой-то «пѣснѣ есть строфа: «солдаты съ матерью остаются», «или можетъ быть слова другія, но смыслъ тотъ самый. «Солдаты по-зырянски также, мать—«мамъ»... остаются—«кольдчены». Чтоже выходитъ въ устахъ Зырянина изъ «этой не замысловатой фразы?—«Солдаты мамкѣдъ юста-«юста». Неудобно-ли понять?... Сомнительно! А между «тѣмъ дѣло очень просто: это русскій текстъ, измѣненный зырянскимъ языкомъ и толкомъ и, вслѣдствіе того, «потерявшій смыслъ. Здѣсь глаголъ «остаются» измѣнился «въ «юстаюста»,—и Зырянинъ поетъ, не стѣсняясь ни-«сколько, что ни самъ, ни слушатели ничего не пони-

«мають»²⁸¹⁾. Мы ничего не можем прибавить къ этой «мѣткой характеристикѣ зырянской поэзіи; но признаемъ ошибочнымъ въ другомъ мѣстѣ²⁸²⁾ сообщенное г. Ю. Волковымъ извѣстіе, будто пѣсни у Зырянъ есть и свои собственно, преимущественно сватебныя, но только не по Вычегдѣ и по Печорѣ, а на Удорѣ, Лузѣ и Сысолѣ, т. е. тамъ, гдѣ онъ, какъ намъ извѣстно, не былъ, — покрайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда напечаталъ статью, изъ которой мы сдѣлали выписку. Мы-же на Лузѣ и Сысолѣ были и отамошнихъ пѣсняхъ сказали-бы тоже, что сказалъ г. Волковъ о вычегодскихъ и печорскихъ. — Правда, мы не слыхали тамъ сватебныхъ пѣсень, но имѣемъ основаніе думать, что именно сватебныхъ — то пѣсень и не можетъ быть у Зырянъ собственныхъ своихъ; потому что всѣ брачные обряды, вся терминологія ихъ цѣликомъ взяты у Русскихъ, какъ это скоро увидимъ: между тѣмъ извѣстно, что сватебные обряды и пѣсни имѣютъ между собою тѣсную связь, что на сватьбахъ поется то, что дѣлается. — Мы знавали также нѣсколькихъ удорцевъ, любителей пѣть; но они пѣли или чисто русскія пѣсни, и именно солдатскія, называя ихъ питерскими, или передѣланныя изъ русскихъ. — Не вполне также согласны мы съ г. Ю. Волковымъ и въ томъ, что зырянскія передѣлки русскихъ пѣсень *никогда* не имѣютъ смысла. Намъ извѣстна имъ же записанная «Ивушка»: хотя въ ней есть нѣсколько русскихъ словъ, а складъ рѣчи совершенно русский; но она, покрайней мѣрѣ, для Русскаго, знающаго по-зырянски, понятна²⁸³⁾.

²⁸¹⁾ Тамъ-же 1854 г. № 51: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова.

²⁸²⁾ Въ той-же статьѣ того-же автора.

²⁸³⁾ Здѣсь мы приводимъ зырянскую «ивушку» съ обратнымъ букввальнымъ переводомъ.

«Бадъ, бадъ! Мый гажтѣмъ пугаланъ?
—Ивушка, Ивушка! Что невесело стоишь?
«Али тэныдъ, бадъ, войтэлъсь тэлэ?
—Али теба, ивушка, сѣверный вѣтеръ качаетъ!
«Войтэлъсь тэлэ, али изэрысь зэрэ?
—Сѣверный вѣтеръ качаетъ, али градомъ сѣчетъ?
«Бадъ вушывъ тымысъ вѣдждъ ва визывтэ?
—Ивушки корни озерной холодной водой подмываетъ?
«Мунысны, лотысны *маіорэ* гѣтырись;
—Вхали—пѣхали маіорскія жены;
«Кэралысь—кэ ная кыгъ пэлысь;
—Сдѣлали—то онѣ два весла;
«Кыгъ пэлысь,—войждѣсь пыжэ.
—Два весла,—третью лодочку.
«Босьтасы—кэ ная нича нылэсь;
—Взяли-то онѣ красную дѣвицу;
«Пукисны—кэ ная самѣй пыжэсь шырэ
—Посадили-то онѣ (на) самую лодку средину:
«Ныль-лэй, ныль-лэй гажтѣмъ пугаланъ?
—Дѣвушка, дѣвушка! (что) не весело сидишь?
«Али тэныдъ, ныль-лэй, андъ, мамыдъ жаль?
—Али тебѣ дѣвушка, отца, матери жаль?
«Андъ—мамыдъ жаль?—али чондъ, войждъ жаль?
—Отца—матери жаль? Или сестры—брата жаль?»

Но за то между Зырянами ходятъ такія вещи, такія диавинки, которымъ нѣтъ имени. Напр.

Модла полинь	Маля бизимъ.	Кодъ буръ?
Панъ чынасо.	Кодъ маля?	Нияль буръ.
Кодъ панъ?	Джи маля.	Кодъ нияль?
Льокъ панъ.	Кодъ джи?	Ва нияль.
Кодъ льокъ?	Юды джи.	Кодъ ва?
Бизимъ льокъ.	Кодъ юды?	Эмъ-ва.
Кодъ бизимъ?	Буръ юды.	Туполь таполь ²⁸⁴⁾ .

Прежде всего, ни Зыряне, ни Русскіе ничего не понимаютъ въ этихъ словахъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, напр. *льокъ*, *юды*, *буръ* и *ва* чисто зырянскія, а *эмъ-ва*—значить *Вымъ-рѣка*; слѣд. къ какому роду словесныхъ произведеній принадлежитъ прописанное нами—неизвѣстно. Мы догадываемся только, что это рядъ послѣдовательныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, изъ которыхъ первые начинаются зырянскимъ «кодъ»—кто или что; но, можетъ быть, и въ этомъ ошибаемся.

На «Братчинѣ»—праздникѣ въ г. Устьсысольскѣ въ числѣ пѣсень есть какія-то въ родѣ зырянскихъ; но онѣ будутъ приведены послѣ²⁸⁵⁾.

Кромѣ того мы знаемъ двѣ піесы, которыя одни²⁸⁶⁾

«Чондъ—вождъ жаль? Али родъндъ—вушндъ жаль?

—Сестры—брата жаль? Или роду—корня жаль?»

Есть и далѣе, но конецъ намъ неизвѣстенъ. Мы переводили буквально, за ничтожными исключениями. Тамъ напр. выраженіе «и зэрысь зэрэ», или правильнѣе «іі—зэрысь зэрэ», еще точнѣе можно-бы перевести «ледянымъ дождемъ дождитъ» (градъ собственно по-зырянски «шэръ», а «іі»—ледъ, «зэрэ»—дождь).

²⁸⁴⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 6: «Зырянскія загадки и пѣсни», г. В. Ардашева.

²⁸⁵⁾ См. въ главѣ XI.

²⁸⁶⁾ См. примѣч. 284. Вотъ Зырянскій текстъ записанной г. Ардашевымъ, какъ онъ выражается, пѣсни, подстрочный переводъ которой помѣщается въ текстѣ:

Рой, рой, рой! Кытче вэглън?
» » » Кытче муна? *)
—Вѣлэс корсны
Кучэм тэнад вѣлэ?
—Лыса кымэса.
Рой, рой, рой! Кытче вэглън? и пр.
Мѣскѣс корсны.
Кучэм тэнад мѣскыд?
—Сура мѣс.
Рой, рой, рой! Кытче вэглън? и пр.
—Мѣс корсны.
Кучэм тэнад мѣшд?
—Нимыс намбалъ.
Рой, рой, рой! Кытче вэглън? и пр.
—Мѣшѣс корсны.
Кучэм тэнад мѣшд?
—Зарни сура.

(*) «Кытче вэглънъ» значить—куда ходилъ?, а «Кытче муна»—куда идешь? Въ печатаномъ въ текстѣ переводѣ мы помѣстили только первую фразу, а послѣднюю и здѣсь будемъ, для краткости, пропускать въ слѣдующихъ за начальной строкахъ, такъ какъ обѣ онѣ повторяются однообразно ко самой послѣдней включительно.

называютъ пѣснями, а другіе ²⁸⁷⁾, сказками; но это не пѣсни,—потому что не поются, и не сказки,—судя по содержанію.

1.

Рой, Рой! Куда ходилъ?—Лошадь исрать.
Какая у тебя лошадь?—Пятнолобая.
Рой, Рой! Куда ходилъ?—Корову исрать.
Какая у тебя корова?—Рогатая.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Овцу исрать.
Какая у тебя овца?—Влична ей «Камбалъ».
Рой, рой! Куда ходилъ?—Барана исрать.
Какой у тебя баранъ?—Золоторогій.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Свинью исрать.
Какая у тебя свинья?—Съ золотой щетиной.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Собаку исрать.
Какая у тебя собака?—Съ сорочьими глазами.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Пѣтуха исрать.
Какой у тебя пѣтухъ?—Шахматносѣрый (?)
Рой, рой! Куда ходилъ?—Курицу исрать.
Какая у тебя курица?—Конопляно-сѣрая.
Рой, рой! Куда ходилъ?—Жену исрать.
Какая у тебя жена?—Красавица въ красномъ сарафанѣ.

2.

«Дѣвица (есть эпитетъ, но непонятный)! Пойди за меня за мужъ!
Пойди, пойди, пойди!—Не пойду, не пойду, не пойду: уже
очень ты мучила!» ²⁸⁸⁾.

Рой, рой, рой! Кытче ветлыи? и пр.
—Порсѣс корсны.
Кучѣм тѣнад порейнд? и пр.
—Зарни щіота.
Рой, рой, рой! Кытче ветлыи? и пр.
—Поннѣс корсны.
Кучѣм тѣнад понмид?
—Кача сына.
Рой, рой, рой! Кытче ветлыи? и пр.
—Пѣтукѣс корсны,
Кучѣм тѣнад пѣтукмд?
—Шамкот сера.
Рой, рой рой! Кытче ветлыи? и пр.
—Тчипанѣс корсны.
Кучѣм тѣнад тчипанмд?
—Контус сера.
Рой рой рой! Кытче ветлыи? и пр.
—Бабаѣс корсны.
Кучѣм тѣнад бабамд?
—Лока митча, гордъ дубнина.

²⁸⁷⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1863 г. № 37: «Зырянскія сказки», г. Обрусѣвшаго Зырянина. Обрусѣвшій Зырянинъ обнародовалъ вариантъ приведенной въ предъидущемъ примѣчаніи пѣсни, которую онъ называетъ сказкою. Сказка г. Обрусѣвшаго Зырянина отличается отъ пѣсни г. Ардашева: во 1-хъ болѣе обрусѣвшемъ начальною строкою каждой строфы: здѣсь, вмѣсто чисто зырянской фразы «кытче ветлыи?» значится «да кытче-же ветлыи?»; во 2-хъ она короче: здѣсь нѣтъ плеоназма, т. е. второй строки въ каждой строфѣ «кытче мунанъ?» и Рой не ищетъ овцы, собака и жены; и въ 3-хъ здѣсь корова не рогатая, а широколобая (мыльня кымеса), пѣтухъ—не шахматносѣрый, а съ гребешкомъ на боку (полосъ сорса). Вотъ и вся разница.

²⁸⁸⁾ Последняя пѣсня по зырянски начинается выраженіемъ: «Чуръ бѣжъ нылѣи». Это выраженіе непереводимо; потому что слово «Чуръ» неизвѣстно; а «бѣжъ» значить хвостъ и «нылѣи», по нашему,

«Дѣвица! Пойди за меня за мужъ! Пойди, пойди, пойди!»—Не пойду, не пойду, не пойду: уже очень у тебя ярвы ноги. «Искривился онъ у меня отъ долгой ходьбы, отъ спананья черезъ толстыя колоды.»

«Дѣвица и т. д.»!—Ужь очень ты горбать! «Нашилъ я себя горбъ, таская тяжелыя ноши.»

«Дѣвица и т. д.»!—Очень далеко отъ тебя за сѣномъ ходить. «У меня путь за сѣномъ около болота, гдѣ кокаютъ мурашки.»

«Дѣвица и т. д.»!—Далеко отъ тебя за водой ходить. «Отъ меня за водой ходить къ ручейку, гдѣ рыбчики посвистываютъ.»

«Дѣвица и т. д.»!—Изба твоя совсѣмъ не покрыта. «У меня изба толстымъ облакомъ покрыта.»

«Дѣвица и т. д.»!—Клѣть твоя совсѣмъ безъ крыши. «Клѣть моя сѣрымъ облакомъ покрыта.»

«Дѣвица и т. д.»!—И огороды-то у тебя совсѣмъ не забраны. «У меня огороды вѣтромъ забраны.»

«Дѣвица и т. д.»!—Вѣдь я умру когда нибудь.—«Тогда и я умру возлѣ тебя.»

Лишь здѣсь, въ этихъ, по всей вѣроятности, самостоятельныхъ произведеніяхъ зырянскаго слова, чувствуется скудная поэзія. Посмотримъ теперь на преданія и сказки.

Преданій историческаго содержанія у Зырянъ очень мало, и, при этомъ, они относятся преимущественно ко времени св. Стефана (послѣ 1376 г.). Всѣ другія или безсодержательны или искажены лицами, ихъ записав-

дѣвица (въ звательномъ надежѣ). Пучеглазъ—глаза на выкатѣ не нравятся Зырянѣ. Первая пѣсня явно изображаетъ Зырянина, пользующагося всеми житейскими благами, у котораго домъ полная чаша; а вторая—безпріютнаго, забытаго судьбою бобыля. Вотъ зырянскій текстъ послѣдней:

Чур бѣжъ нылѣи! Чабанѣи, чабанѣи!
Мѣ саіо тѣ мун тѣ! Мун, мун, мун!
Ог мун, ог мун, ог мун:
Лока таі тѣнад синмид вырыша.
Чур бѣжъ нылѣи! Чабанѣи, чабанѣи!
Мѣ саіо тѣ мун тѣ! Мун, мун, мун!
Ог мун, ог мун, ог мун:
Лока таі тѣнад баріола конид

— Буз туі сѣ мумыгомъ мѣнамъ баріовтѣис
— Кыя вѣлѣдавмдты вескеговтѣгѣи.

Чур бѣжъ нылѣи и т. д. до конца 3 строки «мун:»

Лока таі тѣнад кардія носыда!

— Мѣнамъ, вѣд, таіа кардіас, мѣмид вѣбѣббалыгѣи.

Чур бѣжъ нылѣи и пр.

Лока таі тѣнад турми туимд ыльицъ.

— Мѣнамъ, вѣд, турми туимд, байдѣгъ баксан нур дѣрын.

Чур бѣжъ нылѣи и т. д.

Лока таі тѣнад вала туимд ыльи.

— Мѣнамъ, вѣд, вала туимс сола чипсан іол' дѣрын.

Чур бѣжъ нылѣи и т. д.

Лока таі тѣнад кергамд вѣвѣтѣ.

— Мѣнамъ, вѣд, кергамс вѣвѣтѣма ымс кымѣрѣи.

Чур бѣжъ нылѣи и т. д.

Лока таі тѣнад кумид вѣвѣтѣ.

— Мѣнамъ, вѣд, кумисъ сера кымѣрѣи вѣвѣтѣма.

Чур бѣжъ нылѣи и т. д.

Лока таі тѣнад посымд абу почѣма.

— Мѣнамъ, вѣд, посымс тѣлаон почѣма.

Чур бѣжъ нылѣи и пр.

— Мѣ вѣд, кѣрѣи и кула.

Мѣ, вѣд, тѣ дѣтѣ-же кула.

шими, какъ напр. о Ягъ-мортѣ ²⁸⁹). Вообще зырянскія преданія привязаны преимущественно къ рѣкамъ и рѣчкамъ, что и понятно: рѣки составляютъ многое для Зырянна: это пути сообщеній, мѣста остановокъ при промыслахъ.—Преданія о Чуди, какъ о народѣ чуждомъ Зырянамъ, русскаго происхожденія, о чемъ мы уже говорили въ гл. III.

Зыряне очень любятъ слушать и рассказывать сказки. Но къ сожалѣнію ни одной изъ нихъ не записано. Впрочемъ и сказки, по большей части, не суть произведенія зырянскаго вымысла, и онѣ переняты отъ Русскихъ: даже манера рассказывать ихъ русская. Надобно замѣтить, что собственно въ зырянскихъ сказкахъ человѣкъ никогда не является дѣйствующимъ лицомъ, а только звѣри и птицы говорятъ и дѣйствуютъ ²⁹⁰). Впрочемъ мы не ручаемся за достовѣрность послѣдняго извѣстія, такъ какъ позаимствовали его отъ одного лишь лица, наблюдавшаго только Печорскихъ Зырянъ. Г. Ю. Волковъ пишетъ также, что Зыряне рассказываютъ сказки непремѣнно стоя. Есть у Зырянъ и загадки. Для образца приведемъ ихъ нѣсколько:

«Кузь, кузь мужикъ, да порсылышегъ эдзисъ озъ» — «Великъ, великъ мужикъ, а свинѣ до лодыжки не достанеть». Это значить дорога.

«Пу юра, кудель кынома, изъ рѣка» — «Деревянная голова, кудельное брюхо, каменные ноги». Это—неводъ.

«Будь керкамнѣ—летэмъ вурынъ» — «Во всякой избѣ есть битая шерсть» — Это—дымъ.

«Ваисъ чужѣ, биннѣ будмѣ, ваеже и кудѣ» — «Въ водѣ родится, въ огнѣ растеть и въ водѣ умираеть» — Это—соль.

«Комннѣ вогъ куланы, ѳтигъ юрлэсъ вылынъ» — «30 братьевъ лежать на одной подушкѣ». Это—потолокъ.

«Энѣ колѣ гѣгѣрѣ адзянѣ, а юрѣ гѣгѣрѣ огъ адзи» — «Все Богомъ данное видить, а головы своей не видить». Это—глаза ²⁹¹).

Замѣчательно, что даже и загадки у Зырянъ, какъ намъ кажется русскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ форма ихъ русская, что особенно бросается въ глаза въ первой изъ сейчасъ приведенныхъ; «Кузь—кузь мужикъ, да» и т. д. Остроуміе-же ихъ, можетъ быть, чисто зырянское.

Изъ всего сказаннаго видно, что Зыряне любятъ пѣть, хотя и чужое, очень любятъ слушать и рассказывать сказки: это фактъ, свидѣтельствующій, что они одарены поэтическими наклонностями. Поэтому мы думаемъ, что если искатели зырянской поэзіи и не находятъ ея тамъ, гдѣ ищутъ, т. е. въ пѣсняхъ, сказкахъ и т. п., то это отъ того, что она выражается въ другихъ, для насъ не понятныхъ, формахъ.

Г Л А В А X.

ВѢРОВАНІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ ЗЫРЯНЪ.

Характеръ зырянскихъ вѣрованій.—Лѣшій.—Водяной.—Климора.—Домовой.—Сусѣдо.—Овинный.—Баный.—Ортъ.—Колдуны.—Еретники.—Чайкычъ.—Порча.—Вѣдьмы.—Гаданья.—Предразсудки.—Объясненія явленій природы.

Народныя вѣрованія, какъ произведенія фантазіи, принадлежатъ также къ области поэзіи.

Замѣчательно, что здѣсь вліяніе русской народности и русскаго міросозерцанія еще сильнѣе и рѣшительнѣе, нежели въ области словеснаго творчества. На всѣхъ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ Зырянъ лежитъ только легкій оттѣнокъ особенности и самобытнаго творчества и, вообще надобно замѣтить, что всѣ они осязательнѣе, живѣе, нежели русскія: у Зырянъ больше лѣшихъ, водяныхъ и т. п.; нечистыя силы чаще являются человѣку и имѣютъ на него болѣе сильное вліяніе.

Лѣшій, лѣшакъ, въ зырянскомъ переводѣ Вѣрса (лѣсной). Лѣшіе живутъ въ лѣсахъ, хотя очень часто выходятъ и на открытыя мѣста; у нихъ есть дома и хозяйство ²⁹²). Это хотя и нечистыя силы, но въ существѣ не злыя: лѣшіе любятъ только подшутить надъ человѣкомъ, правда, иногда зло. Такимъ шуткамъ подвергаются обыкновенно тѣ, которые выходятъ изъ дому, особенно въ лѣсъ, не перекрестясь. Этимъ людямъ лѣшіе являются въ видѣ знакомыхъ, заводятъ съ ними

²⁹¹) См. примѣч. 284.

²⁹²) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 4: «Очертаніе демонологіи Зырянъ», г. І. Попова.

²⁸⁹) См. примѣч. 81.

²⁹⁰) См. примѣч. 281.

разговоры, часто просят понюхать табуку, — и, между тѣмъ, заводятъ ихъ въ какую нибудь лѣсную трущобу, пустырь, незнакомое мѣсто и т. д. — Человѣкъ приходитъ въ себя и опознаётъ мѣсто, куда заведенъ, только тогда, когда, догадавшись, что это шутка лѣшаго, перекрестится. Въ такомъ случаѣ лѣшій съ хохотомъ удаляется, принимая свой обыкновенный видъ, т. е. выше лѣсу, и кричитъ: «а, догадался!» Хохотъ его страшно громокъ и производитъ эхо. Когда человѣкъ въ позднюю пору кричитъ, то лѣшій, въ шутку, въ видѣ эха, повторяетъ его слова. Случается также, когда мать проклянетъ ребенка, то лѣшій уноситъ его, и вмѣсто него оставляетъ другаго, большеголоваго, уродливаго. Поэтому такія дѣти и называются *обмѣнами* ²⁹³). Лѣшіе, тоже въ видѣ шалости, раздуваютъ на пожарахъ огонь. Они производятъ вихорь, который есть ничто иное, какъ движеніе воздуха отъ быстрой ходьбы ихъ. Поэтому, если кому хочется увидѣть лѣшаго, то, во время вихря, онъ долженъ посмотреть въ сторону его, промежъ ногъ и сквозь распяленные ручные пальцы. Что лѣшіе не имѣютъ злостнаго желанія вредить человѣку, это доказывается тѣмъ, что они во время войны являются на мѣстахъ сраженій и всегда становятся на сторону *нашихъ*. Лѣшихъ очень много; они ходятъ иногда толпами. Проказничаютъ же они преимущественно на Воздвиженевъ день ²⁹⁴).

Водяной, въ зырянскомъ буквальномъ переводѣ — Васа, а собственно по зырянски *Куль*. Постоянное мѣсто жительства водяныхъ — вода, и именно глубокіе и темные омуты въ рѣкахъ и озерахъ. Это положительно злобныя существа, которыя пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы погубить не только человѣка, но и животное. На войнѣ они держатъ сторону непріятелей. — Особенно опасны они для тѣхъ, кто купается въ позднюю пору, и не перекрестясь; но, и при послѣдней предосторожности, Зырянинъ еще не считаетъ себя безопаснымъ: когда пускается черезъ рѣку въ бродъ, онъ всегда бросаетъ водяному какую-нибудь щепку, камешекъ и т. п. Водяные также, какъ и лѣшіе, живутъ семействами и хозяйствомъ, даже держатъ коровъ. Они непріятны на видъ, голосъ ихъ отвратительный; чертовокъ не рѣдко выдають, когда онѣ, выходя на берегъ, расчесываютъ большимъ гребнемъ длинные, мокрые волосы ²⁹⁵). — Дѣти ихъ сначала имѣютъ неопредѣленную форму, мохнатую фигуру и уже съ теченіемъ времени принимаютъ видъ человѣка. — Водяные выходятъ изъ воды на Крещенье, и тогда называются «*куття-васа*» или «*куття-дадда*» отъ слова куття, которую Зыряне

обыкновенно готовятъ въ Рождественскій и Крещенскій сочельники ²⁹⁶).

Кикимору Зыряне называютъ иногда *Титимера*, конечно, искажая русское слово. Кикиморы поселяются въ домахъ старыхъ, развалившихся, но иногда и въ новыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ ихъ напускають плотники, по неудовольствію на хозяевъ за дурное угощеніе во время работъ ²⁹⁷). Напускають ихъ иногда и колдуны. Въ иныхъ мѣстахъ они принимаютъ видъ безобразныхъ старухъ и молодыхъ дѣвицъ, кошекъ и свиней ²⁹⁸); а въ другихъ — видъ большихъ мохнатыхъ и уродливыхъ куколъ съ отвратительною фізіономіей. — Хотя онѣ и не опасны для жизни человѣка, но чрезвычайно безпкойны: по ночамъ бьютъ посуду, пугають куръ, жалобно стонуть въ подвалахъ, производятъ стукъ и свистъ въ стѣнахъ дома, неистово кричатъ на разные голоса, стаскиваютъ съ сонныхъ одѣяла; однимъ словомъ столько дѣлають непріятностей хозяевамъ, что послѣдніе часто переселяются въ новые дома. Г. Аврамовъ увѣряетъ, что онъ самъ видѣлъ много такихъ домовъ въ Яренскомъ уѣздѣ; а г. І. Поповъ, что зналъ крестьянина, который сильно каялся въ томъ, что не успѣлъ во время постройки дома поладить съ плотниками.

Зыряне вѣрятъ въ *домовыхъ* и *сусѣдковъ*; но часто смѣшиваютъ ихъ. Собственно *домовой* живетъ въ домѣ. Это существа, хотя и нечистыя, но добрыя. Они представляются или въ видѣ старичковъ, или въ видѣ небольшихъ мохнатыхъ животныхъ. Иногда они душатъ сонныхъ, и тогда ихъ спрашиваютъ: «къ худу или къ добру», и получаютъ отвѣты. Передъ какимъ нибудь особеннымъ несчастіемъ въ домѣ: передъ пожаромъ, смертью и т. п. они душатъ домохозяевъ и иногда дѣлають очень явныя предсказанія.

Сусѣдки живутъ въ скотскихъ дворахъ. Они заботятся о домашнихъ животныхъ, — коровахъ и лошадяхъ; но любятъ извѣстный цвѣтъ и преслѣдуютъ скотину другихъ цвѣтовъ. Любимымъ животнымъ вьютъ гривы, перетаскиваютъ имъ кормъ отъ другихъ, даже изъ чужихъ клѣвковъ и конюшенъ; нелюбимыхъ-же всячески изнуряють: на лошадяхъ по ночамъ ѣздятъ и даже забивають ихъ подъ ясли. Поэтому Зырянинъ, при покупкѣ скота, обращаетъ прежде всего вниманіе на цвѣтъ шерсти его. Когда-же замѣтитъ, что то или другое животное, безъ всякой видимой причины, чахнетъ, старается сбыть его въ другія руки, — и покупатели не боятся приобрести его, на томъ основаніи, что если оно *не пришлось по нутру* одному сусѣдкѣ, то можетъ понравиться другому. Если кто хочетъ выгнать сусѣдку или домового, то употребляется трава «*плакунъ*» ²⁹⁹).

²⁹³) Тамъ-же № 34: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

²⁹¹) См. примѣч. 292.

²⁹³) См. примѣч. 293.

²⁹⁶) См. по примѣч. 294, Волг. Губ. Вѣд. № 5.

²⁹⁷) См. примѣч. 292.

²⁹⁸) См. по примѣч. 293, Волог. Губ. Вѣд. № 6.

²⁹⁹) См. примѣч. 202.

Овинный, въ Зырянскомъ переводѣ *рынышъ*. Это злое существо, котораго Зыряне очень боятся; но подробныхъ разсказовъ о свойствахъ его нѣтъ.

Банные злѣе всѣхъ нечистыхъ. Людей, которые рѣшаются мыться въ банѣ одни, особенно вечеромъ или ночью, или отправятся въ нее не благословясь, они запариваютъ до смерти, запикиваютъ подѣ полки и въ печки (подѣ каменки), а иногда обдираютъ съ нихъ кожу. Банныхъ представляютъ въ красной шапочкѣ³⁰⁰⁾.

Изъ всѣхъ вѣрованій этого рода едва-ли не одно только собственно зырянское: это вѣрованіе въ *Орта*. Г. I. Поповъ утверждаетъ, что его нѣтъ не только у русскихъ сосѣдей, но и у близкихъ соплеменниковъ Зырянъ—Пермяковъ и Вотяковъ³⁰¹⁾. Поэтому мы съ возможною полнотою передадимъ все, что намъ извѣстно объ ортѣ.

Г. II. Куратовъ говоритъ, что это слово значитъ *духъ*³⁰²⁾ и что отъ соединенія его со словомъ «му»—земля, образовалось слово «мортъ»—человѣкъ. Зыряне думаютъ, что ортъ обитаетъ въ воздухѣ и у каждаго человѣка свой, особенный. Лишь только появится на свѣтѣ младенецъ, къ нему приставляется ортъ. Онъ иногда принимаетъ тѣлесную форму и является родственникамъ, друзьямъ и знакомымъ человѣка, близкаго къ смерти. Для этого выбираетъ преимущественно ночное время и имѣетъ при себѣ синій огонекъ. Если онъ предвѣщаетъ своимъ появленіемъ смерть хозяйки дома, то перебираетъ лопаты, хозяина—то рубить чтонибудь, ребенка—то рѣзвится; однимъ словомъ, принимается за занятія того человѣка, которому предстоитъ умереть.—Кромѣ предсказаній смерти, обязанность орта состоитъ въ томъ, чтобы онъ обошелъ все мѣста, которыя, при жизни, посѣтилъ умершій. Поэтому Зырянинъ, побывавшій вдали отъ родины и возвратясь домой, хватается землякамъ: «Ортъ туй-тѣ тали-жѣ», т. е. сдѣлалъ-же я дорогу орту! Одна старуха разсказывала г. I. Попову, что въ ночь, когда умеръ ея отецъ, жившій отъ нея въ 130 верстахъ, къ ней явился ортъ его и, по обыкновенію покойнаго, постучавшись въ четыре пріема палкой подѣ окномъ, исчезъ.—Ортъ считается добрымъ духомъ³⁰³⁾.

Передавши фактъ со всѣми извѣстными намъ подробностями, мы не пускаемся въ объясненія по поводу его; но считаемъ нужнымъ замѣтить, что и въ Зырянскомъ краѣ вѣрованіе въ орта едва-ли распространено повсюду. Не говоря уже о томъ, что сами мы ничего о немъ не слыхали, г. Аврамовъ,—уроженецъ Яренскаго

уѣзда и почти постоянный житель его,—съ мельчайшими, часто излишними подробностями, передавшій все другія вѣрованія, ни слова не говоритъ объ ортѣ³⁰⁴⁾. Г. К.-нъ, житель Устьсымольска, смѣшиваетъ его съ домовымъ; слѣд. не имѣетъ яснаго объ немъ понятія³⁰⁵⁾.

Мы уже ранѣе говорили, что въ Зырянскомъ краѣ *колдуновъ* очень много, и что изъ нихъ удорскіе пользуются большою славою. Понятіе Зырянъ о колдунахъ тоже, что и у Русскихъ: они предсказываютъ будущее; въ случаѣ какойнибудь потери, указываютъ гдѣ найти потерянное; заговариваютъ болѣзни; напускаютъ порчу и выгоняютъ ее; предохраняютъ сватѣбы отъ заговоровъ своихъ собратій; заговариваютъ ружья охотниковъ, чтобы тѣ хуже стрѣляли; не чувствуютъ боли при тѣлесныхъ наказаніяхъ; привораживаютъ дѣвицъ къ молодымъ людямъ и т. д. и т. д. Колдуновъ распознаютъ по тому, что они не ходятъ въ церковь и въ глазахъ ихъ все представляется вверхъ ногами.—Вѣра въ колдуновъ у Зырянъ несравненно сильнѣе, чѣмъ у Русскихъ: разсказы о ихъ продѣлкахъ чрезвычайно многочисленны; ни одна сватѣба не можетъ обойтись безъ колдуна, чтобы весь поѣздъ не обратился въ волковъ. Зыряне часто, снимая съ этихъ звѣрей шкуру, находятъ подѣ ней человѣческое платье—признакъ, что это оборотни.

Колдуновъ Зыряне называютъ *Еретниками* (отъ Русскихъ). Какъ ни зловредны живые колдуны—еретники, но мертвые еретники-чакѣдчысь еще хуже. Эти послѣдніе, еще при жизни продавшіе душу дьяволу, не имѣютъ покоя и по смерти: каждую ночь бродятъ они по свѣту и надѣдаютъ своимъ родственникамъ просьбами, чтобы тѣ по чаще служили по нихъ панихиды, поминали ихъ души и т. д. Въ Великій Четвергъ они грызутъ на колокольняхъ колокола, чтобы удачнѣе портить людей³⁰⁶⁾. Для того, чтобы мертвые еретники не вставали изъ могилъ, имъ слѣдуетъ вбивать въ спину осиновый коль, что, впрочемъ, на самомъ дѣлѣ не исполняется³⁰⁷⁾.

Порча—шева, хотя и напускается колдунами, но какъ существо самобытное, особое, она, до входа въ человека, имѣетъ видъ бабочки изъ породы жуковъ. Припадки порчи тѣ же, что и у Русскихъ.

Видьма—это старухи-колдуньи, иногда принимающія видъ сорокъ. Онѣ портятъ животныхъ и людей, навязываютъ килы и напускаютъ болѣзни. Онѣ, какъ и еретники, въ Великій Четвергъ грызутъ колокола и каждую ночь, до пѣтуховъ, слоняются по деревнямъ, конечно, не съ доброю цѣлью.

³⁰⁰⁾ Волг. Губ. Вѣд. 1859 г. № 51: «Изъ неизданныхъ замѣтокъ о Зырянскомъ краѣ».

³⁰¹⁾ См. примѣч. 292.

³⁰²⁾ Волг. Губ. Вѣд. 1865 г. № 37: «Зырянскій языкъ».

³⁰³⁾ См. примѣч. 292.

³⁰⁴⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1859 г: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйственный бытъ».

³⁰⁵⁾ См. примѣч. 280.

³⁰⁶⁾ См. примѣч. 300.

³⁰⁷⁾ См. примѣч. 293.

Не одни колдуны, а и всѣ Зыряне занимаются гаданьями: гадаютъ въ карты; грамотные имѣютъ сонники, а неграмотные сами толкуютъ сны, чему и посвящаютъ часть утра, вставъ съ постели. О Святкахъ смотрятся въ зеркало, кладутъ на ночь въ изголовье карты, топять воскъ, льютъ свинець, морозятъ въ ложкахъ воду, подслушиваютъ подъ окнами сосѣдей, на перекресткахъ, на прорубяхъ, у овиновъ, бань и церковныхъ дверей. Звонъ колокольчиковъ при этомъ и лай собака предвѣщаютъ сватбу, и т. д.

Чтобы хозяйственные дѣла въ теченіи года шли успешно, Зыряне стараются въ Великій Четвергъ переработать всѣ работы: женщины бросаются то къ веретену, то къ шитью, то чесать ленъ; а мужчины исполняютъ всѣ мужскія работы и считаютъ деньги.

Вечеромъ на Ивановъ день парятся въ банѣ вѣнниками, въ которые ввязывается купальница и вѣтки рябины, для уничтоженія всякой нечистоты. Послѣ того этотъ вѣнникъ, какъ нечистый, бросается или въ потаенное мѣсто, или въ рѣку. Въ послѣднемъ случаѣ смотреть, поплыветъ онъ или потонетъ; если потонетъ т. е. его схватитъ *куль* (водяной), то это предвѣщаетъ смерть, и на оборотъ ³⁰⁸). Тотъ, кто желаетъ удачи на промыслахъ, долженъ въ Христовскую Заутреню на первый возгласъ священника «Христокъ Воскресе!» вмѣсто обычнаго отвѣта «Воистину Воскресе!» назвать какого нибудь цѣннаго звѣря, рыбу и т. п.

Если отправляясь на охоту, при выходѣ изъ дому Зырянинъ встрѣтитъ женщину, духовную особу, кошку или увидитъ какую-нибудь зловѣщую птицу, напр. вѣрона, сороку и т. п., то это считаетъ дурнымъ предзнаменованіемъ, возвращается домой и, помолясь Богу, снова пускается въ путь.

Появленіе въ деревняхъ бѣлокъ и выходъ изъ домовъ таракановъ предвѣщаютъ пожары.

Если хозяинъ дома, проснувшись поутру, не найдетъ въ рукомойникѣ воды, то наступающій день считаетъ несчастнымъ.

Умершій съ открытыми глазами предвѣщаетъ новаго покойника.

Зыряне знаютъ траву-силу и траву-невидимку. Они знаютъ также клады. Это сокровища, зарытыя древней Чудью. На такихъ мѣстахъ иногда показываются огоньки. Самые клады выходятъ наружу въ видѣ разныхъ животныхъ, и въ такомъ случаѣ ихъ просто взять: стоять только ударить наотмашь рукою. Чтобы взять невыходящія клады, надобно знать заклинанія.

Картофель считается нечистымъ, потому что изъ него высыхиваются ящерицы. Мыло тоже, потому что превращается въ лягушекъ. Распространеніе табаку и чаю предвѣщаетъ кончину міра. Но несмотря на то Зыряне курятъ и нюхаютъ табакъ, ѣдятъ картофель, пьютъ чай и моются мыломъ ³⁰⁹).

Громъ и молнія созданы для того, чтобы поражать нечистыхъ и поэтому гроза собирается тогда, когда они начинаютъ дѣлать много зла. Въ это время все множество зырянскихъ лѣшихъ, водяныхъ и т. д. приходитъ въ ужасъ; считая себя не безопасными въ своей стихіи, они прячутся гдѣ попало: лѣшій лѣзетъ въ воду, водяной взбирается на дерево, овинный забирается въ клѣвъ и т. д. Иные прячутся даже за людей и въ животныхъ: отъ этого-то громъ поражаетъ иногда человѣка и животныхъ. Такъ какъ нечистые могутъ забраться и въ домъ, то Зыряне, при наступленіи грозы, стараются заткнуть въ немъ всѣ отверстія, чтобы предупредить пожаръ отъ молніи ³¹⁰). По той-же причинѣ, во время грозы, они не прячутся подъ осины, какъ деревья нечистыя (на осинѣ повѣсился Іуда), а предпочитаютъ сосну, ель и др. ³¹¹).

Громъ происходитъ отъ того, что Илья Пророкъ ѣздитъ по небу на огненной колесницѣ. — Облака — жидкость, въ родѣ киселя: ихъ часто находятъ на землѣ. Кометы предвѣщаютъ войну.

Г Л А В А XI.

Д О М А Ш Н І Й Б Ы Т Ъ И О Б Ы Ч А И.

Распределеніе народонаселенія; величина и наружность деревень.—Городъ Устьмысльскъ.—Постройки.—Одежда.—Пища.—Родины.—Воспитаніе.—Браки.—Похороны.—Праздники.—Увеселенія.—Братчина.—Бани.

Все населеніе Зырянскаго края размѣщено исключительно по берегамъ большихъ рѣкъ: Вычегды съ притоками ея Вишерою, Сысолою и Вымью, Печоры, Лузы и Мезени съ Вашкою. Селенія преимущественно боль-

³⁰⁸) См. примѣч. 300.

³⁰⁹) См. примѣч. 293.

³¹⁰) См. примѣч. 300.

³¹¹) См. примѣч. 234.

шія ³¹²⁾ и иногда тянутся на нѣсколько верстѣ. Такъ напримѣръ въ с. Каргеросскомъ, на Вишерѣ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ 309 дворовъ, 2,066 душъ, и оно разбросано на 4-хъ верстахъ ³¹³⁾. Въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на каждую населенную мѣстность въ сложности приходится по 200 душъ. Дома расположены то слишкомъ тѣсно ³¹⁴⁾, то слишкомъ разсѣянно ³¹⁵⁾; но почти всегда неправильно ³¹⁶⁾.

Въ Зырянскомъ краѣ только одинъ городъ — Устьсысольскъ, по-зырянски Сытылдьинъ. Въ немъ до 3,500 душъ обоого пола. Купцы и мѣщане — Зыряне. Болѣе 580 домовъ, изъ коихъ только три каменные. Званіе города Устьсысольскъ получилъ въ 1780 году и состоитъ собственно изъ нѣсколькихъ населенныхъ мѣстностей, бывшихъ деревень, до сихъ поръ носящихъ старыя названія, напр. Микуль-сыктъ — Микулова деревня, Подгоре и т. д. Горожане, т. е. мѣщане, и даже купцы, главнымъ образомъ занимаются хлѣбопашествомъ ³¹⁷⁾, такъ какъ къ городу приписано 8,533 дес. земли. Однако же, не смотря на то, что эта столица Зырянскаго края находится чуть не на концѣ обитаемой земли, покрайней мѣрѣ далѣе уже нѣтъ городовъ и здѣсь кончается почтовый трактъ, она принадлежитъ къ числу самыхъ передовыхъ городовъ Вологодской губерніи: тамъ давно уже существуетъ публичная библіотека; нигдѣ не выписывается столько газетъ и журналовъ и ранѣе, нежели въ другихъ городахъ, основано дѣвичье училище.

Деревенскія избы — керки отличаются массивностью и строятся всегда сосновыя, такъ какъ на домашнія надобности Зыряне имѣютъ право безошлинно рубить сколько угодно лѣсу. Онѣ кроются на два ската. Къ лицевой сторонѣ керки пристроивается крыльцо, на столбахъ, иногда крытое, иногда — нѣтъ. — Съ крыльца входятъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины и какъ корридоръ раздѣляющія двѣ избы, которыя состоятъ изъ особыхъ срубовъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатую стѣною, а съ противоположной часто бы-

ваютъ открыты. Одна изъ избъ, преимущественно та, которая находится по лѣвую сторону сѣней, курная и назначается для житья семейства. — Передній уголъ ея образуютъ стѣны лицевая и смѣжная съ сѣнями. Печь, всегда битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный переднему уголъ, который освѣщается особымъ окномъ — *надчеръ ошени*. Разстояніе между потолкомъ и лежанкой такъ велико, что на послѣдней можно свободно сидѣть и работать. Прочія принадлежности избы тѣже, что и у Русскихъ Вологодской губерніи: тѣже лавки вокругъ стѣнъ, вытесанныя изъ цѣльныхъ бревенъ, и надъ ними полавки (полки); тѣже полаты и голбець; и наконецъ тѣже три маленькія волоковыя окна, изъ коихъ среднее прорубается повыше крайнихъ. Г. А. Поповъ въ своихъ путевыхъ запискахъ ³¹⁸⁾ упоминаетъ о четырехъ окнахъ: но это, безъ сомнѣнія, случайность. — Потолокъ настиляется изъ цѣльныхъ бревенъ, а полъ — изъ расколотыхъ пополамъ. Другая изба устроивается нѣсколько иначе: въ ней нѣтъ полатей, печь часто голандская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. — Заднюю половину дома занимаетъ повѣть, гдѣ хранятся сѣно, солома, повозки, земледѣльческія орудія и т. п. На повѣти устроиваются особыя клѣтки, для храненія посуды, платья и другаго цѣннаго имущества. — Сзади настиляется бревенчатый взвѣздъ для подъема сѣна и т. п. Подъ повѣтью помѣщается скотъ. — Амбары, бани и погреба строятся отдѣльно.

Мы набросали общій или, точнѣе, господствующій типъ зырянскихъ построекъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются и отступленія отъ него: какъ есть деревни, правильно расположенныя, точно также есть и дома городской постройки.

Ясно, что и планъ, и фасадъ зырянскаго жилища и въ существѣ, и почти во всѣхъ частностяхъ заняты у ближайшихъ русскихъ сосѣдей. Но мы не можемъ не остановить вниманія нашихъ читателей на филологическомъ значеніи зырянскаго названія избы — *керка*. Это слово имѣетъ общій корень со словомъ гора — *керосъ*. Не подтверждается ли такимъ сближеніемъ двухъ словъ то, что, на основаніи другихъ фактовъ и соображеній, высказано нами въ началѣ III главы настоящаго сочиненія относительно способа устройства жилищъ древней Чуди? Земляныя насыпи на жилищахъ суть тѣже маленькія горы, которыя обозначаются словомъ *керка* (во множественномъ числѣ *керка-йасъ*). Намъ кажется, что не мѣшало-бы нашимъ археологамъ, при будущихъ раскопкахъ кургановъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ когда-то несомнѣнно обитали чудскіе народцы, обратить вниманіе на наши замѣчанія, а особенно на слова Ибнъ-Даста, дословно нами приведенныя.

³¹²⁾ Памяти. книжка Волог. губерніи на 1865 и 1866-й г. Сравни табл. «Число населенныхъ мѣстъ» и «Число жителей за 1864-й г.»

³¹³⁾ См. по примѣч. 232. Столь значительная многолюдность зырянскихъ селеній особенно поразительна, въ виду совершенно противнаго явленія въ сосѣднихъ русскихъ частяхъ Вологодской губерніи, даже Яренскаго уѣзда, гдѣ деревни вообще очень малы. Мы не можемъ положительно объяснить причину такого контраста и лишь догадываемся, что Зыряне живутъ въ большія вучи вслѣдствіе недостатка въ ихъ болотистой странѣ удобныхъ усадебныхъ осѣдлостей.

³¹⁴⁾ См. потому-же примѣч. Волог. Губ. Вѣд. 1848 г. № 11.

³¹⁵⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1865 г. № 11: «Путев. записки по Волог. губ.», г. Кашперова.

³¹⁶⁾ См. примѣч. 314 и 315. Съ отзывомъ гг. А. Попова и Кашперова совершенно согласны и мы, основываясь на личныхъ наблюденіяхъ въ тѣхъ частяхъ края, о которыхъ эти наблюдатели не писали.

³¹⁷⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 49: «Объ основаніи Устьсысольска» г. Е. Кичина.

³¹⁸⁾ См. выше по примѣч. 260.

Керки вообще не отличаются опрятностью: онѣ моются иногда только разъ въ годъ—передъ Свѣтлымъ Христо-вымъ Воскресеніемъ.

Мебель, кромѣ необходимой принадлежности передняго угла—обыкновеннаго стола, иногда крашеннаго и скамѣекъ, составляютъ: *джекъ*—толстый обрубокъ дерева и *уласъ*—стулъ, выгнутый изъ черемуховыхъ прутьевъ съ досчанымъ сидѣньемъ ³¹⁹).

Мы затрудняемся дать общее понятіе объ одеждѣ Зырянъ; потому что принадлежности ея, по большей части занятыя у Русскихъ, въ разныхъ мѣстностяхъ пополнены соответственно условіямъ климата и занятій. Впрочемъ вообще можно сказать, что женскій костюмъ весь русскій.— Особенности одежды Удорцевъ и Вишерцевъ обозначены въ выдержкахъ изъ путевыхъ замѣтокъ гг. Кашперова и А. Попова ³²⁰). Экземпляръ лѣтняго костюма Удорца, за исключеніемъ обуви (котовъ съ онучами), мы представили въ московскій этнографическій музей. Тутъ есть и волосная сѣтка для защиты лица отъ комаровъ, вшитая въ холщевой покровъ для остальной части головы и шеи. Замѣчательно, что подобный же лѣтній рабочій костюмъ, со включеніемъ котовъ, мы встрѣтили въ Вельскомъ уѣздѣ, по верховью р. Устьи. Правда, на Устьѣ мы не видали сѣтокъ отъ комаровъ и лузановъ; но за то встрѣчали на головахъ точь въ точь такія-же бѣлыя шляпы съ низкою закругленною наверху тульей и съ узкими полями, какія видѣли на Зырянахъ, проѣзжая по Вычегдѣ. Между тѣмъ нигдѣ на пространствѣ между Устьей (притокъ Ваги) и среднимъ теченіемъ Вычегды намъ не бросалось въ глаза подобное сходство вкусовъ. Одежду устьемь-сольскихъ горожанъ—мущинъ составляютъ: длинный шерстяной зипунъ,—родъ халата, изъ подъ котораго виднѣется воротникъ бѣлой холщевой рубахи, а на ногахъ—коты съ пестрыми шерстяными-же чулками. Женщины носятъ китайчатые шугаи, а по зимамъ—шубейки, крытыя зеленой нанкой съ бѣличьей опушкой, а на головѣ—кокошникъ, покрытый большимъ, распушеннымъ на спину платкомъ. Дѣвицы же повязываютъ головы платками, изъ подъ которыхъ выпускаютъ косу съ вплетенными въ нее лентами, какъ и платки, всегда яркихъ цвѣтовъ ³²¹).—Наиболѣе распространенный костюмъ между крестьянами состоитъ изъ слѣдующихъ принадлежностей: у мущинъ—такая-же рубашка, какъ и у горожанъ, съ большимъ воротникомъ, который иногда застегивается мѣдною пуговицею; она подпоясывается шерстянымъ узенькимъ пояскомъ; холщевые штаны, какъ и у Русскихъ; на ногахъ коты

изъ телячьей шкуры шерстью вверхъ, пропитываемые отъ мокроты смолою; сверху надѣвается лѣтомъ холщевое-же бѣлое полукафтанье, подпоясанное кожанымъ поясомъ, а зимой—овчинный полшубокъ и на немъ суконный азымъ. У женщинъ, преимущественно по праздникамъ,—холщевая рубашка съ ситцевыми рукавами; ситцевый сарафанъ, а на головѣ повойникъ, повязанный большимъ платкомъ, концы котораго опускаются ниже стана. Зимомъ надѣваютъ сверхъ того овчинныя шубы, крытыя нанкой или китайкой. На ногахъ носятъ коты, а иногда и башмаки. Дѣвицы одѣваются также, какъ и горожанки ³²²).—Праздничный костюмъ мущинъ вездѣ русскій ³²³).

Само собой разумѣется, что одежда охотниковъ, когда они отправляются на дальній промыселъ, принаровлена къ этому занятію. Въ одномъ описаніи костюма печорскаго охотника, бывшаго на московской этнографической выставкѣ, мы читаемъ: «Одѣтый въ зипунъ изъ бѣлаго «сукна съ пришитыми къ рукавамъ рукавицами изъ оленьихъ кисовъ, въ лузанъ изъ полосатаго зырянскаго сукна «съ наплечниками и карманами, охотникъ готовъ идти на «промыселъ. На ремнѣ, надѣтомъ поверхъ зипуна, виситъ «охотничій ножъ; на спинѣ къ лузану особою скобкою «прикрѣпленъ топоръ, въ рукахъ—винтовка. Не только «рукавицы пришиты къ лузану, но и шапка—четверо- «угольная прикрѣплена къ воротнику лузана, чтобы не «могла слетѣть съ головы, когда онъ помчится на лы- «жахъ по снѣжной равнинѣ. У него и чулки, и портянки «принаровлены къ этому способу передвиженія, и на «ноги, *вмѣсто лаптей* (?), надѣлъ онъ льня-кѣмъ— «особую обувь, употребляемую при лыжахъ» ³²⁴). Мы видѣли манекенъ Зырянина, но не со всеми принадлежностями. Тѣ-же, которыя остаются при немъ, хотя дѣйствительно входятъ въ составъ костюма зырянскаго охотника, но не вполне изображаютъ дѣйствительность.— Намъ кажется, что онѣ собраны и употребляются въ разные моменты промысловой жизни. Впрочемъ, мы считаемъ неумѣстнымъ здѣсь вдаваться въ подробный критическій разборъ постановки манекена, тѣмъ болѣе, что послѣ, когда будемъ говорить объ охотѣ Зырянъ, еще коснемся охотничьихъ принадлежностей.

Главное основаніе хлѣбной пищи Зырянина составляютъ ячная мука и такая-же крупа. Рожь и овесъ не употребляютъ: и та и другой идутъ на продажу. Кромѣ хлѣба ѣдятъ *азяшидь*—щи съ ячнымъ, не много толченымъ зерномъ и со свиной или дичью—въ скоромные дни, и съ рыбой—въ постные; *кутью* съ коноплянымъ сѣменемъ. *Лазь*—лакомое блюдо—съ сушеными черемуховыми ягодами. Ячные пироги или безъ начинки, или съ рыбой,

³¹⁹) Свѣдѣнія объ устройствѣ зырянскихъ жилищъ основаны главнымъ образомъ на личныхъ нашихъ наблюденіяхъ. См. также въ Вол. Губ. Вѣд. по примѣч. 238, 240, 234 и 239 и 1859 г. № 42: «Жители Яренскаго уѣзда и ихъ хозяйства. бытъ», г. В. Аврамова.

³²⁰) См. по примѣч. 162 и 260.

³²¹) См. примѣч. 238.

³²²) См. примѣч. 240.

³²³) См. примѣч. 323 (п. а.)

³²⁴) Сѣверя. Почт. 1867 г. №№ 124—132.

которые, въ послѣднемъ случаѣ, называются *чери-нянь* (рыбный хлѣбъ). Рыба запекается въ пироги иногда и съ чешуею. *Еваа-шидъ* тоже, что и азя-шидъ, но варится на сывороткѣ или подонгахъ, яичница. Хлѣбъ, намазанный коровьимъ масломъ. Надобно замѣтить, что Зыряне не ѣдятъ куриного мяса и коноплянаго и льнянаго масла. Напитки: *ырошъ*—квасъ и *суръ*—пиво,—и тотъ и другое изъ ячнаго солоду. Суръ не переводится круглый годъ; но его пьютъ по праздникамъ. По праздникамъ-же передъ обѣдомъ *гэрмоа чужва*—сусло съ стручковымъ перцемъ. Ѣдятъ также вяленую оленину, вяленыхъ же и соленыхъ куропатокъ,—послѣднихъ вмѣсто хлѣба. Рыба составляетъ любимую пищу Зырянъ. Въ случаѣ неурожая, хлѣбъ замѣняютъ пихтовой корой, молодыми отростками ели и мохомъ.—Объ употребленіи молока въ разныхъ видахъ, говядины, баранины, огородныхъ овощей, ягодъ и грибовъ мы считаемъ лишнимъ распространяться ³²⁵).

Приступая къ изображенію домашняго быта Зырянъ, мы принимаемъ за правило пройти по порядку, начиная съ рожденія, всѣ главнѣйшіе моменты жизни человѣка.

Говорятъ, что рожденіе ребенка не производитъ въ семействѣ радости, а скорѣе неприятность; такъ какъ съ воспитаніемъ его сопряжены для отца—расходы, и для матери—хлопоты ³²⁶). Но мы знаемъ, что не у однихъ Зырянъ новорожденные встрѣчаютъ подобный пріемъ.

Говорятъ также, что, поэтому, и крестины проходятъ безъ особенной торжественности. Однако-же мы знаемъ что, напримѣръ, у Лузскихъ Зырянъ обрядъ крещенія совершается съ весьма оригинальною обстановкою. Тамъ, послѣ крещенія, въ домъ родителей новорожденного накрывается, по праздничному, обѣденный столъ. Распорядитель, т. е. крестный отецъ беретъ по немногу всего, что подано на столъ, какъ-то: хлѣба, пироговъ, мяса, рыбы, соли и т. п. и порядочно перцу; смѣшиваетъ все это; прибавляетъ вина и пива,—и подаетъ родному отцу своего крестника. Съѣвши такое сборное блюдо, послѣдній уже самъ угощаетъ гостей по обычаю ³²⁷).

Послѣ крещенія ребенокъ поступаетъ на попеченіе матери или маленькой родственницы, обязанность которыхъ состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы предохранить его

отъ глазу (сглазить). Поэтому онѣ отъ постороннихъ отворачиваются съ нимъ, или даже прячутъ его. Еще до разрѣшенія отъ бремени Зырянки берегутся глазу, почему скрываютъ беременность и родить отправляются въ клѣвы или бани. Дальнѣйшій порядокъ воспитанія тотъ-же, что и у Русскихъ; но надобно замѣтить, что зырянскія дѣти съ малыхъ лѣтъ приучаются къ употребленію ружья ³²⁸).

Вообще *порядокъ заключенія брачныхъ союзовъ* и сватѣбные обряды Зыряне заняли у Русскихъ. Молодые люди женятся, когда уйдутъ отъ рекрутства, т. е. лѣтъ 23 или 24. Дѣвицы, разумѣется выходятъ за мужъ моложе этого возраста.

Вотъ какимъ порядкомъ играютъ сватѣбы въ Яренскомъ уѣздѣ. Невѣсту, какъ и вездѣ, прискиваютъ родители жениха. Потомъ засылаютъ въ домъ ея сваху. Отецъ избранной, поблагодаривъ за честь, отлагаетъ отвѣтъ на извѣстное время, чтобы развѣдать стороною о личности жениха и о его состояніи. Наведя справки, онъ или соглашается вступить въ подробные переговоры и назначаетъ день, когда самъ лично явится для осмотра хозяйства жениха, или отказываетъ подъ тѣмъ или другимъ благовиднымъ предлогомъ, напр. что дочь его молода, что она еще нужна для дому и т. п.—Когда-же все устроится и старики согласятся о приданомъ, назначается день для формальныхъ *сговоровъ*, а потомъ и для сватѣбы.—Между тѣмъ въ домъ невѣсты идутъ приготовления къ сватѣбѣ: къ ней каждый день собираются подружки для того, чтобы готовить приданое; сама-же она съ причетами оплакиваетъ родительскій домъ и свою дѣвичью косу, при чемъ размахиваетъ нарочно приготовленную косою изъ кудели. Если невѣста не мастерица на причеты или ей худо плачется, то вмѣсто нея причитаютъ опытныя стороннія вдовы и женщины. Навѣщающихъ въ это время невѣсту подружки ея *опѣваютъ*, т. е. поютъ въ честь посѣтителей припѣвы, за что тѣ дарятъ деньги. Щедрыхъ благодарятъ хвалебными особыми пѣснями, а скупыхъ провожаютъ насмѣшками.—Въ «сговоры» происходитъ *рукобитіе* и раздача даровъ жениху и его родственникамъ, а наканунѣ сватѣбы игры между подругами невѣсты и пріятелями жениха. Изъ за даровъ не рѣдко случаются ссоры, такъ какъ родственники жениха, по большей части, остаются ими недовольны. Поэтому иногда заблаговременно условливаются кому и что дарить. Жениху дарится рубашка; свекру, свекрови и другимъ бумажные платки разной цѣны. За подарки обыкновенно отдариваютъ деньгами, но всегда скупо.—Той порой въ домъ жениха варится пиво и готовится сватѣбный пиръ. Туда въ день сватѣбы, собираются гости и, вмѣстѣ съ женихомъ, отправляются къ невѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ назначаются

³²⁵) Свѣдѣнія о пищѣ Зырянъ, кромѣ лично нами собранныхъ, мы почерпнули изъ слѣдующихъ источниковъ: а) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 51: «Замѣтки и впечатл. охотника по Волог. губ.», г. Ю. Волкова; б) 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова; в) 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», г. П. Сорочкина; г) 1868 г. № 5: «В. Н. Латвинъ и Печорская компанія», г. С. Лашкарева; д) 1856 г. № 13: «Печорскій край и р. Печора», неизв. авт.—См. примѣч. 319 и въ Памят. книжк. Вол. губ. на 1865 и 1866 гг. въ стат. г. Ф. Арсеньева «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ».

³²⁶) Вол. Губ. Вѣд. 1859 г. № 35: «Жит. Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

³²⁷) Тамъ-же 1857 г. № 16: «Обычаи Ношувльскихъ Зырянъ».

³²⁸) См. примѣч. 326.

дружки, которые обязаны вести переговоры съ духовными и распоряжаться поѣздомъ и пиршествомъ. Они ѣдутъ въ церковь верхомъ съ перевязаннымъ черезъ плечо бѣлымъ полотенцемъ.—Невѣсту везутъ покрытую фатой. Сватья ѣдетъ непременно съ колокольчиками; въ иныхъ мѣстахъ въ это время палать изъ ружей. Подъ вѣнцомъ невѣста стоитъ съ распущенными волосами, которые послѣ вѣнчанья, въ знакъ выхода замужъ, заплетаются въ двѣ косы. Подъ ноги молодымъ кладутъ или небольшой конецъ холста или пару красныхъ шерстяныхъ поясковъ.—Изъ церкви отправляются въ домъ жениха, гдѣ и начинается пированье, продолжающееся дня два или три ³²⁹).

На Ношувльской пристани (на югѣ Устьсысольскаго уѣзда близъ границы съ Устюжскимъ) сватебные обряды имѣютъ нѣкоторыя особенности. Здѣсь, родители, задумавъ женить сына, являются къ священнику и его просятъ указать невѣсту. По такому указанію посылаются свать и сваха. Родители невѣсты, въ случаѣ, если имъ нравится партія, отвѣчаютъ, что имъ нужно подумать и отлагаютъ отвѣтъ на извѣстный срокъ. Это дѣлается съ той цѣлью, чтобы имѣть время приготовить къ принятію гостей. По истеченіи срока-пріѣзжаютъ въ домъ невѣсты: женихъ, его родители и родственники, свать и сваха, и привозятъ съ собой вино и пиво; съ невѣстиной-же стороны готовится обѣдъ. Это *помолвка*. Потомъ опять священникъ назначаетъ день сватѣбы. Наканунѣ сватѣбы женихъ ѣздитъ собирать поѣзжанъ по своему и другимъ селеніямъ, верхомъ, въ праздничномъ нарядѣ, привязывая по два колокольчика къ стременамъ и по одному — къ ушамъ лошади. Утромъ, въ день сватѣбы, когда всѣ въ домѣ проснутся, невѣста, обращаясь къ брату и сестрѣ (или къ подставнымъ) проситъ перваго дать ей умыться, а у послѣдней — полотенце. — Одѣвшись, она садится у стола на лавку, причитая, что послѣдній день сидитъ она на ней въ родительскомъ домѣ. Пріѣзжаютъ женихъ и поѣзжане. Запираются двери въ избѣ и даже въ сѣняхъ, и пріѣхавшихъ спрашиваютъ: «есть-ли у васъ вино? нѣтъ, такъ сиди на крыльцѣ: сусло въ печи!» Послѣ отвѣта: «есть!»—двери отворяются. Пріѣхавшіе входятъ и становятся посреди избы. Тогда мать невѣсты, показывая на нее, говоритъ жениху: «на, вотъ! пой, корми: хоть вѣгъ не держи!» а между тѣмъ садитъ ее на заранѣ приготовленную скамейку.—Женихъ подходитъ къ невѣстѣ, чтобы ее поцѣловать; но та увертывается. Когда-же достигнетъ цѣли, она встаетъ, а поѣзжане скачутъ на скамейку и ломаютъ ее съ крикомъ: «Наша взяла!» За тѣмъ пьютъ привезенное вино и отправляются къ вѣнцу. На пути въ церковь, и подъ вѣнцомъ, невѣста должна плакать, чтобы не дать по-

вода къ нарѣканіямъ и дурнымъ толкамъ о ея умѣ и поведеніи. Отъ вѣнца ѣдутъ въ домъ жениха, гдѣ и пируютъ нѣсколько дней, смотря по состоянію новобрачныхъ ³³⁰).

О томъ, что у Зырянъ, если не существуютъ теперь, то существовали весьма недавно похищеніе и покупка невѣсты, мы говорили ранѣе ³³¹).

Точно также говорили и о томъ, что на каждую сватѣбу приглашаются колдуны для предохраненія молодыхъ отъ порчи, или что еще хуже, отъ превращенія всего сватебнаго поѣзда въ волковъ. На сватебныхъ пирахъ колдунамъ предоставляется почетное мѣсто и они называются, какъ и у русскихъ «*опасными*».

Для того, чтобы нагляднѣе познакомить читателя съ тѣмъ значеніемъ, которымъ пользуются колдуны при зырянскихъ сватѣбахъ, мы передадимъ, по возможности дословно, рассказъ одного русскаго, имѣвшаго случай быть на зырянской сватѣбѣ въ Устьсысольскѣ. По пріѣздѣ въ этотъ городъ, разскащикъ былъ приглашенъ на сватебный пиръ, который происходилъ уже послѣ вѣнчанья, когда официальнаго колдуна (*опаснаго*) не было. Вотъ, во время пира, является другой колдунъ, и говоритъ хозяину: «что отъ добра?» Хозяинъ струсилъ и послалъ за официальнымъ колдуномъ. Тотъ пришелъ и сѣлъ на порогъ, а незванный, той порой, уже помѣстился за столомъ на почетномъ мѣстѣ. Перваго хозяинъ попросилъ также занять *свое* мѣсто; но тотъ сказалъ, что посидитъ и на порогѣ, а тамъ пусть сидитъ мой *старшій братъ*. Послѣ этого начались между двумя колдунами прерѣканія о старшинствѣ. Официальный колдунъ потребовалъ пива, что тотчасъ же и было исполнено; но только лишь взялъ въ руки братыню, какъ тотчасъ же передалъ ее хозяину, прося попотчивать незванаго колдуна. Едва сдѣлалъ послѣдній нѣсколько глотковъ, у него вывалились въ братыню зубы. Тогда онъ сказалъ «*опасному*»: «ну, нѣтъ братъ: выходитъ, что ты старшій-то братъ!» Послѣ этого *опасной* пошепталъ что-то надъ братыней и велѣлъ выпить ее младшему брату. Тотъ выпилъ—и зубы его оказались на своемъ мѣстѣ. Повторяемъ, что разсказанный сей часъ случай имѣлъ мѣсто въ городѣ съ мужскимъ и женскимъ училищами и публичной библиотекой. Спрашивается: какъ-же смотреть на колдуновъ и ихъ фокусы въ темныхъ углахъ Зырянскаго края?

Смерть людей, удрученныхъ старостію, не возбуждаетъ никакого сожалѣнія. *Похороны* проходятъ безъ всякихъ особенныхъ расходовъ. Только не многія изъ оставшихся дѣтей поставляютъ себѣ въ обязанность отслужить нѣсколько зау покойныхъ обѣдней и панихидъ. Потомъ имена умершихъ вносятся въ общіе семейные

³²⁹) См. по примѣч. 326 Вол. Губ. Вѣд. № 36.

³³⁰) См. примѣч. 327.

³³¹) См. примѣч. 69 и 70.

поминаники и поминовение совершается въ одни сроки: въ Субботу на первой недѣлѣ Великаго Поста, въ Семикъ и Дмитровскую Субботу. Въ эти дни старшіе члены семействъ непремѣнно приходятъ въ мѣстныя церкви и на кладбища съ пивомъ и пирогами, которыми угощаютъ духовныхъ, родственниковъ и знакомыхъ, а остатки отдаютъ нищимъ.—Мертвыхъ Зыряне до крайности боятся и чувствуютъ къ нимъ отвращеніе: никто не рѣшится остаться въ одномъ домѣ съ покойникомъ; почему ихъ тотчасъ-же послѣ смерти и увозятъ въ церковь, при которой бросаютъ даже дровни, везшія гробъ. Мало того, — самыя щепы отъ досокъ, изъ которыхъ сколачиваются гробы, никогда не бросаются въ печь, какъ нечистыя ³³²).

Имянины и дни рожденій очень рѣдко празднуются и то только самыми зажиточными людьми ³³³).

Послѣ сватебъ всего болѣе веселятся въ храмовые праздники. Въ это время всякій, даже самый бѣдный Зырянинъ варитъ пиво и покупаетъ вино. На праздники собираются всѣ родные и знакомые. Они переходятъ изъ дома въ домъ, и вездѣ пьютъ и ѣдятъ. Шумъ, пѣсни и драки — необходимыя принадлежности праздниковъ; такъ что небезопасно проѣзжать въ такіе дни разгула по зырянскимъ деревнямъ, потому что въ пьяномъ видѣ Зыряне весьма дерзки.—Впрочемъ, и въ русскихъ деревняхъ въ подобныхъ случаяхъ, встрѣчаются тѣже явленія. У Зырянъ покрайней мѣрѣ утро проходитъ чинно: всѣ они отправляются въ церковь, а пировать начинаютъ уже послѣ обѣдн ³³⁴).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ храмовые праздники устроиваются на общій счетъ всѣхъ прихожанъ, т. е. варится пиво изъ сборнаго солоду и колется какое нибудь животное. Такіе праздники называются *моленьями*. Однако же моленья въ послѣднее время почти вышли изъ обыкновенія ³³⁵).

Годовые праздники—Рождество и Пасха, а также Масляница проводятся, какъ и у Русскихъ: тѣ, которые побогаче варятъ пиво для пированья.— О святкахъ молодые люди и дѣвицы собираются на игрища, устроиваемыя въ одномъ какомъ нибудь домѣ. Первые покупаютъ для того свѣчи и угощаютъ хозяина виномъ. Но игрища здѣсь вялы и скучны. Впрочемъ это мнѣніе одного г. Аврамова, писавшаго только о Зырянахъ Яренскаго уѣзда.

На масляной недѣлѣ въ каждомъ селеніи устроиваются ледяныя горы, съ которыхъ катаются, обыкновенно попарно, причеъ молодой человекъ держитъ на колѣняхъ дѣвицу и правитъ санками. Мы не знаемъ существуетъ-

ли въ другихъ мѣстахъ катанье на шестахъ, такого рода: утверждаются въ наклонномъ положеніи, под угломъ градусовъ въ 45 и параллельно одинъ съ другимъ, два обледенѣлые шеста съ площадкою, какъ и у ледяныхъ горъ, у верхнихъ концовъ; на одинъ изъ нихъ становится молодой человекъ, а на другой дѣвица, берутъ другъ друга за руки и скатываются внизъ на ногахъ.

О Пасхѣ устроиваются качели и доски для скаканья. Посѣщеніе колоколенъ составляетъ въ это время любимое занятіе молодежи. Въ храмовые праздники молодежь веселится въ хороводахъ.

Съ осени и до святокъ молодежь собирается вмѣстѣ, при чемъ дѣвицы прядутъ. Эти по нашему посидѣлки у Зырянъ называются *койтанами* ³³⁶).

Есть, конечно, и другія случайныя увеселенія, но они не представляютъ ничего интереснаго.

Ясно, что всѣ эти праздники и увеселенія Зыряне переняли отъ Русскихъ.—Но существуетъ въ г. Усть-Сольскѣ обычай, по словамъ г. Кичина, русскій-же, но передѣланный на зырянскій ладъ. ³³⁷). Это *братчина*. Справедливость мнѣнія г. Кичина доказывается уже тѣмъ, что самое названіе обычая русское.

Братчина празднуется 1, 2 и 3-го Ноября. Нѣсколько взрослыхъ дѣвицъ дѣлаютъ складчину мукой, мясомъ, коноплянымъ сѣменемъ, масломъ, яицами и картофелемъ, чтобы приготовить къ празднику пиво и три обѣда. Всѣ эти припасы передаются нарочно выбранному *старостѣ*, или хозяину дома, въ которомъ предполагаютъ отправлять *братчину*. Мука главнымъ образомъ употребляется на пиво, а часть ея продается для покупки на вырученныя отъ продажи деньги хмѣлю. Конопляное сѣмя идетъ на щи, если во время праздника случится постный день; изъ яицъ и масла дѣлается яичница; картофель подается просто вареный и идетъ на приправу другихъ блюдъ. На праздникъ, само собой разумѣется, приглашаются и молодые люди. Онъ начинается громкою русской пѣсней дѣвицъ, обращенной къ старостѣ:

Староста гуычя!
Давайте-же пива!

Пересохло наше горло,
Не пиваючи такъ долго.

Староста приноситъ ендову (братыню) пива; четыре старшія дѣвицы наливаютъ по стакану, выходятъ на середину комнаты, становятся крестообразно и, переходя одна другой на встрѣчу, поютъ позырянски:

Нѣ, нѣ-жѣ чоіась, чоіась!
Нѣ, нѣ-жѣ іуны, іуны!
Нѣ нѣ-жѣ сіоіны, сіоіны!
Оні мііанъ іуны, іуны!
Оні мііанъ сіоіны, сіоіны!

Ну-те-же сестры, сестры!
Ну-те-же пить, пить!
Ну-те-же ѣсть, ѣсть!
Теперь наше время пить, пить!
Теперь наше время ѣсть, ѣсть!

³³²) См. примѣч. 326.

³³³) Тамъ-же.

³³⁴) См. примѣч. 243.

³³⁵) См. прим. 326.

³³⁶) Волог. Губ. Вѣд. 1852 г. № 37: «Жители Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ». г. В. Аврамова.

³³⁷) Тамъ-же 1852 г. № 28: «Братчина».

Воля, воля вошб, вошб,
 Мужа дома нѣту, нѣту!
 Тагіеі, тагіеі комедысеі!
 Ніаніеі, ніаніеі меведысеі!
 Солбі, солбі олдысеі!
 Рудсгъ сурбі!
 Ід сук сурбі!
 Ід суроі, да моіныі сурбі!
 Шабды сурбі!
 Быгіа сурбі!
 Стѣканъ дорсѣ мемаама,
 Вом дорсѣ мааама.
 Кодны шедѣ.—
 Быдсѣн, быдсѣн!
 Кодны шедѣ—
 Косѣдзі, косѣдзі!

Воля, воля потеряется, потеряется.
 Мужа дома нѣту, нѣту!
 Хмѣль, хмѣль облегчающій!
 Хлѣбъ, хлѣбъ приголубляющій!
 Соль, соль одомовляющая!
 Пиво ржаное!
 Пиво ячное, густое!
 Пиво ячное, да пиво легкое!
 Пиво пшеничное!
 Пиво пѣнистое!
 Край стакана облыгло,
 Губы умедовило,
 Кому попадетъ—
 Все, все!
 Кому попадетъ—
 До суха, до суха!

Дѣвицы выпиваютъ свои стаканы. Ихъ смѣняютъ другія и т. д., пока всѣ участницы братчины невыпьютъ по стакану.

Послѣ того по двѣ дѣвицы, также поочередно, подносятъ по стакану пива молодымъ людямъ, припѣвая по-русски:

Пива да пьянаго,
 Меду да сладкаго
 Наливай ковши полные!
 Подвояси да до румянъ!

Въ новосвѣтлой свѣтлицѣ,
 Въ бѣлой горницѣ
 Наши умнѣши-молодцы!
 Прими нашъ (имя и отечество)!

Пока молодые люди пьютъ, дѣвицы пляшутъ, припѣвая:

Пей, пей наздоровье,
 По нашему челобитью,
 По кирилловскому
 По праву немилу!

Да опрокиньте,
 Да опростайте,
 Да на головы поднимите.
 Веселитесь!

Выпивъ стаканы, молодые люди кладутъ въ нихъ деньги.

Въ заключеніе перваго дня дѣвицы, всѣ вмѣстѣ, поютъ по-зырянски:

Кузіман-Деміанъ, во воіс, во воіс.
 Талуи талуи мііан рочі зыб оз судзі;
 Асіі, вед, мііан і рочі зыб судзіас,
 Аскомысі мііан і ісѣг тув судзіас?, т е.
 Кузьма-Демьянъ, годъ пришель, годъ пришель!
 Сегодня у насъ русскій шестъ не достаетъ,
 А завтра, вѣдь, у насъ и русскій шестъ достанетъ;
 А послѣ завтра и сѣрная сичка достанетъ.

2 Ноября вмѣсто этого поютъ, тоже позырянски:

Вчера у насъ русскій шестъ не доставалъ
 Сегодня у насъ и русскій шестъ достаетъ;
 Завтра и сѣрная сичка не скроется.

А 3 Ноября:

Третьяго дня у насъ русскій шестъ не доставалъ,
 Вчера русскій шестъ досталъ;
 А сегодня и сѣрная сичка не скрылася!... (338)

Заканчиваемъ настоящую главу сообщеніемъ свѣдѣній о зырянскихъ баняхъ. *Баня (пывзянь)*—это насущная

потребность каждого Зырянина, это гигиеническое средство отъ всѣхъ болѣзней, особенно отъ *перекръпу*, т. е. когда человекъ сильно прозябнетъ, долго находясь на морозѣ. Бани топятся рѣшительно каждый день, неисключая и Свѣтлаго Христова Воскресенья. Каждый вечеръ въ зырянскихъ деревняхъ ряздаются призывные клики: «Пывзянь! Пывзянь!» Всѣ ждутъ этого призыва и отправляются—не мыться, какъ увидимъ, а париться. Сперва отправляются мужчины съ вѣниками въ рукахъ, босые и въ однихъ рубахахъ, которыя снимаютъ у входа въ баню. Бани величиною отъ 1½ до 2 саж. въ квадратъ и устроиваются также, какъ и русскія, съ тою разницей, что здѣсь полочкѣ бываетъ на одной высотѣ съ лавками, именно отъ 12 вершковъ до аршина отъ полу. Горячей воды вовсе не готовится, да и холодной немного,—сколько нужно для поддаванья. Въ каждую баню собирается человекъ по 10. Раскаленная каменка, въ которой еще пылаютъ алые угли и надъ которой стоитъ синее облако чаду, производитъ жаръ градусовъ въ 70 и болѣе. Всѣ стоятъ—кто на полу поближе къ каменкѣ, кто—на полкѣ и лавкахъ, хлещутся вѣниками, и—то и дѣло поддаютъ жару. Паренье продолжается отъ 8 до 12 минутъ. Стариковъ, особенно любящихъ такое удовольствіе, выводятъ силою. Домой отправляются также въ однихъ рубахахъ и босые, а иногда еще останавливаются на улицѣ потолковать съ встрѣтившимися знакомыми. Послѣ мужчинъ отправляются женщины, тоже босикомъ, за исключеніемъ родильницъ³³⁹⁾.

И не только въ то время, когда живутъ дома, но и на промыслахъ, Зыряне не могутъ обходиться безъ бани. Самыя охотничьи избушки ихъ суть ничто иное, какъ бани и называются пывзянями³⁴⁰⁾.

Г. Мельниковъ, какъ очевидецъ, рассказываетъ³⁴¹⁾, что Печорскіе Зыряне, даже застигнутые ночью въ лѣсу, вдали отъ *пывзяна*, парятся на трескучемъ морозѣ. Для этого они нагрѣваютъ воду и готовятъ деревянные кругловатыя на длинныхъ рукояткахъ скребниці, раздѣваются у огня, поливаютъ на себя горячую воду и скребницей очищаютъ потъ и грязь со всего тѣла; и затѣмъ уже ложатся спать.

Не лишнимъ считаемъ сообщить также, какъ устроиваются въ подобныхъ случаяхъ ночлеги. Изъ еловыхъ вѣтвей дѣлается шалашъ, съ двухъ, одна другой противоположныхъ, сторонъ открытый; между тѣмъ вырубаются два бревна, которыя съ одной стороны выдѣлываются и кладутся одно на другое; полая внутренность наполняется раскаленными угольями. Отъ этого внутренность полости не воспламеняется, а только

338) Тамъ-же.

339) Тамъ-же 1848 г. № 49: «Зырянскіе обычаи», г. Кочіева.

340) См. примѣч. 257.

341) Тамъ-же 1853 г. № 28: «Зырянскія бани».

тѣть и изъ открытыхъ концовъ ея вылетаетъ, какъ изъ трубы, горячій дымъ. Такимъ образомъ жаръ самъ собою поддерживается въ теченіи цѣлой ночи, и Зырянинъ, раздѣвшись и обративъ ноги къ этому нагрѣва-

тельному снаряду, спокойно спитъ въ своемъ шалашѣ на утопанномъ и устланномъ хвоей снѣгу; а между тѣмъ платье и обувь его сохнутъ, развѣшенные надъ тлѣющими бревнами ³⁴²).

Г Л А В А XII.

Х Л Ъ Б О П А Ш Е С Т В О , О Г О Р О Д Н И Ч Е С Т В О И С К О Т О В О Д С Т В О .

Общій взглядъ на земледѣліе въ Зырянскомъ краѣ. — Печора; Вишера и верховья Вычегды; Удора; Вымскій край; южная половина Зырянскаго края. — Степень урожая. — Ячмень; рожь; овесъ; пшеница; ленъ и конопля; обработываніе полей; порядки пользованія землями. — Работники; помочи; половники. — Особый земледѣльческій приемъ. — Огородныя овощи: картофель, капуста, рѣдька, рѣпа, лукъ. — Скотоводство: рогатый скотъ, овцы, лошади, свиньи. — Домашнія птицы.

Изъ того, что уже сказано объ астрономическомъ положеніи и другихъ климатическихъ условіяхъ Зырянскаго края, можно смѣло заключить, что земледѣліе въ немъ процвѣтатъ не можетъ. Однако-же, вслѣдствіе огромнаго протяженія страны отъ юга къ сѣверу и отъ запада къ востоку, въ земледѣльческомъ отношеніи ее нельзя разсматривать, какъ однородное цѣлое. Въ то время, когда въ самомъ сѣверовосточномъ углу ея, именно по р. Печорѣ, ниже дер. Дутовой, хлѣбопашества ³⁴³) вовсе не существуетъ, — изъ мѣстностей, лежащихъ по рр. Лузѣ, Сысолѣ и нижней части Вычегды, отправляются значительные грузы хлѣба къ Архангельскому порту: одно село Вотча даетъ иногда двѣ барки собственныхъ продуктовъ земледѣлія ³⁴⁴). Поэтому, Зырянскій край, какъ страну земледѣльческую, мы дѣлимъ на двѣ части: одна лежитъ по правую сторону р. Вычегды, начиная отъ Устьсысольска, а другая — по лѣвую; и первую относимъ къ полосѣ начальнаго хлѣбопашества, а послѣднюю считаемъ мѣстностью, по преимуществу земледѣльческою. Само собой разумѣется, что это общее правило имѣетъ частныя исключенія, и для той и другой половины (не равныхъ) не вездѣ въ одинаковой степени справедливо.

Въ сѣверной части мы различаемъ пять мѣстностей: Печору, верховья Вычегды, Вишеру (въ Устьсысольскомъ уѣздѣ), Удору и теченіе р. Выми (въ Яренскомъ).

Печора, не говоря уже о той части ея, гдѣ вовсе не занимаются земледѣліемъ, вообще никогда не можетъ довольствоваться своимъ хлѣбомъ, и получаетъ его или

въ счетъ заработной платы отъ арендаторовъ Брусной горы, или отъ чердынскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ (на судахъ) за семгой и другой рыбой, изъ Пермской губерніи.

Объ успѣшности хлѣбопашества по Вишерѣ и верхней части (выше Устьсысольска) Вычегды можно судить по тому, что Вишерцевъ даже зырянскіе сосѣди ихъ называютъ обыкновенно *качъ-сѣйясъ* (корофды ³⁴⁵), а по рассказамъ очевидцевъ, въ окрестностяхъ верхневычегодскихъ селеній всѣ молодыя пихтовые деревья обнажены ³⁴⁶).

На Удорѣ, по словамъ г. В. Аврамова, вслѣдствіе поздняго начала весны и раннихъ инеевъ, изъ пяти лѣтъ хлѣбъ поспѣваетъ только въ теченіи трехъ, а иногда и двухъ, и неурожайные годы иногда слѣдуютъ одинъ вслѣдъ за другимъ ³⁴⁷). Здѣсь, въ случаѣ неурожая, часто не собирается не только сѣмянъ, но даже и соломы. — За то въ благоприятные годы сборъ хлѣба бываетъ баснословный, самъ—90 и даже болѣе ³⁴⁸), такъ что, несмотря на ограниченность посѣва,

³⁴⁵) См. примѣч. 234.

³⁴⁶) Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. «Сельско-хозяйств. очеркъ Вол. губ.», г. Н. Бунакова. Считаю не лишнимъ сообщить здѣсь, какимъ образомъ готовится Зырянами пихтовая кора. Она снимается преимущественно съ молодыхъ деревьевъ; съ нея соскабливается верхняя сѣрватая кожица, а внутренняя, мясистая, сушится, и толчется въ толчеяхъ или мелется ручными жерновами въ муку; изъ просѣянной сивозы рѣшено и растворенной въ сырой водѣ муки готовится прѣсное тѣсто, изъ котораго пекутъ лепешки. Лепешки высушиваются до суха, а иначе бываютъ очень горьки. Иногда тѣсто готовится сперва изъ ячной муки, а когда оно закиснетъ, къ нему прибавляется пихтовая мука.

³⁴⁷) Тамъ-же № 47: «Опис. физич. свойствъ Яренск. уѣзда», г. В. Аврамова.

³⁴⁸) Тамъ-же 1849 г. № 21: «Стат. Опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

³⁴²) См. примѣч. 340.

³⁴³) Волг. Губ. Вѣд. 1854 г. № 34. «Замѣтк. и впечатл. охотника по Волг. губ.», г. Ю. Волкова.

³⁴⁴) Тамъ-же 1848 г. № 4: «Взглядъ на геологич. состояніе с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отнош.», г. I. Попова.

одна жатва можетъ обеспечитьъ продовольствіе жителей на нѣсколько лѣтъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, и на Удорѣ недостатокъ въ хлѣбѣ, при часто повторяющихся, иногда по 7 лѣтъ сряду³⁴⁹⁾ неурожаяхъ, до того чувствителенъ, что напр. въ 1830 годахъ изъ этой малолюдной мѣстности выселилось до 300 душъ³⁵⁰⁾.

Берега р. Выми представляютъ болѣе условій для успѣховъ хлѣбопашества; но и здѣсь неурожай суть явленія весьма обыкновенныя. И здѣсь овесъ и пшеницу стали сѣять не раньше 1845 г.³⁵¹⁾.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется земледѣліе въ другой, южной части Зырянскаго края. Даже въ волостяхъ Айгинской и Устьвымской (Яренскаго уѣзда), сравнительно самыхъ сѣверныхъ, по словамъ г. Аврамова, и въ самые неблагоприятные годы никогда не случается, чтобы жители вовсе оставались безъ хлѣба, а въ благоприятные—рожь родится тамъ самъ—10 и болѣе³⁵²⁾. Въ остальныхъ же мѣстностяхъ, лежащихъ къ югу отъ Вычегды, столь обильные урожаи почти постоянны, и часто даютъ замѣчательные результаты. Такъ, по словамъ г. Я. Красныхъ³⁵³⁾, въ 1853 году въ Устьсысольскомъ уѣздѣ на новинахъ рожь родилась самъ—30, а общій урожай хлѣбовъ былъ озимаго самъ—15 и яроваго самъ—7. Намъ извѣстно, что даже по официальнымъ свѣдѣніямъ, по которымъ урожай хлѣба показывается всегда ниже дѣйствительныхъ, урожай ржи на городской землѣ Устьсысольска никогда не значился ниже самъ—10, и что нигдѣ въ Вологодской губерніи хлѣбъ не бываетъ такъ дешевъ, какъ въ этомъ городѣ.

Хотя мы и имѣемъ официальныя числовыя свѣдѣнія о количествѣ посѣва и урожая разнаго рода хлѣбныхъ растений въ Зырянскомъ краѣ, но считаемъ болѣе полезнымъ не приводить ихъ; такъ какъ положительно знаемъ, что они болѣе, нежели не-вѣрны: всѣ, кто основывался на нихъ, пришли къ самымъ ложнымъ выводамъ, какъ напр. г. Михайловъ³⁵⁴⁾, который утверждаетъ, что на Удорѣ, при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, хлѣбъ родится самъ—2 и не болѣе самъ—3.—Притомъ-же ни официальнымъ, ни неофициальнымъ путемъ рѣшительно нѣтъ возможности даже приблизительно опредѣлить количество урожая; потому что очень много хлѣба сѣется на *новинахъ*. Тѣ двѣ барки хлѣба, которыя нагружаются, какъ мы сказали,

въ с. Вотчѣ, получаютъ весь свой грузъ съ новинъ, находящихся иногда верстъ за 70 отъ этого села: кто-же скажетъ, сколько сѣется и собирается хлѣба на такихъ запрещенныхъ рощистяхъ³⁵⁵⁾? Между тѣмъ самъ г. Михайловъ говоритъ, что вообще въ Зырянскомъ краѣ на хорошо удобренныхъ поляхъ рожь даетъ 15 и 20-е зерно, а на новинахъ *всегдашній урожай* считаютъ самъ—50, самъ—80, а иногда и самъ—90; слѣдовательно трудно подвести сложный итогъ урожая, если-бы и было извѣстно количество пахатной земли и посѣва.

Господствующее хлѣбное растеніе въ Зырянскомъ краѣ, какъ это мы уже не разъ видѣли, есть *ячмень*. Зыряне не ѣдятъ никакого другаго хлѣба, даже лошадей, вмѣсто овса, кормятъ ячменемъ. Вообще полагаютъ³⁵⁶⁾, что ячменя высѣвается вдвое болѣе, нежели ржи. Само собой разумѣется, что это хлѣбное растеніе распространено гораздо далѣе къ сѣверу, чѣмъ другія; потому что для созрѣванія его нужно меньше времени. Мы видѣли³⁵⁷⁾, что наприм. на Удорѣ онъ поспѣваетъ иногда въ 40 дней.

За ячменемъ слѣдуетъ *рожь*: хотя не въ такомъ количествѣ, но вездѣ, гдѣ сѣется первый—сѣется и послѣдняя. Почти весь урожай ея идетъ на продажу.—Зырянская рожь, подъ названіемъ *яренской*, пользуется у сельскихъ хозяевъ большою извѣстностію, какъ превосходный сѣмянной хлѣбъ для болѣе южныхъ мѣстностей. Впрочемъ, и хлѣбъ изъ нея по бѣлизнѣ, припеку и вкусу несравненно превосходитъ ржаной хлѣбъ среднихъ губерній Россіи: онъ лучше, напримѣръ, даже того, который въ перворазрядныхъ московскихъ булочныхъ продается подъ названіемъ *петербургскаго* по возвышенной цѣнѣ, и даже пеклеваннаго.

Овесъ, и то не въ большомъ количествѣ, сѣется только въ южной полосѣ Зырянскаго края; въ сѣверной-же лишь въ самое послѣднее время онъ распространился до Княжпогоста.

Пшеницу также вообще стали сѣять въ недавнее время, и притомъ она дурнаго качества³⁵⁸⁾. Но за то ее сѣютъ даже на Удорѣ³⁵⁹⁾.

Ленъ и *конопля* распространены почти повсемѣстно; даже на Печорѣ; но малорослы и худо доспѣваютъ³⁶⁰⁾. Урожай того и другаго идутъ на мѣстные надобности. Только изъ самой южной части Устьсысольскаго уѣзда

³⁴⁹⁾ См. примѣч. 347.

³⁵⁰⁾ Тамъ-же.

³⁵¹⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 46: «Прогулка по Княжпогосту», г. П. Богданова.

³⁵²⁾ Тамъ-же.

³⁵³⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1853 г. № 37: «Устьсысольскъ».

³⁵⁴⁾ Тамъ-же 1852 г. № 33: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова.

³⁵⁵⁾ Тамъ-же 1848 г. № 4: «Взглядъ на геологич. состоян. с. Вотчи въ сельско-хозяйств. отношеніи». г. І. Попова.

³⁵⁶⁾ См. примѣч. 354 и Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія». Здѣсь надобно разумѣть, что ячменемъ засѣвается земля вдвое больше, нежели рожью. Онъ сѣется и на части озимовыхъ полей, разумѣется, весной.

³⁵⁷⁾ См. въ текстѣ гл. XI, противъ примѣч. 157.

³⁵⁸⁾ См. примѣч. 354.

³⁵⁹⁾ См. по примѣч. 357.

³⁶⁰⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Статист. опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

лень сбывается къ Архангельскому порту. Масла ни коноплянаго, ни льнянаго Зыряне не ѣдят; но конопляное сѣмя употребляется на постныя щи и кутью.

Вмѣстѣ съ понятіемъ о хлѣбопашествѣ Зыряне заняли у Русскихъ и трехпольную систему обработыванія полей, земледѣльческія орудія и хозяйственный распорядокъ. Мы уже видѣли, что нѣкоторые обвиняютъ ихъ въ лѣности и нерадѣніи къ сельскому хозяйству. Такъ, г. Михайловъ говоритъ ³⁶¹⁾, что они вывозятъ навозъ въ концѣ Марта и въ началѣ Октября, и складываютъ его въ кучи, которыя до времени вспашки остаются неразбросанными, что снопы складываютъ въ скирды, ничѣмъ не прикрытыя и что хлѣбъ молотятъ зимою, потому что осенью, въ дождливую погоду, нельзя выполнять эту работу въ открытыхъ гумнахъ. — Мы не имѣемъ въ виду данныхъ, которыя позволили-бы намъ высказать по этому предмету наше личное мнѣніе; но не можемъ не указать на совершенно противоположное мнѣніе г. Аврамова, который говоритъ ³⁶²⁾, что Зыряне весьма тщательно воздѣлываютъ свои поля и отлично ихъ унаваживаютъ, такъ что отъ сильнаго удобренія не рѣдко хлѣбъ полегаеетъ. Впрочемъ, разнорѣчіе гг. Михайлова и Аврамова можетъ быть объяснено тѣмъ, что первый изъ нихъ имѣлъ въ виду Устьсысольскій, а послѣдній Яренскій уѣзды.

Порядокъ пользованія землею такой-же, какъ и у Русскихъ государственныхъ крестьянъ: земля послѣ каждой ревизіи дѣлится по душамъ, при чемъ принимается за основаніе не наличное число душъ въ каждомъ семействѣ, а рабочія силы и то, за сколько душъ берется тотъ или другой домохозяинъ платить государственный подати. По-этому земля отводится иногда бездѣтнымъ вдовамъ, когда онѣ обязуются платить подати за душу, полдуши или четверть души. Напротивъ, если кто и изъ мужчинъ не желаетъ платить податей, то такимъ вовсе не дается земли и они называются *бобылями*. Этихъ бобылей, обыкновенно нищихъ и незаконно-рожденныхъ, можно найти по нѣскольку въ каждомъ обществѣ. Сѣнокосная земля измѣряется *копнами* и *косами*. *Копна* принимается въ 5 воевъ, а *косой* называется такое пространство, на которомъ одинъ человекъ въ одинъ день можетъ скосить траву.

Въ случаѣ невозможности обработать извѣстный участокъ собственными средствами прибѣгаютъ къ найму со стороны постоянныхъ *работниковъ*, *поденщиковъ* и къ *помочамъ*. *Работники* бываютъ или годовые или нанимающіеся на лѣто (съ Прокопьева дня, т. е. 8 Іюля до Покрова). За это время работнику платится отъ 7 до 12 р., а работницѣ отъ 3 до 5 р. и кромѣ того послѣд-

нія выговариваютъ пару новыхъ *чарковъ* (обувь) или башмаковъ, иногда бумажный платокъ копѣекъ въ 30, нѣсколько льну или конопля и четверикъ (*пудовка*) или два хлѣба. На цѣлый годъ работники и работницы нанимаются рѣдко. Первымъ платится не болѣе 17 р., а послѣднимъ до 7 и 10 р. Нанимающіе работницъ помѣсячно на зиму платятъ отъ 30 до 40 к., безъ всякихъ другихъ условій. Въ лѣтнее же время, съ 7 іюля по Октябрь, нанимаютъ въ иныхъ семействахъ для присмотра за дѣтьми нянекъ, называемыхъ *пѣстуньями*. Въ пѣстуньи поступаютъ дѣвочки отъ 10 до 14 лѣтъ и получаютъ за лѣто отъ 1 р. до 1 р. 50 к. *Поденщики* и *поденщицы* берутся только въ страдное время и зимой, изрѣдка, для молотбы. Въ лѣтнее время пѣшему поденщику платится до 30, а конному до 50 к. въ день, поденщицамъ же отъ 10 до 12 к. Женщины иногда нанимаются жать съ *четверика*, т. е. выговариваютъ себѣ плату на своихъ харчахъ за жнитво высѣянаго четверика ржи или ячменя. Такую плату работницы находятъ выгоднѣе поденной, хотя она, обыкновенно, также незначительна ³⁶³⁾.

Помочи дѣлаются также, какъ и вездѣ въ Россіи. Только на Удорѣ для помочанъ не покупается вина и не варится пива; но готовится хорошая пища; потому что тамъ за оказанную сосѣдомъ помощь платится тѣмъ-же.

Замѣчательно, что въ Зырянскомъ краѣ сохранился весьма древній русскій обычай обработыванія земли *изъполу*. Въ Устюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи *половники* составляютъ особый видъ крестьянскаго сословія, и поселяются на *владѣльческихъ* земляхъ на болѣе или менѣе продолжительные сроки по формально свидѣтельствуемымъ записямъ. Здѣсь-же они существуютъ, такъ сказать, неофициально и, пожалуй, даже незаконно, и отношенія ихъ къ хозяевами не тѣ, какія узаконены для половниковъ Устюгскаго и др. уѣздовъ ³⁶⁴⁾. Въ Зырянскомъ краѣ половники бываютъ *временные* и *постоянные*. *Временные*, т. е. нанимающіеся ежегодно, получая отъ хозяина сѣмена и навозъ, исполняютъ всѣ земледѣльческія работы, начиная съ посѣва до вымолота, за чтѣ и получаютъ половину урожая, за вычетомъ изъ общей массы его, до раздѣла, въ пользу хозяина сѣмянъ. *Постоянные* половники живутъ въ домахъ хозяевъ и пользуются ихъ скотомъ; но за то получаютъ меньшую долю изъ урожая ³⁶⁵⁾.

³⁶¹⁾ См. примѣч. 354.

³⁶²⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1858 г. № 41: «Опис. физич. свойствъ Яренскаго уѣзда», г. В. Аврамова.

³⁶³⁾ Тамъ-же. Всѣ цѣны на земледѣльческія работы мы заняли у г. Аврамова; слѣд. въ настоящее время онѣ могли уже измѣниться.

³⁶⁴⁾ Въ Устюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ половники живутъ на крѣпостныхъ владѣльческихъ земляхъ. Подробности можно видѣть въ статьѣ нашей, напечатанной въ Журн. Мин. Госуд. Имущ. 1862 г. подъ заглавіемъ: «Половники».

³⁶⁵⁾ См. примѣч. 326.

Говоря о способах обработки полей, мы не можем не упомянуть объ одномъ земледельческомъ приѣмѣ, который едва-ли существуетъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Если съ осени снѣгъ выпадетъ на мокрую землю и зима многоснѣжна, то, чтобы хлѣбъ не подопрѣлъ, нѣкоторые домохозяева стаптываютъ поля лошадьми ³⁶⁶).

Сѣно косятъ вездѣ *горбушами* ³⁶⁷).

Мы уже перечисляли, слѣдуя г. Аврамову, тѣ огородные овощи, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ могутъ быть разводимы въ Зырянскомъ краѣ, причемъ замѣтили, что не всѣ они и не повсюду воздѣляются. Мы видѣли также, что напр. въ Синдорскихъ селеніяхъ огородовъ вовсе нѣтъ ³⁶⁸). Но это не единственная мѣстность въ своемъ родѣ. Въ сѣверной части печорскаго прихода въ огородахъ встрѣчается одна рѣпа, а въ южной, кромѣ того, въ небольшомъ количествѣ капуста ³⁶⁹). Въ южной половинѣ Зырянскаго края дѣйствительно повсемѣстно разводятся, кромѣ рѣпы и капусты, рѣдка, лукъ, картофель, хмѣль и горохъ ³⁷⁰). Последній сѣется и на поляхъ ³⁷¹).— Изъ нихъ:

Картофель родится вездѣ хорошо, а на песчаныхъ мѣстахъ превосходно ³⁷²).

Нельзя того-же сказать о *капустѣ*. Хотя г. Михайловъ и пишетъ ³⁷³), что кочни этого растенія бывають иногда по 4 фунта; но мы думаемъ, что онъ отмѣтилъ случайность: мы имѣли случай видѣть много капусты около Устьвыми и думаемъ, что еслибы очистить, какъ это водится въ другихъ мѣстахъ, зеленые и не свившіеся листья ея, то не осталось-бы въ кочнѣ и $\frac{1}{4}$ фунта. Не лучшую капусту мы видѣли также въ Кажимскомъ заводѣ. Въ Москвѣ ее не стали-бы ѣсть.

Рѣдка и *рѣпа*, по словамъ того-же г. Михайлова, бывають по 10 и 15 фунт. ³⁷⁴). Быть можетъ, и это только рѣдкость.

Лукъ—какъ и вездѣ.

Хотя мы и имѣемъ официальные цифры о числѣ разнаго рода скота, но не пользуемся ими по тѣмъ же причинамъ, какъ и свѣдѣніями о количествѣ посѣва и урожая.

³⁶⁶) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 6: «Зырянскія повѣрья», г. П. Кочіева.

³⁶⁷) Это весьма длинная коса на коротенькой рукояткѣ. Лезвие ея находится на вѣшной сторонѣ, и ею косятъ на отмахъ.

³⁶⁸) См. въ гл. XI «Путешествіе г. Мельникова въ Синдорскому озеру.»

³⁶⁹) Волог. Губ. Вѣд. 1854 г. № 30: «Печорскій приходъ», г. Попова-Логчимскаго.

³⁷⁰) Тамъ-же 1852 г. № 34: «О земледѣліи и скотоводствѣ у Зырянъ», г. М. Михайлова.

³⁷¹) См. примѣч. 357.

³⁷²) См. примѣч. 370.

³⁷³) Тамъ-же.

³⁷⁴) Тамъ-же.

Обиліе луговъ и сочныхъ травъ даютъ Зырянамъ возможность держать много скота и улучшить его породу. И дѣйствительно, мы можемъ сказать, что, покрайней мѣрѣ, относительно крупнаго рогатаго скота, они пользуются тѣмъ, что имъ даетъ природа страны.— Вообще Зыряне быковъ и коровъ держатъ больше, нежели Русскіе, и продукты скотоводства въ видѣ мяса, кожъ и масла вывозятся за предѣлы края.— По словамъ г. Кашперова, на Удорѣ послѣ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ, скотоводство составляетъ главное занятіе жителей ³⁷⁵). Достоинствами своими славится скоть Печорскій, ³⁷⁶), и Вымскій ³⁷⁷); но мы знаемъ, что онъ хорошъ и по Вычегдѣ, и продается въ сосѣдніе уѣзды Вологодской и Вятской губерній: зырянскіе быки даютъ мяса до 20 пуд. и чистаго сала до 7 пуд. ³⁷⁸).

Всѣ *коровы* у Зырянъ *комолыя* ³⁷⁹). *Овцы* обыкновенныя и тоже *комолыя*.

Лошади обыкновенныя. Мы видѣли въ Яренскомъ уѣздѣ хорошихъ крестьянскихъ лошадей; но г. Михайловъ увѣряетъ ³⁸⁰), что въ Устьсысольскомъ уѣздѣ онѣ слабосильны, съ чѣмъ спорить не будемъ; потому что и намъ такъ казалось, когда мы проѣзжали по Сысолѣ и Лузѣ, на такъ называемыхъ обывательскихъ лошадяхъ, можетъ быть впрочемъ отъ того, что Зыряне или точнѣе Зырянки усердныя, но плохіе ямщики ³⁸¹).

Зырянскія *свиньи*, извѣстныя подъ названіемъ чудскихъ, имѣють длинныя уши и тучны. Онѣ вѣсятъ отъ 3-хъ до 7 пуд. ³⁸²). Ихъ не держатъ только на Удорѣ и Печорѣ, гдѣ дорожатъ хлѣбомъ ³⁸³).

Изъ домашнихъ птицъ однѣ *куры* и то не вездѣ. На Удорѣ ихъ не держатъ, жалѣя хлѣба. Но и въ другихъ мѣстахъ ихъ мало. Зыряне объясняютъ это тѣмъ, что они портятъ поля, которыя дѣйствительно начинаются у самыхъ дворовъ. Курное мясо почему-то не употребляется; но яйца ѣдятъ охотно ³⁸⁴).

³⁷⁵) См. примѣч. 357.

³⁷⁶) См. примѣч. 370.

³⁷⁷) См. примѣч. 360.

³⁷⁸) Тамъ-же.

³⁷⁹) См. примѣч. 357 и 370, а также Волог. Губ. Вѣд. 1863 г.: «Два Зырянскія сказки»,

³⁸⁰) См. примѣч. 370.

³⁸¹) Въ Зырянскомъ краю, особенно зимою, когда мужнины находятъ на промыслахъ, ямщикають больше женщины и дѣвцы.—Онѣ припрягаютъ всегда множество лошадей, не требуя за лишннихъ прогоновъ, гусемъ, и на каждой сидитъ наѣздница. Въ 1858 г. мы выѣхали изъ Вологды на тройкѣ, и чѣмъ далѣе подвигались къ сѣверу, намъ запрягали все болѣе и болѣе лошадей; такъ что между Устьсысольскимъ и Кажимскимъ заводомъ впрягались уже цѣлыя табуны, которые только путались.

³⁸²) См. примѣч. 370.

³⁸³) Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 32: «Жители Яренск. уѣзда и ихъ хозяйств. бытъ», г. В. Аврамова.

³⁸⁴) См. примѣч. 370.

Г Л А В А XIII.

ЗВѢРИНЫЕ И ПТИЧЬИ ПРОМЫСЛЫ.

Уменьшеніе числа пушныхъ звѣрей.—Переселенія бѣлки.—Сорты ея.—Цѣны.—Количество добычи.—Зайцы.—Горностаи.—Олени.—Лисцы.—Прочіе звѣри.—Рябчики.—Количество добычи.—Куропатки.—Тетери.—Водяная дичь.—Лѣсованья.—Охотничьи партіи.—Охотничьи провизія.—Ружья.—Собаки.—Матка.—Отправленіе на охоту.—Нарты.—Пызыны и щамы.—Производство охоты.—Пимы.—Лыжи.—Ловушки.—Возвращеніе по домамъ.—Второе лѣсованье.—Особенности охоты на другихъ птицъ и звѣрей.—Охота на рябчиковъ; на оленей: заговоръ на петли; гошба.—Охота на медвѣдей.—Охота на лисецъ.—Выгорки ихъ.—Заключеніе.

Хотя хлѣбопашество въ большей части Зырянскаго края, по цѣнности его произведеній и пользѣ, приносимой населенію, должно-бы почитаться главнымъ занятіемъ; но не такъ смотрятъ на него сами Зыряне. Зырянинъ охотникъ по природѣ и, конечно, ни въ чемъ другомъ не выражаются такъ его племенные инстинкты, какъ въ охотѣ: это его исторія и поэзія. Если-бы нужно и можно было писать исторію зырянъ, то надобно-бы было писать исторію ихъ охоты; если-бы кто хотѣлъ изучить ихъ поэзію, то долженъ-бы былъ познаться прежде всего съ ихъ охотничьими разказами. Не даромъ увѣряютъ, что этотъ народъ, строящій свои дома гдѣ и какъ попало, для охотничьихъ *пмезяновъ* всегда выбираетъ мѣста живописныя. По такой причинѣ мы съ особенною подробностію будемъ говорить о звѣриныхъ и птичьихъ промыслахъ ³⁸⁵).

Нынѣ установилось мнѣніе, что Зырянскій край оскудѣлъ пушными звѣрями. Такое мнѣніе относительно цѣнныхъ звѣрей совершенно справедливо. Въ старину ловились здѣсь, какъ почти и вездѣ въ Россіи, бобры, а теперь они до-чиста вывелись; были соболи,—даже въ окрестностяхъ Устьсысольска, а теперь хотя и попадаютъ они Печорцамъ, но за *Камнемъ*, т. е. по ту сторону Уральскаго хребта, и притомъ чрезвычайно

рѣдко ³⁸⁶). Думаютъ, что звѣри истреблены охотниками и что они *ушли за Камень*. Но нельзя того-же сказать о главной статьѣ промысловъ, именно о бѣлкѣ. Истребить ее трудно, потому что она чрезвычайно плодлива: самки носятъ весною и осенью отъ 6 до 10 дѣтенышей, изъ коихъ весенніе, въ свою очередь, плодятся и къ осени того-же года приплодъ ихъ уже готовъ для стрѣльбы. По мнѣнію охотниковъ, отъ каждой пары бѣлокъ, т. е. отъ самца и самки (онѣ живутъ въ гнѣздахъ (*юйна*) по парно) разводится ежегодно до 40 штукъ ³⁸⁷). Дѣйствительно, въ иные годы этого звѣрка бываетъ очень мало; но это отъ того, что онъ уходитъ въ другія мѣста, а именно на сѣверовостокъ, за Уральскія горы,—когда не находитъ у себя корму.—Надобно замѣтить, что бѣлка тамъ, гдѣ есть кедръ, питается преимущественно кедровыми орѣхами; послѣ кедровыхъ орѣховъ любимую пищу ея составляютъ сосновыя шишки и за тѣмъ уже еловыя ³⁸⁸). Говорятъ, что до 1851 года въ Зырянскихъ лѣсахъ было такъ мало бѣлки, что самыя лучшіе охотники убивали ихъ только по нѣскольку десятковъ; въ 1851-же году, замѣчательномъ по обильному урожаю всѣхъ растений, она опять появилась въ такомъ изобиліи, что на Удорѣ даже плохіе охотники получали по 200 и болѣе штукъ на ружье. Нѣкоторые думаютъ, что бѣлка появляется періодически, что года по 3 по 4 ея бываетъ мало, а потомъ она снова размножается ³⁸⁹). При переселеніяхъ своихъ, бѣлка какъ будто руковод-

³⁸⁵) Излагая свѣдѣнія о звѣриныхъ, птичьихъ и рыбныхъ промыслахъ, мы главнымъ образомъ будемъ придерживаться помѣщенной въ Памятной книжкѣ Вологодской губерніи на 1865 и 1866 гг. статьи г. Фл. Арсеньева подъ заглавіемъ: «О промышленныхъ дѣлахъ и торговыхъ сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ». Гг. Дмитріевъ и Владыкинъ въ 1873 г. издали это сочиненіе особой книжкой подъ заглавіемъ: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы». Въ изданіе гг. Дмитріева и Владыкина, въ сожальнію, вошла только часть помѣщенной въ Памятной книжкѣ статьи г. Арсеньева и не помѣщенъ цѣлый отдѣлъ ея о рыбныхъ промыслахъ и торговлѣ. Поэтому мы будемъ ссылаться на Памятную книжку.

³⁸⁶) Вол. Губ. Вѣд. 1852 г. № 12: «Сравненіе старыхъ цѣнъ съ нынѣшними на мѣха пушныхъ звѣрей въ Устьсысольскомъ уѣздѣ», г. Мельникова.

³⁸⁷) Памятн. книжк. Волог. губ. на 1865 и 1866 гг.: «О промышленныхъ дѣлахъ и торгов. сношеніяхъ въ Зырянскомъ краѣ», г. Фл. Арсеньева, стр. 30 и 31.

³⁸⁸) Тамъ-же.

³⁸⁹) Волог. Губ. Вѣд. 1858 г. № 52: «Описан. физич. свойствъ Яренск. уѣзда», г. В. Аврамова.

ствуется какимъ-то непреодолимымъ инстинктомъ: она идетъ огромными стадами всегда по прямому направлению; перебирается черезъ горы, пожарища, селенія и даже озера и широкія рѣки. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ употребляютъ пушистые хвосты вмѣсто паруса; иногда садятся на сучья и деревья и, вмѣстѣ съ ними, приближаются къ противоположному берегу. Проходя чрезъ селенія, онѣ перебираются по крышамъ домовъ, гумень, и т. д.—Если переселеніе начинается рано, напр. въ Августѣ, то бѣлка уходитъ далеко; если-же поздно, то сильные морозы заставляютъ ее останавливаться, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она находитъ довольно пищи. Въ такомъ случаѣ она ложится въ гнѣздахъ, изъ которыхъ выходитъ порѣзвиться только въ ясную и теплую погоду.—Бѣлки переселяющіяся называются *холодовыми*, а остающіяся на мѣстахъ—*таборными* ³⁹⁰).

Достоинство бѣлки зависитъ отъ корму и отъ времени года. Лучшею считается печорская бѣлка; потому что питается кедровыми орѣхами. Лѣтомъ она имѣетъ короткую и рыжую шерсть и для стрѣльбы вовсе не годится. Съ приближеніемъ же осени начинаетъ линять: шерсть ея становится длиннѣе и гуще и рыжій цвѣтъ мѣняется на темнодымчатый. Въ Октябрѣ она вычищается совершенно; а въ Мартѣ снова начинаетъ рыжѣть. Впрочемъ и зимняя бѣлка не равно цѣнится: лучшею считается та, которая ловится въ Ноябрьѣ и Декабрѣ, и за тѣмъ достоинство ея постепенно понижается. Оно опредѣляется вѣсомъ шкурокъ: 1,000 ноябрьскихъ или декабрьскихъ шкурокъ печорскаго дола вѣсятъ пудъ, февральскихъ не болѣе 35 ф. ³⁹¹) а мартовскихъ еще менѣе.

Цѣна бѣличьихъ шкурокъ не одинакова, смотря по большей или меньшей успѣшности промысловъ; но вообще постепенно возвышается. Въ послѣдніе годы она колебалась около 7 р. за сотню и доходила до 8 р.

Количество добычи большая часть писателей, продержавшихся официальныхъ свѣдѣній, показываютъ въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительнаго; такъ напр. г. Бунаковъ опредѣляетъ его для цѣлыхъ двухъ уѣздовъ: Устьсысольскаго и Яренскаго въ 348,000 шт. ³⁹²). Г.-же Богдановъ для одного Устьсысольскаго назначаетъ 800,000 шт. ³⁹³), неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ; но цифра его близка къ истинной. Изъ стотысячнаго почти населенія Зырянскаго края мы считаемъ не менѣе 10,000 охотниковъ. Полагая—же на каждого очень бѣдную цифру, именно по 100 штукъ, мы получимъ 1,000,000—и это крайній *minimum*. Зырянскій охотникъ проводитъ на промыслахъ около 100 дней: не

поодной-же штукѣ онѣ добываетъ каждый день! Если даже мы преувеличили число охотниковъ, то и тогда наша цифра ни въ какомъ случаѣ не превыситъ истинной.

Изъ пушныхъ звѣрей послѣ бѣлки въ Зырянскихъ лѣсахъ больше всѣхъ другихъ водится зайцевъ ³⁹⁴). Но о томъ, сколько ихъ ловится и стрѣляется, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, кромѣ официальныхъ, которыми, какъ уже и раньше замѣтили, не вѣримъ. Но думаемъ, что эта статья промысловъ не значительна, именно потому, что никто о ней не говоритъ ни слова.

Г. Арсеневъ главнымъ, по доходности, предметомъ охоты послѣ бѣлки считаетъ горностая ³⁹⁵); но мы опять не имѣемъ никакихъ цифръ.

По нашему мнѣнію, едва-ли не важнѣе охота на оленей и лосей. Когда мы будемъ говорить о производствѣ ея, увидимъ, что этихъ животныхъ убивается весьма много. При томъ-же здѣсь надобно брать въ расчетъ не только шкуру животного, но и мясо, которое ѣдятъ сами охотники, а также языки и рога, которые продаются. По словамъ г. Арсеньева, въ послѣднее время олень началъ исчезать въ Зырянскихъ лѣсахъ отъ преслѣдованій охотниковъ ³⁹⁶). Мы по этому поводу не можемъ высказать никакого мнѣнія; но не можемъ не замѣтить, что Зыряне не со вчерашняго дня охотятся за оленями: почему же только нынѣ охота эта стала столь истребительна?

Промыселъ лисицъ весьма скуденъ. Звѣрь этотъ съ каждымъ годомъ попадаетъ все рѣже и рѣже; особенно цѣнные сорта его: черная и даже чернобурая лисица рѣдкость; но за то это кладъ; потому что шкура первой цѣнится отъ 150 до 200 и болѣе рубл., а послѣдней,—отъ 30 до 100 и болѣе ³⁹⁷).

Остальные звѣри, какъ-то: куницы, медвѣди, волки, росомахи, выдры и рыси стрѣляются и бьются только тогда, когда охотникъ случайно нападаетъ на ихъ слѣдъ. Три послѣдніе звѣря рѣдко попадаютъ; волковъ также мало ³⁹⁸).

Пѣзъ птицъ главный предметъ охоты составляютъ рябчики. Они, также какъ и бѣлки, разнаго достоинства, и лучшими считаются печорскіе.—Нѣкоторые объясняютъ это тѣмъ, что на Печорѣ они питаются кедровыми орѣхами, почему и называютъ ихъ иногда *кедровиками*; но такое объясненіе принадлежитъ къ числу басень. Г. Богдановъ пишетъ ³⁹⁹), что одинъ любитель птицъ, державшій у себя и рябчиковъ, сталъ было кормить ихъ кедровыми орѣхами; но они переколотили. На Печорѣ рябчики лучше (больше) потому, что тамъ больше любимой

³⁹⁰) См. примѣч. 387.

³⁹¹) См. по примѣч. 387 на стр. 32.

³⁹²) Волог. губ. Вѣд. 1858 г. № 24: «Сельско-хозяйств. очеркъ Волог. губ., г. Н. Бунакова.

³⁹³) Тамъ-же 1849 г. № 36: «Нѣсколько словъ о Устьсысольскій и его уѣздѣ».

³⁹⁴) См. примѣч. 389.

³⁹⁵) См. примѣч. 387.

³⁹⁶) См. по примѣч. 388

³⁹⁷) Тамъ-же.

³⁹⁸) См. примѣч. 389.

³⁹⁹) См. примѣч. 393.

ихъ пищи, — разнаго рода ягодъ, именно: брусники, клюквы, черники, а также потому, что охотники тамъ позже начинаютъ ихъ стрѣлять, т. е. тогда, когда они успѣютъ совсѣмъ развиться ⁴⁰⁰⁾.

По официалнымъ свѣдѣніямъ, *рябчиковъ* добывается 130,000 шт. ⁴⁰¹⁾ — цифра, положительно не вѣрная. По словамъ г. Арсеньева въ одномъ Устьсысольскомъ уѣздѣ въ хорошій годъ добывается до 300,000 паръ ⁴⁰²⁾. Придерживаясь разчета, принятаго для опредѣленія цифры добычи бѣлки, мы соглашаемся съ г. Арсеньевымъ и для цѣлаго Зырянскаго края принимаемъ 1.000,000 шт., или 500,000 паръ рябчиковъ. Хотя ихъ бьютъ не цѣлую зиму, какъ увидимъ, но за то, во-первыхъ, во время охоты собственно на нихъ, они истребляются цѣлыми стадами, а во-вторыхъ эта охота, производясь не далеко отъ селеній, привлекаетъ большую массу охотниковъ, чѣмъ охота на бѣлку, тѣмъ болѣе, что рябчикъ цѣннѣе бѣлки. Цѣны на рябчиковъ, какъ и на бѣлку, колеблясь сообразно съ успѣшностью промысловъ, хотя неравномѣрно, но постоянно возвышаются. Въ концѣ 1860-хъ годовъ онѣ доходили до 25 коп. за пару, а въ осень и зиму 187³/₄ г., по словамъ скупщиковъ — спекулянтовъ, до 35 коп. и дороже, что ни мало не невѣроятно, если справедливъ отзывъ одного изъ нихъ (г. Хлызова), что онъ продалъ въ Москвѣ свой товаръ по 80 коп. за пару; а въ справедливости такого отзыва мы не считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, кромѣ другихъ причинъ, и потому, что рябчики изъ Вельскаго уѣзда, во всякомъ случаѣ худшіе зырянскихъ, проданы въ Москвѣ по 45 коп., при чемъ продавецъ (г. Синицкій) сожалѣлъ, что продешевилъ, хотя и сознавался, что товаръ его не перваго сорту.

Послѣ рябчиковъ самая выгодная статья птицеводства — *куропатки*. Онѣ водятся въ Зырянскомъ краѣ огромными стадами и попадаютъ въ капканы и силки ⁴⁰³⁾, но цѣны на нихъ низки — копѣйки по 3 и по 2 за штуку ⁴⁰⁴⁾. Ихъ много ѣдятъ сами Зыряне, а перья продаютъ по 1 р. за пудъ. Тетеръ всякаго рода ловится очень много, но цифръ, кромѣ официальныхъ, мы не имѣемъ.

Объ обилии водяной дичи послѣ того, что сказано объ этомъ предметѣ раньше, мы считаемъ даже лишнимъ распространяться ⁴⁰⁵⁾. Но къ сожалѣнію, она потребляется только на мѣстѣ, и въ продажу идти не можетъ. Въ Зырянскомъ краѣ даже закономъ разрѣшено охотиться на нее безъ всякаго ограниченія. — Мы не наблюдали, подобно г. Арсеньеву, осенняго отлета птицъ изъ за полярнаго круга; но имѣли случай видѣть около

Яренска, на обширной равнинѣ сливающихся въ весеннее время водъ рр. Вычегды, Яреньги, Кижмолы и другихъ несчетныя стада отдыхающей перелетной къ полюсу водяной дичи, и отказываемся передать то впечатлѣніе, которое производила на насъ, когда-то, неугомная картина сторожкихъ пернатыхъ путешественниковъ, густо разсѣянныхъ на широкомъ раздольѣ гостеприимнаго становища, кишашаго даровою рыбою.

Звѣринные и птичьи промыслы производятся въ два періода времени, которые называются *лѣсованьями*. Первое начинается въ концѣ Сентября или въ началѣ Октября, т. е. когда звѣрь и птица вылиняютъ и выспѣютъ, и когда послѣднюю можно бить, не опасаясь порчи, и продолжается до Декабря, когда открываются ярмарки, на которыхъ добыча сбывается. Второе лѣсованье начинается въ Январѣ и продолжается до тѣхъ поръ, пока не покажутся признаки весны, когда звѣрь начнетъ линять, птицу нельзя будетъ бить въ прожъ и пути начнутъ портиться.

На охоту Зыряне отправляются партіями, по словамъ однихъ отъ 2 до 5 человекъ ⁴⁰⁶⁾, а по словамъ другихъ — до 12 ⁴⁰⁷⁾. Дѣйствительно численность партій не вездѣ и всегда одинакова; такъ какъ не всегда равно далеко и на равное время отправляются охотники. Печорцы, наприм., уходятъ верстъ за 500 и болѣе ⁴⁰⁸⁾. По двухъ человекъ для партіи во всякомъ случаѣ мало; потому что на бѣлку нужно всегда идти вдвоемъ, такъ какъ она очень искусно прячется отъ охотника въ гущѣ вѣтвей, и ее необходимо одному человеку *выколачивать*, т. е. стучать по дереву, на которомъ она скрывается, топоромъ, а другому слѣдить ее, когда она, испуганная, перепрыгиваетъ на другое. Кромѣ того, одинъ охотникъ всегда долженъ пораньше забраться на мѣсто остановки, чтобы приготовить пищу.

Отправляясь на промыслы, охотники прежде всего запасаются съѣстною и охотничьею провизіею. По словамъ г. Латкина Печорцы брали на человекъ по 4 пуда сухарей, сушеныхъ пироговъ съ крупой по 1 п., муки — ячной и ржаной по пуду ⁴⁰⁹⁾, крупы — по 10 ф., ячной муки для собакъ — по 1 п., масла — по 12 ф., свѣжаго сала для блиновъ — по 2 ф., сухой рыбы — по 15 ф., сырой говядины — по 30 ф., соли — по 10 ф., пороху — по 3 ф., свинцу — по 4 ф., всего — по 10 п. 6 ф.; но г. Арсеньевъ говоритъ ⁴¹⁰⁾, что нынѣ, съ упадкомъ промышленности, охотники уже не роскошествуютъ: блиновъ не пекутъ, масломъ кашицы не сдабриваютъ.

⁴⁰⁰⁾ См. по примѣч. 387 стр. 41.

⁴⁰¹⁾ См. примѣч. 392.

⁴⁰²⁾ См. примѣч. 400.

⁴⁰³⁾ См. примѣч. 356.

⁴⁰⁴⁾ См. въ текстѣ противъ примѣч. 157 и 169.

⁴⁰⁵⁾ См. по примѣч. 387.

⁴⁰⁶⁾ См. по примѣч. 387 стр. 24.

⁴⁰⁷⁾ Вол. Губ. Вѣд. 1856 г. № 41: «Осенніе промыслы Зырянъ» г. П. Сорокина.

⁴⁰⁸⁾ См. примѣч. 406 и 407.

⁴⁰⁹⁾ Печорцы ѣдятъ и ржаной хлѣбъ; потому что, за недостаткомъ своего, получаютъ его изъ Пермской губерніи.

⁴¹⁰⁾ См. по примѣч. 387.

Необходимая принадлежность всякаго охотника—*ружье*. Зыряне употребляют винтовочныя ружья, преимущественно издѣлія мѣстныхъ мастеровъ—самоучекъ. Они большею частію узкодульныя; потому что широкодульныя требуютъ много пороху и свинцу, и употребляются только на крупнаго звѣря. Для первыхъ изъ фунта пороху выходитъ болѣе 350 зарядовъ, а изъ фунта свинцу—до 180 пулекъ, величиной въ горошину. Такія ружья, не смотря на все ихъ безобразіе, бьютъ шаговъ на 50 и даже 60. Они всегда бываютъ кремневые; ложа ихъ иногда составляетъ полѣно, кое-какъ обтесанное, такъ что, при прицѣлѣ, оно берется подъ мышку; курокъ, при взводѣ, удерживается на мѣстѣ посредствомъ придѣланнаго къ нему гвоздя, который однимъ концомъ зацѣпляется за вбитую въ ложе шпильку. О достоинствѣ ствола и говорить нечего.—Несмотря на то, и изъ такихъ ружей Зыряне рѣдко даютъ промахи. Впрочемъ слухъ, что они бьютъ бѣлку, чтобы не попортить шкурки, въ носокъ, а рябчика въ головку, не справедливъ. Мѣткость ихъ стрѣльбы, кромѣ навыка и безспорнаго искусства, объясняется и тѣмъ, что они всегда цѣлятся съ прикладу, т. е. съ сошекъ, которыя и носятъ съ собою, или съ сука дерева; другіе, не увѣренные въ своемъ искусствѣ, ставятъ podporку даже подъ лѣвую мышку. Само собой разумѣется, что попадаютъ и хорошія ружья, но это исключеніе изъ правила. Заряжаются они слѣдующимъ образомъ: прежде всего высыпается порохъ; потомъ внутренность ствола натирается наверхенною на шомполъ сальюю тряпкою; за тѣмъ на отверстіе дула кладется пуля нѣсколько большаго, чѣмъ оно, калибра, придавливается сперва осторожно, чтобы на ней образовались выпуклости, соотвѣтствующія нарѣзкамъ винтовки, и наконецъ догоняется до пороха. Пули Зыряне дѣлаютъ сами. Для этого они носятъ съ собою родъ свинцовой проволоки, спирально свернутой и продѣтой за ремень, на которомъ виситъ пороховница. Въ то время, когда, сдѣлавъ выстрѣлъ, охотникъ снова ищетъ звѣря или птицу, онъ откусываетъ отъ проволоки небольшіе кусочки и округляетъ ихъ зубами. Литыхъ пуль Зыряне не употребляютъ; потому что литой свинецъ тверже и нарѣзки на немъ выдавливаются слабѣе, что можетъ быть причиною невѣрности выстрѣла ⁴¹¹⁾.

Зырянскія *охотничьи собаки* некрасивы на видъ, но легки, отличаются необыкновенной неутомимостью, тонкимъ чутьемъ и отлично распознаютъ звѣря. Говорятъ, что печорскіе охотники, сдѣлавъ выстрѣлъ, до тѣхъ поръ не заряжаютъ ружей, пока не услышатъ лая собаки, чтобы, соображаясь съ нимъ, приноровить зарядъ къ величинѣ звѣря или птицы. Если собака нападаетъ на слѣдъ крупнаго звѣря, то лаетъ отрывисто и наоборотъ.— Собаки эти не составляютъ особой по-

роды: остроконечная морда, стоячія уши, пушистый хвостъ, шерсть иногда длинная, иногда лоснящаяся, гладкая; ростъ не одинаковъ, но вообще его принимаютъ въ $\frac{3}{4}$ арш.; цвѣтъ также не одинаковъ: одни говорятъ, что преобладаетъ черный и пѣгій ⁴¹²⁾, а другіе—сѣрый ⁴¹³⁾. Къ охотѣ собаки приготавливаются, такъ сказать, самоучкой. Еще щенками, вмѣстѣ съ мальчишками, онѣ привыкаютъ гоняться за бѣлками, которыя во множествѣ водятся близъ самыхъ зырянскихъ деревень. Послѣ того молодая собака берется въ лѣсъ вмѣстѣ съ старыми, чѣмъ и заключается ея воспитаніе.— Хорошій охотникъ отправляется на промыселъ съ двумя собаками; но при этомъ наблюдается, чтобы обѣ онѣ были равнаго достоинства, такъ какъ въ противномъ случаѣ, плохая только сбиваетъ съ толку хорошую.—Здѣсь выходитъ маленькое недоумѣніе: если на охотѣ плохая собака только мѣшаетъ хорошей; то какимъ образомъ пускаютъ на охоту молодыхъ, не натасканныхъ собакъ, вмѣстѣ со старыми? Такое противорѣчіе мы объяснить не можемъ. Судя по способу образованія собакъ, уже нельзя ожидать, чтобы онѣ напр. подавали охотникамъ дичь: напротивъ, послѣдній долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы онѣ не подхватили добычи. Охотники въ свою очередь тоже не много заботятся объ нихъ: лѣтомъ, т. е. не на охотѣ, ихъ вовсе не кормятъ, предоставляя имъ питаться, гдѣ и какъ онѣ хотятъ; а на охотѣ имъ отдается мясо бѣлокъ и другихъ, не употребляемыхъ людьми въ пищу, животныхъ.

Еще необходимая принадлежность Зырянскаго охотника *матка*, т. е. компасъ для опредѣленія пути въ лѣсныхъ трупцахъ. Хотя охотники, по разнымъ примѣтамъ, умѣютъ опредѣлять направленіе пути, такъ напр. и днемъ, и ночью они распознаютъ страны свѣта по корѣ деревьевъ, которая на сѣверной сторонѣ бываетъ толще, грубѣе и съ трещинами; по сучьямъ и игламъ (въ послѣднемъ случаѣ всего удобнѣе наблюдается листовница), изъ которыхъ первые на южной сторонѣ длиннѣе и обильнѣе хвоею, а послѣднія всегда обращены къ югу и т. п.: но все таки берутъ съ собою и матки. Это маленькая круглая деревянная коробочка, въ которой на тоненькомъ стержнѣ обращается магнитная стрѣлка, а сверхъ стержня положены кружки съ разноцвѣтными полосками отъ центра къ окружности. Такія матки получаютъ изъ Архангельска.

Приготовивъ все нужное для промысла, охотничьи партіи отправляются въ путь водою въ маленькихъ и легкихъ лодочкахъ, которыя можно перетаскивать черезъ переборы (пороги) и мели, и даже черезъ волска и перевалы (изъ рѣки въ рѣку). Въ случаѣ, если ихъ

⁴¹²⁾ Тамъ-же.

⁴¹³⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 20: «Стат. опис. Яренск. уѣзда», г. П. Протопопова.

⁴¹¹⁾ Тамъ-же.

застигнетъ на пути зима, т. е. рѣки замерзнуть и выпадаетъ снѣгъ, они лодки оставляютъ, а припасы свои перегружаютъ въ *нарты*.

Нарты — это узкія и длинныя, сажени въ двѣ ⁴¹⁴⁾ санки, слѣдующаго устройства: берутся два тонкіе полозка шириною верхка въ два, передніе концы которыхъ выгнуты, какъ и у обыкновенныхъ саней; полозья связываются четырьмя копылами, каждый въ аршинъ; копылы переплетаются между собою тоненькими черемуховыми прутьями, сверхъ которыхъ вдоль нарты кладется тоненькая дощечка, а къ переднимъ концамъ полозковъ прикрѣпляется въ горизонтальномъ положеніи тоненькая черемуховая дуга, къ которой привязывается поводокъ для тасканья нарты. Нарты очень легки и поворотливы — качества, необходимыя для того, чтобы таскать за собою значительный грузъ, безъ дороги, перебираясь черезъ валежники, пни и колоды. Г. П. Сорокинъ пишетъ ⁴¹⁵⁾, что зырянскіе охотники послѣ того, какъ замерзнуть рѣки, запасы свои несутъ на себѣ; но это явная ошибка: надобно быть сказочнымъ богатыремъ, чтобы безъ пути, безъ дороги таскать на плечахъ десяти-пудовую ношу. Положимъ, что приведенная выше цифра вѣса разныхъ охотничьихъ припасовъ, по исчисленію г. Латкина, преувеличена; но если мы уменьшимъ ее вдвое, то и тогда слова г. Сорокина не много болѣе будутъ вѣроятными. — Поэтому мы думаемъ, что онъ или не точно выразился, или имѣлъ въ виду охотниковъ, отправляющихся въ недалекія мѣста промысловъ и на короткое время.

Слѣдуя къ мѣсту охоты, промышленники останавливаются въ такъ называемыхъ *пывзьянахъ*, которые разсѣяны по всему пространству Зырянскаго края, одинъ отъ другаго на разстояніи 7, 10 и 15 верстъ. Только на Печорѣ они рѣже; потому что тамъ охотничья партія многочисленнѣе и слѣдовательно оруженность промысловаго участка должна быть больше. Пывзянъ буквально значитъ баня. И дѣйствительно, они устраиваются, какъ бани: это — бревенчатая избушка въ 5 — 6 рядовъ, покрытая на одинъ скатъ досками; на крышу насыпается земля; въ углу кладется каменка, какъ въ черныхъ баняхъ; по стѣнамъ, у самаго потолка устраиваются нары, которыя замѣняютъ банный полокъ; двери прорубаются низенькія и плотно притворяющіяся. Такимъ образомъ пывзяны служатъ и мѣстами ночлега и банями. Въ нихъ такъ тепло, что охотники спятъ, раздѣвшись до нага и просушиваютъ намокшую одежду.

При пывзьянахъ, въ сторонѣ, для храненія добычи, устраиваются *щамы*, т. е. особые чуланы или кладовыя въ видѣ голубятни, иногда на четырехъ, а иногда и на одномъ столбѣ, подтесанномъ книзу въ видѣ конуса.

Онѣ отворяются снизу, посредствомъ выдвигной доски. Цѣль щамы предохранить добычу отъ хищныхъ звѣрей; потому-то онѣ и устраиваются иногда на одномъ, книзу стесанномъ столбѣ: иначе росомаха можетъ попасть въ кладовую.

Г. Сорокинъ ⁴¹⁶⁾ пишетъ, что Зыряне устраиваютъ на мѣстѣ производства охоты шалаши, крытые хвоей и скалою, и съ отверстіемъ для выхода дыму: но это, безъ сомнѣнія, случайность. Очень можетъ быть, что такіе шалаши устраиваются на скорую руку, въ случаѣ надобности, тамъ, гдѣ нѣтъ бревенчатыхъ пывзьяновъ. Описывая пывзянъ и щамью, мы слѣдовали г. Арсеньеву, которому не имѣемъ никакого права не вѣрить; такъ какъ онъ наглядно передаетъ даже мелкія подробности устройства ихъ, а къ книгѣ его «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы» приложены и рисунки этихъ построекъ.

Помѣстившись въ одномъ изъ такихъ пывзьяновъ, охотники каждый день разсыпаются по окрестностямъ. Съ начала перваго лѣсованья, когда снѣгъ неглубокъ, они охотятся преимущественно на бѣлку, и всегда ходятъ по два вмѣстѣ, потому что, какъ уже выше сказано, одинъ долженъ *выколачивать* животное, а другой — стрѣлять. Въ это время собака необходимый спутникъ охотника. Бѣлка собаки не боится, и, по видимому, любитъ слушать лай ея, и смотреть на нее, прыгая по нижнимъ вѣтвямъ дерева, но тотчасъ-же прячется на вершинѣ, какъ только замѣтитъ приближеніе охотника. Вечеромъ охотники собираются въ пывзянѣ, гдѣ закусываютъ, очищаютъ убитыхъ звѣрей, парятся и длинные зимніе вечера коротаютъ веселыми разговорами о происшествіяхъ истекшаго дня. — Когда звѣрь въ окрестностяхъ одного пывзяна истребится, партія переселяется въ другой.

Такимъ порядкомъ продолжается охота до тѣхъ поръ, пока не выпадетъ столько снѣгу, что трудно будетъ ходить охотнику и собакѣ рыскать, отыскивая слѣды звѣрей. Тогда первые надѣваютъ пимы и лыжи, собакъ съ собой не берутъ, а ружье носятъ только на случай, если натолкнутся нечаянно на добычу. Ружье замѣняется ловушками.

О *пимахъ* мы говорили ранѣе ⁴¹⁷⁾.

Лыжи дѣлаются изъ еловыхъ досокъ длиною не болѣе 3-хъ аршинъ, шириною въ четверть, а толщиною по срединѣ, гдѣ утверждается нога, въ $\frac{1}{4}$ дюйма, къ бокамъ-же и концамъ еще тоньше. Передніе концы округлены и выгнуты кверху; а середина-къ ногѣ. Послѣдній выгибъ поддерживается оленьими жилами, положенными во всю длину лыжъ, и даетъ имъ удивительную быстроту: стоитъ только давить лыжу ногою, чтобы она бы-

⁴¹⁴⁾ См. примѣч. 344.

⁴¹⁵⁾ См. примѣч. 407.

⁴¹⁶⁾ См. примѣч. 407.

⁴¹⁷⁾ См. примѣч. 161.

стро двинулась впередъ. Скользкости лыжъ способствуетъ то, что онѣ снизу подклеиваются *кисами* — шкурою, содранною съ ногъ оленя, шерстью, разумѣется, наружу. Такая подбивка способствуетъ также подъему на горы, потому что шерсть, обращенная концами къ задней части лыжи, не позволяетъ ей катиться назадъ. Края шкуры загибаются на верхнюю сторону лыжи и вѣрнѣе къ ней приклеиваются какою-то особенной мастикой. Посрединѣ дѣлаются ременные путы, которыми нога укрѣпляется такъ, чтобы не могла скользить назадъ. Подъ ноги кладется толстое бересто, чтобы ни къ лыжамъ, ни къ пимамъ не прилипалъ снѣгъ. Отправляясь въ лѣсъ на лыжахъ, охотникъ беретъ съ собой посохъ, къ нижнему концу котораго прикрѣпляется обручъ съ переплетомъ внутри для того, чтобы онъ не глубоко тонулъ въ снѣгу, а на верхній насаживается желѣзный крючекъ, которымъ, при подъемѣ на горы, цѣпляются за сучья деревьевъ.

Ловушки весьма разнообразны; но всѣ устроиваются съ цѣлю привлечь звѣря на приманку, трогая которую онъ роняетъ на себя какую нибудь тяжесть. Для приманки бѣлокъ употребляются особенные маленькіе красно-желтые грибки, которые запасаются съ осени и присаливаются; куница и росомаха ѣдятъ всякое мясо, даже воронье; соболы любятъ рябчиковъ.

Число ловушекъ у каждаго промышленника бываетъ различно: 100, 200 и доходитъ по словамъ г. Арсеньева, до 600 и 800 ⁴¹⁸⁾; но послѣднія цифры мы считаемъ невѣроятными: одному человѣку физически невозможно въ короткій зимній день, продолжающійся въ Зырянскомъ краѣ какихъ нибудь 5 часовъ, осмотрѣть и, при случаѣ, снова насторожить столько ловушекъ ⁴¹⁹⁾. Желающихъ познакомиться съ подробностями устройства ловушекъ на разныхъ звѣрей и птицъ, мы отсылаемъ къ книгѣ г. Арсеньева: «Зыряне и ихъ охотничьи промыслы,» гдѣ читатель найдетъ и рисунки ихъ.

Когда наступаетъ время возвращенія домой, охотники повѣщаютъ сосѣднія партіи, и, въ назначенный день,

⁴¹⁸⁾ См. по прилѣч. 387.

⁴¹⁹⁾ Мы не знаемъ, какимъ порядкомъ осматриваютъ свои ловушки зырянскіе охотники; но, вѣроятно, онъ тотъ-же, что въ сосѣдственныхъ съ Зырянскимъ краемъ русскихъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Здѣсь, именно въ Никольскомъ уѣздѣ, мы имѣли случай со-путствовать одному охотнику, при обходѣ имъ своего *путика*. Путикомъ тамъ называется одному охотнику извѣстная тропа или, точнѣе, направленіе, по которому расположена система его ловушекъ. Близъ первой ловушки, на какомъ нибудь деревѣ, пнѣ и т. п., онъ дѣлаетъ составляющій его секретъ знакъ, который указываетъ, по какому направленію нужно идти къ слѣдующей западнѣ; здѣсь онъ повторяетъ тоже и т. д. Слѣдуя по этимъ знакамъ, по видимо-му по произвольной ломанной линіи, онъ обходитъ всѣ свои ловушки, и наконецъ выходитъ къ тому мѣсту, съ котораго началъ осмотръ. При такомъ порядкѣ, осмотръ ловушекъ идетъ, конечно, очень скоро; но, не смотря на то, послѣднія цифры г. Арсеньева мы продолжаемъ считать преувеличенными.

всѣ снимаются и пускаются въ обратный путь. Впереди идетъ охотникъ налегкѣ, чтобы проложить *лыжницу* для другихъ; за нимъ идутъ другіе, уже съ остатками провизіи и добычею; а позади всѣхъ, уже по мятой тропѣ, бѣгутъ собаки. По мѣрѣ приближенія къ дому, къ этой толпѣ присоединяются другія партіи, такъ что подъ конецъ образуются изъ нихъ огромные караваны.

Второе лѣсованье производится такимъ-же порядкомъ. Само собой разумѣется, что тогда охотники уже отправляются прямо на лыжахъ.

Разсказывая о порядкѣ производства охоты, мы имѣли въ виду преимущественно охоту на бѣлку. Приемы стрѣлянья и ловли другихъ звѣрей и птицъ имѣютъ нѣкоторыя особенности.

Бѣлка, какъ мы видѣли, не боится собаки, а *рябчикъ* — напротивъ; даже на приученныхъ къ домамъ и происшедшихъ отъ нихъ поколѣнія рябчиковъ собачій лай наводитъ такой испугъ, что они улетаютъ въ лѣсъ. Поэтому и охотятся на нихъ безъ собаки. Охота начинается сперва около самыхъ деревень. Промышленникъ отыскиваетъ выводокъ, т. е. цѣлое семейство рябчиковъ, обыкновенно состоящее изъ 5 или 6 паръ. Такое стадо, при появленіи его, поднимается съ земли и садится на самые нижніе сучья деревьевъ. Охотникъ замѣчаетъ, гдѣ какой рябчикъ сѣлъ, и убиваетъ нѣсколько птицъ, одну вслѣдъ за другою, даже не сходя съ мѣста; потому что онъ не боится слабаго звука, производимаго выстрѣломъ зырянской винтовки. Только послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ стадо снимается, летитъ далѣе и разсаживается по деревьямъ уже повыше. Но отыскать его не трудно для опытнаго охотника, такъ какъ рябчики всегда летаютъ по прямому направленію; но нужно имѣть навыкъ и зоркость, чтобы усмотрѣть эту птицу на деревѣ, — такъ она искусно прячется въ вѣтвяхъ. — Охотникъ опять убиваетъ одну или нѣсколько штукъ; опять стадо летитъ далѣе, и съ каждымъ перелетомъ садится выше и выше. Тогда употребляется дудка; разлетѣвшіеся рябчики или откликаются или подлетаютъ на свистъ ея. Погончивъ съ однимъ стадомъ, охотникъ отыскиваетъ другое, и продолжаетъ стрѣльбу до тѣхъ поръ, пока въ ближайшихъ къ селенію лѣсахъ дичь истребится, и тогда уже отправляется далѣе. Кромѣ того, рябчики стрѣляются и тогда, когда при производствѣ охоты на бѣлку, случайно попадаютъ промышленнику. Они попадаютъ также въ ловушки, но давленные цѣнятся ниже стрѣляныхъ, почему Зыряне иногда нарочно дѣлаютъ на нихъ отверзтія въ видѣ ранокъ.

Оленей или стрѣляютъ, когда найдутъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, или ловятъ петлями, разставляемыми на тропинкахъ, по которымъ эти животныя имѣютъ привычку проходить. Здѣсь кстати приведемъ въ русскомъ переводѣ зырянскій заговоръ на чужія петли, чтобы олени въ нихъ не попадали:

«Олень, олень! Ты не бѣги!— И олень не бѣжить.
«Веревка, веревка! Ты не дави!— И веревка не давить.
«Мышка, мышка! Не грызи веревки!—И мышка не грызеть.
«Кошка, кошка! Задави мышку!— И кошка не давить.
«Дымъ, дымъ! Задуши кошку!— И дымъ не душитъ.
«Огонь, огонь! Сожги дымъ!— И огонь не сжеть. Вода,
«вода! Погаси огонь!— И вода не гасить» ⁴²⁰⁾.

Самый выгодный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый трудный способъ охоты на оленей *гоньба*.— Для этого стовариваются нѣсколько человекъ. Они отыскиваютъ тропу, по которой животныя ходятъ на водопой. Надобно замѣтить, что олени всегда водятся семействами и любятъ общество, почему иногда нѣсколько семействъ соединяются въ одно стадо. Стада эти всегда ходятъ вереницами по одной, разъ проложенной тропѣ. По той-же тропѣ, по которой ходятъ лѣтомъ, они продолжаютъ ходить и осенью и зимой, и такимъ образомъ снѣгъ, исподволь выпадающій, утаптывается, и эта тропа зимою становится единственнымъ путемъ посреди глубокихъ рыхлыхъ снѣговъ. Два охотника, въ значительномъ отдаленіи отъ другаго разстояніи, прячутся около тропы въ снѣгу. Какъ только стадо пройдетъ мимо одного изъ нихъ по направленію къ другому, первый становится на тропу и подаетъ сигналъ другому. Олени выдаютъ въ сторону, въ глубокой снѣгъ. Первый изъ нихъ грудью пролагаетъ путь другимъ, которые вереницей слѣдуютъ за нимъ, до тѣхъ поръ, пока онъ выбьется изъ силъ и упадетъ. Тогда остальные перескакиваютъ черезъ него, и онъ становится послѣднимъ и бѣжить уже по умятой тропинкѣ. Когда устааетъ новый передовой, также падаетъ, также черезъ него перескакиваютъ другіе и т. д. Между тѣмъ охотники несутся за стадомъ на лыжахъ, не давая бѣднымъ животнымъ ни отдыха, ни времени, чтобы подкрѣпить силы пищей; они сбрасываютъ съ себя даже лишнюю одежду и остаются въ однихъ рубашкахъ, чтобы легче преслѣдовать добычу, а слѣдующій за ними сзади подбираетъ брошенное. Олени больше и больше устаютъ, чаще и чаще падаютъ передовые; наконецъ одинъ за другимъ совсѣмъ отстаютъ отъ стада, и падаютъ подъ выстрѣлами бѣгущихъ по пятамъ охотниковъ.— Такимъ образомъ истребляется иногда цѣлое стадо. Если стадо велико, то гоньба продолжается не одинъ день.— Какимъ образомъ согрѣваются охотники на морозѣ въ ожиданіи товарища съ подобраннымъ ихъ платьемъ, мы уже говорили выше ⁴²¹⁾. Здѣсь замѣтимъ только, что

въ подобныхъ случаяхъ иногда они ложатся на теплые трупы только что убитыхъ животныхъ.

Гоньба производится преимущественно передъ весной, когда образуется на снѣгу настъ, который легко держитъ охотниковъ на лыжахъ и не поднимаетъ оленей, и послѣдніе сверхъ того, изрѣзывая объ него ноги, ослабѣваютъ, вслѣдствіе истеченія крови и боли.

Изъ различныхъ способовъ *охоты на медвѣдей*, мы упомянемъ только объ одномъ, такъ какъ всѣ остальные употребляются не въ одномъ Зырянскомъ краѣ. Найдя медвѣжью берлогу, охотники отыскиваютъ, по разнымъ примѣтамъ, скважину, которая образуется въ снѣгу отъ дыханія звѣря; нарубаютъ множество вершинъ съ елей и пихтъ длиною въ сажень, и вбиваютъ ихъ въ скважину комлемъ впередъ; разсерженный звѣрь хватаетъ одну вершину за другой, втаскиваетъ ихъ къ себѣ, а вытолкнуть не можетъ; стѣснивъ себя такимъ образомъ, онъ начинаетъ реветъ; по реву, узнаютъ, гдѣ онъ лежитъ; продавливаютъ надъ нимъ отверстіе, и убиваютъ изъ ружей или рогатинами ⁴²²⁾.

Противъ *лисицъ*, когда нападуть на ихъ слѣды, употребляютъ отраву, но съ крайними предосторожностями, чтобы обмануть хитрое животное. Для этого разбрасываютъ кусочки тухлаго мяса, отравленные челибухой или сулемой. Последняя дѣйствуетъ лучше; потому что скорѣе производитъ изверженія, по которымъ и отыскиваютъ звѣря ⁴²³⁾.

Весною, также по слѣдамъ, отыскиваютъ лисьи гнѣзда, берутъ лисенятъ и выкармливаютъ ихъ дома; пока они малы-молокомъ, а когда подрастутъ-всякой падалью. Впрочемъ, когда лисята, по извѣстнымъ Зырянамъ примѣтамъ, окажутся хорошей породы, то ихъ кормятъ и мясомъ. Не смотря на то, шкуры выкормковъ всегда хуже шкуръ дикихъ лисицъ ⁴²⁴⁾. Ихъ убиваютъ около Рождества.

Заключаемъ настоящую главу слѣдующими соображеніями о доходѣ, получаемомъ Зырянами отъ звѣриныхъ и птичьихъ промысловъ.—По нашему мнѣнію, бѣлогъ и рябчиковъ добывается *minimum* по 1,000,000 штукъ. Цѣна 1,000 первыхъ по 70 р., а послѣднихъ по 125 р.; получимъ 195,000 р., а прибавляя къ этой суммѣ половину ея, какъ стоимость прочихъ звѣрей и птицъ, какъ-то: горностаевъ, куницъ, оленей, лисицъ, медвѣдей, куропадокъ, тетеръ и др., цѣнность всѣхъ промысловъ достигнетъ до 300,000 р..

⁴²⁰⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1853 г. № 33: «Разнообразная ловля оленей и предразсудокъ Зырянъ», г. С. Мельникова.

⁴²¹⁾ См. противъ примѣч. 342. Отсталого охотника иногда приходится дожидаться часовъ по 20 (См. по примѣч. 387).

⁴²²⁾ См. по примѣч. 387 стр. 49 и 50.

⁴²³⁾ Тамъ-же.

⁴²⁴⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1856 г. № 45: «Разныя извѣстія», г. П. Сорокина.

Г Л А В А XIV.

РЫБОЛОВСТВО И ДРУГИЕ ПРОМЫСЛЫ.

Стерлядь.—Семга.—Способы рыбной ловли: въ заплеты журами; крыленами; два способа ловли въ курьяхъ.—Ловля сырпомъ.—Разные другіе промыслы: разработка Брусной горы; разные работы на заводахъ; доставка дровъ для Сереговскаго завода; судостроеніе и бурлачество; заработки въ Петербургѣ; льсопромышленность; ремесла.

Безчисленное множество зырянскихъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, изобилующихъ весьма разнообразными породами рыбъ, уже обуславливаетъ значительное развитіе рыболовства, тѣмъ болѣе, что тамошняя рыба отличается и величиною, и вкусомъ, особенно печорская. Лохъ достигаетъ иногда 5 пуд., щука—3 п., нельма, шипъ и налимъ—1 п., лещи—20 ф., семга—1 п. 20 ф. ⁴²⁵). Въ 1852 г. была поймана семга въ 2 п. 15 ф. ⁴²⁶). Достоинство печорской семги всѣмъ извѣстно. Г. Арсеньевъ утверждаетъ, что вычегодская стерлядь лучше волжской ⁴²⁷).

До 1845 г. въ рѣкахъ сѣверодвинскаго бассейна *стерляди* во все не было. Полагаютъ, что она появилась здѣсь послѣ закрытія Сѣвероекатерининскаго канала, посредствомъ котораго соединилась Вычегда съ Камою, и надобно думать, что ей понравилось новое мѣсто жительства, потому что она съ удивительною быстротою распространилась по всему теченію Вычегды, Сѣв. Двины и по Сухонѣ, чуть не до самаго Кубенскаго озера, т. е. считая по возможно прямому водному пути, на 1,500 верстъ. Другіе говорятъ, что въ Вычегдѣ развелъ стерлядь извѣстный въ свое время яренскій охотникъ—рыболовъ А. В. Клеопатровъ. И то и другое намъ не кажется невѣроятнымъ. Однако-же мы знаемъ, что г. Клеопатровъ не дожилъ до времени распространенія стерляди въ Двинской системѣ. Въ 1850 г. въ Устюгѣ маломѣрные рыбы этой породы продавались дешевле всякой другой. Но послѣ того въ Сухонѣ она стала переводиться, и теперь уже рѣдко попадаетъ даже близъ Устюга. Собственно въ Зырянскомъ краѣ она водится преимущественно въ Вычегдѣ; даже въ большомъ притокѣ этой рѣки Сысолѣ ея нѣтъ, не смотря на то, что сысольская вода чище

и свѣтлѣе вычегодской.—Г. Богдановъ пишетъ ⁴²⁸), будто стерлядь ловится въ Печорѣ; но мы убѣждены, что онъ ошибается. Появленіе этой дорогой рыбы Зыряне встрѣтили съ неудовольствіемъ: они считали ее нечистою; приписывали ей распространеніе лихорадокъ и уменьшеніе другихъ породъ. Они не умѣли ее и ловить, до тѣхъ поръ, пока одинъ, возвратившійся на родину, если не ошибаемся, изъ Казани солдатъ, не объяснилъ имъ цѣнности рыбы и устройства самолововъ. Устьсысольскій купецъ Н. А. Поповъ, воспользовавшись огромною разницею въ цѣнахъ на эту рыбу на мѣстѣ и въ Петербургѣ, сталъ закупать ее и отправлять въ столицу чрезъ каналъ герцога Александра Виртембергскаго, въ особаго устройства судахъ съ двойнымъ дномъ, изъ коихъ на нижнемъ дѣлаются прорѣзы, и между обоими помѣщается рыба. Попытка г. Попова увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ: товаръ его дошелъ до Петербурга безъ всякой потери. Поэтому отправка стерляди въ Петербургъ продолжается и теперь, хотя цѣны на нее на мѣстѣ сильно возвысились. Въ Устьсысольскѣ напр. сперва фунтъ ея продавался по 2 коп. ⁴²⁹); въ 1857, мы въ Яренскомъ уѣздѣ покупали по 30 коп.; а въ 1865 г., по словамъ г. Арсеньева, цѣна дошла до 75 коп. ⁴³⁰). Мы имѣемъ свѣдѣніе о возвышеніи цѣны на стерлядь въ Великомъ Устюгѣ за цѣлое 20—лѣтіе, начиная съ 1853 г. Въ 1853 г. она продавалась тамъ по 4½ коп. за фунтъ, въ 1863—по 55, а въ 1873—по 80 к. (мы беремъ цѣны среднихъ годовъ). Зыряне продаютъ стерлядь не на мѣру, а вѣсомъ,—чѣмъ и пользуются закупщики.

Семга водится во всѣхъ зырянскихъ рѣкахъ; но ловля ея только на Печорѣ, преимущественно въ нижней части и въ большомъ притокѣ этой рѣки Щугорѣ, составляетъ

⁴²⁵) Тамъ-же и см. примѣч. 413.

⁴²⁶) См. по примѣч. 387 стр. 15.

⁴²⁷) Тамъ-же.

⁴²⁸) См. примѣч. 393.

⁴²⁹) См. примѣч. 426.

⁴³⁰) Тамъ-же.

предметъ самостоятельнаго промысла. Нельзя не пожалѣть, что эту рыбу дурно солятъ. Чрезвычайно жирная, она требуетъ много соли; но рыбаки жалѣютъ столь недорогаго продукта, потому что покупатели вѣсятъ товаръ безъ посола. Только поэтому во внутреннихъ губерніяхъ сложилось убѣжденіе, что лучшая семга—двинская, и Москвичи, напримѣръ, ѣдятъ, вмѣсто семги, лососину, да еще прихваливаютъ. Впрочемъ, большую часть улова вымѣниваютъ чердынскіе купцы на хлѣбъ и разные другіе предметы, и распродаютъ его въ приуральскихъ губерніяхъ, а остальное количество продается на Важской и Устьсысольской ярмаркахъ, а также на Пинежской (Архангельской губерніи).

Вывозятся также изъ Зырянскаго края и другія рыбы—замороженныя: чирь, пеляди, нельмы, сиги, щуки, окуни и т. п.; но мы не знаемъ выходятъ-ли онѣ за предѣлы Вологодской губерніи. Впрочемъ едвали; такъ какъ вкуснѣйшія изъ нихъ—чирь и пеляди даже въ Вологдѣ рѣдкость, а нельми, сиги и пр. тамъ есть и свои. Доходность рыбнаго промысла, мы не рѣшаемся опредѣлить даже приблизительно; и замѣтимъ только, что онъ упадаетъ, но не смотря на то на мѣстѣ рыба очень дешева: семга напр. продается по 2 р. 50 к. и по 3 р. за пудъ ⁴³¹⁾.

Послѣ звѣроловства и птицеловства рыбачество составляетъ самое любимое занятіе Зырянъ, и они столь-же искусные рыболовы, какъ и охотники. Способы ловли чрезвычайно разнообразны и часто весьма замысловаты. Мы не будемъ говорить о тѣхъ изъ нихъ, которые употребляются и въ другихъ мѣстахъ, напр. ловля неводомъ (семга главнымъ образомъ попадаетъ въ невода), самоловами (стерлядь) и т. д.; но распространимся о тѣхъ, которые, какъ намъ кажется, существуютъ только въ Зырянскомъ краѣ.

Ловля рыбы производится главнымъ образомъ весною. Только стерлядь и семга составляютъ исключеніе: первая ловится преимущественно въ межень, а послѣдняя, когда, выметавъ въ рѣкахъ икру, спускается въ море, тоже въ Іюль и Августъ ⁴³²⁾.

Еще съ осени, по склонамъ рѣчекъ и ручьямъ, въ лугахъ и оврагахъ, заливаемыхъ весеннею водою, дѣлаются огороды изъ тонкихъ прутьевъ, въ переплетъ. Эти огороды всегда имѣютъ видъ ломанной линіи, въ каждомъ изломѣ которой оставляется окошко, и въ каждое окошко ставятся *кужи*, т. е. надѣтыя на кувшинообразный остовъ изъ прутьевъ мережи. Кужи опускаются въ воду, когда начнется ходъ рыбы изъ рѣки и при томъ такъ, что одни изъ нихъ горлами обращены къ рѣкѣ, а другіе—напротивъ. Такимъ образомъ въ нихъ попадаетъ и та рыба, которая поднимается изъ рѣки, и та, которая спускается въ нее. Этимъ способомъ ловится только

крупная рыба: леши, чирь, сиги, нельмы, язи, щуки и окуни; потому что ячеи мережи вяжутся величиной по вершку въ квадратѣ. Это называется ловля *въ заплеть кужами*.

Въ Зырянскомъ краѣ большія рѣки весною образуютъ заливы, называемые *курьями*. Въ такія курьи спускаются *крылены* или *крылачи*, Это—двугорлые мережи, у которыхъ каждое горло имѣетъ *приполки*, которыя растопыряются, надѣваясь на большія дуги. Крылены опускаются въ воду или съ камнемъ, или притыкаются ко дну шестиками.

Есть курьи, имѣющія очень узкія устья, черезъ которыя заливается въ нихъ рѣчная вода. Когда вода начнетъ сбывать, рыболовы запираютъ выходы изъ такихъ заливовъ въ рѣку заранѣе приготовленными ширмами изъ тоненькихъ дранокъ, перевязанныхъ мочалами и съ острыми концами. Такимъ образомъ выходъ изъ курьи почти мгновенно запирается, и рыба въ ней дочиства вылавливается неводами.

Если курья скатывается въ рѣку русломъ какой нибудь рѣчки; то, вмѣсто ширмъ, устье ея запирается тычинами, вбиваемыми такъ, чтобы вершины ихъ были наклонены въ сторону рѣки, и съ этой стороны подпираются упорами. На тычки надѣвается мережа. Такимъ способомъ иногда въ одной курьѣ налавливается по 150 пуд. въ разной рыбы.

Въ теченіе всего лѣта ловятъ рыбу *сыртомъ*. Это—плавильная мережа сажень въ 30 длины и отъ 3 до 4 с. ширины. Она двойная: затылочная часть ея частая, а передняя—рѣдкая.—Сырть плавится по теченію воды, обыкновенно рано утромъ, при чемъ соблюдается самая глубокая тишина. Выбирать его изъ воды начинаютъ, когда рыбаки почувствуютъ, что рыба въ немъ уже запуталась. Этимъ способомъ ловится исключительно крупная рыба, какъ наприм. нельма ⁴³³⁾.

Рыболовство, хотя не такъ прибыльно, какъ звѣринные и птичьи промыслы, однако имъ занимаются всѣ Зыряне.

Теперь мы обращаемся къ тѣмъ промысламъ, которые составляютъ занятіе населенія отдѣльныхъ мѣстностей, и сообщимъ объ нихъ только краткія свѣдѣнія.

Крестьянамъ Троицко-Печорскаго и Устьнемо-Мылдинскаго обществъ предоставлено исключительное право разработки Брусной горы. Эта гора отдается въ арендное содержаніе стороннему лицу, которое одну половину зарабатываемой мѣстными Зырянами платы вноситъ въ казначейство, въ уплату за нихъ податей, а другую—выдаетъ имъ на руки. Работы продолжаются цѣлое лѣто; такъ что крестьяне перебираются на все время производства ихъ изъ своихъ селеній на гору. Рабочихъ бываетъ до 350 человекъ, изъ которыхъ каждый выручаетъ до

⁴³¹⁾ Тамъ-же.

⁴³²⁾ См. примѣч. 387 стр. 5.

⁴³³⁾ Тамъ-же стр. 9—14.

18 руб. деньгами и сверхъ того получаетъ готовое содержаніе, рублей на 12.—Брусья и точила сплавляются въ Пермскую губернію ⁴³⁴⁾.

Довольно значительныя выгоды доставляли прежде Сысольскимъ Зырянамъ подвозка руды, сженіе угля и т. п. для Кажимскихъ желѣзодѣлательныхъ и чугуноплавильныхъ заводовъ; потомъ эти заводы перестали было дѣйствовать, но слышно, что нынѣ они снова пущены въ ходъ.

Вымскіе Зыряне занимаются рубкою и доставкой дровъ для Сереговскаго солевареннаго завода. Замѣчательно, что дровяныя плоты съ верхней части рѣки спускаются безъ проводниковъ; но на нихъ кладутся мѣтки. На заводѣ плоты перенимаются заводскими служителями, а поставщики получаютъ расчетъ послѣ, по мѣткамъ.

Еще больше выгодъ получаютъ Зыряне, особенно лузскіе, отъ постройки, нагрузки и сплава судовъ. Суда эти главнымъ образомъ сплавляются въ Ношувской и Вымско-быковской пристаней, находящихся на р. Лузѣ. Здѣсь грузятся иногда болѣе 100 большихъ барокъ, требующихъ до 6,000 рабочихъ. На Сереговскомъ заводѣ (на р. Выми) грузятся до 20 судовъ соли, требующихъ до 100 рабочихъ, и около того въ Устьсысольскѣ и другихъ мелкихъ мѣстахъ нагрузки. Кроме того, мно-

жество Зырянъ отправляется бурлачить на Вологодскую и другія пристани.—По нашимъ соображеніямъ, эта статья заработковъ приносить до 100,000 рублей валоваго заработка ⁴³⁵⁾. Надобно замѣтить, что Вологда отъ ближайшаго Зырянскаго селенія находится болѣе, чѣмъ въ 700 верстахъ. Изъ этого видно съ какими трудомъ Зыряне зарабатываютъ средства къ существованію.

Многіе Зыряне отправляются на заработки въ Петербургъ, гдѣ, говорятъ, зырянская прислуга славится своей честностью и потому цѣнится. Въ этой столицѣ многіе изъ нихъ работаютъ въ типографіяхъ.

Лѣсопромышленность, т. е. смолокуреніе, дегтекуреніе, сажекопченіе и т. п. могли-бы приносить огромныя выгоды населенію края, особенно при удобствѣ и дешевизнѣ сплава лѣсныхъ издѣлій къ Архангельску; но этотъ родъ промышленности началъ приниматься лишь въ послѣднее время, и притомъ въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Сплавъ строеваго лѣса, въ сравненіи съ громадностью превосходныхъ лѣсовъ, столь ничтоженъ, что не заслуживаетъ упоминанія.

Ремесленной промышленности, произведенія которой служили-бы предметомъ сбыта на сторону, вовсе не существуетъ, за исключеніемъ нехитрыхъ издѣлій изъ доманика, которыхъ выпускается лишь на нѣсколько рублей.

Г Л А В А XV.

ТОРГОВЫЯ СНОШЕНІЯ ВЪ ЗЫРЯНСКОМЪ КРАѢ.

Торговые капиталы.—Лавочная торговля.—Торжки.—Ярмарки.—Чердынскіе купцы.—Развозная торговля.—Коммисіонеры.—Мѣстные кулаки.

Сообщивъ свѣдѣнія о естественныхъ богатствахъ Зырянскаго края, какъ эксплуатируемыхъ, такъ и ожидающихъ эксплуатаціи, а также о количествѣ и качествѣ рабочихъ силъ, которыя направлены, или могутъ быть направлены къ разработкѣ этихъ богатствъ,—обращаемся къ торговлѣ.

Размѣръ торговыхъ оборотовъ прежде всего опредѣляется массой *капиталовъ*. По официальнымъ, на этотъ разъ безъ сомнѣнія точнымъ свѣдѣніямъ, по Устьсысольскому уѣзду въ 1864 году выдано торговыхъ свидѣтельствъ: 1-й гильдіи—одно; 2-й гильдіи, въ 25 руб-

лей,—30; на мелочной торговѣ, въ 8 руб.—151 и на мѣщанскіе промыслы, въ 2 руб. 50 коп.—9 ⁴³⁶⁾. Это цифры старыя, но онѣ не могли чувствительно измѣниться, и по нимъ, во всякомъ случаѣ, можно судить о ничтожности мѣстной торговли. По Яренскому уѣзду мы не имѣемъ цифръ, относящихся собственно къ зырянской части его.

О незначительности *лавочной торговли* можно судить потому, что въ Устьсысольскѣ съ населеніемъ въ 3,500 душъ считается только 18 кое-какихъ лавокъ ⁴³⁷⁾, да и тѣ не постоянно открыты. Въ другомъ городѣ,

⁴³⁴⁾ Волог. Губ. Вѣд. 1859 г. № 47: «Брусаяная гора въ Устьсысольскомъ уѣздѣ».

⁴³⁵⁾ См. примѣч. 273.

⁴³⁶⁾ Памят. книжки. Волог. губ. на 1865 и 1866 г. см. таблицу: «Число выданныхъ въ 1864 г. торговыхъ свидѣтельствъ».

⁴³⁷⁾ Тамъ-же: таблица. «Число торговыхъ лавокъ».

Яренскѣ, находящемся близъ самой границы Зырянскаго края, только одна постоянно открытая лавка.

Въ праздники бывають при нѣкоторыхъ сельскихъ церквахъ *торжки*; но на нихъ продаются лишь крестьянскія лакомства на не многіе рубли ⁴³⁸).

Ярмарокъ въ обоихъ зырянскихъ уѣздахъ, Устьсы- сольскомъ и Яренскомъ, считая и русскую часть послѣдняго, 11; на нихъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, привозится товаровъ на 262,000 р. и продается на 150,000 р. Цифры эти, конечно, гадательныя, а, вѣрнѣе сказать, выставленныя на обумъ; но онѣ все-таки позволяютъ сдѣлать заключеніе, что и ярмарки далеко не соотвѣтствуютъ потребностямъ края, тѣмъ болѣе, что большая часть ихъ главнымъ образомъ служить для сбыта мѣстныхъ произведеній, а на самую важную Вашингинскую привозятся мѣха, дичь и рыба не только изъ большей части Зырянскаго края, но и изъ Сибири, какъ напримѣръ мороженая осетрина, и являются Самоѣды съ стадами оленей и продуктами оленеводства ⁴³⁹). Вообще надобно замѣтить, что зырянскія ярмарки очень мало служатъ для снабженія мѣстнаго населенія привозными товарами и не много болѣе для сбыта туземныхъ; а продажа и покупка производятся здѣсь особыми способами, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ.

Печорскую часть Зырянскаго края снабжаютъ всеѣмъ нужнымъ чердынскіе купцы, которые каждую весну являются сюда съ нѣсколькими десятками каюковъ, нагруженныхъ мукой, желѣзомъ, чугуномъ, свинцомъ, краснымъ товаромъ и пр., и отправляются въ обратный путь съ семгой, точилами и брусьями съ Брусняной горы и т. п.—Само собой разумѣется, что весьма немногіе Печорцы имѣють столько наличныхъ денегъ, чтобы закупить у наѣзжихъ торговцевъ годовую пропорцію всего, что имъ нужно, и по этому прибѣгають къ посредству мѣстныхъ кулаковъ, о которыхъ сейчасъ мы будемъ говорить особо.

Въ другія части Устьсысольскаго уѣзда въ недавнее время одинъ купецъ сталъ посылать своихъ прикащиковъ преимущественно съ краснымъ товаромъ. Останав-

ливаясь въ разныхъ селеніяхъ только на время, эти торговцы продають свой товаръ всегда на наличныя деньги.

Для закупки произведеній мѣстной промышленности разѣзжаются по деревнямъ комисіонеры и прикащики разныхъ торговыхъ домовъ. Закупкой ржи, овса, льна, телячьихъ и другихъ шкуръ въ Сысольской и Лузской частяхъ Зырянскаго края занимаются преимущественно повѣренныя архангельскихъ купеческихъ конторъ; но и они имѣють дѣла не съ непосредственными производителями, а опять съ тѣми-же кулаками.

Кулаками мы называемъ маленькихъ капиталистовъ, которые встрѣчаются почти во всякой деревнѣ, и которые на наличныя деньги закупають запасы всего нужнаго въ семейномъ и охотничьемъ быту Зырянина, для раздачи нуждающимся въ долгъ, съ тѣмъ, чтобы ссуда была возвращена продуктами охоты, рыболовства и т. д.

Само собой разумѣется, что кулакъ своему товару, давая его въ долгъ, назначаетъ высокую цѣну, а товаръ промышленника принимаетъ въ уплату по самой низкой. И ничто не ограничиваетъ произвола ростовщика: обходя его, негдѣ взять, напр. охотнику, пороку, провизіи и пр., а если и есть гдѣ, то нужны деньги, трата дорогаго времени.—Такимъ образомъ, у подобныхъ кулаковъ сосредоточиваются все произведенія мѣстной промышленности, и уже отъ нихъ поступаютъ въ руки иногородныхъ крупныхъ торговцевъ,— всегда за наличныя деньги.

Изъ сказаннаго, кажется, можно-бы было заключить, что между Зырянами должны встрѣчаться значительныя капиталисты; но на самомъ дѣлѣ этого мы не видимъ. Во первыхъ, кругъ дѣятельности каждаго изъ зырянскихъ кулаковъ весьма ограниченъ, а во вторыхъ они и сами неспособны расширить свои обороты. Зырянскій торгошъ никогда не торгуетъ иначе, какъ на наличныя, и не рискуетъ всеѣмъ своимъ капиталомъ: онъ копить деньги, а не торгуетъ; онъ не купецъ, а ростовщикъ, и даже не ростовщикъ, а скряга, который, даже подъ вѣрное обезпеченіе, не выпускаетъ всей своей наличности ⁴⁴⁰).

⁴³⁸) См. примѣч. 387.

⁴³⁹) Волог. Губ. Вѣд. 1849 г. № 21: «Стат. опис. Яренскаго уѣзда», г. П. Протопопова. Удивительно дешево продается на Вашингинской и Пинежской ярмаркахъ сибирская (обская) осетрина. Мы не знаемъ точно, почему забирають ее тамъ московскіе и другіе торговцы, но о дешевизнѣ ея можно судить потому, что наприм. въ Вельскѣ, значить уже изъ вторыхъ рукъ, мы въ 1860-хъ годахъ покупали ее по 5 рубл. за пудъ съ ирою, клеємъ и отчасти вязгой. По

такой же цѣнѣ она продавалась въ то время и въ Вел. Устюгѣ. Столь низкую цѣну объясняли дешевизною доставки этой рыбы изъ Сибири на оленяхъ. Впрочемъ цѣны на осетрину теперь сильно возвысились, неизвѣстно по какой причинѣ: въ 1873 г. въ Устюгѣ она уже продавалась по 17 р. за пудъ.

⁴⁴⁰) Свѣдѣнія о сельской торговлѣ въ Зырянскомъ краѣ передамы по запискамъ покойнаго П. Копшарова г. Арсеньевымъ (см. примѣч. 387).

Г Л А В А XVI.

ОБЩЕ ВЫВОДЫ ИЗЪ ПРЕДЪИДУЩАГО.

Мы кончили свой трудъ. Приступая къ нему, въ предисловіи мы опредѣлили цѣль его: тамъ мы сказали, что предприняли его съ тѣмъ, чтобы, по возможности, сдѣлать достояніемъ литературы всѣ тѣ свѣдѣнія о природѣ Зырянскаго края и свойствахъ его обитателей, которыя, по существу своему, преходящи и, вслѣдствіе того, могутъ безслѣдно пропасть для науки. Къ числу этихъ недолговѣчныхъ свѣдѣній мы отнесли и заключающіяся въ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ уцѣлѣвшихъ №№ неофициальной части «Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; но не упомянули, что приняли за правило строго-критически относиться къ этому литературному матеріалу, хотя и думали, и теперь продолжаемъ думать, что очистка его отъ грѣховъ вольныхъ и невольныхъ должна имѣть въ глазахъ будущаго изслѣдователя, отрицательное, но не маловажное значеніе; тѣмъ болѣе, что никто, кромѣ насъ, по обстоятельствамъ, само собой разумѣется случайнымъ и не отъ нашей воли зависѣвшимъ, не имѣетъ столько, какъ мы, возможности исполнить такую задачу. Мы много лѣтъ близко стояли къ редакціи названной выше губернской газеты и лично знали большую часть ея сотрудниковъ и корреспондентовъ на столько, чтобы безошибочно судить о ихъ человѣческихъ и писательскихъ наклонностяхъ, что получаетъ особый вѣсъ въ виду непосредственнаго знакомства нашего съ цѣлою Вологодскою губерніею.

Въ предисловіи къ своему труду мы заявили также, что далеки отъ мысли написать всестороннее, округленное изслѣдованіе, а намѣрены обработать лишь часть, правда значительную, *материаловъ* для будущаго изслѣдователя края и его населенія. Поэтому, излагая факты, мы сами старались стоять въ сторонѣ, и позволяли себѣ высказывать свои собственные взгляды на тотъ или другой отдѣльный предметъ и предлагать вниманію читателей собственные наблюденія лишь тогда, когда нужно было пополнить пробѣлы въ источникахъ, исправить невѣрные свѣдѣнія, или заявить сомнѣніе въ достовѣрности нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такимъ образомъ нигдѣ въ своемъ сочиненіи мы не высказали собственного цѣльнаго взгляда на предметъ своей монографіи. Изъ этого однако же не слѣдуетъ заключать, что мы не выработали такого взгляда. Изложенію его посвящаемъ настоящую главу.

Не станемъ возвращаться къ содержанію начальныхъ главъ нашего сочиненія, посвященныхъ прошедшему Зырянъ; такъ какъ въ этихъ главахъ несравненно болѣе, чѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ, и почти исключительно, мы излагали собственный взглядъ на предметъ. Теперь же, и прежде всего, сдѣлаемъ безпристрастную оцѣнку естественныхъ богатствъ Зырянскаго края.

Начиная VII главу своей монографіи, мы указали два извѣстныхъ намъ и совершенно одно другому противорѣчащія воззрѣнія на богатства природы Зырянскаго края: одни наблюдатели, которыхъ мы, для краткости, будемъ далѣе называть пессимистами, смотря на этотъ край, какъ на страну, до крайности бѣдную и даже впереди не имѣющую права ожидать лучшаго; а другіе, которыхъ будемъ называть оптимистами, восторгаются его несмѣтными богатствами и общають великолѣпную будущность. Оба эти воззрѣнія отчасти ошибочны; такъ какъ оба они, хотя и добросовѣстны, но равномѣрно непрактичны. Взглянемъ на предметъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Оптимисты, убѣжденія которыхъ очень долго раздѣляли, а можетъ быть и теперь раздѣляютъ, подлежащія губернская и иныя власти, главнымъ образомъ наираютъ на ископаемыя богатства края: на золото, серебро, мѣдь, желѣзо, нефть, и т. п. За такія воззрѣнія многіе изъ нихъ поплатились трудомъ, нѣкоторые—капиталами, болѣе или менѣе значительными, а одинъ—разсудкомъ.

Мы исчислили въ VII главѣ существующія дѣйствительно и въ воображеніи оптимистовъ ископаемыя богатства. При этомъ мы видѣли, что: 1) *Золото* на Печорѣ можетъ быть есть, а можетъ быть нѣтъ; скорѣе же всего нѣтъ, такъ какъ, несмотря на нѣсколько болѣе или менѣе энергическихъ попытокъ отыскать этотъ благородный металлъ, не найдено ни одной крупинки его, да и слуховъ о томъ до сихъ поръ нѣтъ, впрочемъ теперь, кажется, и самое золотоискательство прекратилось; 2) *Серебро*—тоже. О существованіи его носятъ только слухи, быть можетъ, основанные на превратно истолкованныхъ фактахъ. Никто изъ лицъ, сообщившихъ такіе слухи, самъ не видалъ серебра ни въ рудѣ, ни въ самородкахъ. Въ 1850-хъ годахъ кричали-же въ Вологдѣ и заводили официальную переписку о несмѣтномъ количествѣ богатѣйшей въ мірѣ золотой руды, которая въ концѣ концовъ оказалась мѣдными колчеданами. 3) *Мѣдь* несо-

инѣнно есть; но надобно еще разрѣшить вопросъ, стоитъ ли она разработки? Оптимисты ухватываются за тотъ фактъ, что еще при Иванѣ Васильевичѣ III этотъ металл добывался на Печорѣ, а по нашему мнѣнію такой фактъ прежде всего свидѣтельствуеъ о бѣдности руды: иначе не для чего было-бы прекращать разработку ея.

4) *Жельзо* также есть. Существуютъ даже такъ называемые Кажимскіе чугуноплавильные и желѣзодѣлательные заводы, изъ которыхъ, впрочемъ, только три, и при томъ самые незначительные, а именно: Кажимскій, Нючпасскій и Нювчимскій находятся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, а важнѣйшіе: Кирсинскій и Песковскій — въ Вятской губерніи. Но и эти заводы обязаны своимъ основаніемъ искусственнымъ административнымъ мѣрамъ, т. е. поссессионному праву; и не смотря на то, что въ концѣ 1850-хъ годовъ ихъ приобрѣлъ извѣстный капиталистъ Бенардаки, заплатившій за нихъ огромную сумму (около 800,000 рублей.), и, слѣдовательно, имѣвшій и желаніе, и средства поддержать ихъ,—будущность ихъ сомнительна. Между тѣмъ кажимское желѣзо высоко цѣнится по своимъ качествамъ. Существовавшая когда то въ Яренскомъ уѣздѣ выдѣлка желѣза прекратилась, какъ и разработка мѣдной руды на Печорѣ.

5) *Антрацитъ* и *каменный уголь* конечно есть; но это наслѣдство, которымъ могутъ воспользоваться лишь отдаленные наши потомки.

6) *Графитъ* найденъ на Вотчѣ; но ни качества, ни степень изобилія этого ископаемаго не обследованы.

7) *Точильный камень*, какъ мы видѣли, приноситъ самую скудную пользу самому незначительному числу лицъ.

8) *Нефть* до сихъ поръ не оправдывала ожиданій ея эксплуататоровъ.

9) *Соль*, вывариваемая на одномъ Сереговскомъ заводѣ, также, какъ и точильный камень, доставляетъ скудные заработки лишь окрестному населенію. Не будемъ продолжать и безъ того довольно длиннаго перечня Зырянскихъ ископаемыхъ, которыя неэксплуатируются и неизвѣстно, будутъ-ли когда нибудь эксплуатироваться. Изъ поименованныхъ сейчасъ и наиболѣе бросающихся въ глаза ископаемыхъ только три разрабатываются, именно: желѣзо, соль и точильный камень, отъ чего получается, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, не болѣе, а въ случаѣ исключительнаго счастья, немного болѣе 200,000 р. валоваго дохода. Если изъ этой суммы вычестъ доходы капиталистовъ, владѣющихъ заводами, и арендатора Брусяноточильной горы, а также казенныя пошлины и т. п.; то увидимъ, какъ мало выгодъ приноситъ населенію края горнозаводская промышленность. Эта истина всего лучше доказывается тѣмъ, что жители тѣхъ селеній, которыя снабжаютъ заводы рабочею силой, не пользуются болѣе доволствомъ, чѣмъ остальное населеніе страны, а скорѣе можно сказать, что они болѣе бѣдны.

Мы не считаемъ себя въ правѣ утверждать, что горнозаводская промышленность въ Зырянскомъ краѣ не приметъ когда нибудь большихъ размѣровъ; но твердо

убѣждены, что если это и случится, то не скоро, очень не скоро; такъ какъ между Зырянами нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣтнаго капиталиста, а прилива капиталовъ извнѣ, въ почти неизвѣстный край, особенно въ виду недавнихъ неудачъ г. Бенардаки (покупка Кажимскихъ заводовъ), В. Н. Латкина (сбытъ за границу Печорскаго лѣса) и М. К. Сидорова (добыча нефти), трудно ожидать: безъ капиталовъ — же разработка Зырянскихъ ископаемыхъ не мыслима. Но пусть явятся капиталы; пусть устроятся новые заводы; откроются пріиски: на долю туземцевъ можетъ достаться только одна черная и неблагодарная работа, и ихъ будутъ эксплуатировать капиталисты наравнѣ съ неорганическими продуктами ихъ родины.

Гораздо болѣе общаются растительныя богатства края. Одни чуть не безжѣрные лѣса говорятъ сами за себя; но еще болѣе говорятъ за нихъ рачители пользы Зырянскаго края. Не смотря на то, этотъ даръ природы въ настоящее время приноситъ еще менѣе пользы, чѣмъ ископаемыя. Нельзя не пожалѣть, что даже такія лица, какъ покойный В. Н. Латкинъ, потратившій столько трудовъ и приобрѣтенныхъ трудовъ средствъ на благородныя попытки оживить промышленность излюбленной имъ Печоры, еще недавно смотрѣли на эксплуатацію Зырянскихъ лѣсовъ съ невѣрной точки зрѣнія: думали, а можетъ быть, и теперь кто нибудь думаетъ облагодѣтельствовать Зырянъ, устроявъ въ широкихъ размѣрахъ сбытъ строеваго лѣса за границу. Предположимъ, что такая, пока не удающаяся попытка, удалась-бы. Но, тогда Зыряне какую-бы пользу извлекли для себя изъ лѣсоистребленія?—Отвѣчаемъ: точно такую-же, если не меньшую, какъ и тѣ изъ нихъ, которые теперь доставляютъ топливо для Сереговскаго солевареннаго и Кажимскихъ чугуноплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ, т. е. населеніе края подверглось-бы эксплуатаціи капиталистовъ наравнѣ съ лѣсами. Мы бы иначе посмотрѣли на дѣло, если бы лѣса Зырянскаго края составляли собственность живыхъ единицъ, его населяющихъ; ибо въ такомъ случаѣ, лѣсами онѣ бы пользовались, или могли бы пользоваться, какъ собственнымъ капиталомъ; но теперь лѣсной капиталъ принадлежитъ казнѣ, которая не извлекаетъ изъ него никакой выгоды, если принять въ соображеніе расходы на содержаніе четырехъ лѣсныхъ съ соответствующимъ числомъ низшихъ лѣсныхъ чиновъ. Зырянскіе лѣса, какъ предметъ отпуска за границу въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, могли бы получить значеніе, если бы даже и были достояніемъ частныхъ лицъ, только тогда, когда не будетъ существовать конкуренціи со стороны смежныхъ лѣсныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, болѣе близкихъ къ Архангельску; а прекращенія такой конкуренціи можно ожидать лишь не въ близкомъ будущемъ.

Гораздо болѣе общается выгодъ производство такъ называемыхъ лѣсныхъ издѣлій, т. е. смолы, скипидару,

канифоли, пеку и т. п.—Изъ Вельскаго, напримѣръ, уѣзда давно отправлялся строевой лѣсъ къ Архангельскому порту; но рубка и сплавъ его ни мало не содѣйствовали развитію народнаго благосостоянія. Напротивъ того, смолокурение доставляетъ хорошіе заработки, которые, притомъ, требуютъ сравнительно меньшаго труда. Главная же выгода смолокурения заключается въ томъ, что оно не нуждается въ капиталахъ, и производится каждымъ смолокуроромъ у себя дома. Даже выдѣлка скипидару, канифоли и т. д. требуетъ лишь незначительныхъ капиталовъ, какіе найдутся и у Зырянъ. Какъ выгодно смолокурение опять доказывается примѣромъ Вельскаго уѣзда, гдѣ, по случаю возвышенія цѣны на смолу во время сѣвероамериканской войны, съ поразительною быстротою поднялось общее благосостояніе и появились у крестьянъ капиталы, хотя не крупные. Впрочемъ, въ послѣднее время смолокурениемъ стали заниматься по р. Вычегдѣ. Мы не сомнѣваемся въ близкомъ развитіи этого рода промышленности, такъ какъ выгодность ея очевидна и для каждаго крестьянина, и для правительства,—для послѣдняго потому въ особенности, что для выкурки смолы употребляется лѣсъ малолѣтный.

Еще болѣе значенія имѣеть воздѣлываніе хлѣбныхъ растений, т. е. хлѣбопашество. На эту статью народнаго хозяйства весьма ошибочно смотрять и оптимисты, и пессимисты (къ числу послѣднихъ, въ этомъ случаѣ, принадлежатъ и губернская администрація). Первые слишкомъ увлекаются иногда поразительнымъ обиліемъ урожаявъ и не обращаютъ должнаго вниманія: во первыхъ на ограниченность посѣвовъ, а во вторыхъ на частые неурожаи въ сѣверной половинѣ Зырянскаго края. Послѣдніе-же, не придавая значенія обилію урожаявъ, съ настойчивостію указываютъ на употребленіе въ пищу разныхъ суррогатовъ хлѣба: пихтовую кору, мохъ, рябиновой листь и т. п. Сколько хлопотъ, бывало, причиняли губернскимъ властямъ донесенія окружныхъ начальниковъ о плохомъ урожаѣ хлѣба у Зырянъ! Опустошались хлѣбные запасные магазины въ хлѣбородныхъ уѣздахъ губерніи; сгонялись тысячи подводъ для подвозки хлѣба къ пристанямъ; зафрахтовывались суда для доставки его нуждающимся! Но суда эти почти никогда не доходили до мѣстъ назначенія, и рѣшительно никогда — во время; и это бывало счастьемъ для Зырянъ. Если бы хлѣбъ доходилъ до извѣстныхъ пристаней, то, какъ это въ подобныхъ случаяхъ водилось, начальство стало бы высылать за нимъ самихъ нуждающихся, а каково бы это было для населенія деревень, отстоящихъ отъ р. Вычегды за многія сотни верстъ, при извѣстномъ намъ состояніи путей сообщенія въ краѣ, или, вѣрнѣе, при отсутствіи ихъ? Затѣмъ, хлѣбъ во всякомъ случаѣ не могъ придти ко времени посѣва, а между тѣмъ онъ всегда главнымъ образомъ предназначался для обдѣленія полей. Наконецъ, если бы

онъ какимъ нибудь чудомъ пришелъ благовременно; то, состоя преимущественно изъ овса и отчасти ржи, все таки не принесъ бы пользы; такъ какъ мы видѣли, что населеніе такъ называемой голодной части края овса вовсе не сѣетъ, ржи очень мало, и ни того, ни другой не ѣдятъ. Между тѣмъ всегда, на встрѣчу судамъ, нагруженнымъ вспомогательнымъ хлѣбомъ и съ страшными усиліями поднимающимся противъ быстрого теченія Вычегды, не имѣющей бичевника, свободно спускались другія, нагруженные тѣми же самыми продуктами Зырянскаго края, конечно южной его части. — И что же? Оставались-ли въ такіе годы поля не засѣянными? Умиряли-ли Зыряне голодною смертью? Развивались-ли между ними повальные болѣзни? — Ничего этого не случалось. Правда, именно въ такіе годы усиливалось употребленіе вышеупомянутыхъ суррогатовъ хлѣба, но это не имѣло, по видимому, вреднаго вліянія на здоровье населенія. Во всякомъ случаѣ такое вліяніе бывало незначительно. Такое, на первый взглядъ, странное явленіе не трудно объяснить многими причинами.

Прежде всего вспомнимъ, что предки Зырянъ вовсе не были земледѣльцами, что неурожаи въ Зырянскомъ краѣ начались не со вчерашняго дня. Потомъ, обратимъ вниманіе на обиліе въ краѣ животной пищи. Если и допустимъ, что лѣсная дичь вся идетъ въ продажу, то все безчисленное множество водяной остается въ краѣ, а изъ рыбъ, населяющихъ тысячи зырянскихъ рѣкъ и озеръ, только незначительная часть вывозится за предѣлы края. Мясо множества убиваемыхъ оленей и лосей все потребляется охотниками. Наконецъ, мало-ли можно указать кочевыхъ и звѣроловныхъ народовъ, которые вовсе не знаютъ растительной пищи? Сами Зыряне употребляютъ иногда вмѣсто хлѣба сушеныхъ куропатокъ. Мудрено-ли же послѣ этого, что они сравнительно мало нуждаются въ растительной пищѣ, и что, при обиліи пищи животной, незначительное количество пихтовой коры, моху и т. п. не можетъ имѣть замѣтнаго вреднаго вліянія на ихъ здоровье?

Какъ бы то ни было, а хлѣбопашество составляетъ главнѣйшую статью народнаго хозяйства во всемъ Зырянскомъ краѣ, за небольшими исключеніями; такъ какъ, за удовлетвореніемъ собственныхъ потребностей, довольно значительная, судя по географическому положенію края, масса хлѣба сбывается за предѣлы его. Нельзя не пожалѣть, что Зыряне, вслѣдствіе прирожденнаго имъ пристрастія къ охотничьимъ и рыбнымъ промысламъ, по нашему мнѣнію, недостаточно заботятся объ увеличеніи посѣвовъ. Жалобы на недостатокъ удобной для хлѣбопашества земли намъ не кажутся основательными. Смѣшно сказать, что въ двухъ уѣздахъ Устьсысольскомъ и Яренскомъ, по экономическимъ примѣчаніямъ къ планамъ генеральнаго межеванія, изъ 20.000,000 дес. общаго количества земли только 31,000

дес. показана подъ пашнями. Несомнѣнно, что послѣдняя цифра ниже истинной, такъ какъ въ нее не могли войти многочисленныя новины; но если мы ее поднимаемъ до 100,000 дес., то и въ такомъ случаѣ она составитъ только $\frac{1}{200}$ всей площади двухъ уѣздовъ. Не уже-ли же изъ остальныхъ 19.900,000 дес., нельзя ничего выбрать для пашень?

Звѣриныя и птичьи промыслы, послѣ хлѣбопашества, по цѣнности продуктовъ, составляютъ самое важное занятіе Зырянъ, хотя послѣдніе, можетъ быть, думаютъ, и не такъ, какъ мы. И на этотъ предметъ оптимисты и пессимисты смотрятъ каждый съ своей точки зрѣнія. Первые видятъ въ звѣринныхъ и птичьихъ промыслахъ только свѣтлую сторону, и не обращаютъ вниманія на то, что доходность охоты далеко не соответствуетъ трудностямъ ея. Мы видѣли какихъ, почти нечеловѣческихъ, усилій она требуетъ, — усилій, на которыя способна только закаленная въ трудахъ натура Зырянина и его безотчетное пристрастіе къ охотѣ. Пессимисты, напротивъ, жалуются на скудость промысловъ, особенно сравнительно съ добрымъ старымъ временемъ, когда въ Зырянскомъ краѣ водились бобры, соболи, чернобурыя и черныя лисицы, и не обращаютъ вниманія на то, что главный предметъ охоты — бѣлка, какъ мы видѣли, вслѣдствіе ея плодовитости, не можетъ быть истреблена, пока не истреблены лѣса, — а лѣсовъ теперь у Зырянъ столько-же, сколько было и за 1,000 лѣтъ до нашего времени, и что теперь охотники владѣютъ лучшимъ орудіемъ для промысловъ — ружьемъ. Пессимисты упускаютъ изъ виду, что нынѣ Зыряне получаютъ выгоды столько же или почти столько-же, какъ и отъ звѣринныхъ промысловъ, — отъ птицеводства. Мы не хотимъ утверждать, что въ Зырянскихъ лѣсахъ теперь дичи стало больше, чѣмъ прежде; но убѣждены въ томъ, что въ старое время, когда почти вся тогдашняя Россія была покрыта полными птицъ и звѣрей лѣсами, продукты птичьихъ промысловъ, если не вовсе не вывозились изъ края, то, во всякомъ случаѣ, далеко не имѣли нынѣшней цѣнности.

Рыбные промыслы не имѣютъ того значенія, какъ звѣриныя и птичьи. Хотя зырянскія воды сравнительно не богаты рыбою; но въ нихъ водится много весьма вкусныхъ породъ ея, каковы: стерлядь, семга, лохъ, чиръ, пелядь, нельма и сигъ. Однако только двѣ первыя изъ нихъ составляютъ предметъ вывоза, а послѣднія лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ въ зимнее время закупаются для нѣкоторыхъ городовъ Вологодской губерніи; большая же часть рыбы потребляется на мѣстахъ лова.

О скотоводствѣ мы здѣсь не будемъ распространяться, такъ какъ все, что могли, сказали въ своемъ мѣстѣ. О разныхъ другихъ промыслахъ также не будемъ говорить отчасти по той же причинѣ, а, главное, потому что они, по незначительности своей, не заслуживаютъ вниманія.

Изъ сказаннаго нами о количествѣ и качествахъ естественныхъ богатствъ Зырянскаго края и о томъ, въ какой мѣрѣ пользуется ими мѣстное населеніе, мы выводимъ такое общее заключеніе: сопоставляя массу ихъ съ пространствомъ страны, мы находимъ ихъ довольно скудными; принимая-же въ соображеніе число лицъ, призванныхъ пользоваться ими, — болѣе, нежели достаточно, и если Зыряне не извлекаютъ изъ нихъ надлежащихъ выгодъ, то въ этомъ виновата не сама природа. Обращаемся къ самимъ обитателямъ края.

Въ сочиненіи своемъ мы изложили, по возможности, всѣ свѣдѣнія о физическихъ и нравственныхъ свойствахъ Зырянъ, о ихъ привычкахъ, образѣ жизни и занятіяхъ, о вѣрованіяхъ ихъ и предрасудкахъ, — упоминали о ихъ языкѣ и скудныхъ произведеніяхъ словеснаго творчества и фантазіи; но, признаемся, мы сами неудовлетворяемся нашимъ изложеніемъ: всѣ приведенные нами отзывы кажутся школьными отмѣтками объ успѣхахъ, прилежаніи и поведеніи учениковъ, — отмѣтками, не имѣющими между собой органической связи. Всѣ черты ихъ физической и нравственной физиономіи вѣрны; но изъ нихъ почему-то не слагается живаго типа. Напротивъ, выходитъ что-то странное. Такъ, если бы насъ пригласили составить, на основаніи нашихъ отмѣтокъ, краткую аттестацию Зырянъ; то мы бы должны были написать, что они, при очень хорошихъ способностяхъ, поведеніи и прилежаніи, оказали весьма слабые успѣхи въ наукахъ. Чѣмъ объяснить такое противорѣчіе? Тѣмъ-ли, что у этого способнаго, благонадежнаго и трудолюбиваго народа былъ плохой учитель? Или тѣмъ, что какія-то обстоятельства, какой-то *fatum* препятствовали его развитію? Мы постараемся дать отвѣтъ на такіе вопросы ниже; теперь же обратимъ вниманіе на первое сейчасъ высказанное нами недоумѣніе относительно того, почему вѣрно намѣченныя отдѣльныя черты физической и нравственной физиономіи Зырянъ не сливаются въ нашемъ представленіи въ цѣльный живой типъ? Мы полагаемъ, что такое недоумѣніе удовлетворительно разрѣшится, если мы припомнимъ разнорѣчивые отзывы разныхъ наблюдателей о наружности Зырянъ. Мы уже объяснили и причину разнорѣчія тѣмъ, что наблюдатели любили обобщать частныя явленія, иногда не безъ предвзятой мысли. Но, подводя общій итогъ подъ всѣ сообщенные нами факты, мы неминуемо приходимъ къ убѣжденію, что теперь въ средѣ Зырянъ существуютъ два типа: такъ называемый уральскій и русскій, что эти типы неравномѣрно и механически перемѣшаны въ разныхъ частяхъ Зырянскаго края, и что, наконецъ, смѣшеніе ихъ не выработало средняго самостоятельнаго типа: тамъ нѣтъ ни мулатовъ, ни метисовъ, ни даже квартероновъ. Въ другихъ нашихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно, въ выдержкахъ, мы помѣстили въ 43 и 44 примѣчаніяхъ къ настоящему труду, а другое напечатали въ «Бесѣдѣ» на 1872 г. подъ заглавіемъ

«Колонизация Заволочья и обрусение Заволочной Чуди», подробно объяснили, что даже на самой границе, в настоящее время разделяющей два племени, нет никаких следов химического, так сказать, смешения. Именно по этой причине и нет возможности сложить из валяющихся на зырянских кладбищах костей стройный скелет человека, который был бы сам по себе; русые волосы положить над угловатыми черными глазами—и т. д.

То, что сию минуту мы сказали для объяснения невозможности начертать стройный наружный облик Зырянина, нельзя ли сказать и о его нравственном облике? Кажется, что в таком случае мы не будем непослывательны; так как против связи внешности с внутренностью пока еще не спорять. Но это было бы суждением *à priori*. Вдумываясь в вопрос, мы приходим к убеждению, что хотя духовная сторона, как отдельного человека, так и целого народа, во многом зависит от физиологической; но, как и последняя, подвергается и посторонним влияниям, и даже больше, вследствие большей своей свободы, подвижности. Мы затрудняемся объявить столь же резкий дуализм духовной стороны Зырянина, какой указали в его внешности, и потому еще, что она не столь легко поддается наблюдениям; явления ее несравненно разнообразнее. Чтобы составить себе сколь возможно рельефное понятие о духовных свойствах Зырянина, бросим общий взгляд на всю совокупность их. Рассматривая сообщенные нами сведения о добрых качествах, каковы: честность, гостеприимство, религиозность и т. п., мы замечаем в основе их теплую гуманность, искренность и самое честное чувство законности. Остановившись же на признанных нами дурных качествах, каковы: подозрительность, сутяжничество, мстительность и нецеломудрие, — мы встречаемся с противным. Это огонь и вода. Как могут они ужиться? Такой кажущийся дуализм в настоящем случае нельзя объяснить при помощи того приема, к которому мы прибегли, говоря о наружности Зырян: там племенные разновидности представляются разными единицами, а здесь они встречаются в одном неделимом; там, например, Удорцы представляют уральский тип, а Вычегодцы-русский, здесь же противоположные свойства приписываются и тем и другим. Не проще ли будет, если мы, для разъяснения недоумения, предположим, что добрые качества Зырян искони приращены им, а дурные развились под влиянием посторонних обстоятельств, существуют случайно. Но прежде, чем будем говорить о происхождении дурных свойств, исключим из числа их: во первых мстительность, так как этот порок условный и может вытекать из неудовлетворенного чувства законности; а во вторых нецеломудрие, так как оно легко может ужиться и с гостеприимством, и с добродушием, и

с чувством гражданской законности и т. д. Остаются подозрительность или, пожалуй, недоверчивость и сутяжничество. Но, по самому существу своему, эти качества даже должны развиваться вследствие посторонних влияний. Выражаясь определеннее, скажем, что, по нашему мнению, и недоверчивость и сутяжничество появились у Зырян вследствие сношений с Русскими. Даже в настоящее время едва ли существует во взаимных отношениях самих Зырян недоверчивость, потому что все сведения о скрытности их идут от Русских и преимущественно чиновников; да и многие Русские свидетельствуют, что коль скоро заговоришь с Зырянином по-зырянски и отнесешься к нему сочувственно, он становится как-бы другим человеком. Мы уже говорили, что Зыряне называют Русских «Ротчъ», т. е. хитрый и т. д., а Русские их в старину называли Чудью, т. е. народом чудным (чудаком), странным, смешным, недоразвитым.⁴⁴¹⁾ Уже только такой взаимный взгляд одного народа на другой, предполагает необходимость недоверчивости со стороны Чуди к Русским. Характер последующих отношений между ними, как мы знаем, не способен был изменить раз составившееся убеждение. Как ни мягка была сравнительно новгородская колонизация чудских стран, о чем мы подробно писали в вышеупомянутой статье нашей: «Колонизация Заволочья и обрусение Заволочной Чуди»; но все-же Новгородцы, а потом Московское правительство эксплуатировали Зырянский край, а Зыряне были предметом эксплуатации.

Обращаемся к сутяжничеству. Этот порок, так же бесспорно, привился извне. У предков Зырян, если и был суд, то, во всяком случае, не было длинного ряда инстанций; если была какая-нибудь администрация, что весьма сомнительно, если не считать администрацией патриархальный распорядок, то также в ней не было инстанций, и она не дробилась между множеством властей, обязанности и права которых смешивались и перекрещивались. Следовательно, при таком порядке вещей, сутяжничество было не мыслимо, физически невозможно. По этому очевидно, что оно вызвано было русскими судебно-административными порядками.

Таким образом и подозрительность и сутяжничество суть не коренные, не приращенные пороки: с весьма возможным прекращением действия посторонних и случайных причин, способствовавших их появлению, они могут, если не совсем, то почти совсем исчезнуть.

⁴⁴¹⁾ У нас вообще принято производить слово Чудь от «чуждый», но нам кажется, что наше производство и взятие этимологически, и имеет за себя тот факт, что предки наши называли Чудью только народы низшего развития; все же прочие, каковы: Варяги, Нѣмцы, Греки и Болгары, из коих последние (здесь мы разумемъ Камскихъ Болгаръ) были даже чудскаго происхожденія, не смотря на то, что все они были для Славянъ чуждые, — давали собственные имена.

Итакъ, совокупность душевныхъ качествъ Зырянъ намъ представляется въ самомъ свѣтломъ, мы сказали-бы идеальномъ видѣ, еслибы на свѣтломъ фонѣ не лежало немного, хотя и случайныхъ, но все-же темныхъ пятенъ. — Не смотря на то, мы все еще, какъ будто не воспроизвели цѣльнаго этнографическаго типа, съ выпуклостями и углубленіями. Добрыя свойства всякаго наименованія не трудно найти у многихъ, особенно стоящихъ на одной степени развитія съ Зырянами народовъ; есть, кромѣ того, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, гостепріимные, честные, правдивые люди и между Русскими, и между Испанцами, и между Японцами и т. д.; эти качества не представляются, общимъ правиломъ; у Зырянъ же узаконены всенароднымъ обычаемъ — не личными вкусами нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, а неотразимымъ требованіемъ племенной крови. Если безыскусственно ровна и блѣдна нравственная натура Зырянами; то это и не его, и не наша вина: таковы всѣ первобытныя народности. Однако-же, трудно отбѣнить особенности какаго-бы то ни было народа, даже успѣвшаго развить подробности своей нравственной физиономіи, изображая, такъ сказать отвлеченныя, духовныя свойства его. Эти свойства рельефнѣе выдаются, когда воплощаются въ жизненныхъ явленіяхъ, каковы: обычаи, вѣрованія, предрасудки и занятія народа. И нигдѣ въ такой степени, какъ здѣсь, столь легко не выдѣляются и не бросаются въ глаза прирожденныя особенности Зырянъ; потому что вся бытовая обрядность позаимствована ими у Русскихъ. Эта обрядность позаимствована въ существѣ и даже во многихъ частностяхъ, но, за всѣмъ тѣмъ, есть многія чисто зырянскія частности, которыя, стоя объ руку съ первыми, нагляднѣе обрисовываются. Кромѣ того, отмѣчая послѣднія, мы узнаемъ то, чѣмъ зырянизмъ, при всемъ своемъ стремленіи усвоить все русское, не могъ поступиться; слѣдовательно въ такихъ особенностяхъ мы и должны искать чистыя племенные черты. Однако, не будемъ закрывать глаза на то, что нѣкоторыя изъ нихъ обуславливаются не свойствами народа, а свойствами страны, имъ заселенной.

Мы уже видѣли, что вся обстановка жизни занята Зырянами у Русскихъ, что всѣ ихъ вѣрованія и предрасудки русскія, что изъ числа ихъ занятій только охота и рыболовство туземнаго происхожденія. Зырянъ даже нельзя считать народомъ, и если мы употребляли иногда это слово, то только потому, что не придумали другаго подходящаго выраженія. Они сами, даже тѣ изъ нихъ, которые печатно называютъ себя обрусѣлыми Зырянами, т. е. люди способные, по своему развитію, понимать значеніе народности, считаютъ себя лишь частью русскаго народа, провинціалами, говорящими особымъ языкомъ: ихъ проказники лѣшіе во время войны сражаются съ непріятелями въ рядахъ русскаго войска, и, конечно, приносятъ намъ своею помощію

много пользы, такъ какъ ни для пули, ни для штыка не доступны, а сами валяютъ цѣлые ряды непріятелей выдернутыми съ корнемъ деревьями; ихъ злые черти, напротивъ, уходятъ къ непріятелямъ, но не могутъ намъ вредить, такъ какъ хотя сами тоже не уязвимы, но бросаются только камнями, и притомъ безвредно; ибо и Русскій и Зырянинъ, не благословясь, не идутъ въ сраженіе.

Несмотря однакожъ на такой русскій патриотизмъ Зырянъ, рассматривая поочередно всѣ этнографическія примѣты ихъ, мы замѣчаемъ, что тамъ и сямъ, сквозь русскую наружность, просвѣчиваетъ зырянская подкладка.

Зырянскія *жерки*, какъ мы видѣли, устроиваются также, какъ и избы русскихъ сосѣдей, но въ нихъ есть и особенность, придуманная Зырянами: это—своеобразная постановка печи съ ея *надчерь-ошешъ* (окномъ надъ лежанкой печи) — приспособленіе, весьма практичное.

Принадлежности одежды Зырянъ отчасти русскія (у женщинъ вообще, а у мужчинъ въ торжественныхъ случаяхъ), и отчасти зырянскія, приносившія къ ихъ занятіямъ и климату.

Пища Зырянъ совершенно нерусская, о чемъ въ своемъ мѣстѣ мы подробно сказали и вновь перечислять зырянскія кушанья считаемъ излишнимъ. Особенности пищи Зырянъ не могутъ, подобно особенностямъ одежды, быть объяснены климатическими и бытовыми условіями. Онѣ созданы требованіями чисто зырянскихъ желудка и изобрѣтательности, и притомъ въ недавнее время, на что указываетъ *гэрмога-чужва* (сусло съ стручковымъ перцемъ); такъ какъ съ перцемъ Зыряне могли познакомиться уже черезъ Русскихъ, какъ и съ самымъ сусломъ. Даже продукты позаимствованнаго у Русскихъ земледѣлія они готовятъ и употребляютъ на свой ладъ: такова, кромѣ *гэрмога-чужва*, кутья изъ коноплянаго сѣмени. — (Зырянское названіе конопли «контусъ» имѣетъ, очевидно, русскій корень «кон», ибо окончаніе «тусъ» значитъ зерно, а цѣлое слово «конопля» Зырянину, употребляющему почти исключительно односложныя слова, трудно выговорить).

Описанные нами обычаи, сопровождающіе главнѣйшіе моменты жизни человѣка, начиная отъ рожденія до похоронъ и поминовенія по усопшимъ, само собой разумѣется, приняты отъ Русскихъ, вмѣстѣ съ Христіанствомъ. Можетъ быть, и сюда вкралось что нибудь зырянское; можетъ быть, изображая такіе обычаи, мы и сами, не зная того, отмѣтили туземное происхожденіе того или другаго обряда, каковъ, напримѣръ, порядокъ крестинъ у Ношульскихъ Зырянъ: но эти обычаи такъ разнообразны въ широкой Русской землѣ, что мы, по крайней мѣрѣ, не имѣемъ возможности по совѣсти утверждать, что кажущіяся намъ особенности не русскаго происхожденія.

Вѣрованія и предрасудки Зырянъ, за исключеніемъ, можетъ быть, вѣрованія въ «Орта», по содержанію, какъ мы и ранѣе сказали, чисто русскія; но здѣсь — то именно болѣе всего и просвѣчиваетъ, сквозъ массу подробностей, Зырянская подкладка: здѣсь мы видимъ искреннее вѣрованіе, искреннее движеніе сердца. Русскій знаетъ и лѣшаго, и черта, и кикимору, и сусѣдна; но какъ-то небрежно относится къ нимъ: онъ норовитъ самъ обмануть лѣшаго; обойдетъ омутъ, гдѣ сидитъ чертъ, а не кинетъ, въ угоду ему, какъ Зырянинъ, какой-нибудь палочки; онъ не броситъ дома, гдѣ поселилась кикимора; онъ не воротится домой, если ему перебежитъ дорогу заяцъ. Русскій знаетъ, что громъ и молнію производитъ Илья-Пророкъ, развѣзая по небу на огненной колесницѣ; онъ, можетъ быть, и знаетъ, что молнія создана для того, чтобы поражать нечистыя силы: но равнодушно смотритъ на то, дѣйствительно ли она поразила какого-нибудь черта или баннаго; такъ какъ тутъ его дѣло сторона. Русскій, во время грозы, не станетъ затыкать щелей въ своемъ домѣ для того, чтобы не пролѣзла въ нихъ какая-нибудь испуганная нечистая сила: а пролѣзетъ, думаетъ онъ, такъ не что возьметъ съ крещенаго человѣка. Русскій вообще шатко вѣритъ во все неосязаемое. Зырянинъ-же, принявшій вѣрованія въ лѣшихъ, чертей, домовыхъ и т. д. отъ Русскихъ, считаетъ ихъ, не сомнѣваясь, живыми, дѣйствительными силами. Во время грозы онъ не спрячется подъ осину, какъ подъ дерево, на которомъ повѣсилъ Іуда, а предпочитаетъ сосну и ель, не обращающія вниманія на то, что послѣднія, по свойствамъ своимъ, скорѣе осины могутъ привлечь къ себѣ электричество: онъ боится подъ іудинымъ деревомъ встрѣтиться съ нечистыми силами.

Здѣсь, кромѣ искренности убѣжденія, насъ поражаетъ и производительная сила фантазіи, стремящаяся создать возможно осязательные образы не видимыхъ силъ природы, по принятому убѣжденію, не свойственная обитателямъ глубокаго сѣвера. Поражаетъ насъ и то, что отъ всѣхъ, правда, очень не многихъ извѣстныхъ намъ произведеній зырянской фантазіи вѣетъ теплою гуманностью.

И такъ, и по физическимъ, и по нравственнымъ своимъ свойствамъ, Зыряне, по видимому, не менѣе Русскихъ способны къ развитію; но на дѣлѣ мы этого не видимъ; напротивъ, есть люди, которые упрекаютъ ихъ въ невѣжествѣ. Гдѣ-же искать причину такого явленія? Намъ кажется, что отыскать ее не трудно. Дѣло въ томъ, что все то, что выдается надъ уровнемъ массы Зырянскаго народа по умственному развитію, общественному положенію, богатству и т. д., уже перестаетъ быть зырянскимъ и зачисляется въ массу русскаго народа. Зыряне, заняли у Русскихъ слово «мужикъ», и все то, что не подходитъ подъ понятіе этого слово, не считается

зырянскимъ. Такимъ образомъ, нельзя утверждать, что Зыряне не развиваются: Зыряниномъ можетъ быть только мужикъ и всякій не мужикъ ео ipso перестаетъ быть Зыряниномъ. Зыряне вѣрятъ, что такъ ужъ имъ на роду написано. Такова судьба не ихъ однихъ, и не одного чюдскаго племени, а цѣлаго слоя народовъ, населявшихъ Европу до появленія въ ней такъ называемой арійской расы, каковы: Кельты, Иберійцы ⁴⁴²⁾. Не можемъ, впрочемъ, не замѣтить, что и Чудь, въ лицѣ Камскихъ Болгаръ, и Кельты, въ лицѣ Галловъ, доказала способность къ самостоятельному развитію, достигнувъ нѣкоторой степени цивилизаціи, благодаря, можетъ быть, благоприятнымъ условіямъ доставшейся имъ для поселенія территоріи. Можетъ быть, поэтому кельтическіе аборигены Западной Европы, слившись съ арійцами, оказались способными произвести особый этнографическій типъ; а если Болгары не могли сдѣлать того-же, то

⁴⁴²⁾ Намъ давно бросалось въ глаза, такъ сказать, географическое тожество Финновъ, Кельтовъ и Иберійцевъ. Всѣ они теперь притиснуты къ западной и сѣверной морскимъ окраинамъ Европы, противоположнымъ — воротамъ на югостокъ этой части свѣта, черезъ которые арійскіе народы должны были въ нее проникнуть; всѣхъ ихъ исторія застала на значительномъ разстояніи отъ береговъ Атлантическаго и Сѣвернаго океановъ, изъ чего явствуетъ, что ранѣе того они обитали и внутри европейскаго материка, которымъ, можетъ быть, еще ранѣе и весь имъ принадлежалъ. — Но изъ такого факта мы не считали себя въ правѣ выводить другое заключеніе, кромѣ того, что Финны и Кельты были ровесниками между собою, и старшими братьями арійцевъ. Послѣ того, намъ иногда бросалось въ глаза сходство названій нѣкоторыхъ урочищъ въ древнихъ Галліи и Британіи (особенно по Цезарю) съ одной стороны, и въ Зырянскомъ краѣ — съ другой; но опять мы не рѣшались высказать мнѣніе о родствѣ Кельтовъ и Финновъ, въ виду возможной случайности этого сходства, а также потому, что недостаточное знакомство съ Зырянскимъ языкомъ и совершенное незнаніе кельтскаго не позволяли намъ, и теперь не позволяютъ, фактически провѣрить смутную догадку. Такую догадку мы не позволили бы себѣ высказать и теперь, если бы на дняхъ не поразило насъ одно мѣсто въ помѣщенномъ въ № 227 «Московскихъ Вѣдомостей» письмѣ профессора Ф. И. Буслаева изъ Франціи; гдѣ онъ рассказываетъ о поѣздкѣ въ Шартръ и тамошнихъ древностяхъ; тутъ онъ упоминаетъ о друидическомъ изваяніи женщины съ имѣющимъ родиться младенцемъ въ утробѣ. Надѣемся, что читатель, сравнивъ это извѣстіе съ описаніемъ Золотой бабы Герберштейна, приведенное дословно на 18 страницъ настоящаго труда, согласится, что мы имѣли нѣкоторое основаніе для того, чтобы высказать мнѣніе своей аеоріи. Легко можетъ быть, что онъ и не оправдается фактически; но повѣривъ его для людей, обладающихъ надлежащими средствами, ни мало не затруднительна, такъ какъ и теперь еще живо достаточное число недѣлимыхъ, принадлежащихъ къ тому и другому племени, и языки ихъ не вымерли окончательно. Слѣдовательно и для антрополога, и для филолога готовъ превосходный источникъ. — Вреда отъ основательнаго изслѣдованія не будетъ: оно во всякомъ случаѣ принесетъ пользу, хотя отрицательнаго свойства. Высказывая свои мысли, мы не стѣсняемся мнѣніемъ, не сходнымъ съ нашимъ, одного извѣстнаго намъ французскаго писателя Figuier, который, въ книгѣ своей L'Homme primitif, Кельтовъ причисляетъ къ арійской расѣ (р. 201), а Финновъ — къ предшествовавшей арійцамъ расѣ монголоидовъ (р. 200) на основаніяхъ, казующихся намъ тенденціозными.

это объясняется тѣмъ, что зачатки ихъ цивилизаціи были съ корнемъ выдернуты бурей татарскаго нашествія.

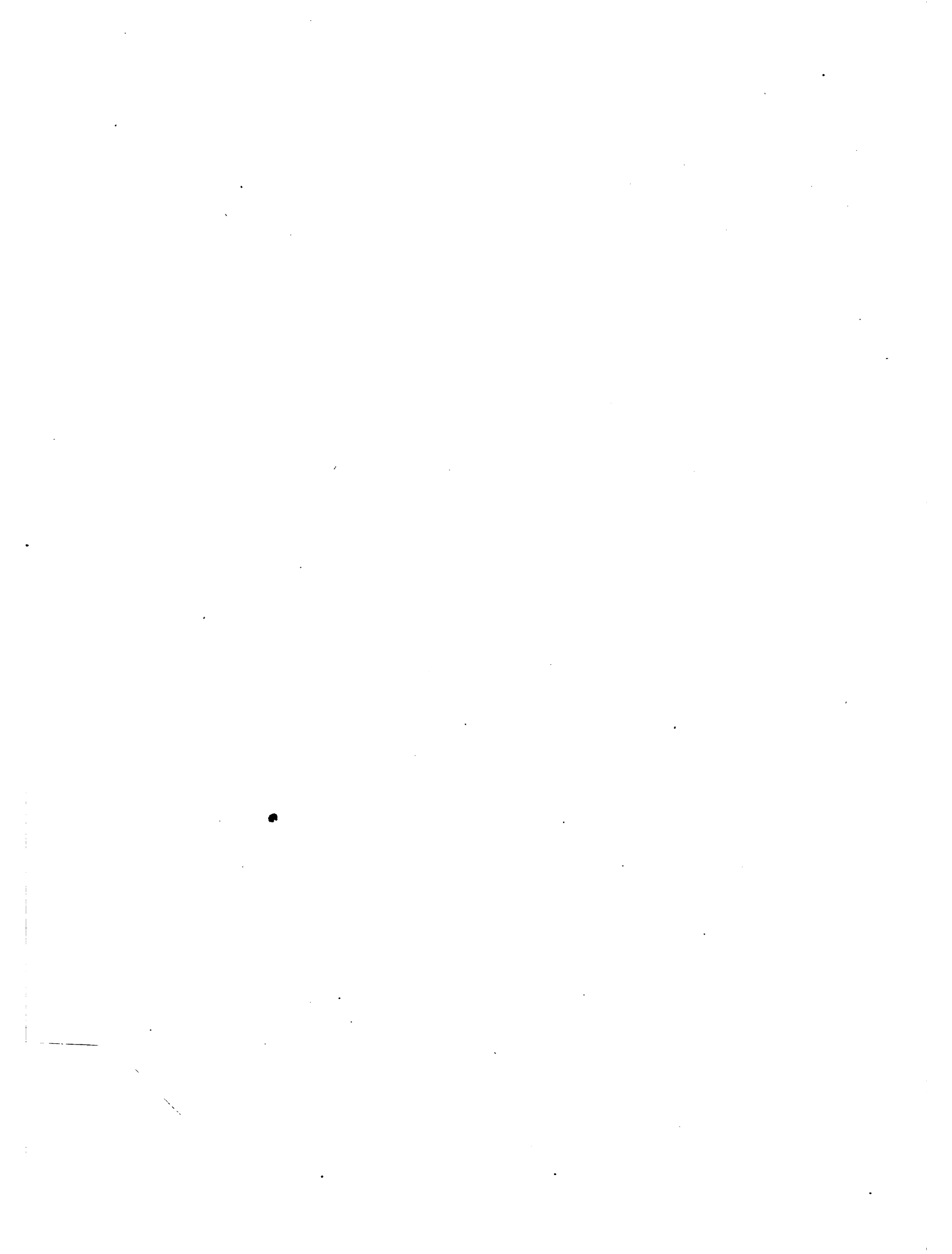
Намъ остается теперь опредѣлить, на сколько это возможно, степень нынѣшняго матеріальнаго благосостоянія Зырянъ. Существуютъ и на этотъ вопросъ два противоположные взгляда—оптимистскій и пессимистскій. И здѣсь такая разница происходитъ отъ болѣе или менѣе неправильной установки точки зрѣнія, именно отъ смѣшенія понятій о богатствѣ и довольствѣ. Пессимисты смотрятъ на богатство, какъ на математическую, безплотную величину: имъ все равно, изъ какихъ бы разнообразныхъ дробей ни слагалась величина, лишь бы итогъ былъ крупенъ. Оптимисты-же обращаютъ вниманіе только на то, какъ числители дробей относятся къ ихъ знаменателямъ,—и имъ все равно, какъ-бы великъ или малъ не былъ итогъ частныхъ, лишь бы каждая частная величина удовлетворялась отношеніемъ требованій къ средствамъ ихъ удовлетворенія, т. е. большею или меньшею равностію числителя съ знаменателемъ, большимъ или меньшимъ приближеніемъ дроби къ цѣлой воображаемой единицѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. смотря на массу матеріальныхъ средствъ Зырянъ безусловно, измѣряя ее отвлеченнымъ аршиномъ, футомъ и дюймами, мы встрѣтимся съ замѣчательною бѣдностію, сравнительно даже со средствами населенія сосѣднихъ съ Зырянскимъ краемъ русскихъ уѣздовъ Вологодской губерніи.—Если бы мы къ упомянутому сейчасъ итогу народнаго богатства присовокупили и тѣ капиталы, которые утекаютъ изъ края, вслѣдствіе стремленія его населенія къ ассимиляціи съ Русскими, то и въ такомъ случаѣ итогъ этотъ значительно не могъ-бы увеличиться.

Когда же будемъ относиться къ богатству въ смыслѣ довольства, смотрѣть на отношеніе средствъ къ наличнымъ потребностямъ, а въ особенности на большую или меньшую равномѣрность распредѣленія средствъ между недѣлимыми, составляющими народную массу, —мы должны стать на сторону оптимистовъ. Если цифровая сумма народныхъ средствъ бѣдна; если между Зырянами нѣтъ сколько нибудь замѣтныхъ капиталистовъ, то нѣтъ и нищихъ. Пессимисты утверждаютъ, что въ старое время Зыряне пользовались большимъ довольствомъ, но мы видѣли, что общая масса цѣнностей въ настоящее время не только не меньше, а еще больше, чѣмъ встарину.

Другаго рода было бы дѣло, если бы пессимисты утверждали, что теперь сумма средствъ менѣе благопріятно соотвѣтствуетъ суммѣ потребностей, т. е. что потребности развились сильнѣе, чѣмъ средства. А между тѣмъ это вѣрно. Несомнѣнно, что населеніе края возрастаетъ, слѣд. увеличивается и масса потребителей. Неотразимо вторгается роскошь. Намъ извѣстенъ, на примѣръ, курьезный фактъ, что лѣтъ 50 или 60 навадъ въ Устьесольскѣ въ домѣ купца, вывезшаго изъ Сибири, какъ рѣдкость, нѣсколько фунтовъ чаю, не умѣли приготовить этотъ напитокъ. Хозяйка дома цѣлый фунтъ его сварила въ горшкѣ, и подала гостямъ за обѣдомъ, вмѣсто горячаго. Теперь-же, если и не каждый Зырянинъ пьетъ чай, то, по крайней мѣрѣ, всякій знаетъ, что такое съодурныи (черное сѣно). Говорить о распространеніи водки нѣтъ надобности. Повсемѣстно распространяются потребности въ мануфактурныхъ и другихъ привозныхъ товарахъ. Падающіе на мѣстныя средства расходы по содержанию постоянно усложняющейся администраціи болѣе и болѣе возрастаютъ. Между тѣмъ развитіе средствъ совершается медленнѣе и не съ такою очевидностію.

Возможно равномѣрное распредѣленіе средствъ между всеми единицами народной массы и благопріятное отношеніе ихъ къ потребностямъ, конечно, имѣетъ свою хорошую сторону, кажущееся, успокоительное довольство. Но безусловно большая масса средствъ, какъ бы они распредѣлены ни были, и нѣкоторая несоотвѣтственность ихъ размѣрамъ потребностей, имѣютъ то безспорное преимущество, что послѣдняя возбуждаетъ энергію труда, а образованіе капиталовъ способствуетъ успѣхамъ цивилизаціи, которая, въ свою очередь, служитъ орудіемъ развитія благосостоянія.— Правда, рядомъ съ капиталами обыкновенно развиваются и народныя недуги въ видѣ пролетаріата со всеми его дурными послѣдствіями; но будемъ желать и ожидать, что это зло преходящее. Поэтому пожелаемъ и Зырянамъ не скуднаго лишь матеріальнаго довольства, а бойкаго всесторонняго развитія, хотя бы въ массѣ русскаго народа. Станемъ ожидать, что населеніе Зырянскаго края, въ какой бы народный цвѣтъ оно со временемъ ни окрасилось, когда нибудь будетъ считать въ средѣ своей не однихъ *мужиковъ*, какъ теперь.

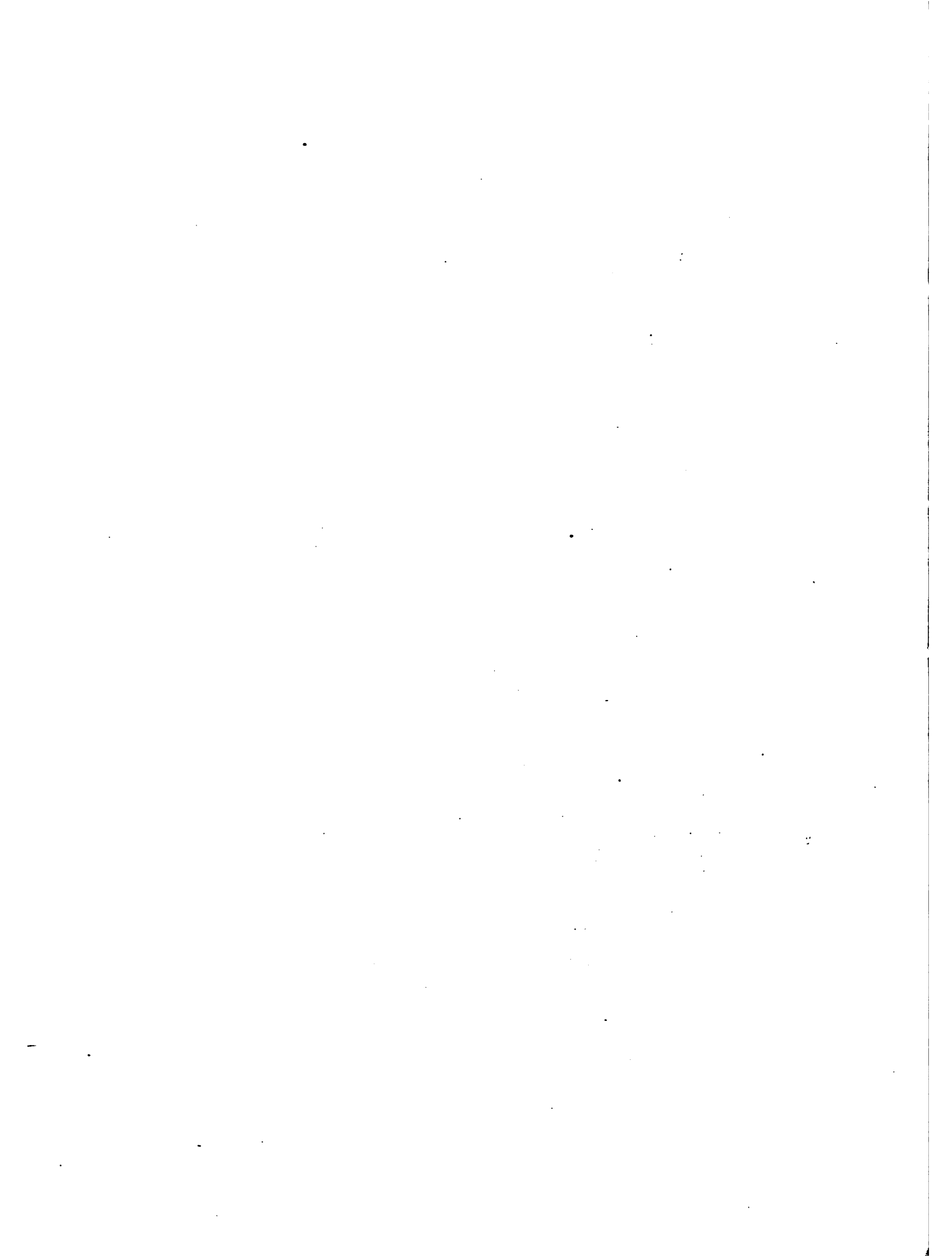
К О Н Е Ц Ъ .



О П Е Ч А Т Ь И.

Стран.	Столб.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
1	1	Въ прим. 1, стр. 2.	обитающіе
—	2	Въ примѣч. 4.	121
2	1	Стр. 3	сурьянскими полами
—	1	Въ примѣч. 6.	1850
3	1	Въ прим. 16, стр. 3	«оси»
8	2	Въ прим. 38, стр. 2	31
9	1	Въ примѣч. 40.	Суворова
14	1	Въ примѣч. 53.	81
15	1	Въ примѣч. 58.	Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: примѣч. къ ст. г. Михайлова «Устьвыми».
—	—	Въ примѣч. 59.	См. Тамъ-же.
16	2	Стр. 4	Сергѣевскомъ
17	1	Въ примѣч. 71.	58
19	1	Стр. 27	Вышерскому
—	—	» 29	Вышеръ
20	2	Въ прим. 81, стр. 50	просторѣчія
22	2	Въ примѣч. 90.	78
23	2	Стр. 41	Василій Дмитріевичъ.
24	2	» 23	оно
29	2	» 5 и 6	епархія
—	—	» 22	Онъ преставъ Печорцевъ.
31	1	» 15	Послѣдній
32	—	Въ примѣч. 138.	рѣчку
33	2	Въ примѣч. 147.	Тамъ-же по примѣч. 136.
38	2	Стр. 27	Ейвы
43	2	» 14	пространствѣ
—	—	Въ примѣч. 212.	1854 г. № 24
44	1	Стр. 10	Помиздъ
—	1	Въ примѣч. 219.	
—	—	Стр. 7	такъ какъ
45	2	» 4	пѣвни (233)
—	—	» 5	пчела.
—	—	» 7	кошки (234)
—	—	» 8	воздѣ.
50	1	» 11	къ
52	2	» 26	порядокъ
55	—	Въ примѣч. 283.	
—	—	Стр. 5	изърысь
58	—	Въ примѣч. 299.	202
62	—	Въ примѣч. 323.	323
63	1	Стр. 4	, ячница.
66	1	» 24	умножи
68	1	Въ примѣч. 352.	Тамъ-же.
69	2	Стр. 8	7
73	1	Въ примѣч. 404.	157 и 169
—	—	Въ примѣч. 405.	387
78	2	Стр. 33	среднихъ годовъ
79	1	» 12	Важной
80	—	Въ примѣч. 435.	См. примѣч. 273
			Слѣдуетъ читать:
			обитающіе
			121
			сурьянскими полами
			1850
			«оси»
			31
			Суворова
			81
			Волог. Губ. Вѣд. 1850 г. № 34: примѣч. къ ст. г. Михайлова «Устьвыми».
			См. Тамъ-же.
			Сергѣевскомъ
			58
			Вышерскому
			Вышеръ
			краснорѣчія
			78
			Димитрій Ивановичъ.
			его
			епископская кафедра
			(не нужно).
			Песокъ
			рѣчку
			См. примѣч. 151.
			Ейвы
			протяженіи
			1848 г. № 25
			Помиздъ
			такъ какъ
			пѣвни (233)
			пчела.
			кошки (234)
			воздѣ.
			къ
			порядокъ
			изърысь
			202
			323
			, ячница.
			умножи
			Тамъ-же.
			7
			157 и 169
			387
			среднихъ годовъ
			Важной
			См. примѣч. 273





780
19. 1878

Transferred to Peabody Museum
March 1933.

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ И ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XIII, выпускъ 2-й.

Т Р У Д Ы

ЭТНОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА.

КНИГА 3. ВЫПУСКЪ 2.

ЗЫРЯНЕ И ЗЫРЯНСКІЙ КРАЙ.

Клавдія А. Попова.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА.

подъ редакціей Н. А. ПОПОВА.

—♦—♦—♦—
МОСКВА.
1874.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ.

(Можно получать въ бюро Общества въ Московскомъ Политехническомъ Музеѣ и у книгопродавцевъ: Соловьева въ Москвѣ и Ретгера въ С.-Петербургѣ).

Цѣна:

Томъ I,	Вып. 1 и 2. Исторія геологіи Московскаго бассейна. Г. В. Щуровскаго. 1866 и 1867 г.	3 р.—
Томъ II,	Труды Антропологическаго Отдѣла Общества. 1865. (Въ приложеніи: Общія инструкціи для антропологическихъ изслѣдованій и наблюденій П. Брока. Переводъ съ дополненіями А. П. Богданова.)	1 р. 50 к.
Томъ III,	вып. 1. Протоколы засѣданій Общества съ 14 мая 1864 года по 29 августа 1866 г. (не осталось)	
	вып. 2. Инструкція для Туркестанской экспедиціи. 1869.....	— 50 к.
Томъ IV,	вып. 1. Матеріалы для антропологіи курганнаго періода Московской губерніи. А. П. Богданова. 1867.....	1 р. 50 к.
	вып. 2. Критическій разборъ теоріи урагановъ. Я. Н. Вейнберга. 1867.....	1 р.—
Томъ V,	О самосадочной соли и соляныхъ озерахъ Каспійскаго и Азовскаго бассейновъ. Г. П. Федченко. 1870.....	1 р. 50 к.
Томъ VI,	Матеріалы для энтомологіи губерній Московскаго учебнаго округа.....	2 р.—
	вып. 1. Двукрылыя. А. П. Федченко. 1868.	
	вып. 2. Прямокрылыя и сѣтчатокрылыя В. Н. Ульянина. 1869.	
	вып. 3. Полужесткокрылыя. В. Ф. Ошанина.	
Томъ VII,	Труды Этнографическаго Отдѣла Общества. Кн. I. Сборникъ этнографическихъ и антропологическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ (Изданіе В. А. Дашкова). Т. I. 1868.	2 р. 50 к.
Томъ VIII,	вып. 1. Протоколы засѣданій Общества. Годъ седьмой. 1871.....	2 р.—
	вып. 2. Вертикальное и горизонтальное распредѣленіе Туркестанскихъ животныхъ. Н. А. Сѣверцова. 1873.....	3 р.—
	вып. 3. Протоколы засѣданій Физическаго Отдѣленія Общества. 1870.....	— 50 к.
Томъ IX,	вып. 1. Протоколы засѣданій Общества. Годъ осьмой. 1872.....	1 р. 50 к.
	вып. 2. Исторія развитія спорангіевъ и споръ высшихъ тайнобрачныхъ. Н. Д. Чистякова. 1871.....	1 р. 50 к.
Томъ X,	вып. 1. Протоколы засѣданій Общества. Годъ девятый, съ 29 сентября 1871 по 8 марта 1872	2 р.—
	вып. 2. Протоколы засѣданій Общества. Съ 30 мая 1872 по 11 марта 1873	2 р.—
Томъ XI,	Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко.	
	выпускъ первый—Слизняки, соч. Мартенса.	1 р. 25 к.
	выпускъ второй—Чешуекрылыя, соч. Н. Г. Ершова.	2 р.—
Томъ XII,	Труды Этнографическаго Отдѣла Общества. Кн. 2. Сборникъ этнографическихъ и антропологическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ (Изданіе В. А. Дашкова.) Т. II. Народныя пѣсни Латышей. Съ шестью рисунками... .	7 р.—
Томъ XIII,	Труды Этнографическаго отдѣла. Кн. 3; вып. I: Протоколы засѣданій Отдѣла съ 22 дек. 1867 по 23 апр. 1874 г.....	1 р. 25 к.